

Н.А. Нарочницкая,
В.М. Фалин и другие

ПАРТИТУРА

Второй мировой

Кто и когда начал войну?

Annotation

Настоящий сборник, который открывает предисловие министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, содержит статьи известных историков, политических и общественных деятелей, экспертов-международников и дипломатов-практиков, посвященные предыстории Второй мировой войны. Обстоятельная и свободная от идеологических клише оценка событий, происходивших в мире в 1930-1940-х годах, и сегодня не утратила своей актуальности. Западной историографии трудно признать тот факт, что только жертвенная борьба СССР против обрушенной на него гитлеровской машины и совокупной мощи поработенной Европы привела к Победе и дала возможность развиваться сегодняшней демократии.

Авторы сборника дают широкий геополитический контекст событий и процессов, предшествовавших войне, анализируют их подоплеку и ту скрытую дипломатическую и политическую борьбу вокруг них, которая приоткрывается 70 лет спустя на основании недавно рассекреченных и ставших доступными для исследователей материалов. В приложении к сборнику содержатся документы из Архива внешней политики МИД РФ, многие из которых публикуются впервые.

Представленные в книге статьи и документы, несомненно, интересны не только для специалистов по отечественной истории и истории международных отношений, но и для широкого круга читателей, неравнодушных к судьбе России.

-
- [Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Кто и когда начал Вторую мировую войну?](#)

- [Н. А. Нарочницкая](#)
- [В.М. Фалин](#)
- [А. Г. Дульян](#)
- [А. В. Шубин](#)
 -
 - [Раскол мюнхенского фронта](#)
 - [Дамокловы «клещи»](#)
 - [Есть контакт](#)
 - [Явление Молотова](#)
 - [Камень преткновения](#)
 - [Треугольник контактов](#)
 - [Польская стойкость](#)
 - [Выбор Сталина](#)
 - [Блиц-визит](#)
 - [Пакт и война](#)
- [М. И. Мельтюхов](#)
- [Ю. В. Рубцов](#)
- [В.С. Макаруч](#)
- [В. В. Симиндей](#)
- [В. В. Марьина](#)
- [Ю. Л. Квицинский](#)
- [С. И. Дрожжин](#)
 - [«Пакт Гитлера-Сталина» или «персонифицированное зло»?](#)
 - [Договор о ненападении, или история как средство политической борьбы](#)
 - [Польский синдром и «польская истерика»](#)
 - [Гитлер: «Всё, что я делаю, я делаю против России»](#)
 - [Недремлющее око немецких историков](#)
 - [Еврейский погром в Едбавне — польский след](#)
 - [Французские и британские историки наносят фланговые удары](#)
- [М.В. Демулин](#)
- [Приложение](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [Сведения об авторах](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)

- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)

- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)

- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)

- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)

- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)

- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)

- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)

- [504](#)
 - [505](#)
 - [506](#)
 - [507](#)
 - [508](#)
 - [509](#)
 - [510](#)
 - [511](#)
 - [512](#)
 - [513](#)
-

Н. А. Нарочницкая, В. М. Фалин и др Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну

Издание подготовлено Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при участии Фонда «Историческая память»

Фонд исторической перспективы выражает благодарность директору историко-дипломатического департамента МИД РФ К. К. Провалову, директору Архива внешней политики МИД РФ Н. П. Мозжухиной за помощь в подготовке к публикации новых документов по истории международных отношений накануне Второй мировой войны, включенных в настоящее издание.

Нарочницкая Н. А.

Предисловие

Предлагаемый вашему вниманию сборник статей, подготовленный Фондом исторической перспективы, посвящен важнейшей и актуальнейшей теме дипломатического кризиса в Европе в канун Второй мировой войны.

Эти вопросы привлекают к себе пристальное внимание и являются предметом научных дискуссий на протяжении многих десятилетий. Зачастую речь идет не просто о трактовке того или иного события, предшествовавшего крупнейшей трагедии XX века, а о совершенно противоположных оценках причин и итогов войны, которые имеют непосредственное отношение к современной европейской и глобальной политике.

Вторая мировая война принесла неизмеримые боль и страдания народам Европы и всего мира. В охваченных ею странах ни одна семья, ни одна судьба не остались в стороне от последствий военных действий и оккупации. Профессиональный долг историков — изложить на основе первоисточников, а не произвольных интерпретаций, правду об этой трагедии. Историю необходимо рассматривать во всей ее полноте и целостности, анализировать совокупность событий и причинно-следственных связей в их историческом контексте. Только подлинно научный подход, основанный на добротной проработке исторического материала, может помочь извлечь должные уроки из нашей общей истории в интересах созидания единой, безопасной и процветающей Европы без разделительных линий.

Вместе с тем важно показать, как мир подошел к роковой черте, честно ответить на вопрос «Кто

виноват?», назвать те процессы в развитии европейского общества и силы, которые сыграли ключевую роль в развязывании Второй мировой войны. Механизм возникновения глобальных войн должен быть досконально изучен для того, чтобы не повторялись такие вселенские катастрофы. Очевидно одно — война стала следствием несостоятельности всей европейской политики, роль Советского Союза в которой намеренно принижалась, прежде всего в силу соображений идеологического порядка. Тем не менее именно наш народ понес наибольшие потери в этой войне и внес решающий вклад в разгром нацистской Германии и освобождение Европы. Мы никогда не забудем цены Великой Победы и ее главного урока, который состоит в том, что только последовательное претворение в жизнь принципа неделимости безопасности может обеспечить прочный мир в Евро-Атлантике и во всем мире.

Предвоенный период — пожалуй, один из самых противоречивых и драматичных эпизодов в мировой истории XX века. Тогда идеологические разногласия и взаимные подозрения, парализующий страх перед агрессором, иллюзорные надежды умиротворить его за счет других, отсидеться в стороне оказались сильнее трезвого понимания стратегического общего интереса и способности защитить его сообща.

Уроки того времени и сегодня имеют универсальный характер — забвение нравственных императивов в политике не доводит до добра, умиротворение агрессора лишь разжигает его аппетиты, надежно обеспечить безопасность в региональном и мировом масштабах можно только совместными усилиями. Эти простые истины убедительно подтверждают неотложную необходимость формирования такой европейской и глобальной архитектуры, которая на деле гарантировала бы максимально надежную и равную безопасность для всех, покоилась бы на прочной

основе международной законности и коллективных усилиях государств по выстраиванию эффективных механизмов реагирования на реальные, а не мнимые вызовы и угрозы. Именно в этом заключается суть инициативы Президента Российской Федерации Д. А. Медведева о разработке Договора о европейской безопасности, которая исходит из необходимости достижения политического единства всего евроатлантического пространства.

Выход в свет сборника в год 70-летия начала Второй мировой войны и в преддверии 65-летия Победы, без сомнения, является своевременной инициативой. Убежден, книга внесет важный вклад в усилия по утверждению исторической правды в условиях, когда эта правда становится объектом отвратительной политизации и откровенной фальсификации, станет источником новых знаний не только для специалистов-международников, но и для всех, кто неравнодушен к истории России и ее внешней политики.

Министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров

Кто и когда начал Вторую мировую войну?

От ответственного редактора

Давно назрела обстоятельная и свободная от идеологических клише оценка событий, происходивших в мире накануне войны, ставшей для нас Великой Отечественной. Историческая правда заключается в том, что к моменту нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 года, что и считается, не вполне обоснованно, датой начала Второй мировой, мировая война уже шла полным ходом и в Азии, и в Европе, и в Африке, где страны «оси» — Германия, Италия и Япония — уже в течение нескольких лет ультиматумами и вводом войск переделывали мир и границы, которые стали зыбкими, как никогда еще в истории. Гитлер с попустительства западных демократий захватил Австрию и Чехословакию. Китай, борясь с середины 30-х годов с японской агрессией, уже потерял миллионы жизней, а Италия оккупировала Албанию и погубила в муках 200 тысяч абиссинцев, применив отравляющие вещества. Похоже, западные идеологи исторического сознания в своем эгоцентризме полагают событиями мирового масштаба только те, где сами участвуют. Да, Великобритания объявила войну гитлеровской Германии 3 сентября 1939 года сразу после нападения Гитлера на Польшу, что делает ей честь. Однако справедливая гордость за это не может позволить игнорировать идущую войну лишь на том основании, что Лондон в ней не участвовал, как не отрицают факт Второй мировой войны страны, не воевавшие вообще.

Сегодня, вместо того чтобы добросовестно открывать неисследованные страницы истории и архивы, Запад сконцентрировал усилия лишь на одной задаче — избавиться от комплекса неполноценности и вины за грехопадение фашизмом. Интерпретация событий непосредственно в Восточной Европе между двумя мировыми войнами становится особенно важным инструментом переписывания истории XX века. Европа, выжившая и сохранившая свою демократию и себя как субъект истории и культуры только благодаря невиданным жертвам и сопротивлению фашизму нашей страны, благодаря союзничеству антигитлеровской коалиции, предаёт свое собственное прошлое. Но разве не предавали и не продолжаем предавать свое Отечество мы сами? Разве не наши постсоветские либералы первыми начали внушать, что у «плохого» государства не могло и не может быть ничего правильного и праведного? Именно такой тезис давно стал стержнем любых дискуссий об этих проблемах на Западе, где, замолчав негромкие возражения отдельных добросовестных ученых, СМИ не удосуживаются обсуждать ни документы, ни новые факты, а лишь обрушиваются на тех, кто не побоялся смело разворошить их гнездо лицемерия.

Настоящий сборник подготовлен Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории. Впереди системная работа по подготовке к публикации ранее неизвестных и рассекреченных документов внешней политики СССР и западных держав и презентация их на международном уровне. Можно предположить, что документы заставят существенно расширить наше представление об истинном ходе событий и снимут пропагандистский налет как с официозной советской историографии, так

и, как сегодня очевидно, с не менее ангажированной западной политологии.

Пора рассекретить документы не только о собственной политике СССР, о репрессиях и ГУЛАГе, что справедливо делалось и делается уже в течение 10 лет, но и о политике западных держав, которые наша страна из тактичности перед союзниками по антигитлеровской коалиции не публиковала все 50 послевоенных лет. Но даже немногочисленные отдельные публикации документов неопровержимо свидетельствуют, что именно западные державы, прежде всего, Британия, которая была в то время стратегическим центром формирования общей линии Запада, положили начало масштабному европейскому переделу мира и границ, заключив Мюнхенский сговор, как в советской историографии называли англо-франко-германо-итальянское соглашение 1938 года о расчленении Чехословакии. И нельзя не отдать должное точности этого термина, несмотря на его неакадемическую обличительность.

В этом сборнике, подготовленном коллективом признанных экспертов-историков и дипломатов-практиков, рассмотрение Мюнхенского соглашения и последующего судьбоносного периода международных отношений погружено в широкий международный контекст. В статьях и приложении использованы новые документальные источники, часть из которых еще никогда не публиковалась и лишь недавно рассекречена. Фонд исторической перспективы выражает искреннюю благодарность Архиву внешней политики РФ за предоставленную возможность поместить в нашей книге эти документы.

В сборнике помещены весьма впечатляющие новые материалы о политике Прибалтийских государств и Польши. Чрезвычайно важно исследование о двойной политике Британии в последние месяцы перед

нападением на Польшу, где можно ознакомиться с уникальными фактами о подготовке визита Геринга в Лондон для подписания сепаратного пакта между Лондоном и Берлином непосредственно перед заключением советско-германского договора о ненападении.

Рассматриваемая в настоящем сборнике проблематика нуждается в новом осмыслении с учетом рассекречиваемых данных, в подготовке научных сборников документов, конференций и научных исследований. Только такая научно добросовестная и безупречная работа способна противостоять попыткам фальсификации истории XX века.

Н. А. Нарочницкая

«Концерт великих держав» накануне решающих событий

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории XX века, поэтому столько копий сломано историками и политологами по поводу этих событий. В последние годы полемика вышла далеко за пределы научных дискуссий, и теперь приходится полемизировать не только приводя новые красноречивые факты и документы, но и развенчивая саму парадигму, т. е. мировоззренческую раму, логику, в которой западные специалисты исследуют события и свидетельства 1930-1940-х гг.

Теперь в Европе, «вольность, честь и мир» которой искупила вновь наша русская кровь и наша советская армия, которую встречали в европейских столицах неистовым восторгом, открыто называют Советский Союз еще худшим тоталитарным монстром, чем нацистский рейх. Европейский парламент, попирая международное право и Устав ООН, называет Курильские острова территорией «под российской оккупацией». Парламентская ассамблея Совета Европы принимает резолюцию об осуждении преступлений «коммунистических тоталитарных режимов». Вслед за ней и Парламентская ассамблея ОБСЕ в июне 2009 г. принимает резолюцию, уравнивающую «сталинский тоталитаризм» и гитлеровский расистский режим. СМИ и вообще, попирая всякий научный подход, тиражируют тезис о тождестве нацизма и коммунизма, чему изумились бы не только западные политологи, но и

западные политики времен холодной войны, справедливо полагавшие эти идеи антиподами.

Вопреки принципу историзма чуть ли не главной причиной войны с недавних пор стали объявлять советско-германский договор от 23 августа 1939 г., чего, заметим, никогда не делали даже в годы холодной войны. Фальсификация истории — замалчивание и извращение важнейших фактов и документов, ключевых событий происходит у нас на глазах. Вполне можно предположить, что в западных учебниках через пару десятилетий напишут, что на одной стороне воевали демократические США и Британия, а на другой — два тоталитарных монстра. Уже сейчас очевидно последовательное внедрение в информационное поле и в парламентские круги суждения о том, что наше государство было преступным и подлежащим запоздалому суду. В то же время 70-летняя годовщина так называемого Мюнхенского сговора осенью 2008 г. намеренно и полностью замалчивается всеми западными масс-медиа!

Именно с Мюнхенского договора начался передел европейских границ. Пора именно этот момент считать началом гитлеровских завоеваний и поставить вопрос перед историческим сообществом, почему не считается Второй мировой войной ни оккупация Италией Албании, ни война в Северной Африке, ни масштабная война Японии против Китая, который потерял к моменту нападения Гитлера на Польшу уже много миллионов человек, которые вообще не учитываются в общем количестве потерь Второй мировой войны.

В результате Мюнхенского соглашения западных демократий с нацистской Германией Гитлер объявил ультиматум суверенному государству, ввел свои войска и отторг сначала часть этого государства, затем полностью его расчленил, насильственными действиями

«приняв чешский народ под защиту германской империи». Темы интенсивных секретных переговоров европейских держав свидетельствуют об идущем полным ходом настоящем переделе границ и завоеваниях, о следующих военных демаршах Германии и направлениях захватов новых территорий, вопросы о совместных действиях при нападении Германии на те или иные страны. Причем речь шла в основном о гитлеровской экспансии на востоке Европы. И это наглядное подтверждение главного смысла Мюнхенского сговора, намеренно развязывавшего руки Берлину именно на востоке. Этот процесс в Европе, начавшийся с ультиматумов и ввода войск, неизбежно перешел в кровавую стадию в сентябре 1939 года. Однако захват и раздел Чехословакии намеренно не трактуется в западной историографии и историческом сознании как начало европейской войны, ибо, признав это, пришлось бы признать ответственность тех держав, что санкционировали передел границ. Поэтому и Чехословакия, захваченная и расчлененная гитлеровской Германией на глазах у всего мира, не считается жертвой гитлеровской агрессии в той мере, в какой считается Польша.

Но пора дать должную оценку и роли Польши в Мюнхене, потому что она себя сейчас выставляет невинной жертвой раздела между двумя хищниками — Гитлером и Сталиным. При этом все умалчивают о том, что за год до этого, в Мюнхенском процессе, Польша сама сыграла роль мелкого хищника. Варшава на деле, что подтверждают документы, была весьма раздосадована тем, что ее не пригласили в качестве пятого участника Мюнхенского соглашения. Поляки немедленно предъявили претензии на Тешинскую Силезию, и Варшава стала соучастником Гитлера в растерзании Чехословакии — первой жертвы гитлеровских захватов.

Амбиции и роль Польши не были, ни тогда, ни сегодня, ни осуждены, ни отвергнуты теми же западными державами. Похоже, в Польше вполне политкорректно и сегодня не стесняться тех амбиций. В 2005 г. один из ведущих историков Польши Павел Вечоркович открыто сетовал на то, что в 1939 г. Польша так и не сумела договориться с Гитлером, хотя пыталась, и вместе с ним не разгромила столь нелюбимую Россию. Гротескная самооценка, похоже, позволяет мнить, что именно польские войска обеспечили бы Гитлеру победу в Сталинграде и под Курском, и ностальгически рисовать себе картину: «Мы могли бы найти на стороне рейха почти такое же место, как Италия... В итоге мы были бы в Москве, где Адольф Гитлер вместе с Рыдз-Смиглы принимали бы парад победоносных польско-германских войск»^[1].

Еще двадцать лет назад подобные размышления на страницах официального органа Польской Республики произвели бы на Западе куда больший шок, чем высказывания иранского президента об Израиле. Но, похоже, желание фальсифицировать историю нашей Победы и собственного коварства на первом этапе войны в демократической Европе извиняет все. Это уже не просто политкорректно — это индульгенция, отпускающая любые грехи: сожаления о несостоявшемся союзе с Гитлером, мечты о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, как мнили в Польше, отдал бы Украину, Литву и Словакию. Ведь польский историк считает, что отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были «актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости».

Все материалы убедительно свидетельствуют, что нападение Гитлера на Польшу, определенное в планах

берлинского командования еще в марте 1939 г., когда СССР вел интенсивные переговоры с Лондоном и Парижем, а вовсе не с Берлином, было следствием именно Мюнхенского соглашения, запрограммировавшего ход европейских событий, дальнейшие шаги Гитлера на восток, изоляцию Советского Союза. На Западе не любят вспоминать, что их решение вполне официально цинично предписывало жертве не сопротивляться и даже не сметь выводить экономические и производственные активы и мощности! Именно это соглашение не просто разрушило всю послеверсальскую систему международных отношений, но и стало началом захватов и полного передела Европы, которое неизбежно втянуло в кровавую стадию почти всех. Задолго до пакта Молотова-Риббентропа западные страны в Мюнхене перечеркнули систему французских союзов в Восточной Европе, советско-французско-чехословацкие договоры и франко-польский союз, положили конец Малой Антанте. Лига Наций фактически почил в бозе, но главным итогом стало то, что СССР был почти загнан в геополитический мешок, лишенный инициативы. Очевидно, что именно это и было главной целью Британии.

После смерти Ю. Пилсудского руководство польской внешней политикой перешло к Ю. Беку — министру иностранных дел, который весьма способствовал ее сближению с германской. Провозглашенная «равноудаленность» от СССР и Германии оказалась фикцией. Варшава, весьма обозленная тем, что ее не пустили стать пятым участником сговора, выдвинула ультиматум несчастной Праге с требованием отдать ей Тешинскую Силезию. Уже 2 октября «победоносные» польские войска вступили в Тешин, после чего и Венгрия заявила претензии на большую часть Словакии и Закарпатье. Амбиции стать реорганизатором «третьей

Европы» неизбежно делали Польшу соучастником гитлеровских планов.

И это не единственное: сразу после аншлюса Австрии Польша предпринимает «пробу сил» на литовском направлении — еще бы! С Люблинской унии Варшава считает литовские, белорусские и украинские земли своей вотчиной. Ультиматум Литве после инцидента на польско-литовской границе 11 марта 1938 г. не исключал «использования силы» в случае его отклонения. Литва занимала важнейшее место в польских планах «третьей Европы» и «балтийской Антанты», которые должны были осуществиться в конечном итоге якобы через «свободное объединение этих стран». Хотя Берлин явно намеревался втянуть Польшу в свои планы, Гитлер вовсе не собирался позволить Польше самостоятельно овладеть Литвой. Литва использовалась Берлином как приманка — ее Германия якобы планировала передать Польше в качестве компенсации за передачу польского коридора рейху.

Когда Берлин уже готовился ко входу в Прагу, в Лондоне пытались сохранить лицо, и Британия с Францией впервые обратились к Гитлеру с нотой о предоставлении гарантий послемюнхенской Чехословакии, которую Гитлер бесцеремонно отверг. Для Лондона становилось ясно, что главные события мирового значения перемещаются в Восточную Европу, и это вполне соответствовало британским планам. И Польшу Гитлер обманывал, ибо для него временное попустительство польским амбициям нужно было лишь для «активизации союзников» на чехословацком направлении, для привлечения к дележу добычи дополнительных участников, что легализовало бы его собственный захват и продемонстрировало бы мировому сообществу бесперспективность иностранного противодействия разделу Чехословакии.

На что надеялась Польша? Неужели у нее могли быть иллюзии в отношении Германии? Берлин никогда бы не подтвердил западные границы Польши, а целями Германии было возвращение Данцига! Германия в конечном итоге не стала бы признавать интересы Польши в Литве! Но пребывая в плену внешнеполитической идеологии Юзефа Пилсудского, увенчанного за свои походы на Москву лавровым венком Стефана Батория, Польша, движимая ненавистью к России, чрезвычайно сузила свой горизонт видения. Она не хотела понимать чисто конъюнктурную и цинично временную заинтересованность Берлина в Варшаве как «союзнике». Польшу до сих пор не смущают известные сентенции Гитлера о поляках как о пушечном мясе: «Каждая польская дивизия в конфликте с СССР сэкономит одну немецкую дивизию».

Мюнхенский сговор вызвал глубокое разочарование Москвы, где сразу предупреждали и о далеко идущих последствиях концепции Чемберлена, и о губительности польского демарша, ибо он только способствовал будущему походу Гитлера на Польшу. Документы показывают, что Москва не только не скрывала своих размышлений о возможных для себя путях спасения, но всячески предупреждала своих западных партнеров: «Сегодня Польша, — было сказано в Москве послу Италии 22 сентября 1938 г., — требует аннексии небольшого участка чехословацкой территории, где проживает несколько десятков тысяч человек польской национальности. Она забыла, однако, что на границах польского государства живут миллионы украинцев, немцев, белорусов, евреев и т. д. Более того, она имеет данцигский коридор, который Гитлер рассматривает как немецкую территорию. Как Польша может надеяться, что ради прекрасных глаз господина Бека, Германия, после успеха, достигнутого в Чехословакии, остановит у польских границ фатальный путь

германцев, направленный по ее же... признанию к завоеванию гегемонии не только в Европе, но и во всем мире? Кто придет на помощь Польше в момент опасности?!!» В своем донесении в европейские столицы итальянский посол Аугусто Россо соглашается с неизбежным выводом, что следствием фатального развития теперешних событий явится «четвертый раздел Польши»^[2].

На что рассчитывала Польша, во внешней политике которой со времен Юзефа Пилсудского возобладала великодержавная концепция Польши «от моря до моря» открыто антироссийской направленности? Воспользовавшись революцией и Гражданской войной в России, Польша захватила Западную Белоруссию и Западную Украину — территории Российской империи и до сих пор именует эти области «Восточной Польшей». Этот раздел украинских и белорусских земель вовсе не считается на Западе преступлением. Известно, что Пилсудский открыто требовал вернуться к границам 1794 г., возможно, в душе лелея мечту о 1612 г., и бесцеремонно заявлял, что его совершенно не устраивала восточная граница по «линии Керзона». Амбиции и эйфория Варшавы в 1919 г. даже сделали ее неудобным партнером для Антанты, хотя ставка на «могучую» антироссийскую Польшу всегда была элементом англо-французской политики в отношениях с Россией и СССР. Когда разбирают пакт Молотова-Риббентропа, почему-то не учитывают, что Польша не только в годы революции и Гражданской войны, но и в ходе всего постверсальского периода между Первой и Второй мировой войнами сама себя позиционировала с очевидной враждебностью к России.

Польский министр иностранных дел Юзеф Бек, последователь Пилсудского, к тому же был откровенным германофилом и до последнего пытался

убедить Гитлера, что Варшава могла бы стать незаменимым инструментом для Германии в ее походе на восток, и прежде всего для завоевания Украины. Судя по архивным документам, даже британские авторы Мюнхенского соглашения, по крайней мере к весне 1939 г., прекрасно осознавали, что поход Гитлера на восток уже не обойдет Польшу. Варшава же до последнего была настроена категорически против любого многостороннего соглашения с участием Москвы и движима иллюзиями получить за лояльность Берлину и готовность к союзу с Гитлером свой приз в виде сохранения за ней Данцига, а может, и приобретения Украины и выхода к Черному морю.

Если провести краткий суммарный анализ того, что уже произошло в мире в 1930-е гг., до 1939 г., то станет понятно, что к этому времени уже шла мировая война — самая масштабная и по жертвам, и по амбициям, и по охвату стратегических регионов. Какова же была позиция великих «демократий»? Ведь война и новый невиданный передел мира начались до пакта Молотова-Риббентропа. Отметим вехи этого кровопролитного передела, который почему-то не побудил западные демократии вмешаться, подвергнуть агрессоров осуждению, бойкоту и изоляции.

Передел мира на Дальнем Востоке унес жизни более 35 млн человек — прежде всего китайцев, которые сражались с японской Квантунской армией уже в 1931 г. Япония тогда захватила территорию, равную площади Франции. При попустительстве мирового сообщества Япония в 1933 г. захватила еще и провинцию Жэхэ, а в 1935 г. вторглась в Чахар и Хэбэй.

В 1935 г. Италия начинает агрессивные действия в Северной Африке и нападает на Абиссинию, применив химическое оружие против беззащитного населения. Если Лига Наций высказывается за санкции, то Англия и Франция ограничиваются лишь символическими

жестами, даже отказавшись от нефтяного эмбарго, которое могло бы резко остудить воинственный пыл Италии. Британский кабинет счел нецелесообразным противодействовать акциям в Африке, цинично объяснив такое попустительство желанием умиротворить агрессоров и удержать их от «коренного изменения расстановки сил в Европе». Хотя этот шаг Муссолини полностью подорвал пакт Бриана-Келлога, т. е. всеевропейскую систему безопасности, президент Рузвельт поспешил опубликовать декларацию о нейтралитете, который означал полный карт-бланш не только для Италии и Японии, но и для Германии, которая провела военный демарш в Рейнской области и заявила о недействительности Локарнских соглашений, дав понять, что рассматривает заключение франко-советского союзного договора в качестве враждебного Германии шага. В. М. Фалин в своей монографии справедливо обращает внимание на смысл этого «послания» — если Запад будет давать гарантии Москве, то Берлин будет нарушать статус-кво на западе Европы.

И это «послание» было воспринято: Германию стали откровенно подталкивать на восток. Рассекречивая архивные фонды советской разведки и НКВД, мы могли бы предложить и западным странам снять гриф секретности с документов, относящихся, например, к заключению «пакта четырех». «Пакт согласия и сотрудничества» был подписан в июле 1933 г. с гитлеровской Германией правительствами Франции, Англии и Италии, чьи архивы на этот счет до сих пор закрыты. Даже не ратифицированный из-за протестов французского общества, именно этот пакт обратил Гитлера в респектабельного партнера на европейской политической сцене и ввел его в круг «признанных». А это открывало путь к Мюнхенскому сговору.

Санкционированный западными демократиями аншлюс Австрии, раздел и захват Чехословакии прямо вытекали из стратегии «отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой», как откровенно выразился Ллойд Джордж. «Мы предоставим Японии свободу действий против СССР, — пояснял он. — Пусть она расширит корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии путь на Восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии»^[3].

Япония также вполне осознала, что США, Англия и Франция не будут вмешиваться. Заручившись обещаниями Германии и Италии «оказать поддержку, если СССР окажется союзником Китая», она начала осуществлять «меморандум Танаки», содержание которого было известно советскому руководству уже в 1928 г. В Нанкине японцы убили более 200 тыс. человек — каждого второго жителя, а в целом японская агрессия стоила Китаю 35 млн жизней. При этом мировая война, по мнению Запада, началась лишь с нападением на Польшу и вступлением в войну Великобритании!

Итак, Европа последовательно «умиротворяла» Гитлера и не препятствовала Италии, которая вторглась в апреле 1939 г. в Албанию и 7 апреля включила ее в свой состав, приблизившись к реализации своей концепции *mare nostrum* — кольцеобразного контроля над Средиземным морем.

Примечательны состоявшиеся 25-26 марта 1935 г. во дворце канцлера в Берлине секретные переговоры сэра Джона Саймона, министра иностранных дел Великобритании, и Гитлера, запись которых стала достоянием советской разведки и была впервые опубликована в 1997 г. Гитлер отвергает даже намека на

возможность сотрудничества с большевистским режимом, называя его «сосудом с бациллами чумы», заявляя, что «немцы больше боятся русской помощи, нежели нападения французов», и утверждая, что из всех европейских государств вероятнее всего ожидать агрессии именно от России. Разрыв с рапалльской линией и отсутствие всякой преемственности с ней у будущего советско-германского пакта 1939 г. налицо. Именно Саймон предложил рассматривать СССР лишь как геополитическую величину и настаивал, что «опасность коммунизма скорее является вопросом внутренним, нежели международного порядка».

Однако главный смысл его «послания» Гитлеру совсем в другом — в санкционировании аншлюса Австрии. Когда Риббентроп попросил Саймона изложить британские взгляды по австрийскому вопросу, тот прямо постулировал: «Правительство Его Величества не может относиться к Австрии так же, как, например, к Бельгии, то есть к стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Удовлетворенный Гитлер выразил свой восторг и поблагодарил британское правительство за его «лояльные усилия в вопросе о саарском плебисците и по всем другим вопросам, в которых оно заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии». Речь здесь шла о конференции 1935 г. в Стрезе по вопросу о нарушениях Германией военных положений Версальского договора, где Британия отвергла предложение о санкциях в случае новых нарушений^[4].

А какие цели были у Соединенных Штатов, которых представляют сейчас не только как главного спасителя Европы, но как борца исключительно за торжество универсальных принципов свободы и демократии, а вовсе не за собственные интересы?

США полностью повторяли свое поведение 1914–1917 гг. и вообще собирались выждать в надвигавшейся войне между Германией и СССР до их истощения или до того момента, пока не начнутся геополитические изменения уже структурного порядка, которые кардинально изменят соотношение сил. Сообщение советской разведки о такой позиции США сопровождалось записью полного текста доклада Рузвельта своему кабинету от 29 сентября 1937 г. Доклад же был предварительно обсужден с Рэнсименом — специальным представителем британского кабинета Болдуина. Главным содержанием переговоров был вопрос о нейтралитете США в грядущей войне. Позиция Ф. Рузвельта в итоге была сформулирована так:

«Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции, и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»⁵. Последний тезис почти полностью повторяет стратегию нейтралитета в Первой мировой войне: вмешаться, когда Евразия окажется под преимущественным контролем одной континентальной силы. Эти тезисы делают ясным, какой неприятностью для США оказался пакт Молотова-Риббентропа, поменявший временно приоритеты Гитлера. Англосаксы явно предпочитали, чтобы Германия и СССР истощили друг друга, и собирались вмешаться лишь в том случае, если бы Германия побеждала и вся Евразия попадала бы под ее полный контроль.

Гитлеровские планы завоевания восточного «жизненного пространства», казалось, полностью ломали англосаксонскую геополитическую доктрину «яруса мелких несамостоятельных восточноевропейских государств между немцами и русскими» от Балтики до Черного моря. Однако известно, как Британия и США косвенным образом всемерно подталкивали Гитлера именно на восток. До сих пор тиражируется суждение, что Британия полагала умиротворить Гитлера. Нет! Самое страшное для англосаксов случилось бы, если бы Германия удовлетворилась Мюнхеном и аншлюсом Австрии, которые были приняты «демократическим сообществом».

Во-первых, они уже опозорили себя, принеся чехов в жертву своим интересам.

Во-вторых, состоялось бы соединение немецкого потенциала в одном государстве, а это была бы ревизия Версаля, причем такая, против которой потом трудно было бы возражать — эти территории не были завоеваниями 1914–1918 гг., но входили в Германию и Австро-Венгрию до Первой мировой войны.

Британия рассчитывала вовсе не умиротворить Гитлера, но соблазнить его продвижением на восток, а не на запад, что отодвигало войну с Англией. И англосаксонский расчет на необузданность амбиций был точным. Агрессия на восток давала повод вмешаться и, при удачном стечении обстоятельств, довершить геополитические проекты не только в отношении стран, подвергшихся агрессии, но всего ареала. Печать и политические круги в Англии открыто обсуждали следующий шаг Гитлера — претензии на Украину.

Вывод о губительной для собственной истории политике Польши накануне войны вытекает из документальных материалов, приводимых даже

«полонофильскими» авторами, научная добросовестность которых вынуждает их признать «явный крен во внешней политике Польши к сближению с «Третьим рейхом» (по инициативе Берлина)... наносивший серьезный удар по всей системе международных отношений в Европе... Загипнотизированное возможностью удовлетворения территориальных амбиций за счет соседнего государства, польское руководство пошло на открытое сотрудничество с нацистской Германией»^[5]. Уже в январе 1939 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек заявил после переговоров с Берлином о «полном единстве интересов в отношении Советского Союза», а затем советская разведка сообщила и о переговорах Риббентропа с поляками, в ходе которых Польша выражала готовность присоединиться к антикоминтерновскому пакту, если Гитлер поддержит ее претензии на Украину и выход к Черному морю^[6]. По-видимому, этот вопрос решался лишь в зависимости от цены за отказ от «равноудаленной» позиции между Германией и СССР, ибо, по сведениям Литвинова, Польша отрицала такую возможность в переговорах с итальянским министром и зятем Муссолини Галеаццо Чиано, который не смог предложить Варшаве соответствующего приза^[7].

Однако англосаксонская стратегия стала столь очевидной, что это уже обрекало ее на провал. И понимая это, Британия практически одновременно, но все же раньше на несколько дней, чем СССР, готова была договориться с Гитлером, в связи с чем была подготовлена встреча Геринга с Галифаксом и «умиротворителями» — мюнхенцами чемберленовского толка, вновь поднявшими голову летом 1939 г.

Мюнхен и позиция «демократических стран» показали бессмысленность для СССР пребывания в

фарватере англосаксонской стратегии. Это признал в своем докладе и сам М. Литвинов, не без оснований считавшийся представителем англосаксонского лобби в СССР. При нем внешняя политика СССР не просто плавно переместилась от рапальской линии в антигерманский лагерь, что было естественно после прихода Гитлера к власти. СССР вступил в Лигу Наций и начал активно демонстрировать надежду на согласие с Западом в поиске коллективной безопасности. Доклад Литвинова был сделан во время Мюнхенского сговора, что было сразу замечено на Западе. «Речь, произнесенная вчера Литвиновым, в основе, мне кажется, признает провал политики коллективной безопасности, которая была в продолжении последних лет основой внешней политики Москвы... Это признание не может не привести к заключению о том, что СССР отклоняет какую бы то ни было ответственность за то, что случится в Европе, и отныне будет руководствоваться исключительно своим собственным интересом и собственными идеалами», — сообщает посол Италии Аугусто Росси осенью еще 1938 г.

Хрестоматийная история и новые подтверждения бесконечных попыток и планов показывают одно: переговоры и затягивания со стороны западных стран среди прочего имели целью отвлечь внимание СССР от поиска самостоятельных возможностей, предупредить его обращение к модус вивенди с Германией. Чего только стоят многомесячные переговоры по общей декларации Англии, Франции, СССР и Польши! Мало того что Польша была главным препятствием такой декларации, Британия постоянно меняла свою позицию, попеременно то сея надежды, то беря свои слова обратно и всегда отказываясь включать туда пункт о собственных обязательствах и гарантиях.

Весьма красноречиво отражает реальную обстановку разговор постоянного представителя в

Лондоне И. М. Майского с заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом, который принялся убеждать Майского, что Лондон готов принять декларацию против грядущей агрессии Германии: «Я слушал Кадогана с большим недоверием, — записал в донесении Майский. — Зная вековую нелюбовь Англии к «твердым обязательствам» вообще, а на континенте Европы в особенности, зная традиционное пристрастие Англии к игре на противоречиях между третьими державами со свободными руками, зная, наконец, как уже на моих глазах брит(анское) прав(ительство) никогда даже и слышать не хотело о гарантии границ в Центральной и Восточной Европе, я с трудом мог себе представить, чтобы Чемберлен согласился дать твердые обязательства Польше и Румынии. Наконец, он спросил: «Почему вы так усмехаетесь? Почему Вам кажется подобное решение кабинета невероятным?» Я возразил: «Потому что ваш новый план, если он только вообще будет реализован... представлял бы что-то похожее на революцию в традиционной внешней политике Великобритании...»» Кадоган пожал плечами: «Да, конечно, это было бы революцией в нашей внешней политике, — оттого-то мы так долго не можем принять окончательное решение»»^[8]. При этом Кадоган показал на часы и стал уверять, что правительство в этот момент принимает решение. Но решение в очередной раз не было принято!

СССР неизменно включал пункт о том, что «Англия, Франция и СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черными морями и граничащими с СССР, в случае агрессии против этих государств»^[9]. Однако ни один проект со стороны Британии не давал гарантии

Прибалтийским странам — западной границе СССР, все они практически заканчивались уклонением от решительного шага. Это подтверждают практически все опубликованные ранее и вводимые в оборот новые архивные документы. В ответ на предложение СССР от 17 апреля Галифакс вновь сообщил Майскому, что «Британия будет настаивать на своем первоначальном предложении о нашей (советской. — Н. Н.) односторонней гарантии для Польши и Румынии». Британский министр сослался опять на «оппозицию» Польши и Румынии, а о предоставлении англо-французской гарантии Прибалтийским государствам заметил, что, во-первых, сами эти государства будто бы высказываются против такой гарантии из опасения «спровоцировать» Гитлера, и что, во-вторых, распространение англо-французской гарантии на Балтику дало бы Гитлеру лишний аргумент для вбивания в голову германского населения мысли о политике «окружения».

В ответе советского посла было указано, что «предложенная английская формула лишена характера взаимности: мы обязаны помогать англо-французам, если они вовлечены в войну из-за Польши и Румынии, а они не обязаны нам помогать в аналогичном случае». Этот обмен мнениями проходил в дни, когда в «Таймс» была развернута большая кампания за то, чтобы сделать «еще одну попытку» договориться с Германией и Италией. Как сообщал И. Майский: «... В правительственных кругах явно чувствовался рецидив мюнхенской политики, и вновь подняли головы «умиротворители»^[10].

В итоге очень интенсивные и напряженные попытки добиться результата от западноевропейских партнеров ничего не дали, что и привело к заключению

пресловутого советско-германского договора 23 августа 1939 г.

Было ли такое развитие событий и итог совершенно неожиданными для западных государств, как это пытаются представить сегодня? Отнюдь. Уже в сентябре 1938 г., после переговоров с заместителем наркоминдел В. Потемкиным, посол Италии в СССР сообщал своему ведомству о полной разочарованности СССР, руководство которого полагает, что вслед за разделом Чехословакии Гитлер возьмется за Польшу, и выводе о неизбежности смены курса: «Я полагаю, что в настоящее время непосредственным результатом последних событий станет то, что СССР будет принужден оставить свои попытки международного сотрудничества с буржуазными правительствами западных демократических держав, перейдя к оборонительной политике относительной изоляции»^[11]. Итак, будущая смена поисков договоренностей с Британией и Францией на пакт о нейтралитете с Германией названа западным дипломатом в его секретном послании в центр оборонительной политикой!

Во всех беседах с британским послом Сиддсом в Москве и Литвинов, и Молотов неоднократно доносили до него разочарование политикой Лондона, провал которой в Мюнхене позволял СССР «считать себя свободным от всяких обязательств»^[12]. После Мюнхена и на Западе осознавали, что для СССР это единственный путь. Постоянно подпитывать в советском руководстве мнимую надежду на возможность соглашения о взаимных коллективных гарантиях — вот очевидная цель стратегии прежде всего Британии, главным инструментом которой была Польша.

Родоначальником искажения смысла Второй мировой войны можно считать германского историка Э.

Нольте, взгляды которого в 70-е гг. вызвали бурные протесты всего научного и политического сообщества на Западе. До сих пор из-за своих нелиберальных взглядов он считается неполиткорректным, ибо фактически начал реабилитировать фашистские явления в Европе и косвенно оправдывать гитлеровские завоевания. Тем не менее именно его концепцию, избавляющую Запад от вины за грех нацизма, сейчас сделали стержнем фальсификации истории.

В своей книге «Европейская гражданская война. 1917–1945» Нольте доводит свою концепцию до апогея, интерпретируя международные отношения в межвоенный период и движение к войне как схватку двух идеологий, представляющих вызов гражданскому миру и обществу, а саму Вторую мировую войну — не как кульминацию стремлений к территориальному господству и к новому переделу постверсальского мира, а как якобы начатую Октябрьской революцией «всеевропейскую гражданскую войну». Нольте предпочитает не интересоваться фактами, а те, что общеизвестны, нанизывает на свою схему. Однако фактом является то, что решение о дате нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. было принято Берлином еще весной 1939 г. и советское руководство было об этом прекрасно осведомлено. Более того, почти сразу после Мюнхена многие на Западе понимали, что СССР оказывается в полной изоляции. Так что тезис о том, что якобы именно пакт Молотова-Риббентропа привел к нападению на Польшу, абсолютно антиисторичен.

Нольте называет «пакт Гитлера-Сталина» «европейской прелюдией» ко Второй мировой войне. Разбирая текст секретного протокола о разделе сфер влияния, Нольте обрушивается на пункт о Польше, где говорилось, что вопрос о желательности для интересов обоих государств независимого польского государства и о том, каковы могли бы быть границы этого

государства, может быть выяснен лишь в ходе будущего развития политической ситуации.

Обращаем внимание, что фраза эта почти совпадает с текстом из заметок кайзеровского канцлера фон Бюлова, сделанных еще в 1890 г. в отношении планов кайзеровской Германии в будущей войне против Российской империи. Планы, прямо скажем, полностью повторены Гитлером, да и расширение НАТО как будто идет по кайзеровским картам: «Мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы». Дряхлый Бисмарк оставил на полях помету: «Столь эксцентричные наброски не следует излагать на бумаге»^[13].

Тезис о судьбе Польши отражал прежде всего преобладающее мышление Берлина. Фон Бюлов также полагал, что «вопрос о восстановлении Польши в какой-либо форме и присоединения Балтийских провинций следует оставить в стороне», так как разгромленная и оттесненная на восток «Россия скорее будет удобным соседом, чем восстановленная Польша». Польским пангерманистам, столь активно интриговавшим против России перед Первой и против СССР перед Второй мировыми войнами, было бы полезно знать подлинную цену Польши в глазах немцев.

Драматичная судьба Польши на стыке соперничающих геополитических комплексов в момент обострения общей борьбы была predetermined не в последней степени ее извечной неприязнью к России. Материалы настоящей книги подтверждают то, что было известным из опубликованных архивных материалов. «Польша сохраняла отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии»^[14].

После важного франко-английского совещания, состоявшегося 22 марта 1939 г. в Лондоне с участием Боннэ, Чемберлена, Галифакса, произошла утечка информации в прессу о том, что «все проекты противодействия Германии встречают главное затруднение со стороны Польши. Польша боится отказаться от проводившейся до сих пор полковником Бекон политики балансирования между Советским Союзом и Германией. Польша, опасаясь Германии, не решается принять участие в декларации против агрессии»^[15].

Новые архивные материалы не оставляют сомнений в позиции Польши: она не только последовательно и осознанно уклонялась от участия в каком-либо фронте вместе с СССР, но и имела виды на украинские и литовские земли. Именно это толкало ее ревностно убеждать германскую сторону сделать ставку на Польшу, а не на «Великую Украину» — и тогда «Польша будет согласна впоследствии выступить на стороне Германии в походе на Советскую Украину»^[16].

Итак, общее течение политики 30-х гг. достаточно очевидно привело к выделению противоположных интересов: западные державы, среди которых инициатива принадлежала Британии, гитлеровская Германия с другими фашистскими режимами и СССР. Британия фактически повторила свою стратегию кануна Первой мировой войны и постаралась направить агрессивный потенциал немцев на Россию. Неизбежность полной перекройки Европы становилась явной, и все страны, прежде всего Восточная Европа, искали свой выход из создавшегося положения, размышляли над возможностью использовать в кризисе соперников и над шансами реализовать неосуществленные ранее исторические планы.

Захват Праги Гитлером и провозглашение марионеточной Словакии, предвоенный политический кризис 14-15 марта 1939 г. вроде бы побудили Британию пойти на обещание некоторых гарантий, из которых гарантия Польше потом переросла в соглашение о взаимной помощи. Это понятно, если вспомнить общую стратегию овладения контролем над линией Балтика — Черное море. Если бы удалось постепенно через последовательные успехи Германии на востоке Европы отвлечь агрессивные намерения Гитлера от западного направления, стимулировать этими успехами решение Германии сделать бросок в первую очередь на СССР (прибалты приносились при этом в жертву!), то британские гарантии Польше позволили бы Лондону обосновать вход в Восточную Европу «для ее защиты» и вывода ее в конечном итоге из-под влияния как Германии, так и СССР, истощивших бы друг друга в неимоверной схватке.

Предложение СССР заключить широкое соглашение, объединяющее и Прибалтийские страны, было западными странами отвергнуто. Сами Прибалтийские государства — полуфашистские, давно отказавшиеся от парламентаризма и котиравшиеся в европейском политическом и общественном мнении почти как гитлеровский режим, и вовсе отрицательно к нему отнеслись. В апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вайс». СССР был об этом прекрасно осведомлен, как и о том, что Гитлер определил крайнюю дату нападения на Польшу 1 сентября.

Руководство СССР, осведомленное о всех закулисных переговорах, постепенно приходит к убеждению, что промедление может сделать процесс движения Германии на восток необратимым и очень быстрым. Приостановить Германию тогда могло только широчайшее и очень сильное по взаимным

обязательствам всеобщее международное соглашение с гарантиями странам, окружавшим Германию по всем периметрам ее границ и по стратегическим пунктам Европы. В таком соглашении Москве было отказано. Впереди маячила перспектива германского нападения, в ходе которого западные страны наблюдали бы за истреблением России до тех пор, пока «не начались бы изменения структурного порядка». Именно об этом говорилось в упомянутом докладе Ф. Рузвельта своему кабинету о позиции США в возможной войне между Германией и СССР без участия западно-европейских стран. Какие же изменения структурного порядка ожидали СССР в случае, если бы Германия решила сначала напасть на СССР?

В таком гипотетическом случае Германия, быстро истощая силы совершенно неготовой и обескровленной репрессиями советской армии, оттесняла бы СССР за Волгу и Урал, с Кавказа с его нефтью и от Черного моря. Наверное, следуя канонам своей многовековой геополитики, Британия постаралась бы запереть проливы со стороны Средиземного моря, а со стороны Балтики и Северного моря помогла бы Польше. Заманив Гитлера как можно дальше на советскую территорию своим начальным бездействием и не пошевелив пальцем, чтобы помочь русским, пока тех не отодвинут далеко на восток, англосаксы, конечно, не позволили бы Германии стать хозяином Евразии. Но они били бы Гитлера с запада на российской территории, одновременно оттесняя Россию навеки из Восточной Европы, от Балтики и Черного моря. Нешуточный конфликт разгорелся бы и на дальневосточных рубежах, куда ринулась бы Япония. Но этому, уже по канонам американской геополитики, проявившейся в годы Гражданской войны, скорее всего, воспрепятствовали бы США. Они ведь уже однажды высаживались во Владивостоке в 1919 г., чтобы

предотвратить выход Японии к Забайкалью. Британия и США воспользовались бы положением России, чтобы навсегда отодвинуть ее от морей в глубь континента. При таком исходе СССР, использованный как главная жертвенная материальная сила, о которую споткнулся бы Гитлер, остался бы в тундре, что означало конец его истории.

Трудно удержаться от замечания, что та же геополитическая стратегия давления на Россию, хотя и в совершенно иных формах, просматривается на рубеже XX и XXI вв. Предпринимается очередная попытка ее оттеснения на северо-восток Евразии, в глубь континента.

Тогда, в 1939 г., в Москве знали и о германских планах агрессии на запад. Интрига состояла в том, на кого сначала пойдет Гитлер. То, что он имел уже готовые и проработанные планы не просто нападения, а завоевания и подчинения и Востока, и Запада, было известно всем.

Варшаве, загнавшей себя в тупик, оставалось либо вообще ничего не предпринимать, либо попытаться что-то получить до того и смягчить свою участь лояльностью к одному из противников. Но главные польские устремления были направлены, как и многие века назад, к Литве и Украине, что открывало поле для торга только с Германией. Это и предопределило ее судьбу в тот момент.

Как оценить готовность Сталина за отсрочку в войне против собственной страны закрыть глаза на устремления Гитлера в отношении Польши, которая к тому же накануне предлагала Гитлеру свои услуги для завоевания Украины? Или намерение воспользоваться случаем для восстановления территории Российской империи, утраченной из-за революции? По прагматизму или, если угодно, цинизму его поведение ничем не отличалось от позиции лорда Саймона, открывшего

Гитлеру, что Британия не может беспокоиться об Австрии, как о Бельгии. Как должна была реагировать Москва на нежелание западных стран гарантировать в пакте коллективной безопасности не только границы Польши, но и Прибалтийских стран, что открывало Гитлеру путь на СССР?

Сами Прибалтийские государства также стремились остаться вне коалиций, направленных против Германии, и, как сообщал в государственный департамент американский поверенный в делах в Литве, были «настроены резко против упоминания их в качестве государств, в отношении которых принимаются гарантии, в любых соглашениях между группами других держав и поэтому относятся крайне неодобрительно к предложению, сделанному недавно советским Комиссаром по иностранным делам, чтобы Великобритания гарантировала границы этих Балтийских государств с Советским Союзом». Представитель Литвы «выразил надежду, что западные державы придут к соглашению в отношении ситуации в Восточной Европе без упоминания государств этого региона». Он также «подсказал» американскому дипломату, каким образом уже данная Польше гарантия Великобритании могла бы быть реализована в отношении Литвы: «Поскольку Польша по соглашению с Британией имеет право сама определять, когда независимость Польши подверглась угрозе... нападение Германии на Литву надо будет воспринимать как шаг по окружению Польши»^[17].

С легкой руки Э. Нольте на Западе советско-германский договор называют «пактом войны», «раздела», который якобы не имел аналогов в европейской истории XIX–XX вв.^[18]

Такое утверждение может вызвать только иронию у историка. От Вестфальского мира до Дейтона

двусторонние договоры, тем более многосторонние трактаты не только имперского прошлого, но и «демократического» настоящего, были начертанием одних держав новых границ для других, а дипломатические секреты только этому и посвящены.

Наполеон в Тильзите безуспешно предлагал Александру I уничтожить Пруссию. Венский конгресс, чтобы предупредить усиление ряда государств, добавил к территории Швейцарии стратегические горные перевалы. Напомним сакраментальную фразу В. Ленина о Берлинском конгрессе: «Грабят Турцию». Австрия в 1908 г. аннексировала Боснию, получив дипломатическое согласие держав. В секретном соглашении 1905 г. между президентом США Т. Рузвельтом и премьер-министром Японии Т. Кацурой Япония отказывалась от «агрессивных намерений» в отношении Филиппин, оставляя их вотчиной США, а США соглашались на право Японии оккупировать Корею. В Версале победившая англосаксонская часть Антанты с вильсонскими «самоопределением и демократией» расчленила Австро-Венгрию, предписав, кому и в каких границах можно иметь государственность, а кому нет (македонцы), кому, как Галиции, перейти от одного хозяина к другому, кому, как сербам, хорватам, словенцам, быть *volens nolens* вместе. В Потсдаме и на сессиях Совета министров иностранных дел были определены границы многих государств и судьба бывших колоний. Дж. Кеннан в 1993 г. в предисловии к переизданию Доклада Фонда Карнеги 1913 г. прямо призвал начертать нужное Западу новое территориальное статус-кво на Балканах и «применить силу», чтобы заставить стороны его соблюдать, что и было сделано в Дейтоне.

Гитлеровские геополитические планы совпадают с планами пангерманистов перед Первой мировой войной, а границу Германии по Волге требовали установить в

1914 г. берлинские интеллектуалы, бросая вызов не «коммунистической идеологии гражданской войны», а христианской России.

Советско-германский договор 1939 г. действительно изменил очередность и «расписание» планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное — договор 1939 г., поменяв «всего лишь» «расписание» войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР.

Именно поэтому пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. — это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать.

Для Британии наименьшие издержки сулило вступление в войну после того, как Гитлер пошел бы на СССР, на Украину через Прибалтику, которая имела в их глазах меньшую ценность по сравнению с «антисоветской» Польшей, на которую с Версаля делала ставку Антанта. Британия предполагала выступить в защиту Польши, что и сделала в 1939 г. Но Лондон рассчитывал, что Германия нападет на нее в едином походе на восток, ввязавшись в безнадежную войну с СССР, что обещало сохранение Западной Европы малой кровью, а также сулило шанс войти в Восточную Европу с запада «для ее защиты».

Г. Киссинджер в объемном и обстоятельном труде «Дипломатия», где борются субъективизм историка с добросовестностью эрудированного исследователя, также не удержался от суждения, что «Россия сыграла решающую роль в развязывании обеих войн». Однако раздел его книги, посвященный «нацистско-советскому пакту», опровергает его же слова и демонстрирует смесь досады и невольного восхищения. Так, он

приводит слова Гитлера от 11 августа 1939 г.: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы уразуметь это, я вынужден буду пойти на договоренность с Россией, разбить Запад, а потом, после его поражения, повернуться против Советского Союза со всеми накопленными силами». Киссинджер соглашается, что «это действительно было четким отражением первоочередных задач Гитлера: от Великобритании он желал невмешательства в дела на континенте, а от Советского Союза он хотел приобрести Lebensraum, то есть «жизненное пространство». Мерой сталинских достижений следует считать то, что он, пусть даже временно, поменял местами приоритеты Гитлера». Но достигнутый максимум возможного не может быть оценен иначе как успех дипломатической тактики — тем более в сложнейших условиях, угрожавших жизни государства. Киссинджер именно так и оценивает этот пакт, назвав его «высшим достижением средств», которые «вполне могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века»^[19].

Киссинджер сокрушается о неуспехе Британии из-за того, что «установленный Версалем международный порядок требовал от Великобритании следовать исключительно правовым и моральным соображениям». Однако разговоры о верности Версалю после упомянутой конференции в Стрезе неуместны, как и ссылки на моральные принципы Великобритании после аншлюса или Мюнхена. Но и Киссинджер признает, что «сдержанность Великобритании в вопросе независимости Балтийских государств была истолкована в Москве как приглашение для Гитлера совершить нападение на Советский Союз, минуя Польшу».

Сами британские политики полагали действия Сталина естественно вытекающими как из исторических прав, так из обстоятельств. «Меньше всего я хотел бы защищать действия советского правительства в тот самый момент, когда оно их предпринимает, — комментировал события осени 1939 г. и занятие Красной армией Западной Белоруссии лорд Галифакс в палате лордов 4 октября 1939 г., — но будет справедливым напомнить две вещи: во-первых, советское правительство никогда не предприняло бы такие действия, если бы германское правительство не начало и не показало пример, вторгнувшись в Польшу без объявления войны; во-вторых, следует напомнить, что действия советского правительства заключались в перенесении границы по существу до той линии, которая была рекомендована во время Версальской конференции лордом Керзоном. Я не собираюсь защищать действия советского правительства или другого какого-либо правительства, кроме своего собственного. Я только привожу исторические факты и полагаю, что они неоспоримы»^[20]. 10 октября такую же оценку дал У. Черчилль.

Главной предпосылкой извращенных завоевательных амбиций, оправдываемых полуязыческим нацизмом, явилось версальское унижение и расчленение Германии англосаксами, в котором СССР не принимал никакого участия. Что касается феномена экономического подъема гитлеровской Германии, то сетующие на это англичане должны были бы обратиться к собственной роли в полном освобождении Германии от экономических условий Версаля и от репараций, что было в полном смысле слова продуктом англосаксонской стратегии. За это в течение межвоенного времени ее и бичевал У. Черчилль.

В Лондоне больше всего боялись формирования германо-советского устойчивого *modus vivendi*, тем более что в германском обществе в начале 20-х гг. было распространено некое «русофильство», проявившееся в тяге к русской культуре. Призраком договора в Рапалло, заключенного Веймарской республикой с Советской Россией в 1922 г., не давал покоя британской геополитической стратегии. Но отношение к Советской России В. Ратенау, искавшего вне идеологических различий шанс выйти из международной изоляции, не имело ничего общего с тем, что ангажированная антинаучная публицистика приписывает мифическому «родству» Гитлера и Сталина. Серьезные ученые и на Западе присоединяются к возражениям против совершенно антинаучной трактовки тождества нацизма и коммунизма^[21].

В грозовой и стремительно меняющейся обстановке лета 1939 г., в условиях, когда пожар войны уже полыхал на трех континентах, СССР, как любая самодостаточная держава, проводил многовекторную внешнюю политику в поисках оптимального решения обеспечения своей безопасности. Советское руководство и советская дипломатия обеспечили дополнительные два года для подготовки страны к войне. Более того, Москва рассчитывала, что резко активизировавшиеся в августе 1939 г. контакты с Германией, послужат толчком к усилению эффективности переговоров с демократическими государствами. Как ни парадоксально это может звучать, но именно договоренности между Москвой и Берлином в августе 1939 г. заставили Англию, Францию и США принимать во внимание Советское государство при решении международных вопросов, что увенчалось после вступления СССР в войну формированием антигитлеровской коалиции.

В.М. Фалин

К предыстории пакта о ненападении между СССР и Германией

В октябре 1998 г. официальный Лондон покался: было такое — в канун капитуляции нацистской Германии объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании, во исполнение директивы премьера У. Черчилля, действительно готовил нападение на Советский Союз. Цель «экстренной операции», получившей кодовое название «Немыслимое», обозначили так: «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Способ достижения цели — «разгром России в тотальной войне». Дата начала агрессии — 1 июля 1945 года объединенными силами США, Англии, Британских доминионов, Польского экспедиционного корпуса и 10 дивизий вермахта с последующим наращиванием немецкого контингента, возможно, до 40 боевых единиц.

Альбион поднимал забрало: ситуация, по аршину Черчилля, созрела для реализации многовекового британского умысла — перекрыть «русским варварам» кислород. Изможденному запредельным напряжением в противоборстве с нацистским нашествием СССР, полагал премьер, не удалось бы отразить новую напасть, по масштабам и ресурсному обеспечению затмевавшую все прежде изведенное.

Не стану вдаваться в разбор причин, как и почему отцам «демократии» и почитателям «прав человека» не

удалось сходу перевести Вторую мировую войну в третью мировую. Для раскрытия темы существенней прояснить, являлось ли намерение Лондона пуститься во все тяжкие спонтанной реакцией на выскользнувшее из его тенет развитие в Европе или же опять раскрывалась натура оборотня, не ведающего ни вечных друзей, ни вечных врагов, ставящего свой интерес выше заповедей в христианском и любом ином их прочтении?

Присмотримся к стратегии и тактике Альбиона в роковые фазы первой половины XX века. Что касается Восточного полушария, едва ли не во всех кризисах проступал британский след — сценарный или исполнительский. К сожалению, час недозированных откровений на Биг-Бене не пробил. Иначе сколько, помимо «Немыслимого», открылось бы нам сокровенных тайн — о братании Лондона с Токио в 1900-1939 гг., о британских «треволнениях» под этикеткой «Балканы», высекших пламя Первой мировой войны, о пестовании «демократов» экстремизма в Италии и Германии, мостившем пути-дороги во Вторую мировую! Нет, молчание не всегда золото, особенно, если помнить, что семена войны, даже ненароком оброненные, сохраняют всхожесть дольше, чем просто семена, десятилетиями поджидающие каплю влаги в знойных пустынях.

Для тех, кому не чужд системный анализ становления фронтов Второй мировой войны, идейный подтекст операции «Немыслимое» не является неожиданным-негаданным. Черчилль не единожды в 1941-1945 гг. примерялся сдать «русского союзника». Сначала, чтобы не запоздать к дележу наследства фатально, в сознании премьера, обреченного. Позже его идефикс сделалось затягивание войны, дабы в итоге Россия поспела не на пир победителей, а в реанимацию.

Обратимся к черчиллевскому прочтению советско-британского соглашения от 12 июля 1941 г. Минула пара месяцев после его подписания, и премьер озадачил своих коллег по военному кабинету: «Возможность сепаратного мира не может быть исключена». В момент, когда битва под Москвой решала исход всей войны, Черчилль развил свою задумку: «Мы сделали публичное заявление (так межгосударственное соглашение от 12.07.1941 г. деградировали в некую декларацию), что не будем вести переговоры с Гитлером или нацистским режимом... Но мы зашли бы слишком далеко, если бы заявили, что не будем вести переговоры с Германией, взятой под контроль ее армией. Невозможно предсказать, какое по форме правительство может оказаться в Германии тогда, когда ее сопротивление будет ослаблено и она захочет вести переговоры». В октябре 1942 г., за три недели до перехода Красной армии в контрнаступление под Сталинградом, британский лидер назвал долгом «демократий» «задержать русских варваров настолько далеко на востоке, насколько возможно». Понятно, с помощью нацистского вермахта.

Этого вектора Лондон держался до дня капитуляции Третьего рейха. К нему он всячески старался в 1941-1944 гг. приобщить Соединенные Штаты (и не безрезультатно). Неверность англосаксов бравшимся перед Советским Союзом обязательствам, разрыв слов и дел продлили кровопролитие на европейском ТВД минимум на два-два с половиной года, что обошлось народам в миллионы и миллионы дополнительных жертв. Двурушничество «демократов» и стало повивальной бабкой «Немыслимого».

Отступим от хронологии. По недосмотру получили огласку фрагменты протокола «Военные соображения в отношениях с Россией», обобщившего содержание переговоров руководителей США и Великобритании, а

также их военных чинов в Квебеке. Адмиралы и генералы, следует из протокола, обсуждали 20 августа 1943 г. вопрос: «не помогут ли немцы» высадке войск США и Англии на территорию Германии, «чтобы сообща дать отпор русским». Под намеренный альянс «демократов» и вермахта президент Рузвельт и премьер Черчилль утвердили в Квебеке план «Рэнкин», призванный застопорить продвижение Советского Союза на дальних подступах к Центральной Европе. Пресловутый второй фронт перекапывался в войну на два фронта. Замечу для ясности — самая жестокая в истории человечества, сломавшая хребет нацистской нечисти, Курская битва закончилась 23 августа.

Почему за ориентир старта «Немыслимого» было взято 1 июля? Если судить по документам, весной 1945 года англо-американские прорицатели полагали, что вермахт удержит фронт против Красной армии еще примерно с полгода, а то и дольше. Тем временем рассчитывали со второго захода провести рокировку во властных структурах Германии и сделать явью кредо «Рэнкина» — под контроль Вашингтона и Лондона, наряду с Австрией, Чехословакией, Югославией, Албанией, Грецией, должны были попасть Болгария, Румыния, Прибалтика и Польша. Таким образом, состоялось бы переиздание «санитарного кордона», отрезающего «российских варваров» от «лучезарной западной цивилизации».

К чему, могут спросить, копаться в непристойном коварстве Альбиона, в «самой необузданной разновидности дебоша, сбивающего в толку», как аттестовал действия Черчилля военный министр рузвельтовской администрации Г. Стимсон? На то наличествуют более чем веские доводы. Выборочный подход к трагическим перипетиям недавнего прошлого не позволяет постичь связь времен, взаимообусловленность доктрин и явлений. Лондон и

Вашингтон, повторюсь, не горят желанием распахнуть свои документальные закрома. Им есть, что таить от стороннего взгляда, что ни по каким критериям не делает чести оракулам либерализма, отвесь они хоть сто раз по сто поклонов виртуальной демократии. Тем не менее умолчанию британских и вашингтонских доброхотов наперекор можно при желании достоверно установить, кто кем был в XX веке и кто есть что сейчас.

Позволю себе дерзкое сопоставление. Попробуем вскрыть концептуальные совпадения в событиях Первой и Второй мировых войн, равно как и «холодных войн», за ними последовавших.

Внешне британская линия поведения выглядит алогичной до несуразности, а кому-то может показаться прагматичной до приспособленчества. Ложное впечатление. Основные вехи стратегии Альбиона, задававшего тон в европейских и отчасти в глобальных делах до середины XX века, выводились одним пером и порой одной жесткой рукой. Морской министр У. Черчилль, вкупе с шефом Форин-офиса Э. Греем, преднамеренно рулил к вооруженному столкновению Германии и Австрии с Россией и Сербией, переросшему в мировую схватку. Он же, Черчилль, стал заводилой дарданелльской авантюры (февраль 1915 г. — январь 1916 г.) с задачей навесить британский замок на Черноморские проливы. Побоку дававшиеся Николаю II заверения, что в вопросе о проливах приоритеты за Россией.

Хуже того. Англичане и с их подачи французы прикидывали, как бы и где бы ущемить российскую безопасность по периметру царской империи. Германия — противник, и ее флирт с сепаратистами в Грузии, происки в Прибалтике, Польше, Белоруссии, Украине объяснимы. Но ведь заодно с немцами на Кавказе, а затем уже без немцев в Среднеазиатском регионе

обустроивались «демократы». Как прикажете сие толковать?

Или. Отречение Николая II Лондон воспринял без надрыва. Русские солдаты своими жизнями продолжали восполнять прорехи на западном ТВД. Это — главное. Новая внутрироссийская диспозиция их даже устраивала: нет царя — нет стеснительных обязательств перед Петроградом. И чем глубже Россия погружалась в хаос, тем больше появлялось шансов довершить задумки Крымской войны в Европе и Азии. Тут, как нельзя кстати, подоспел Октябрь. Сыскался жупел, позволявший переокрасить банальные империалистические вожделения, выдать русофобию за некую «спасительную миссию» от угроз, нависших над привычным для «цивилизованных» европейцев образом жизни.

Закоперщиками предания российского бастарда анафеме выступили французский президент Ж. Клемансо и британский военный министр У. Черчилль. Последний потребовал «усмирить революцию войной», «отгородить Советскую Россию от Западной Европы кордоном неистово ненавидящих большевиков государств». Верховный совет Антанты принял решение о вооруженном вмешательстве в российские события. 23 декабря 1917 г. была утверждена конвенция о разделе России на «сферы действий». Англичанам вверялся Кавказ, казачьи области на Дону и Кубани плюс прикаспийские регионы. За французами закреплялись Белоруссия, Украина, Крым. Соединенные Штаты, формально не авторизуя конвенцию, выговорили себе Сибирь и Дальний Восток.

Тогда же, в декабре, англосаксы вошли в контакт с австрийцами на предмет блокирования Антанты и Четвертного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция) за счет России и против России. Так откликнулись «демократы» на советское приглашение

(21 ноября 1917 г.) всех конфликтующих сторон к замирению. Не принесли плодов также попытки Советской республики склонить нейтральные государства к посредничеству в налаживании мирного диалога.

Петроград предупреждал: если обструкция Антанты сделает невозможным взаимное согласие об основах послевоенного мироустройства, он будет вынужден действовать по собственному усмотрению. Советы не собирались причинять ущерб бывшим союзникам России. На открывшихся 3 декабря в Брест-Литовске советско-германских переговорах наши делегаты настояли на включении в решение о перемирии оговорки — выводимые из боя на востоке кайзеровские войска не должны перебрасываться на западный фронт.

Протянутые сквозь прокрустово ложе XX века, мы понимаем иллюзорность апелляций к здравому смыслу и элементарной порядочности, раздававшихся под занавес как Первой, так и Второй мировой войны. Не Устав Лиги Наций и не Устав ООН, эти многочастные оды, воспевавшие мирную благодать, не заветы «мечтателей», в которые без достаточных к тому оснований зачисляли постверсальского Бриана и послеялтинского Фр. Рузвельта, маркировали маршруты движения. «Если в жизни есть что-то неизбежное, то таким неизбежным является война между США и Россией, и ее надо начать как можно раньше», — гласил документ госдепартамента от 19 мая 1945 г. А в 1946 г. администрация Трумэна твердо решила для себя и за других — какую бы политику ни проводила Москва, само существование Советского Союза не совместимо с американской безопасностью, и принялась по новой отсчитывать круги ада.

Чем досадила империалистическому истеблишменту смена социальной формации в отдельно взятой стране? Советы звали к «справедливому демократическому

миру без аннексий и контрибуций», к обузданию милитаризма, к признанию за всеми нациями, большими и малыми, равных прав на свободное самоопределение, к развитию экономических связей на основе взаимной выгоды. Декреты о национализации иностранной собственности и введении монополии государства во внешнеэкономических связях будут приняты позднее. Внутреннее переустройство в России еще не выродилось в братоубийство. Избрание нового патриарха двести лет спустя после ликвидации Петром I этого сана вроде бы сулило модус вивенди мирского и духовного начал. Новая Россия материально не могла ни на кого напасть. Солдат распустили по домам: крестьян ждала истосковавшаяся по плугу земля, рабочим предстояло оживить пришедшие в упадок заводы.

Объективность требует не списывать попытки Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона остудить пыл Клемансо и Фоша, Черчилля и Лансинга. Британский премьер убеждал партнеров: «Большевики, что бы о них ни думали, ведут за собой, по-видимому, большинство населения. Это, безусловно, факт печальный, но негоже игнорировать факты лишь потому, что они неприятны». Президент США в свою очередь сомневался, что английские и американские войска преуспеют в России ввиду «опасений, что их усилия приведут к реставрации старых порядков, которые были даже ужаснее нынешних. Угроза интервенции только укрепляет большевизм».

В конце января 1919 г. Вильсон предложил «союзному совету» вступить в переговоры с правительством Ленина. Из-за категорических возражений Клемансо предложение не прошло. Тем не менее глава Белого дома обратился 21 января 1919 г. ко всем противоборствующим российским группировкам делегировать своих представителей на конференцию,

имевшую задачей восстановление мира в стране. Совнарком выразил готовность немедленно вступить в переговоры как с державами Антанты, так и белогвардейскими «правительствами». Белые отказались садиться за один стол с большевиками. Конференция на Принцевых островах не состоялась.

В марте 1919 г. с ведома Вильсона и Ллойд Джорджа в Москву прибыл У. Буллит, член американской делегации на Парижской мирной конференции. В ходе его переговоров с В. И. Лениным и Г. В. Чичериным был выработан проект урегулирования, который наряду с повсеместным прекращением военных действий предусматривал обсуждение вопроса о мире на следующих принципах: все фактически существующие на территории бывшей Российской империи и Финляндии правительства сохраняют власть и признают свою ответственность за финансовые обязательства бывшей империи по отношению к иностранным державам и гражданам этих держав; экономическая блокада России прекращается; возобновляется обмен официальными представителями между Советской республикой и иностранными государствами; политзаключенных обеих сторон амнистируют. Советская сторона настояла на внесении в документ еще двух положений, предусматривавших немедленный вывод войск «союзных и объединившихся правительств и других нерусских правительств» из Советской республики и прекращение военной помощи антисоветским силам в России. Итоги миссии Буллита были дезавуированы Парижем. Вильсон запретил публиковать выработанный проект соглашения, а Ллойд Джордж отрекся от причастности к организации переговоров с Советской Россией.

Чего было больше в лавировании Вильсона и Ллойд Джорджа — хваленного «идеализма», пробивавшихся сквозь заскорузлый консерватизм ростков

трезвомыслия или стремления не мытьем, так катаньем раздробить Россию, на время закрепив отдельные ее части за теми или иными воеводами? Возможно, это не удастся распознать и следующему поколению историков. Не все умыслы доверялись бумаге.

Выдвинутая Октябрем программа отвержения насилия, раскабаления всех народов, принятия социальной и межнациональной справедливости за основу добрососедства и согласия — этот «варварский вызов» грозил спровоцировать пандемию. Дискуссии вокруг вариантов реакции «демократий» кончались на неизменной ноте — крамолу извести, если удастся, то заодно с ее носителем, Россией. Клемансо требовал возвести против «заразы» «санитарный заслон». Враги врагов превращались в друзей. Так же, как это повторялось по ходу советско-германской войны 1941–1945 гг.

Курс антантовских авторитетов и курс правителей Германии в 1917–1919 гг. по отношению к России дополнял *in grosso modo* один другого. Каждого из антагонистов устраивал развал Российской державы. По крайней мере, публично, «демократы» не поднимали голос в защиту территориальной целостности «союзника», когда еще до Октябрьской революции немцы приобщали к своей добыче Прибалтику и Польшу. Со сменой в Петрограде социальных знаков отличия посягательство на национальные интересы россиян стало нормой. Если бы не прусская фанаберия, неумное британское высокомерие и жажда мести французов за поражение в 1870–1871 гг., их было бы сложно сомкнуть в единый кулак. Опять напрашивается аналогия с провалом потуг «демократов» сговориться с «лучшими немцами» по ходу Второй мировой^[22].

Заявки Берлина на чужие владения отражены в стенограммах брестских переговоров. Меньшую

известность получили наметки «радетелей» о достойном будущем России. В «Программе мира», представленной президентом США В. Вильсоном конгрессу 8 января 1918 г., признавалось (п.6) право новой России определять свою политику и пути развития. Как виделась реализация сего «права», следует из комментариев полковника Э. М. Хауза — соавтора «Программы». За оптимальную модель решения «русского вопроса» принималось расчленение бывшей Российской империи на ряд отдельных государств и территорий, зависимых от заграницы. Чтобы так и случилось, предлагалось ввести опеку над внутрироссийскими «демократическими силами», к коим Советы явно не причислялись.

Госдепартамент США оснастил американскую делегацию на Парижской мирной конференции географической картой, на которой были прочерчены «подновленные» границы Российского государства. За Москвой оставлялась Среднерусская возвышенность, отсекались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь. Установки Вильсона-Хауза-Лансинга есть первые (к сожалению, не последние) правительственные документы, в коих черным по белому прописано: России надлежит изрядно «подужаться», во имя торжества «Пакс Американа».

На начальной стадии предпочтение отдавалось использованию наемников, коих «демократы» накачивали оружием и деньгами. 10 декабря 1917 г. госсекретарь Лансинг в записке Вильсону рекомендовал насадить в России военную диктатуру. С благословения президента было отдано распоряжение — «действовать без промедления» в поддержку «движения Каледина». Но скрытно. А ежели правда о «сочувствии» и финансовой помощи атаману со стороны США просочится, все валить на Англию и Францию, которые в

свою очередь подряжали казачество на борьбу с советской властью.

Помимо Каледина, Дутова и прочих атаманов западные державы пасли, в частности, главнокомандующего русской армией Духонина, генералов Алексеева и Щербачева (в его подчинении находились объединенные русские и румынские армии), предводителя Польского офицерского корпуса Довбор-Мусницкого. Немалые надежды возлагались на Украинскую раду. Последняя доила не одних «демократов». За оказываемые услуги она попутно собирала мзду и с немцев.

Пестрая свора присягала единственному ультиматуму — прав не правый, но сильный, доказывая на каждом шагу: цивилизованная дикость есть худшая из всех дикостей^[23]. Как ненавистники России приводили свои акции к общему знаменателю? Лучше слов это пояснят конкретные примеры.

Аннексионистские происки по периферии России упоминались. Не заставили себя долго ждать и покушения на исконно русские земли. 18 февраля 1918 г. австро-германские войска ринулись в наступление по всему фронту — от Балтики до Черного моря. Захватчиков не уgomонила ратификация (15.03.1918 г.) IV Чрезвычайным съездом Советов Брестского мира. Петроград запросил Вашингтон: не может ли Россия рассчитывать на поддержку США, Англии и Франции на случай дальнейших враждебных актов немцев? Одновременно наша сторона поинтересовалась возможной реакцией бывших союзников на действия Японии, собиравшейся по сговору с Берлином прихватить Владивосток и КВЖД. Обращение осталось без ответа. Французы, правда, прозондировали, не удостоят ли американцы Советскую Россию помощи в борьбе против Германии. Лансинг

вывел на бумаге резолюцию: «Об этом не может быть и речи».

Чем хуже самочувствие Советской республики, тем, по логике Антанты и США, весомее должно было быть давление на нее извне. С ведома Вашингтона Лондон готовил интервенцию в северные регионы России. Как ни печально, этим планам тайно потворствовал зампредседателя Мурманского совета Юрьев. По указке Троцкого он заключил с англичанами и французами «словесное соглашение», освящавшее высадку в Мурманске «дружеского десанта». Для вящей доказательности стремления дружить всерьез и надолго «демократы» собирались послать «союзный отряд» численностью 15 тыс. человек также в район Архангельска. Наступление немцев на западном фронте вынудило англичан и французов притормозить операцию. Однако уже 3 июня совет Антанты постановил: вторжению на Кольский полуостров и в устье Северной Двины быть. На него отряжались британские (28 тыс. человек), американские, французские и итальянские части (более 13 тыс. человек).

Пауза с марта по июнь на Севере восполнялась поощрением Японии к оккупации советского Дальнего Востока. 5 апреля 1918 г. японские войска захватили Владивосток. Американцы и англичане тут же сочли, что и им причитается доля от богатых ресурсов этого региона. Протесты советского правительства по обыкновению были проигнорированы. Это не все. 16 марта, день спустя после ратификации Брестского договора, посол США в России Фрэнсис призвал контрреволюционные силы дружно подняться на свержение советской власти. Им была обещана «немедленная помощь» для — как же иначе — продолжения борьбы с Германией до победного конца. Победы над кем?

Обратимся к Компьенскому перемирию. Зачастую историки обходят те его статьи, что отразили планы победителей превратить Германию в «бастион против русского большевизма» (тезис военного министра Англии лорда Мильнера). Кайзеровские войска подлежали выводу из всех областей Франции, Бельгии, Люксембурга, Австро-Венгрии, Румынии, Турции, Восточной Африки. Немецких солдат удаляли из Эльзаса и Лотарингии, а также с левого берега Рейна. Но убираться из России, согласно ст. 12, им надлежало лишь тогда, когда «союзники, приняв во внимание внутреннюю ситуацию на этих территориях, признают, что для этого настал момент». Союзники выговорили себе свободный доступ на означенные территории (ст. 16), чтобы убеждаться в исправном исполнении немцами данных им инструкций.

Сравним брестский диктат с компьенским. Затруднительно определить, чей жаргон был «похабней». Ясно одно: имперский министр Эрцбергер, как ни прилаживался к русофобскому хомуту, не сумел вывести Германию из компьенского ошипа менее ободранной и обесцвеченной. Вместе с тем, никто не оспорит, что немцы выволокли Финляндию, Литву, Латвию и Эстонию на антисоветскую стезю. И пока правителям Германии кое-что перепало от зарешечивания петровского окна в Европу, неудобства холуйства оставались терпимыми. Веймарская республика избегала лезть на рожон.

Но вот Антанта замыслила «поход Авалова» на Петроград. Германским контингентам, что дислоцировались в Прибалтике согласно ст. 433 Версальского договора, отводили роль коренника в аванюре. Берлину достало характера произнести «нет». На это «нет» сыскался суд — немцев выставили из Литвы, Латвии и Эстонии. Почти непоправимо веймаровцы разочаровали «демократов» в апреле

1922 г. Раппальский договор пробил брешь в кольце дипломатической изоляции Советов. Сверх того, договор разборчиво — для понятливых — перелагал в правовые формулы философию октябрьского Декрета о мире, взывавшего к добрососедству без цензов и привилегий.

В восприятии Вашингтона, Лондона и Парижа немцы совершили святотатство. Еще бы. Сколько миллиардов фунтов, долларов, франков потрачено, сколько жертв принесено, чтобы распять Россию! Общая численность иностранных солдат и офицеров, осаждавших в 1918–1922 гг. под стягами Антанты и ее присных Советскую республику, составляла 320–330 тыс. человек. На Дальнем Востоке и в Сибири буйствовало более 150 тыс. интервентов, на юге, в Средней Азии и на Кавказе — около 130 тыс., в северных районах — свыше 40 тыс. И это без зачета почти миллионной группировки Германии и Австро-Венгрии, хозяйничавшей в Белоруссии и в Украине с весны 1918-го по середину 1919 г. А удар по престижу?

Особняком стоит польский сюжет. Воссозданная день в день с капитуляцией рейха в Компьене (11.11.1918 г.) Польша под «началом» Пилсудского тотчас зарекомендовала себя возмутителем европейского спокойствия. Оставим без разбора выверты «демократий» на потребу польскому экстремизму, повлекшие, в числе прочего, утрату Литвой Вильнюсского края, а немцами Верхней Силезии с ее угольными богатствами, хотя, строго говоря, это — не эпизоды, но вехи в расшатывании версальской пирамиды. Сосредоточимся на более близком нам — на оттачивании «демократами» подржавевшего «польского копья», обращенного с древних времен против восточного супостата.

Западные державы устроили три похода против Советской республики. В первом (март-июль 1919 г.)

главной силой выступала армия Колчака, возведенного с подачи Вашингтона в «верховные правители» России. Это «решающее», по аттестации маршала Фоша, наступление бесславно провалилось. Второй, прозванный Черчиллем «походом 14 держав», длился с июля 1919-го по февраль 1920 г. Ставка делалась на генерала Деникина. Ему должны были ассистировать пограничные с Советской Россией страны. За исключением поляков, малые страны рвения не проявили. Опять фиаско. Костяк последнего, третьего похода Антанты (апрель-ноябрь 1920 г.) составляли Войско польское и белогвардейская армия Врангеля.

Еще до провозглашения Польши суверенным государством «польский национальный комитет», обосновавшийся в Париже, передал своим покровителям меморандум, в котором требовал передачи под контроль армии генерала Галлера, что в ударном темпе формировалась во Франции, Каменец-Подольска, Брест-Литовска и Ковно. «Эта оккупация, — читаем мы в меморандуме, — гарантировала бы Польше безопасность на востоке и могла бы служить базой для будущих военных операций союзников в России».

При рассмотрении на союзном совещании сей заявки министр иностранных дел Франции Пишон предложил не мелочиться и принять за основу будущего территориального устройства границы «Польского королевства до его первого раздела в 1772 г.». Несмотря на возражения США и Англии, ориентировавшихся на этнический принцип при межевании границ, президент Клемансо продвигал шедшую от Наполеона модель «Польши 1772 года» также на Версальской мирной конференции. Споры кончились наихудшим из возможных вариантов — вопрос о восточных границах Польши и, следовательно, о западной границе России оставили открытым.

Голый расчет понудил «демократов» прочертить «линию Керзона» (08.12.1919 г.), обещавшую теперь уже самостоятельным Белоруссии и Украине «светлое будущее».

После выхода Деникина из игры французы и американцы решили — за неимением лучшего — ввести в действие польский резерв. Его сколачиванием «демократы» занялись по весне 1919 г. США, Англия и Франция поставили полякам полторы тысячи орудий и 10 млн снарядов к ним, 2800 пулеметов, около 400 тыс. винтовок и 576 млн патронов, порядка 700 самолетов (в эскадрилье им. Костюшко, ею командовал полковник армии США Фаунтлерой, служили сплошь американские летчики), две сотни броневиков, средства транспорта, связи, медикаменты, 3 млн комплектов обмундирования.

Пикантная подробность — для вооружения «свободной Польши» сгодились арсеналы подвергшейся разоружению Германии. Полякам перепало из немецкого наследства 1200 пулеметов, 360 пушек и гаубиц для 30 дивизионов тяжелой артиллерии, 1100 пушек для 63 дивизионов полевой артиллерии.

Штабные разработки запланированных операций велись в основном французским персоналом. 70-тысячная «армия Галлера» проходила обкатку при захвате поляками Минска 8 августа 1919 г. и в других «пограничных инцидентах». Ползучая агрессия набирала обороты с лета 1919 г. Но за официальную дату начала польско-советской войны берется 25 апреля 1920 г. В этот день Пилсудский огласил приказ «о восстановлении исторических польских границ». 7 мая 1920 г. пал Киев. Украшенный венком Батория «начальник» Польши предвкушал триумфальный марш по Москве.

Фортуна — дама капризная. Контрудар Красной армии поверг захватчиков в бегство. Путь панов до

Киева и обратно был отмечен погромами и насилием над беззащитными детьми, женщинами и стариками. С особой яростью они бесчинствовали в поселках Белоруссии и Украины, населенных преимущественно евреями^[24]. Чуть позже устроители «великой Польши» станут отыгрываться на попавших к ним в плен красноармейцах.

«Демократы» включили все рычаги и регистры ради спасения своих протеев — от угроз новой интервенции до «ублажения» Москвы. Но пока англичане заговаривали нам зубы обещаниями затвердить в качестве границы между Польшей и Советской Россией «линию Керзона», если дальше этой линии войска Тухачевского не продвинутся, французы брали быка за рога. Не теряя ни часа, они организовали массированные поставки (через Германию) оружия, боеприпасов, техники для восполнения польских потерь. Французские офицеры де-факто переняли командование войсками Пилсудского, сотворив «чудо на Висле». Части Красной армии были вынуждены откатиться на исходные позиции.

Маршал Фош, вдохновитель «чуда», подбивал западных политиков на мобилизацию 2-миллионной орды против России. Нашествие с западного направления должно было сочетаться с приливом японской агрессивности на востоке. Не упустим, что под контролем Японии оставались в это время обширные районы Дальнего Востока. Советское политическое руководство дрогнуло. Во избежание худшего оно пошло на подписание 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, на восемнадцать с половиной лет располосовавшего по живому Украину и Белоруссию.

«Чудо на Висле», коим французы одарили Пилсудского, стало его путеводной звездой. В мае 1926 г. он установил в стране личную диктатуру,

знавшую ответственность лишь «перед Богом и историей». «Начальника» Польши заносило почти на каждом вираже. Он требовал наделения Польши статусом «великой державы», обладающей под стать Франции и Англии правом вето по меньшей мере в восточноевропейском, а еще лучше и в центральноевропейском диапазоне. Польские запросы осложняли ход Локарнской конференции 1925 г. Ее решения лишь усугубляли пороки версальской конструкции, обещавшей благоустроенность на западе и простор для военно-политического блуда на востоке.

Мининдел Франции А. Бриан подал было голос в пользу гарантий неприкосновенности всех сложившихся европейских рубежей и тут же замолк, встретив афронт со стороны англичан и немцев. Квазикомпромисса удостоили польско-германскую и германо-чехословацкую границы — возможные споры предложили решать в арбитраже, а Литве и Советскому Союзу не перепало и сей толики. Веймарский шеф-дипломат Г. Штреземан резюмировал: «В Локарно был взорван краеугольный камень всей версальской системы». Помимо восстановления суверенитета Германии над Рейнской областью министр предвкушал «возвращение немецких территорий на востоке».

Н. Чемберлен, глава британского Форин-офиса, смотрел глубже и дальше. Он выстраивал безопасную Европу «без России и против России». В локарнском договорном комплексе ему виделся новый «священный союз», в котором Германии отводилась функция «бастиона западной цивилизации». Тогда-то лорд Бальфур ввел в оборот понятие «умиротворение».

Британский зов плотнее сомкнуть ряды русофобов чутко восприняла Польша. Локарно лишний раз подтвердил, что большая Антанта сникла, а малая трещала по швам. Прорисовывались контуры иных военно-политических комбинаций, и Варшаве

требовалось держать ухо востро, дабы не промахнуться в сотворении очередного кумира. На кого облокотиться — на Лондон или на поднимавшийся с колен Берлин? Пилсудский определится на рубеже 1933–1934 гг.

Между тем А. Бриан, чтобы подлатать реноме Франции, выступил в апреле 1927 г. с предложением объявить войну вне закона и кодифицировать идею «вечного мира» посредством договора между Францией и Соединенными Штатами. Вашингтон настоял на придании договоренности многостороннего характера. Путевку в жизнь пакту Бриана-Келлога дали 15 стран, поставившие под ним 27 августа 1928 г. свои подписи.

Москву не допустили к выработке текста документа. Это наводило на мысль, как заявил Г. В. Чичерин, что в очередной раз оттачивается «орудие изоляции и борьбы против СССР». Наркоминдел имел предостаточно оснований так оценивать ситуацию.

Англия, а также Польша выступили против участия в пакте Советского Союза, утверждая, что осуждение войны и отказ от нее как орудия национальной политики трудно сделать «универсальным» или «подходящим» в отношении непризнанных всеми государств и к тому же неспособных «обеспечить поддержание доброго порядка и безопасности в пределах их территорий». Французы колебались. За приглашение СССР войти в состав стран — учредителей пакта высказались США. Сошлись на варианте — советских представителей на церемонии подписания документа в Париже не будет, но в тот же день посольство Франции в Москве официально предложит Советскому Союзу присоединиться к пакту.

В конце концов к пакту Бриана-Келлога примкнуло 63 государства. Количество участников, однако, не компенсировало качественных пробелов, присущих этому акту. Мировое сообщество обогатилось декларацией о намерениях. Отдавая себе в этом отчет,

Бриан тогда же выступил за учреждение «федеративного европейского союза» как постоянно действующего института (прообраз ОБСЕ), наделенного исполнительскими полномочиями. Советская Россия загодя исключалась из «союза». На него автор проекта собирался возложить улаживание также социальных трений, упреждение революционных взрывов, преодоление рыночными механизмами экономических трудностей. Против этой инициативы Парижа выступили Англия и Испания, Веймарская республика обусловила присоединение к «союзу» установлением «всеобщего равенства» членов федерации.

Награждение творцов Локарно — А. Бриана, Н. Чемберлена, Г. Штресемана Нобелевскими премиями мира выдавало мину замедленного действия за добродетель. Ситуацию не просветлил и «международный поцелуй», как саркастически квалифицировал пакт Бриана-Келлога один американец. Бал правила одержимость — во что бы то ни стало очистить планету от «скверны». Ее называли «большевистской», пристегивая сей ярлык к любому неудобью.

Читателю дано самому вычислить, имелась ли и какая взаимосвязь между посулами вернуть немцам «территории на востоке», разрывом Лондоном дипломатических отношений с Москвой (1927 г.) и британскими попытками вовлечь в новое издание антисоветского альянса Германию, Францию, Польшу, Японию, США. «Демократы» уподобили женевские переговоры о разоружении толчее воды в ступе. Они срывали попытки купировать негативную динамику Локарно, откуда бы таковые ни исходили.

Тем больше досадило рьяным «цивилизаторам» заключение СССР и Германией 24 апреля 1926 г. договора о нейтралитете. Он устанавливал:

(1) основой взаимоотношений двух стран остается Рапалльский договор;

(2) в случае неспровоцированного нападения третьей державы или группы третьих держав другая сторона будет соблюдать нейтралитет;

(3) стороны не будут примыкать к коалиции третьих стран, имеющей целью подвергнуть экономическому и финансовому бойкоту одного из участников договора.

Москве, кроме того, удалось убедить прибалтов, Румынию и даже Польшу подписать т. н. «протокол Литвинова», который вводил в силу принцип отказа от войны как метода решения межгосударственных споров, не дожидаясь завершения процедуры ратификации пакта Бриана-Келлога другими странами. Позднее СССР достиг договоренности с Литвой, Чехословакией, Югославией, Румынией, Турцией об определении понятия «агрессия».

Англичане в ту пору не уставали твердить: будучи империалистической державой, Британия не может не быть агрессивной.

Эти фланкирующие действия являлись органичной частью советской программы неделимой международной безопасности. Разрыв между накоплением орудий насилия и недеklarативным противовесом им год от года разрастался. Конец мировой войны никак не приближал конца чумы милитаризма. Подрывными акциями и рейдами против Советского Союза воинственный дурман не исчерпывался. Причем раздел мирового сообщества на победителей и побежденных, на чистых и нечистых не отражал специфики назревавшего очередного передела сфер господства. Геополитика диктовала новое измерение пространства и времени.

Германия в веймаровском издании, повторим, не спешила стелиться под образцовых «демократов». Где выпадал шанс, она искусно играла на слабых струнах претендентов во вселенские поводыри и, случалось, с громким эхо. Рапалло 1922 г. или Берлинский договор 1926 г. тому подтверждение. Беспокойства в Лондоне, Париже и Вашингтоне добавляла чехарда в немецком высшем эшелоне — 14 выборов в рейхстаг за 14 лет (вдвое чаще, чем предусматривала конституция), 14 канцлеров. Теряйся, в кого инвестировать, не будучи уверенным, что на очередном разъезде Берлин не сделает своевольный привал. Непорядок. Устранить его могла только твердая рука.

Что касается США, известно — они положили глаз на нацистскую активность еще в 1922 г. Помощник американского военного атташе Т. Смит не преминул отразить в докладной о встрече с Гитлером браваду будущего фюрера — не дожидайтесь, когда вам придется столкнуться с коммунистами на поле брани, поручите нам разделаться с ними. В Вашингтоне сентенции будущего фюрера не оставили без внимания. Так или иначе, помимо «швейцарских» средств к нацистам потекли полновесные американские доллары. И чтобы они не пропали втуне, к Гитлеру пристроили Э. Ганфштенгля. Рожденный от немца и американки, выпускник Гарвардского университета, он был вхож в круг, где обкатывалась политика Соединенных Штатов. По окончании Первой мировой Ганфштенгль прибыл в родные пенаты, завел связи среди мюнхенской знати, деятелей культуры и искусства. Двери их салонов он разомкнул нацистам.

Обтесывание Гитлера, коим занимался Ганфштенгль, дало всходы. Что-то нашло отражение на страницах «Майн Кампф», над которыми подраставший фюрер корпел в 1924 г. Ссуды американца позволили превратить захудалый листок «Фёлькишер беобахтер» в

общегерманский рупор НСДАП. Заслуги Ганфштенгля будут щедро оплачены. Он получит пост иностранного пресс-секретаря партии и руководителя отдела иностранной прессы в штабе заместителя фюрера. Ганфштенгль организовал контакт Гитлера с семейством Черчилля за полгода до того, как фюрер сделается рейхсканцлером^[25].

В 1937 г. Ганфштенгль покинул фюрера и Германию. Исчез незаметно, испытывая, согласно легенде, тревогу за свою безопасность. Или Гитлер сбился с маршрута, на который его наставляли, и тогда из друга сделался врагом? Или Центр счел законченной возложенную на Ганфштенгля миссию? Финал необыкновенной карьеры американца свидетельствует сам за себя — спустя некоторое время однокашник Фр. Рузвельта по Гарварду станет советником президента США.

Подведем промежуточный итог. Нацистское движение обрело размах, и его предводитель покорил властные высоты не вдруг и не с тощей мощной. Сброс в небытие Веймарской республики и замещение ее «тысячелетним рейхом» не верно замыкать на недовольство вялой властью немецкого олигархического капитала, юнкерства и его отпрысков или на мировой экономический кризис.

Конец 20-х гг. отмечен нагнетанием международной напряженности. «Дыхание грядущей войны чувствуется повсюду», — подчеркивалось в декларации делегации СССР, оглашенной 30 ноября 1927 г. на заседании подготовительной комиссии Лиги Наций по разоружению. Британские консерваторы вкупе с администрацией США моделировали «решительное» нашествие на Советскую Россию. На него планировали подрядить с запада — Францию, Германию, Польшу, Латвию, Эстонию, Румынию, Венгрию, Югославию,

остатки группировок Деникина, Врангеля, казачьих атаманов и с востока — Японию, а также Чан Кайши.

Межимпериалистическая рознь подкосила умысел. Разрыв Лондоном дипотношений с СССР не нашел подражателей (кроме Канады). Немцы охотно кассировали предоплату за будущие «подвиги». К 1930 г. на восстановление и модернизацию экономики Германии с внедрением технологий двойного назначения притекло из-за рубежа 28–30 млрд долларов. Немцы выплатили за тот же период репараций на сумму 10–11 млрд марок. Баланс недурной. Однако роль галерных гребцов веймаровскую поросль не соблазняла, что продемонстрировала история с захватом КВЖД, совершенным Чан Кайши по подстрекательству Соединенных Штатов в 1928 г. Подробнее об этом чуть ниже.

Разразившийся в конце 1929 г. «великий кризис» развенчивал империалистическую систему как таковую. Вашингтон, Лондон, Париж пытались обуздать стихию, утоляя аппетиты хищников судьбами других народов. Разящий удар кризиса пришелся на его эпицентр. Промышленное производство в Соединенных Штатах сократилось на 46,2 %, национальный доход уменьшился вдвое. 17 млн человек потеряли работу. Для сравнения: в Германии спад производства составил 40,6 %, в Японии — 36,7 %, во Франции — около трети. Число лишившихся работы — 7,5 млн у немцев, около 3 млн у японцев. Над Англией кризис чуть расслабился, там производство уменьшилось на четверть.

Политический небосвод заволокли грозные тучи. Впервые после войны Севера и Юга в США повисла на волоске гражданская система власти. Пронесло — не достало поруки меж заговорщиками. Иначе силовики оседлали бы Белый дом с необозримыми последствиями для Западного и Восточного полушарий.

Вспомним, что с кознями Москвы, «демпингом» советских товаров, производимых «принудительным трудом», связывали само возникновение кризиса. К «крестовому походу» против СССР под предлогом преследования религий взывал Ватикан. Военная хунта, унаследуй она гугеровские наработки, не стала бы мельтешить и почти наверное ринулась, увлекая «демократическую» челядь во все тяжкие. Между участниками планировавшегося в президентство Гугера антисоветского похода уже были до деталей проработаны варианты раздела России.

Вернемся к КВЖД. Зазеркалье тогдашней драмы заслуживает пристального внимания. На захват дороги и арест ее советского персонала Чан Кайши подбили Вашингтон и Лондон. Американцы прикидывали, как после непродолжительного управления объектом «нейтральной комиссией» они выкупят КВЖД и создадут плацдарм вдоль 2500-километровой советской границы («план Стимсона»). Японцы же рассудили примерно так: США вздумали пожать плоды чужого рвення. Токио с конца XIX века шаг за шагом превращал Поднебесную в сферу своего исключительного или, по меньшей мере, преимущественного влияния.

«План Стимсона» вошел в клинч с «планом Танаки». Последний будет введен в действие в 1931 г. Госсекретарь Стимсон со знанием дела отслеживал в своих мемуарах путь во Вторую мировую войну «от железнодорожных рельсов под Мукденом».

Англия не возразила против присмотра «нейтралов» над отобранной у России КВЖД. С характерным для британцев подтекстом: соглашайся в принципе, отвергай по существу. Экспансии в регион Соединенных Штатов Лондон предпочитал упрочение позиций Японии. Отметим, что англо-американские противоречия во многом определяли расстановку сил на мировой арене вплоть до 1939-1940 гг. В период

кризиса они приняли конфликтную окраску. Англичанам удалось оттеснить американцев с первого места в международной торговле, подурезать влияние США в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке.

По экономическим и прочим соображениям Берлин не хотел омрачать отношения с СССР. Вместе с тем немцы давали понять, что стратегическая линия на восстановление статуса мировой державы и допуск Германии на равных, в частности, к азиатской периферии вне конъюнктурных колебаний. Но рейхсканцлеров Мюллера (1928–1930 гг.) и Брюнинга (1930–1932 гг.), искавших, как бы капитал приобрести и невинность соблюсти, теснили Папен, Людендорф и Гитлер. Канцлер Шлейхер (1932–1933 гг.) подыгрывал этой троице, которую не надо было уговаривать включиться в искоренение социальной ереси и ее носителя — России, которая ипсо факто — в силу существования отравляла жизнь наций, назначенных свыше вершить земные дела.

Чтобы жила Британия, провозглашал Н. Чемберлен, Советская Россия должна исчезнуть. Вхожий в сферы, где зарождались доктрины Альбиона, лорд Ллойд обозначил их суть так: «Отвлечь от нас (англичан) Японию и Германию и держать СССР под постоянной угрозой». «Мы, — заявлял лорд, — предоставим Японии свободу действий против СССР. Пусть она расширяет корейско-маньчжурскую границу вплоть до Ледовитого океана и присоединит к себе дальневосточную часть Сибири... Мы откроем Германии дорогу на восток и тем обеспечим столь необходимую ей возможность экспансии».

Откровения Ллойда датируются 1934 г. и нуждаются в существенной поправке. «Свобода действий» Японии уже была фактически предоставлена, а «дорога на восток» Германии приоткрыта.

Лондон и Вашингтон наперебой обхаживали как реальных, так и потенциальных агрессоров. Мининдел Германии Г. Штреземан отмечал, что в постверсальский период внешняя политика Берлина ни у кого «не находила более искреннего признания, чем в Соединенных Штатах».

Какими идеями наполнялся с середины 20-х гг. этот «подновленный» немецкий курс? Нацистские установки отличались от достопочтенных заявок своей оголтелой лозунговой заостренностью. «Германия не в состоянии реализовать свои потенциальные возможности внутри четырех стен рейха». Но это не Гитлер. Это министр юстиции Е. Кох-Везер. Возвращения немцам ее бывших колоний требовал президент Рейхсбанка и главный финансист нацистов Я. Шахт. Обербургомистр Кельна К. Аденауэр собственноручно отписал: «В самом рейхе слишком мало места для большого населения... Нам нужно иметь для нашего народа больше пространства и, стало быть, иметь колонии».

За что расточал Штреземан комплименты в адрес США? Основные кредиты — легальные и тайные — текли в Германию из-за океана. Усилиями Вашингтона рейх избавился от бремени репараций. Именно американцы сочинили планы Дауэса (1924 г.) и Юнга (1928 г.), «мораторий Гувера» (1932 г.). **«Деньги — мышцы войны»**. Неважно, были ли Гувер и его госсекретари знакомы с этой максимой Цицерона. Но действовали они соответственно: чтобы конь не споткнулся в заданном походе, его должно было подковать и снабдить поводырем, не ведавшим страха и сомнений (рейхсканцлер Папен умащивал Эррио в награду за списание репарационных обязательств немцев возможностью заключения «антикоммунистического договора», налаживания сотрудничества генеральных штабов, учреждения таможенного союза и пр).

Руководство США, судя по всему, еще неопределенно долго не подпустит посторонних к документам, изъятым американцами в 1945 г. из последней штаб-квартиры Гитлера в Тюрингии. Слишком много там взрывного материала, излишних ответов на вопрос, как и почему человечество было сброшено в пучину Второй мировой, какие хороводы водил Вашингтон с нацистами с 1922 г. и отчего на фоне мирового кризиса напрягал усилия в пользу возведения Гитлера на рейхсканцлерский престол.

Сегодня мало кто из сведущих усомнится в том, что на сходке у банкира Шредера в Кельне, когда на Германию напяливали НСДАП-овское ярмо, там зримо или незримо присутствовали эмиссары США. Крутился ли у порога Ганфштенгль? Кто-то разглядел в тамошних апартаментах тень Дж. Ф. Даллеса. А почему бы, собственно, ему не быть в той компании? Он же состоял на службе в адвокатской конторе, совладельцем которой был Шредер-старший, осевший до Первой мировой войны в США и набравший заметный вес на американской финансовой ниве.

Потомки разберутся, кто в демонтаже Веймарской республики вел ведущую партию — американские олигархи вкупе с германскими или правительственные инстанции США. Неоспоримо одно: крестники Гитлера должны были отдавать себе отчет — они вступают на тропу войны.

Почему на 1931-1932 гг. пал перелом в развитии Германии, а в Японии «зацвела вишня»? [\[26\]](#).

«Выполнение пятилетки (в Советском Союзе) создает серьезную угрозу Японии... Соответственно, монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и эффективного разрешения», — зафиксировала стенограмма заседания кабинета министров в Токио 7 июля 1931 г.

В Германии на выборах 1932 г. нацисты собрали 37,4 % голосов. Шляйхер, в сговоре с Гитлером, вскоре распустил рейхстаг, полагая, что на волне отчаяния, порожденного кризисом, НСДАП добьется при внеочередном голосовании абсолютного большинства. Но 6 ноября 1932 г. от гитлеровцев отпало 2 млн избирателей. Маятник общественного настроения качнулся влево, и 19 ноября 1932 г. хозяева более 160 крупнейших банков и промышленных компаний направили президенту Гинденбургу меморандум с рекомендацией учредить «диктаторское правительство» во главе с Гитлером.

Реакцию в Европе и за океаном насторожили и результаты ноябрьских выборов (1932 г.) в США. Г. Гувер, олицетворявший крайне правый спектр, уступил Белый дом Фр. Рузвельту, пообещавшему электорату «новый курс» во внутренней и внешней политике. Во что выльется «новизна»? Надежней казалось без заминки завершать начатое, поставив Рузвельта перед свершившимися фактами. В Азии, как некогда у нас говорили, процесс уже пошел. На очереди — Европа.

18 сентября 1931 г. Токио вписал первую строку в летопись Второй мировой. Малыми силами (всего-то 14 тыс. военных!) японцы напали на казармы китайских войск в Мукдене, Чанчуне и ряде других городов. Это была разведка боем. Она оправдала расчеты. Чан Кайши приказал армии сопротивления агрессору не оказывать, а народ наставлял «соблюдать спокойствие и выдержку».

Не обманулись японцы и в ожидавшейся реакции со стороны США, Англии и Франции — они не собирались ничего предпринимать в защиту Китая, невнятно взывая (причем, обе стороны) к уважению устава Лиги Наций, пакта Бриана-Келлога, «договора девяти держав».[\[27\]](#).

Попутно учреждались «комиссии», ублажавшие Токио и выкручивавшие руки Нанкину. Китайцев понуждали признать «особые права» Японии в Северо-Восточном Китае с учетом опасности, исходившей «со стороны североманьчжурских границ». Признать с благодарностью, ибо японцы помогали режиму Чан Кайши расправиться с теснившим его «красным драконом».

Впрочем, «договор девяти» пришел «демократиям» на ум после того, как японцы атаковали (28 января 1932 г.) Чапай — предместье Шанхая. Вашингтон предложил объявить примыкавший к Шанхаю район, сосредоточие интересов американских монополий, «нейтральной зоной». Американский «компромисс» Токио отверг.

Адвокатами Японии в Лиге Наций выступали британцы. При обсуждении «доклада Литтона» (опубликован в октябре 1932 г.) глава Форин-офиса Саймон парировал все обвинения Японии в агрессивности. Пока и если экспансия Токио не уклонится излишне на юг, японцы могли полагаться на «лояльность» Альбиона. Англо-японский союзный договор 1902 г., нацеленный перво-наперво против России, хотя и не против нее одной, официально скончался в 1921 г. Но перед нами случай, когда дух бодрствовал в отрыве от плоти. И аукнется он, в чем мы убедимся, еще не единожды.

Если мировые события не растаскивать по национальным сусекам, нельзя не заметить очевидных заимствований из японского опыта германским нацизмом и итальянским фашизмом при выработке их захватнических сценариев. Та же игра на противоречиях в стане «демократий» и их готовности откупаться чужими интересами, бойкот Лиги Наций, шантаж «левыми призраками». «Цивилизаторы» прикрывали свой стыд «невмешательством», когда

нацисты и фашисты распинали Испанскую республику. На поставки республиканцам военных материалов было наложено эмбарго. Японцы же не испытывали ни малейших неудобств с приобретением оружия в США и Англии по ходу «экспедиции» в Китай.

Пространное повествование о политике Токио в XX веке призвано помочь точнее разобраться в связи времен и во взаимосвязи явлений, тем паче, что в 20-30-х гг. заглавные роли на европейской и дальневосточной сценах озвучивали подчас одни и те же исполнители. К сожалению, и поныне за новое слывет основательно заблудшее старое. Э. Деладье, подводя в 1963 г. черту под своим бурным политическим прошлым, признавался: в разгар кризисов «идеологические проблемы часто затмевали стратегические императивы». Не часто, а как правило. И не только после Первой мировой войны, но и по окончании Второй.

Итак, 4 января 1933 г. А. Гитлер был определен в душеприказчики Веймарской республики. 30 января президент П. Гинденбург выдал ему мандат на формирование правительства «национальной концентрации» (позаимствуем сей термин у К. Аденауэра). 28 февраля появился декрет «В защиту народа и государства», которым открывалась серия актов, сводивших на нет означенные конституцией гражданские права. Месяц спустя, рейхстаг — при поддержке партии центра — наделил Гитлера чрезвычайными полномочиями. 14 июля имперский кабинет провозгласил НСДАП единственной державной партией. Остальные политические сообщества, а также профсоюзы, распускались.

Вот лишь несколько этапных дат перехода от рубежа, «где Германия кончила 600 лет назад», «к политике будущего — к политике завоеваний» («Майн Кампф»), «Не провинции, а геополитические категории, не национальные меньшинства, а континенты, не

нанесение поражения, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не смещение границ, а перетасовка государства всего Земного шара, не мирный договор, а смертный приговор, — такими должны были быть, по Гитлеру, — цели великой войны».

Спросим: «демократы» этого не знали? Им что, не было известно, где оседают миллиарды британских или американских банков и их филиалов в самой Германии? Что, «Виккерс», «Империял Кемикл», «Стандарт ойл», «Дюпон» и пр. не догадывались, зачем немцам нужно новейшее ноу-хау? Обойдемся без упрощений. Не станем приписывать вся и все нацистскому искусству сколачивать пятые колонны, «разрушать врага изнутри, заставляя его разбить самого себя своими же руками» (Гитлер). Ограничимся констатацией — социальные инстинкты затмевали здравый смысл.

Судя по доступным исследователям данным, правившие структуры США усерднее британцев мостили нацистам путь к власти. Но очевидно и другое. Тяготы кризиса сузили возможности Вашингтона выступать «мировым поводырем». Деляческая посылка В. Вильсона — «перед нами стоит задача финансировать весь мир, а тот, кто дает деньги, должен научиться управлять миром» — дала сбой. «Новый курс» Рузвельта с упором на самодостаточность — ресурсную и оборонную — верстал оппортунизм, выдававшийся за осмотрительность либо за изоляционизм.

Тут же встрял Альбион и, играя на опережение, принялся «осовременивать» версальскую конструкцию. Обычно авторство «пакта четырех» приписывают Б. Муссолини. Первый эскиз соглашения о «сотрудничестве четырех держав в европейских и внеевропейских, в том числе колониальных вопросах» набросал дуче. А не вернее ли, что Муссолини лишь обобщил активно ведущийся обмен мнениями с

Лондоном по поводу сдвигов в политическом климате, сопряженных, не в последний черед, со сменой дорожных знаков в США, с приходом к власти в Германии ультра-радикалов, с разгоравшимся дальневосточным пожаром? Только неисправимо наивные поверят, что премьера Макдональда и его мининдел Саймона можно было заманить в Рим сырой, необкатанной идеей. На кону перегруппировка сил, коррекция версальского кругозора. И логично, что предметом обсуждения на итало-британском саммите стала ревизия договоров, продиктованных после Первой мировой войны Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, предоставление Третьему рейху равноправия в области вооружений, и над всем остальным — наделение «квартета» прерогативой подчинять («воздействовать») своей воле трети страны.

Полтора десятилетия Веймарская республика без толку домогалась очищения от «скверны Версаля». Не минуло и полутора месяцев с момента возведения Гитлера в канцлеры, как Германию одарили статусом великой державы и пригласили на равных с Лондоном, Парижем и Римом вершить европейские дела.

Информируя 23 марта 1933 г. палату общин о римском вояже, Саймон в обоснование военно-политического сговора с Германией и Италией упирал на то, что «лучше мирным путем изменить тот или иной пункт (версальской системы), чем явное нарушение его». О каких «пунктах» велась речь? Наряду с равенством в вооружениях за рейхом признавалось право на пересмотр «законным путем» всех прежних урегулирований. Оговорка, что участники пакта будут согласованно действовать в спорных вопросах, сути не меняла. Куда весомей было признание несовершенств передела мира, учиненного в 1919-1920 гг., фактическое освящение реваншизма в нацистской редакции.

Под гнетом широкого возмущения текст пакта ко дню его парафирования (7 июня 1933 г.) прихорошили ссылками на Устав Лиги Наций, пакет локарнских договоренностей, пакт Бриана-Келлога. Опустили упоминание Австрии, Венгрии и Болгарии. Убрали тезис о «воздействии» на третьи страны. Полноправие Германии в вооружениях связали с подработкой системы обеспечения безопасности всех наций.

В этом виде «пакт четырех» нашел поддержку у США. Вашингтон охарактеризовал его как «доброе предзнаменование». Словесная эквилибристика, однако, не развеяла подозрений и тревог стран Малой Антанты и Польши. Тем не менее 15 июля пакт о «согласии и сотрудничестве» был подписан. Подписан, но не ратифицирован французским Национальным собранием.

Берлин это не обескуражило. Не без сочувствия Лондона он принялся реализовывать задуманное явочным порядком. Ровно два месяца спустя, 15 сентября, немцы ультимативно потребовали полного равноправия в области вооружений, а через четыре недели объявили, что покидают Женевскую конференцию по разоружению и Лигу Наций. Гитлер мотивировал решение соображениями «чести» и отвержением попыток обращаться с «немецкой нацией как бесправной и второразрядной».

Нацистские литавры несколько смутили «демократов». Они предпочли бы менее шумную аранжировку при движении к общей цели. Лондон и правые группировки Франции влекли нацистские приманки: двусторонние проблемы решать полюбовно, а общеевропейские — за счет России. «Отношение Германии к определенным другим странам зависит от того, какова будет точка зрения англосаксонских держав в отношении Германии», — подчеркивал внешнеполитический спикер нацистов А. Розенберг в

ответ на просьбу американского дипломата Н. Дэвиса пояснить подход Берлина к СССР (апрель 1933 г.). Отчего подобная взаимоувязка? Подтекст отчасти раскрывает беседа Гитлера с Раушнингом. Фюрер не исключал сделки с Польшей против России, но добавлял:

«Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с нее я буду начинать».

В мае 1933 г. А. Розенберг донес до сведения британцев «большой план» своего шефа, некоторые его элементы прокомментировал дипломат Бисмарк: «Польша скоро увидит, что Франция ее покинула. Тогда она будет вынуждена отказаться от польского коридора в обмен на право пользоваться вольной гаванью Данцига и на возможные территориальные компенсации (на Украине)...» На замечание канадского интервьюера, что Советский Союз воспротивится подобной компенсации, Бисмарк отвечал: «Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира». Забыл внук железного канцлера заветы деда.

Гугенберг, немецкий министр хозяйства, выступая на Международной экономической и финансовой конференции в Лондоне (июнь 1933 г.), призывал западные державы совместными усилиями положить конец «революции и внутренней разрухе», исходной точкой которых является Россия. Он потребовал, далее, вернуть Германии колонии и предоставить «лишенному территории народу» новые земли, где «эта энергичная раса могла бы расселиться». Гугенберг хватил лишнего и был отозван с конференции. Свежеиспеченные берлинские власти налегали в тот момент на «миролюбие». Надо было обухаживать партнеров по «пакту четырех».

«Пакт четырех» отводил Варшаве роль статиста, место в шеренге безликих «третьих стран». Надежды

на Францию, конечно же, рухнули. В апреле 1933 г. поляки предложили французскому правительству обсудить возможность принятия жестких мер против перевооружения Германии, но услышаны не были. Пилсудский занялся тестированием, на кого ему выгодней облокотиться. Диктатору Польши импонировал хваткий стиль германского диктатора. Он принял к сведению заверения Гитлера, что «германское правительство намерено действовать строго в рамках существующих договоров», и дал отмашку на долгий диалог с инсценировкой консенсуса и лобызаний. На сие поприще Пилсудский отрядил особо доверенных мининдел Ю. Бека и Ю. Липского (с июля 1933 г. посла в Берлине).

Поубавив мрачных тонов при систематизации свершений 1933–1934 гг., СССР и США установили дипотношения. В нотах, которыми 16 ноября обменялись две столицы, выражалась надежда на то, что советско-американские отношения навсегда останутся нормальными и дружественными и им «отныне удастся сотрудничать для своей взаимной пользы и для ограждения всеобщего мира». Воистину, больше всего пострадавших — на переходах от слов к делу. От добрых, разумеется, слов к конструктивному делу.^[28]

Распад Большой Антанты, как результат третирования британцами интересов Франции, охлаждение отношений с Польшей, вздымавшийся германский национализм отрезвляюще подействовали на некоторых французских политиков. 29 ноября 1932 г. был подписан советско-французский договор о ненападении. Потребность в упрочении безопасности повлекла рассмотрение моделей совместного реагирования на подготовку Германии к войне. В декабре 1933 г. Москва предложила заключить с

Францией и Польшей региональное соглашение о взаимной защите от германской агрессии. Включиться в него были приглашены Бельгия, ЧСР, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Кроме «взаимной защиты» от немецких поползновений договаривающиеся страны были бы обязаны оказывать одна другой дипломатическую, моральную и возможную материальную помощь при военном нападении, не означенном в тексте соглашения.

В течение 1934 г. СССР и Франция деятельно продвигали идею восточного пакта. По мысли Л. Барту, он должен был охватить Советский Союз, Германию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию и Чехословакию. Франция, не будучи непосредственным участником пакта, выступала бы гарантом его выполнения. Москва приняла соображения Барту за основу. Совместными усилиями был составлен проект пакта взаимопомощи между восемью названными странами, также увязанного с франко-советским договором о взаимопомощи, который подлежал одновременному заключению.

Со ссылкой на «страх перед советской агрессией» и под утверждения, что «пакт служит окружению Германии», Берлин категорически отказался примкнуть к проекту. Вслед за немцами отвергло пакт польское руководство. Еще раньше против восточного пакта выступил Лондон.

Главная ошибка людей, заметил Клаузевиц, состоит в том, что бед сегодняшних они боятся больше бед завтрашних. Это как раз про поляков. Посол США В. Буллит писал в июле 1934 г. из Москвы госсекретарю К. Хэллу, — отказ Пилсудского участвовать в восточном пакте связан с ожиданием советско-японской войны; маршал хотел бы сохранить свободу рук на востоке, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши».

Борьба против восточного пакта сближала Варшаву, Берлин и Токио. Пилсудский и Гитлер сговаривались касательно аншлюса Австрии и раздела ЧСР и, главное, о совместных действиях против СССР при ожидавшихся осложнениях в Дальневосточном регионе. Практическому наполнению «декларации Липский-Нейрат» (январь 1934 г.) стороны придали подчеркнуто русофобскую окраску к вящему удовлетворению Англии. 27 июля 1934 г. немцы и поляки условились, коль скоро восточный пакт состоится, оформить военный союз с Японией и попытаться вовлечь в него Венгрию, Румынию, прибалтов и Финляндию.

Посылка, что развитие идет к вооруженному советско-японскому конфликту и что он разразится не позднее весны 1935 г., застилала полякам глаза. Им мерещилось, писал Ф. Марек, посол Австрии в Праге, как «при активном участии Японии и посильном участии Германии от России будет отделена Украина». В такт политическому ухаживанию друг за другом Варшава и Токио энергично развивали военно-техническое сотрудничество, налаживали координацию деятельности их разведок и других спецслужб. ^[29]

Судьба, сходная с восточным пактом, постигла советское предложение (май 1934 г.) о преобразовании конференции по сокращению и ограничению вооружений в постоянную конференцию мира, наделенную полномочиями оказывать государствам, над которыми нависла угроза, «своевременную, посильную помощь». Франция и ряд малых стран проявили интерес к этой инициативе и тут же сникли. Англия — безапелляционно против. Госсекретарь США К. Хэлл заявил советскому представителю, что он не может связывать себя определенным «за» или «против» проекта по причине сдержанного отношения

американцев к участию в любой международной организации.

Убийство Л. Барту (9 октября 1934 г.) истончило связующую нить, что наметилась в советско-французских контактах и обещала подвижки на благо европейской безопасности. Новый мининдел П. Лаваль демонстрировал «преемственность» курса Барту. Да, 5 декабря 1934 г. он подписал соглашение, обязывавшее Францию и СССР не вступать с правительствами, приглашенными участвовать в восточном пакте, и в особенности с теми из них, которые пока не выразили готовности присоединиться к пакту, в переговоры, могущие нанести ущерб подготовке восточного регионального пакта или соглашений, с ним связанных. Тем самым выражалось намерение «способствовать усилению духа взаимного доверия в отношениях» между Парижем и Москвой. Неделью спустя к этому соглашению присоединилась Чехословакия. Открылась перспектива выхода на франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи.

Продвижению идеи коллективной безопасности в Европе способствовало вступление СССР в Лигу Наций (сентябрь 1934 г.). Русофобам стало сложнее заглушать голос Москвы, получившей статус постоянного члена совета Лиги.

Да, 2 мая 1935 г. состоялся франко-советский договор о взаимопомощи. Стороны обязывались оказать друг другу помощь и поддержку в случае угрозы нападения «какого-либо европейского государства» и покушений на их территориальную целостность и существующую политическую независимость. Подписанный двумя неделями позже советско-чехословацкий договор о взаимопомощи был средактирован в сходном ключе. Мининдел ЧСР Э. Бенеш оговорил вступление в силу обязательства об

оказании друг другу помощи готовностью Франции выступить в защиту жертвы агрессии.

Последующие годы доказали — эффективность международных актов определяется не совершенством употребленных в них формулировок, но практикой исполнения взятых обязательств. Для Лаваль договоры с СССР и Чехословакией являлись не руководством к действию, а рычагом давления на Германию. «Иметь больше преимуществ» в переговорах с Берлином и предвосхитить сближение немцев с Москвой — так разъяснил французский министр Беку смысл достигнутых договоренностей. Лаваль просаботировал заключение военной конвенции, без которой обязательства о взаимопомощи недорого стоили.

Тем временем в движение пришел «западный фронт». 13 января 1935 г. жители Саара выступили за присоединение к Германии. В канун плебисцита Лаваль публично заявил о «незаинтересованности Франции в исходе голосования». Вердикту в пользу Германии поспособствовали Англия и Италия. И, как следовало ожидать, саарский прецедент подстегнул экспансионистские притязания нацистов. «Фёлькишер беобахтер», например, потребовала проведения плебисцита в «восточном Сааре» — в Мемеле.

«Демократии» стоически не замечали связи между вожделениями нацистов касательно «жизненного пространства» и демонстративной милитаризацией Германии. К началу 1935 г. численность регулярных войск дошла до 480 тыс. человек (против 100 тыс. человек, разрешенных Версальским договором). Советские предостережения не возымели действия — англичане и французы в феврале 1935 г. известили Берлин о готовности погасить — с соблюдением некоторого декора — военные статьи Версаля.

МИД Германии препроводил 16 марта послам Англии, Франции, Польши и Италии текст «закона о воссоздании сил национальной обороны». Вводилась всеобщая воинская повинность, а запланированные 12 корпусов и 36 дивизий объявлялись «армией мирного времени». Тут даже Лавалю покорило нахули нацистов. Он отважился внести в Лигу Наций предложение о коллективном протесте. Забегая в апрель, отметим, что старания Англии заблокировать принятие любой резолюции с антинацистской окраской не сработали. Совет Лиги квалифицировал закон от 16 марта как нарушение действовавших урегулирований, на что Берлин заявил — Лига Наций не имеет права выступать «судьей Германии».

Форин-офис слегка пожурил немцев за угловатость и предложил себя в модераторы. Британская консервативная пресса прокомментировала линию Альбиона достаточно внятно: «принудительные меры в отношении Германии не должны предприниматься. Локарно было ошибкой, а восточное Локарно было бы еще большей ошибкой».

В беседах с Саймоном (24–26 марта 1935 г.) Гитлер убеждал гостя, что только национал-социализм способен «сохранить Германию, а также всю Европу от самой страшной (большевистской) катастрофы». Но это станет возможным, напирал фюрер, если Германия вооружится. Возражений со стороны Саймона, судя по записям бесед, не последовало.

21 мая 1935 г. Гитлер презентовал общественности уточненный вариант «программы мира». Отвергая в принципе пакты о взаимопомощи и, соответственно, осуждая франко-советский договор, он выражал готовность заключать двусторонние договоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы. Нарушителями Версальского договора фюрер объявил другие страны и выступил за урегулирование

взаимоотношений немцев с границей на базе «морального разоружения». В подтверждение германской покладистости был опубликован закон о всеобщей воинской повинности. Численность вооруженных сил рейха доводилась в течение года до 700 тыс. человек, танковый парк — до 3 тыс. единиц, число самолетов — до 2 тыс., орудий — до 3,5 тыс.

Сменивший Макдональда на посту британского премьера Болдуин вместе с Хором, принявшим от Саймона Форин-офис, поддали жару «умиротворению» Гитлера. 18 июня 1935 г. была подписана англо-германская морская конвенция. Она легализовала выход нацистов в море. Мощность германского ВМФ могла отныне равняться 35 % от совокупного британского тоннажа, а по подводным лодкам — даже 45 %. Предусматривалось последующее повышение контрольной планки для немцев. Балтийское море отдавалось на откуп немцам. Состав морских сил рейха фактически уравнивался с французским флотом.

Но, пожалуй, не менее важно следующее. До середины 1935 г. в гонке вооружений Берлин вел сольную партию, пусть и под аккомпанемент Лондона. Теперь темпы обрушения Версаля зашумелись. Британские тори и германские наци двойной тягой тащили мир к краю пропасти.

Муссолини не захотел отставать от германского собрата. Он загодя запасся одобрением Парижа и Лондона, а также толерантностью Вашингтона при планировании захвата Эфиопии (Абиссинии). Старт операции походил на японскую схему «освоения» Китая. В декабре 1934 г. итальянцы атаковали отряд эфиопов в оазисе Уал-Уал, расположенном в глубине страны, и приступили к сосредоточению войск вдоль ее границ. Правительство Аддис-Абебы обратилось в Лигу Наций с требованием принять меры, способные сдержать агрессию. Лига образовала «комитет пяти», потом

«комитет восемнадцати». На нечто большее, чем создание видимости санкций, Лига не сподобилась. Введение ограничений на поставки военных материалов было не по Италии. У нее оружие имелось в избытке. Страдала Эфиопия. Ахиллесова пята итальянцев — зависимость от внешних поставок нефти. Но только 10 государств, в том числе СССР, Румыния, Ирак и Голландия, выразили готовность перекрыть краны. Официальный Лондон сделал все, чтобы затянуть обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях», и между тем британские и американские концерны нарастили нефтепотоки в Италию.

В общем и целом воспроизводилась история с комиссиями, что тянули канитель в Маньчжурии. С парой поправок Вашингтон получил разведывательные данные о подготовке Италии к захвату Эфиопии в августе 1934 г. В декабре госсекретарь К. Хэлл дал указание американскому поверенному в делах в Аддис-Абебе воздерживаться от любых шагов, способных поощрить правительство Эфиопии на обращение к Соединенным Штатам с просьбой о посредничестве. В предвидении серьезных осложнений в Европе, Азии и Африке конгресс принял в августе 1935 г. так называемый «билл о нейтралитете». Буквально в канун перехода итальянцев к широкомасштабным действиям против Эфиопии распоряжением Рузвельта «билл» ввели в действие. Таким образом, Вашингтон загодя освобождал себя от моральной и политической потребности примкнуть к антиитальянским санкциям и демаршам, коль скоро таковые прорисовались бы, или иным способом выражать сочувствие жертве агрессии.

Японцы извлекли свои уроки из эфиопской кампании Италии. Для подавления сопротивления фашистские войска широко применяли боевые отравляющие вещества. «Демократии» бесстрастно созерцали. Почему бы для быстреего завершения «экспедиции»

не прибегнуть к ОВ и в Китае, спрашивал себя Токио. Спросил и свыше 530 раз прибегал к этому бесчеловечному оружию, а затем «поэкспериментировал» и со смертоносными бактериями. Но поскольку «экспедиции», «инциденты», «ситуации» принимались за что угодно, только не за войны, то на них не распространялись Гаагская и Женевская конвенции. «Никаких правил» значило «никаких запретов», и, стало быть, во Второй мировой войне химическое и бактериологическое оружие не применялось.

Откройте справочники со сводными данными о потерях во Второй мировой. До 1 сентября 1939 г., принятого с подачи «демократий» за дату начала войны, японская агрессия стоила Китаю около 20 млн убитых. Всего же «экспедиция» Токио обошлась китайскому народу в 30–35 млн жизней. Число жертв от агрессии Италии против Эфиопии оценивается сугубо приблизительно — 500–600 тыс. человек. Устроенный Римом и Берлином мятеж Франко и итало-германская интервенция погубили около 1,5 млн испанцев. Но эти преступления набраны петитом в исторических хрониках, если поминаются вообще. Сгинули миллионы в небытие, как слиняли с политической карты государства Австрия, Эфиопия, Чехословакия, Албания. «Стечение обстоятельств», уверяют общественность апологеты «умиротворения», когда им приходится объяснять не в меру любопытным генезис мировой катастрофы.

«Умиротворение» имеет несколько ипостасей. Под этим ярлыком может идти и принуждение к миру, и ублажение агрессора, и, самый скверный, перенацеливание разрушительной энергии сообщника или даже соперника против основного антагониста. По принципу — враг моего врага есть друг. К середине 30-х гг. расклад сил на международной арене обрел

четкую конфигурацию. О социально-корпоративные и имперские догмы «демократов» разбились идеи неделимости безопасности и ее коллективного обеспечения. Региональные конфликты и очаги напряженности сплавлялись в глобальный взрыв.

Именно тогда внутри Германии военная элита переняла гегемонистские устремления нацистов и присягнула на верность Гитлеру, развернулась милитаризация экономики, науки, школы, информатики страны, перевод на военные рельсы ее внешней политики. Статс-секретарь МИД Германии фон Бюлов вместе с группой единомышленников пытался препятствовать адаптации «восточного курса» к новейшим поветриям. «К сожалению, — отмечает профессор И. Фляйшхауэр, — со смертью Бюлова и приходом на Вильгельмштрассе Риббентропа эта борьба преждевременно закончилась. Вместе с Бюловым в Троицын день 1936 г. умерло старое министерство иностранных дел»^[30].

В марте 1936 г. Гитлер аннулировал локарнские договоренности и отдал приказ «германским войскам» войти в демилитаризованную рейнскую зону. И всего-то этих войск набралось около 30 тыс. человек, из них Рейн пересекли, чтобы продефилировать в Аахене, Трире и Саарбрюккене три батальона. На 48 часов нацистским правителям достало волнений: неужели сойдет с рук? «Европа наблюдала. Никто не действовал», — читаем мы в монументальном труде «Германский рейх и Вторая мировая война»^[31].

Причин поразмыслить и сделать выводы имелось в избытке. Аргументация разрыва Берлина с Локарно не могла не настораживать: заключив договор о взаимопомощи с СССР, Франция совершила враждебный шаг по отношению к Германии. В переводе на общепонятный язык это означало: попытки закрепить

статус-кво на Востоке будут оборачиваться расшатыванием статус-кво на Западе.

В октябре 1936 г. Берлин и Рим подписали секретный протокол о взаимодействии. Через месяц был заключен антикоминтерновский пакт Германии с Японией. В секретном приложении к нему объектом притязаний его участников значился Советский Союз. На случай возникновения или угрозы войны между Страной Советов и одной из договаривающихся сторон другая сторона обязывалась не «предпринимать никаких мер, осуществление которых могло бы облегчить положение СССР». Было, кроме того, условлено, что Германия и Япония не будут вступать с Москвой в какие-либо политические договоры, противоречащие духу пакта. В ноябре 1937 г. к пакту присоединились Италия и Венгрия, в 1939 г. — франкистская Испания и Маньчжоу-Го, в 1941 г. — Болгария, Финляндия, Румыния, Дания, Словакия, Хорватия. «Стальной пакт» (1939 г.) и тройственный пакт (1940 г.) увенчали блокирование агрессоров во Второй мировой войне.

Британский премьер С. Болдуин признавал в 1936 г., что в случае вооруженного конфликта Англия «могла бы разгромить Германию с помощью России, но это, по-видимому, имело бы своим результатом лишь большевизацию Германии». Он предпочел продолжить линию, исходившую из того, что «потребность в экспансии толкнет Германию на восток, поскольку это будет единственной открытой для нее областью, и, пока в России существует большевистский режим, эта экспансия не может ограничиться лишь формами мирного проникновения» (меморандум МИД Англии от 17.02.1935 г.) Дабы так и произошло, Альбион не скупился ни на комплименты Гитлеру, ни на подсказки, как лучше обеспечить немцев «жизненным пространством».

В ходе визита в Берлин (ноябрь 1937 г.) глава МИД Англии лорд Галифакс благодарил фюрера за «великое дело» — «уничтожив коммунизм в собственной стране, он закрыл ему путь в Западную Европу». Тем самым Германия заслужила право считаться «оплотом Запада против большевизма». Создана основа взаимопонимания между двумя державами, от коего не стоило бы отлучать Францию и Италию. «Хозяевами дома», подчеркивал Галифакс, должны были бы выступать эти четыре державы, и только они.

Гитлер обусловил «взаимопонимание», в частности, аннулированием Францией и Чехословакией договоров о взаимопомощи с СССР, как осложняющих европейскую ситуацию и подстегивающих гонку вооружений. И словно малиновый звон в ухо британцу:

«Лишь одна страна — Советская Россия — могла бы выиграть от всеобщего конфликта». Принимая эстафету, Галифакс заявил: Лондон «смотрит в глаза (потребности) подлаживания к новым обстоятельствам, исправления прежних ошибок и на ставшие необходимыми изменения существующих реалий». «Мир, — по словам лорда, — не статичен, и никакие модальности перемен в существующих реалиях нельзя исключать». В нарушение британской традиции Галифакс не оставил собеседнику расшифровывать ребусы и продолжал: «рано или поздно» в европейском порядке произойдут подвижки, которых желает Германия, конкретно — «в вопросах, касающихся Данцига, Австрии, и Чехословакии». Англию заботит лишь, чтобы «перемены эти состоялись посредством мирной эволюции».

Выводы напрашивались сами собой: хватай перво-наперво то, что даруют. С накоплением могущества откроются новые возможности. Гитлер не обманывал себя и знал, что его стратегия молниеносных действий, построенная на предельном напряжении сил, не

допускала серьезного сбоя. Неудача на старте могла бы стать началом конца. 5 ноября 1937 г. Гитлер созвал совещание с участием Геринга, военного министра Бломберга, министра иностранных дел Нойрата, главнокомандующих родами войск. Если в памятной записке к «четырёхлетнему плану» (август 1936 г.) он требовал: Германия должна подготовиться к войне с любым противником к 1940 г., то на сей раз задача ставилась так: «проблема германского пространства» подлежит решению к 1943–1945 гг. Австрия и Чехословакия — затравка и выверка британской покладистости, степени заинтересованности «демократий» в сколачивании всемирного альянса против СССР.

12 марта 1938 г. Германия присоединила Австрию. Двумя днями ранее Г. Вильсон, главный советник Н. Чемберлена, просветил Берлин, что предстоявшее подведение черты под австрийским вопросом не помешает Лондону «продолжать курс на согласие с Германией и Италией». Интересами СССР, заметил англичанин, можно пренебречь: «в один прекрасный день господствующая там система должна исчезнуть». Британцы погасили минутный порыв французов заступиться за Австрию. Обращаясь к палате общин, Чемберлен «сурово порицал» тех, чьи разглагольствования о применении силы, чинят помехи дипломатии. Правительство его величества не готово принимать никаких обязательств в отношении района, где интересы Англии «не затрагиваются в такой степени, как это имеет место быть в отношении Франции и Бельгии».

Кое-что должно было перепасть от лондонских щедрот и Италии, не выказывавшей восторга от аншлюса Австрии. 16 апреля 1938 г. Чемберлен и Муссолини подписали договор о дружбе и сотрудничестве, скрепивший английское признание

захвата итальянцами Эфиопии. Тут же и Франко получил от премьера статус воюющей стороны. Путь к довершению распятия Испанской республики был расчищен.

Германия, конечно, не являлась удобным партнером. Однако неудобства с лихвой окупались ее «непримиримой враждой» к Советскому Союзу. Требовалось только подобающим способом ее канализировать. В ноябре 1937 г. Англия и Франция сговорились «уступить» Гитлеру Чехословакию. Установку — Англия не пойдет на войну из-за Чехословакии — Чемберлен обосновал без витийств: «Достаточно посмотреть на карту, и станет ясным — ничто из того, что в состоянии сделать Франция или мы, не может уберечь Чехословакию от нашествия немцев, если они на него решатся... Поэтому я отказался от мысли дать какие-либо гарантии Чехословакии, а также французам в контексте их обязательств по отношению к этой стране». Он требовал искать «решение, приемлемое для всех, кроме России».

Заявлением в палате общин Чемберлен ответил на мартовское (1938 г.) предложение советского правительства созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, США и Чехословакии, чтобы противопоставить «большой союз» нацистским планам закабаления мира. Готовность Москвы выполнить свои военные обязательства перед Чехословакией Лондон расценивал как неприемлемый для его политики вызов. Было бы «несчастьем, — слова премьера, — если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи».

Прага и Париж откликнулись, было, на советскую инициативу, но сразу сникли. Поставленные перед альтернативой — СССР или Британия, они поддались последней. Англичанам не подошла также инициатива Вашингтона по созыву конференции для «очищения» мировых проблем и выработки «правил» мирного

международного сотрудничества. Мотив — «любое вмешательство Соединенных Штатов в европейские дела» не допустимо. Соответственно, американцы не прореагировали на советское приглашение включиться в усилия по спасению ЧСР Позднее госсекретарь К. Хэлл напишет: ответа не последовало, чтобы не разочаровывать советскую сторону формальным «нет».

Б. Селовский, автор солидного исследования «Мюнхенское соглашение», констатировал: западные державы руководствовались «не принципами демократии и права, а антисоветизмом». Англия была преисполнена решимости не допустить «полуазиатскую» Россию в Европу^[32].

Крайний экстремизм был присущ Варшаве в канун аншлюса Австрии и Мюнхенского сговора. Мининдел Ю. Бек увязывал германские претензии на Австрию с польскими планами по «освоению» Литвы. Сговор скрепили заявлениями Бек — Герингу (январь 1938 г.) и Геринг — послу Липскому (март 1938 г.). В предвидении советских контршагов правители рейха предложили условиться о «польско-германском военном сотрудничестве против России». 17 марта Липский получил указание информировать Геринга о готовности Варшавы учесть интересы рейха в контексте «возможной акции». Имелось в виду, что польские и германские войска войдут в соответствующие районы Литвы одновременно. Антилитовскую затею сорвало советское предостережение. В отместку поляки повели дело к сколачиванию враждебного Советскому Союзу альянса (западные соседи СССР плюс Югославия и Греция), рассчитывая затруднить оказание нашей помощи Чехословакии и Франции в случае их конфликта с Германией.

Из слов польского посла в Париже Лукашевича (беседа с послом США 25 сентября 1938 г.) вытекало,

что Варшава и Берлин обговаривали возможность синхронных военных действий против Чехословакии, не подчинись Прага политическому давлению. В этом случае помимо Тешинского анклава польские войска вошли бы также в Словакию, образовав общий фронт с «дружественной Венгрией». Поляки рыли себе яму. Обязательства Франции перед ними не могли иметь большей практической ценности, чем обещания Парижа поддерживать ЧСР. Раздел Чехословакии делал стратегическое положение Польши в противостоянии с Германией безнадежным^[33].

Мюнхенское соглашение было выработано без участия правительства ЧСР и подписано Германией, Великобританией, Францией, Италией 29 сентября. Образцовый диктат. В нем устанавливалось, что ввод германских войск в «районы с преобладающим немецким населением начнется с 1 октября» и завершится за неделю. Дополнительные соглашения определяли порядок отторжения от Чехословакии районов, где компактно проживало «польское и венгерское меньшинство».

Попутно 30 сентября 1938 г. англо-германской декларацией были оформлены соглашения, «символизирующие желание двух народов никогда более не воевать друг с другом». Лондон и Берлин обязались использовать метод консультаций «для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться двух стран», выразили решимость продолжать «усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Французам немцы тоже пообещали мир и стабильность границ, как и взаимные консультации на случай международных осложнений. Декларацию с набором заверений в добрососедстве Ж. Боннэ и И.

Риббентроп подписали 6 декабря 1938 г. «Устранялись, — отмечал Риббентроп, — последние остатки опасности франко-русского сотрудничества». Информирова французских послов об итогах переговоров с главой МИД Германии, Бонне писал: «Германская политика отныне ориентируется на борьбу с большевизмом. Германия проявляет свою волю к экспансии на Восток». Еще бы — при подготовке декларации Париж уверял Берлин, что не будет «интересоваться восточными и юго-восточными делами».

Подзабытый эпизод. На встрече в Мюнхене Чемберлен и Даладье предложили Гитлеру и Муссолини приостановить «гражданскую войну» в Испании, чтобы затем совместными усилиями склонить конфликтующие стороны к компромиссу. Нацисты решительно отклонили сей демарш. МИД Германии однозначно высказался за продолжение «гражданской войны» ради учреждения в Испании «авторитарного государственного правления с военным уклоном», что представлялось важным с точки зрения создания «наиболее благоприятных условий» для Германии и Италии в ожидании европейского конфликта.

Интервенцией в Испанию нацисты решали задачу ресурсного обеспечения своей военной промышленности. К осени 1939 г. под контроль Германии перешло более 70 испанских горнодобывающих предприятий. Использование Испании в качестве военного полигона для испытания в деле новейших систем оружия — авиации, танков, артиллерии, а также подготовки личного состава, их обслуживающего, не нуждается в пояснении. Стоит лишь упомянуть, что в «помощь» Франко немцы и итальянцы вложили от 1,5 до 2 млрд марок. Потери тоже впечатляли. Итальянским контингентам сражения

с республиканцами стоили порядка 50 тыс. убитыми и ранеными.

«Демократии» располагали обширным набором возможностей дать отпор агрессорам. В союзе с СССР и даже без него. Но никак не против Советского Союза. Любой из вариантов предполагал верность долгу и твердость. В наличии не оказалось ни того ни другого. Желание снискать нацистскую «покладистость» и приручить дуче было у Лондона столь велико, что он пускался в фальсификацию позиции Франции, когда говорил от ее имени. В беседе с Гитлером 27 сентября 1938 г. Г. Вильсон, дабы «не раздражать фюрера», заменил в предостережении Франции слова «наступательные действия» на «активные враждебные действия». Даже эта смягченная редакция побудила фюрера прислушаться к рекомендациям своих генералов и не манкировать, как он изначально намеревался, предложением Муссолини собраться вчетвером в Мюнхене.

Убедив себя, что скорый триумф в случае войны с Германией не реален, а война на измор социально опасна для Британской империи, Чемберлен все поставил на одну карту — на сделку с Гитлером. 1 сентября 1938 г. Г. Вильсон известил поверенного в делах Германии Т. Кордта, что при достижении согласия между Англией и Германией мнения Франции и ЧСР можно будет пренебречь. Урегулирование чехословацкого кризиса, посулил Вильсон, откроет Германии простор для экономической экспансии в Юго-Восточную Европу. В письме королю Георгу VI Чемберлен (13 сентября 1938 г.) упирал на намерение превратить Германию и Англию в «два столпа мира в Европе и оплоты против коммунизма».

После Мюнхена Лондону, Парижу и многим в Вашингтоне привиделось, что игра стоила свеч, зажженных за упокой Эфиопии, Испанской республики,

Австрии, теперь Чехословакии. Бывший президент США Г. Гувер открыто заявлял: если не мешать германской экспансии, «естественно ориентированной на Восток», Западной Европе нечего опасаться третьего рейха. Оставалось, чтобы также думали и в Берлине.

Поначалу все, как будто, сходилосъ. Нацистское руководство интенсивно прощупывало, насколько Варшава созрела для превращения сотрудничества, наладившегося во время аншлюса Австрии и ликвидации ЧСР, а также при параллельных контактах с Японией в военный союз против СССР. Принципиальных возражений касательно движения на восток у поляков не возникало. Они склонялись поддержать подобный разворот с условием, что вермахт обрушится на «большевистскую Россию» в обход территории Польши, например, через Прибалтику или Румынию. Диалог МИД Польши с румынским правительством показывал, что почва для немецкого обращения к Бухаресту имелась.

Встреча Риббентропа 24 октября 1938 г. с послом Липским и его же беседы с Беком в Варшаве 6 и 26 января 1939 г. вроде бы подтверждали, что Польша будет на стороне Берлина в германо-советском конфликте. Но это впечатление померкло после 15 марта 1939 г., когда вермахт прихватил остатки Чехословакии. Нацисты заранее не посвятили польских партнеров в свои намерения презреть территориальные прописи Мюнхена.

Настроение в Варшаве не поднялось от того, что Лондон и Париж приняли этот новый агрессивный акт Германии к сведению без комментариев. Вашингтон тоже не обнаружил озабоченности, если она вообще имелась. Помощник госсекретаря А. Берли заметил, что президент, как и многие англичане, возможно, надеялся, что германская экспансия на восток облегчит положение Англии и Франции. Посол У. Буллит указывал на стремление англичан и французов после

Мюнхена довести дело до «войны между германским рейхом и Россией», под финал которой «демократий» смогли бы «атаковать Германию и добиться ее капитуляции». У. Черчилль был категоричней — он считал, что война уже началась, хотя и не уточнил, кого с кем.

По прикидкам Гитлера 1937 г., основные военные операции, которые выведут Германию на искомое «жизненное пространство», развернутся «не позднее 1943–1945 гг.». Затем «день икс» он перенес на 1942 г. Японцы находили 1946 г. наиболее удобным временным рубежом для подчинения Индонезии, Филиппин и прочих территорий Южной Азии и Океании. США собирались к этому сроку покинуть свои филиппинские базы. Наряду с экономическими выкладками в пользу форсирования развязки говорили, по мнению нацистских правителей, растерянность и податливость западных держав. Психологически и материально «демократии» не были настроены на пробу сил.

Представляются сомнительными утверждения, будто осенью 1938 г. Гитлер созрел для крутого виража: Германия подчинит Францию прежде, чем он, фюрер, отдастся призыву своей жизни — уничтожению России. В июне 1939 г. Геринг в разговоре с британским послом Гендерсоном обронил фразу: если бы Лондон подождал «хотя бы 10 дней» с выдачей гарантий Польше, ситуация сложилась бы совсем иначе. То же самое повторил Гитлер Чиано 12 августа 1939 г. Схожее услышал Саймон от Гесса после не совсем удачного приземления заместителя фюрера в Шотландии. По версии Гесса, поляки склонялись к принятию немецких условий и по Данцигу, и по коридору, но изменили свою позицию под влиянием Англии. Оценки Гитлера, Геринга и Гесса подтверждаются французскими источниками.

В политико-правовом смысле Советский Союз был отброшен к дорапалльскому положению. Париж положил франко-советский договор о взаимопомощи на лед. Союзный договор с Чехословакией скончался вместе с этим государством. Отношения с Германией находились в расстройстве. При нападении с запада или с востока СССР мог рассчитывать лишь на себя и гадать, какие театры в войне будут главными, кто и какую позицию займет, когда умолкнут дипломаты и заговорит оружие. Многие указывало на то, что следующим в нацистском графике агрессии записан Советский Союз.

Министра иностранных дел Риббентропа занимали выгоды разрыва отношений с СССР как стимула для вовлечения Японии в полновесный военный союз с Германией и для навязывания Москве войны на два фронта. Но тогда же, к концу 1938 г., группа дипломатов старой школы предалась изучению вариантов разыгрывания «русской карты» в германских интересах. Пока так и не прояснено, кто лично инициировал поиск неординарной мысли — вместо разрыва, по возможности, нормализация отношений с Советским Союзом: деятельный Шуленбург, германский посол в Москве, т. н. «русская фракция» в самом МИДе или же кто-то со стороны. Тут порой всплывает имя Геринга.

Без вспомоществования свыше не обошлось, по меньшей мере при улаживании разногласий между дипломатами и экономическими инстанциями рейха, когда вырабатывалась экономическая оферта Москве. Как бы то ни было, 22 декабря 1938 г. в торгпредство СССР в Берлине поступило предложение заключить правительственное соглашение, по которому советская сторона получала бы кредит в 200 млн марок для закупок немецкой промышленной продукции в обмен на

встречные поставки в течение двух лет советских сырьевых товаров.

11 января 1939 г. полпред (посол) А. Мерикалов известил германский МИД, что советская сторона готова вступить в соответствующие переговоры и приглашает немецких уполномоченных прибыть с этой целью в Москву. Буквально на следующий день Гитлер — во время новогоднего приема дипкорпуса — проявил повышенное внимание к советскому послу и тем дал пищу для спекуляций о намерении «выровнять» советско-германские отношения. Жест фюрера и кредитный зондаж предназначались больше Лондону, Парижу и Варшаве, должны были оживить «кошмары Рапалло», сделать три столицы восприимчивей к нацистским запросам. Так, между прочим, истолковали сии эпизоды британские эксперты, о чем свидетельствует специальное досье в архиве МИД Великобритании.

Пару недель слабо мерцавший огонек поддерживался в немецкой лампаде. Была запрошена советская виза для советника МИД Германии К. Шнурре. Он даже сел в поезд, направлявшийся в Москву, но был снят с него в пути следования, чтобы «не дразнить поляков, коих обхаживал и уламывал Риббентроп, не совсем, если верить Гитлеру, Герингу, Гессу и Мольтке, безрезультатно. Дальше затишье и повод сделать промежуточное замечание: инициатива «оживления» отношений с СССР принадлежала немецкой стороне и имела сугубо прикладное назначение — облегчить продвижение на совсем других направлениях, враждебных Советскому Союзу.

Кочующее из публикации в публикацию утверждение, будто советско-германский диалог открылся отчетным докладом Сталина на XVIII партийном съезде (10 марта 1939 г.), или, вернее, двумя его тезисами: «проводить и впредь политику

мира и укрепления деловых связей со всеми странами», «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками», — легенда. Ни в германском посольстве в Москве, ни в берлинском МИДе эти тезисы не привлекли особого внимания.

Осталась без комментариев также констатация докладчика: «война, так незаметно подкрадываясь к народам, втянула в свою орбиту свыше 500 млн населения, распространив сферу действия на громадную территорию от Тяньцзина, Шанхая и Кантона через Абиссинию до Гибралтара; новая империалистическая война стала фактом... На наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния». Одновременно оговаривалось, что «неагрессивные демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении». Если не вырывать из контекста отдельные куски, не сложно установить, какой адрес был для СССР на тот момент предпочтительней.

Возможно поэтому, или алогизмы бытия так повелели, первыми среагировали на доклад Сталина англичане. 18 марта 1939 г. Галифакс известил И. Майского и в тот же день британский посол Сидс М. Литвинова о давлении Германии на Румынию и поинтересовался, не собирается ли СССР что-либо предпринимать в случае нацистской агрессии. Начались затяжные англо-советские, чуть позднее — англо-франко-советские контакты и переговоры.

Германские правители повторно вытащили из колоды «русскую карту» после того, как англичане упредили заготовленный Ю. Беком финт, по-видимому, обговоренный с Берлином — министр намеревался в ходе визита в Великобританию объявить, что доверие к Парижу и Лондону утрачено и Варшава переключается

на сотрудничество с рейхом. Кабинет Чемберлена 30 марта 1939 г., еще до прибытия Бека, опубликовал одностороннее заявление о готовности защитить Польшу, если она подвергнется нападению. Неделью спустя заявление превратилось в польско-британский договор о взаимопомощи «на случай любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон». Сходные заверения Лондон дал вслед за тем Румынии и Греции.

Мотив прилива решимости Альбиона — «не защита отдельных стран, которые могли оказаться под германской угрозой, а стремление предотвратить установление германского господства над континентом, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей (британской) безопасности» (протокол заседания правительства Великобритании). Постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган тридцатью годами позже признавал: Чемберлен «поставил себе дорожный знак. Он связал себя обязательствами, и в случае германского нападения на Польшу больше не могло быть мучительных сомнений и колебаний». Гарантии являлись, по выражению Кадогана, «ужасной игрой», ибо Лондон, как и Париж, не собирался воевать за Польшу в поле.

Британские военные руководители доказывали, что «без немедленной эффективной помощи со стороны России поляки смогут противостоять германскому наступлению ограниченное время... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны... Напротив, при срыве переговоров с русскими возможно сближение между Россией и Германией». В чемберленовском табеле ценностей идеологическая чистота стояла выше военных предостережений и выгод.

На смену британских дорожных знаков Гитлер ответствен за приказом готовить вторжение в Польшу. 3 апреля В. Кейтель поставил перед командующими вооруженными силами задачу — приступить к реализации плана «Вайс» так, чтобы операция могла начаться в «любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.». Десять дней спустя, Гитлер утвердил окончательный вариант плана:

«Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в данном случае, то есть ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на него способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, т. к. означало бы ее уничтожение большевизмом.

Позиция лимитрофов (прибалты и Финляндия) будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим».

Замечаем — 11 апреля Гитлер числил СССР среди противников. И, тем не менее, в середине апреля германским дипломатам давалась инструкция: при первом подходящем случае заняться тем, что фюрер назвал «инсценировкой в германо-русских отношениях нового рапалльского этапа». Повод дало обращение А. Мерекалова в МИД Германии с протестом ввиду чинившихся немецким командованием в Чехословакии препятствий выполнению фирмой «Шкода» советских заказов, выданных ей в апреле-июне 1938 г. До этого, еще 18 марта 1939 г., советская сторона

зафиксировала, что не признает актов, объявлявших Чехословацкое государство несуществующим, а оккупацию Чехии германскими войсками и последующие действия Берлина квалифицировала как «произвольные, насильственные и агрессивные», нарушающие политическую устойчивость в Средней Европе и увеличивающие тревогу среди народов.

Статс-секретарь Э. Вайцзеккер принял советского посла 17 апреля. А. Мерекалов не отразил в телеграмме в Москву концептуальные особенности речений собеседника. Между тем Э. Вайцзеккер, согласно немецкой записи беседы, установил взаимозависимость экономического обмена и тона политических отношений. Он дал понять, что Советскому Союзу не удастся выстраивать равные отношения с Германией и Англией, «ответственной за напряженность в Европе».

Через месяц советник МИД Германии К. Шнурре известил советского поверенного в делах Г. Астахова (Мерекалов был снят с дистанции), что Берлин «положительно изучит» возможность оставления в силе на территории «протекторатов Богемии и Моравии» положений советско-чехословацкого торгового договора 1935 г. 20 мая немцы подняли уровень контактов. Посол Ф. Шуленбург запросился на прием к В. М. Молотову, возглавившему Наркомат иностранных дел. Молотов обошелся с послом жестко, приписав немцам желание использовать экономические переговоры в недостойных играх. «Полная сдержанность» — постановили в Берлине, пока русские сами не подадут сигнал. Москва безмолвствовала. Следующий шаг опять исходил от немцев.

30 мая Э. Вайцзеккер пригласил Г. Астахова. МИД Германии, заявил статс-секретарь, вступил в контакт с советской стороной по распоряжению фюрера и действует под его наблюдением. «России, — продолжал Вайцзеккер, — предоставляется в немецкой

политической лавке весьма разнообразный выбор — от нормализации отношений до непримиримой вражды». В своем дневнике он отразил атмосферу встречи в словах: «Германия вносит инициативные предложения и наталкивается на недоверие русских». В тот же день до Шуленбурга была доведена новая тактическая схема розыгрыша «русской карты» — за исходную точку контактов выдавалось ходатайство о предоставлении торгпредству в Праге статуса филиала торгпредства СССР в Берлине. Поскольку это тянуло за собой ряд принципиальных моментов, в рассмотрение советской просьбы включился имперский министр иностранных дел, нормализация отношений увязывается с наличием обоюдной заинтересованности.

В мае-июне 1939 г. на роль посредника между Германией и СССР вышел итальянский министр иностранных дел Г. Чиано. Он первым делом подсыпал сомнений в искренности Лондона: «Англия будет тянуть с (англо-франко-советскими) переговорами, и может настать момент, когда будет уже поздно, и вы сами не захотите торопиться со вступлением в коалицию». Он выразил полную поддержку «плану Шуленбурга», который агитировал свое правительство встать на путь решительного улучшения отношений с СССР и для этого рекомендовал:

- (1) оказать содействие урегулированию японо-советских отношений и ликвидации пограничных конфликтов;

- (2) предложить Москве заключить пакт о ненападении или вместе гарантировать независимость Прибалтийских стран;

- (3) прийти к широкому торговому соглашению.

28 июня Шуленбург запросился на визит к Молотову, чтобы «поделиться впечатлениями» от своей поездки в Берлин. Посол пространно говорил об отсутствии у Германии «злых побуждений» и сослался, в частности, на тот факт, что она не аннулировала Берлинский договор о нейтралитете. «Германское правительство, акцентировал Шуленбург, желает не только нормализации, но и улучшения отношений с СССР», заметив, что это заявление он делает по поручению Риббентропа и оно «одобрено Гитлером». После доклада в центр о встрече с Молотовым Шуленбург получил указание: «сказано достаточно», впредь до поступления новых инструкций от политических бесед воздерживаться.

Наступила пауза продолжительностью около месяца. Паузы в политике — понятие условное. Берлин отнюдь не бездействовал ни в июле, ни раньше, ни позже. Велись интенсивные переговоры с японцами и итальянцами о военном союзе, с англичанами о сбалансировании региональных и глобальных интересов. Риббентроп сделал Варшаве предложение: образовать германо-польский альянс для «совместного подавления Советской России» и отторжения Украины, подлежавшей полюбовному разделу. Польские правители жались. Чемберлен и Галифакс подбивали их к «мирному решению» проблемы Данцига и коридора, но вместе с тем советовали не бросаться в объятия рейха.

Клубок запутаннейший: Лондон занят обменом мнениями с японцами и немцами, с французами и поляками, с греками и турками, с американцами и русскими; Берлин перетягивает канат с англичанами, играет в кошки-мышки с поляками, ищет способы теснее привязать к себе японцев, не подчиняя собственные планы стратегии Токио; Вашингтон в позе сфинкса; Москва выясняет отношения с англичанами и

французами, переполнена недоверия к немецким посулам, одной ногой в войне с Японией. Как все решится?

На май-август 1939 г. пришелся пик событий на реке Халхин-Гол. В развернувшихся кровопролитных сражениях участвовали с обеих сторон десятки тысяч солдат при поддержке крупных сил авиации и танков. Потери в живой силе сравнимы или превышают число убитых и раненых при захвате нацистами Польши. Не случайно, что развитие ситуации на Халхин-Голе скрупулезно калькулировались в кратко- и среднесрочных планах агрессивных держав и их умиротворителей.

Германский посол в Токио Э. Отт телеграфировал 7 июня 1939 г. Э. Вайцзеккеру: «Вечером 5 июня послу Осиме (японский посол в Берлине) направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии». Аналогичного обязательства японцы на основе взаимности ожидали от немцев. Сообщение Отта дополнил Р. Зорге в донесении Генеральному штабу РККА 24 июня: в случае войны между Германией и СССР Япония автоматически включается в войну против Советского Союза; в случае войны Италии и Германии с Англией, Францией и СССР Токио также в автомате присоединяется к Германии и Италии; если Германия и Италия начнут войну только против Франции и Англии (Советский Союз не будет втянут в войну), Япония будет считать себя союзником Германии и Италии, но военные действия против англичан и французов начнет в зависимости от общей обстановки. Если, однако, интересы «тройственного союза» потребуют этого, то Япония вступит в войну немедленно.

Доступные материалы показывают, что формула автоматизма смущала Берлин. От Токио зависело, как ранжировать те же события на Халхин-Голе — продолжать выдавать их за «инцидент», вызванный «неясностью» прохождения границы, либо поднять ставки, и союзническую помощь СССР Монголии превратить в казус белли и для Германии. Кроме прочего, немцы держались не слишком высокого мнения о военном потенциале Японии. С другой стороны, на испытательный стенд выносился антикоминтерновский пакт. Гитлер решил — ставить японских «друзей» перед свершившимися фактами, вынуждая Токио примериваться к берлинской стратегии.

Переименования дат в политике случаются. Досадные и даже роковые. Но «соглашение Арита-Крейги», под этим названием в международную летопись занесено совместное заявление правительств Великобритании и Японии от 24 июля 1939 г., к хронологическим курьезам никак не причислишь.

В разгар сражений на Халхин-Голе с неясным прогнозом и на фоне англо-франко-советских переговоров, имевших официальным назначением возведение заслона агрессорам, Лондон освящал захватническую политику Токио. Британское правительство, записано в «соглашении Арита-Крейги», «полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные широкомасштабные действия, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им или выгодные их противнику.

Правительство Его Величества не имеет намерения поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей».

Странное соглашение. Не по форме единой. Лондон брал всецело сторону Японии в ее агрессии против Китая. Или Крейги делал какие-то оговорки, а Арита, идя на встречные подвижки, дал некоторые заверения? В тексте об этом ни слова. Может быть, существовало секретное приложение? Те, кому повезет, узнают об этом после 2017–2020 гг.

О «специальных нуждах» японских вооруженных сил в Китае, способах их «обеспечения» и «устранения причин», мешающих названным силам добиваться своих целей, будет написано еще много книг. Здесь же надобно отметить следующее. «Полное признание нынешнего (на 1939 г.) положения в Китае» было тождественно признанию японского начертания внешних китайских границ. Соглашение могло читаться так, что британская сторона перенимала японскую версию «инцидента» на Халхин-Голе, по которой не квантунская армия вторглась в Монголию, а монгольский персонал при поддержке советских вооруженных сил отхватил часть территории Китая.

Отсутствие официальной реакции Лондона на нападение 11 мая 1939 г. регулярных японских войск на монгольские погранзаставы в районе озера Буир-Нур, сочлененное с попытками английской агентуры поднять восстание в Синьцзяне, через который шел основной поток советской помощи Китаю, как и двусмысленная позиция госдепартамента США наводили на грустные размышления. Токио явно приглашали круче заворачивать на север, и тем сделать привлекательней в глазах Гитлера «дранг нах Остен».

Июльскую паузу заполняли встречи и контакты доверенных представителей британского и германского

руководства. Порядочный шум после разоблачений в прессе вызвали переговоры нацистского чиновника по особым поручениям К. Вольтата с советником премьера Г. Вильсоном и министром внешней торговли Англии Р. Хадсоном. Перед Вольтатом была развернута обширная программа сотрудничества по политическим, военным и экономическим «пунктам», одобренная Чемберленом. Премьер предлагал Вольтату личную встречу, от которой немец уклонился со ссылкой на отсутствие у него полномочий.

Англичане предлагали совместный отказ от агрессии как таковой и взаимное невмешательство в дела, соответственно, Британского Содружества и «великой Германии». В военной сфере Лондон интересовало уточнение параметров гонки вооружений на море, суше и в воздухе. Экономическое сотрудничество могло бы включать образование «интернациональной колониальной зоны» в Африке, открытие источников сырья и рынков сбыта для немецкой промышленности, урегулирование проблем международной задолженности, финансовое содействие «санированию» Германией Восточной и Юго-Восточной Европы. Хадсон обещал рейху «международный займ» до 1 млрд фунтов стерлингов.

Конечная цель виделась в «англо-германской договоренности по всем важным вопросам», которая позволила бы Англии освободиться от обязательств по отношению к Польше и Румынии.

Вильсон заверил собеседника в готовности Лондона принять к рассмотрению другие вопросы, интересующие немцев. Согласие Гитлера на переговоры, заключал британец, рассматривалось бы как «признак восстановления доверия».

Не нужно растрового микроскопа, чтобы распознать меру двоедушия официального Лондона. Причем не только при ведении дел с СССР, но также с французами,

американцами и поляками. До «совместной англо-германской политики» не дотянули. Гитлер, похоже, счел, что железо разогрето недостаточно, чтобы заняться его фасонной ковкой, и в третий раз упустил случай сорвать банк. В ноябре 1937 г. Галифакс подводил его к «генеральному урегулированию». В сентябре 1938 г. Чемберлен напрашивался на исторический союз двух империй. Предложения Вильсона летом 1939 г. имели поддержку консервативного большинства в палате общин.

Восстановим хронологию — она красноречивей парадных слов. 8-21 июля Г. Вильсон, Р. Хадсон и видный консерватор Дж. Болл плели кружева с К. Вольтатом в расчете на скорый положительный ответ Берлина. 23 июля Галифакс известил советского посла Майского о готовности вступить в военные переговоры, не дожидаясь окончания переговоров политических, и обещал, что британская делегация сможет отправиться в Москву «через 7-10 дней».

Десять дней пролетели. Отзвука из Берлина на вильсоновскую «программу» все нет. Дабы выиграть время, англичане избирают грузопассажирский тихоход — самый медленный из технически возможных способов доставки их представителей на переговоры в Москве. И чтобы немцы не заблудились в догадках, Вильсон приглашает к себе 3 августа посла Г. Дирксона, чтобы продолжить сопряжение позиций Британии и рейха.

Из слов Вильсона, докладывал в Берлин посол, вытекало, что «возникшие за последние месяцы связи с другими государствами (контакты с СССР, Польшей и Румынией) являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией... Соглашение должно быть достигнуто между Германией и Англией; если бы это

было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь Италию и Францию».

Из британских посул, полученных через Вольтата, Гитлер заключил: германо-польский конфликт не обернется большой войной. Англия останется в сторонке. Для перестраховки он предпринял, тем не менее, необычный ход. 11 августа фюрер пригласил К. Буркхардта, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, и попросил его о «доброй услуге» — помочь разъяснить Западу суть происходившего. «Все, что я предпринимаю, — подчеркнул он, — направлено против России; если Запад столь глуп и слеп, что не понимает этого, я буду вынужден сговориться с русскими, чтобы разбить Запад, и затем после его поражения, собрав все силы, повернуться против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы никто, как в прошлую войну, не морил нас голодом».

Дотошные журналисты раскрыли секрет визита Буркхардта на Оберзальцберг и девальвировали его «миссию». Зачем Буркхардт понадобился Гитлеру? Однозначного объяснения этому нет. Едва ли случайно, однако, сигнал, выданный через него Западу, приурочивался к началу трояственных военных переговоров в Москве. Надо было укрепить англичан в намерении уклониться от договоренностей с Москвой, сколько-нибудь связывавших им руки.

12-13 августа Гитлер выжидал, не аукнется ли афера Буркхардта чем-либо примечательным. 14 августа запас терпения иссяк, и нацистский предводитель поставил Геринга, фельдмаршала Браухича и адмирала Редера в известность — решение атаковать Польшу самое позднее через две недели принято.

Информация, поступавшая к советскому руководству, позволяла ему быть в курсе многих заговоров и уловок. Вот совещание у Гитлера с высшим

командным составом вермахта в декабре 1936 г. Нападению на Советский Союз должен предшествовать разгром Польши. Пару дней спустя сообщение об этом легло на стол Сталину. О решении 3 апреля 1939 г., активизировавшем план «Вайс», Кремлю доложили через десять дней. Утверждать, что наш диктатор знал все или почти все, было бы никому не нужным перебором. Еще меньше оснований говорить, что Сталин выводил свои суждения только из фактов. Зачастую его поступки оказывались противоположными тому, чего требовали факты. Наверное, это отличает всех политических деятелей в любой стране, наделенных чрезмерной и бесконтрольной властью.

Затишье после того, как 28 июня Риббентроп, по его выражению, «запустил блоху в ухо Сталину», было прервано 24 июля приглашением Г. Астахова в МИД Германии для ознакомления с точкой зрения правительства рейха на возможные этапы перестройки отношений двух стран. Глава дипломатического ведомства, сообщил Шнурре, представлял себе этот процесс так: сначала успешные торгово-кредитные переговоры, затем нормализация по линии прессы, культурных связей и т. п., наконец, политическое сближение. Германская сторона обеспокоена, что Молотов уклоняется от конкретного обмена мнениями с Шуленбургом, а советские представители в Берлине не отвечают на вопросы Вайцзеккера, которыми «интересуется сам фюрер». Если Москва, закончил Шнурре, не готова к обмену мнениями на уровне руководителей, почему бы не попытаться сдвинуть процесс с мертвой точки «людям, менее высокопоставленным».

2 августа Астахова затребовал к себе Риббентроп. Министр настойчиво проводил мысль, что между Балтийским и Черным морем нет проблем, не поддающихся решению. «На Балтике, — по словам

Риббентропа, — достаточно места для обеих стран, и русские интересы здесь не обязательно должны сталкиваться с немецкими. Что до Польши, то «Германия наблюдает за событиями внимательно и хладнокровно, но расплата за провокации последует в течение недели». Министр намекнул на желательность достижения взаимопонимания с Москвой в преддверии любого оборота. Он заметил также, что имеет «свою точку зрения на состояние советско-японских отношений» и не исключает здесь модус вивенди.

3 августа поверенного в делах опять вызвали в МИД. По заданию министра, К. Шнурре «уточнил и дополнил» разговор, состоявшийся накануне. Если советская сторона желает улучшения отношений, то не может ли она назвать вопросы, которых хотела бы коснуться при обмене мнениями? Германская сторона готова сделать это. Высказывалась просьба уточнить, кто с советской стороны мог бы быть уполномочен вести диалог. Предпочтительным местом проведения обмена мнениями был бы для немцев Берлин, поскольку данное направление политики в поле зрения лично Гитлера. Наконец, с учетом скорого объезда Риббентропа в летнюю резиденцию он рассчитывает хотя бы на подтверждение того, что Москва в принципе готова к переговорам.

О степени нетерпения Берлина свидетельствовало предписание Шуленбургу немедленно запроситься на прием к Молотову и сдублировать разговор Риббентропа с Астаховым. Встреча состоялась 3 августа. Как докладывал посол, внешне нарком держался свободней, однако, и на сей раз не показал желания двигаться навстречу по существу. Реагируя на призыв посла не ворошить прошлого и подумать о нехоженных тропах, Молотов увязал возможность сделать это с получением удовлетворительных разъяснений по трем пунктам: антикоминтерновский пакт, поддержка Германией

агрессивных действий Японии, попытки вытеснить СССР из международного сообщества. 4 августа Шуленбург телеграфировал в МИД Германии: СССР «преисполнен решимости договариваться с Англией и Францией».

Нелишне отметить: перед встречами с Риббентропом, Вайцзеккером или Шнурре Москва не оснащала Г. Астахова деловыми инструкциями. В. М. Молотов наставлял подчиненного, что тот поступает правильно, ограничиваясь выслушиванием заявлений собеседников и обещанием сообщить их содержание в Москву. Установлено три случая отсылки полпредству не слишком внятных, но все же ориентировок по проблематике улучшения отношений между СССР и Германией. 4 августа Астахову было сообщено: продолжение обмена мнениями об улучшении отношений желательно; что касается прочих пунктов, поднятых Риббентропом, то «многое будет зависеть от исхода ведущихся в Берлине торгово-кредитных переговоров».

4 августа из уст Шнурре впервые прозвучали слова «секретный протокол». Молотов сразу предостерег Астахова: «Считаем не подходящим при подписании торгового соглашения предложение о секретном протоколе», ибо «неудобно» создавать впечатление, что «договор, имеющий чисто кредитно-торговый характер... заключен в целях улучшения политических отношений. Это нелогично и, кроме того, это означало бы неуместное и непонятное забегание вперед».

Наконец, откликаясь на аналитическую записку Г. Астахова, в ней дипломат привлекал внимание к опасности вероломства Берлина и вместе с тем излагал свое видение «объектов», которые немцы собирались затрагивать в политическом диалоге, Молотов отстучал еще одну телеграмму: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа, нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных

ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве».

Германской стороне было невдомек, что на столь остром направлении, как противоборство двух диктатур, официальные лица в состоянии контактировать с кем-либо без помочей высшей инстанции. Правила рейха переносились на советские государственные институты. За словами Г. Астахова (или его уклонением от ответов) немецким собеседникам виделась режиссура Москвы, тогда как им в пору было задуматься, отчего А. Мерекалов отпал, едва начался марафон. Ведь в полпредстве он один, согласно верительным грамотам, обладал полномочиями без ссылок на поручения вещать за свою страну.

Из совокупности доступных документов следует: весной и летом 1939 г. Советский Союз впустую тратил время и силы на создание коалиции против агрессивных держав. При наличии минимума доброй воли договориться с «демократиями» было можно, и сравнительно быстро. Но Англия, читаем мы в дневнике Г. Икеса, министра внутренних дел рузвельтовской администрации, «лелеяла надежду, что ей удастся столкнуть Россию и Германию между собой, а самой выйти из воды сухой». Британское руководство нуждалось в видимости деловых переговоров с Москвой, чтобы мешать сближению СССР и Германии.

Кабинет Чемберлена, как отмечалось выше, отверг доводы начальников штабов трех родов войск Англии в пользу «солидного фронта внушительной силы против агрессии» с участием СССР. Позиция премьера была непреклонной: он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами». Консерваторы сошлись на том, что прагматизм требует какое-то время поддерживать переговоры с Москвой и что для

создания видимости движения стоит перейти от обмена нотами к дискуссиям за «круглым столом». Что касается Англии и Франции — на уровне послов. Приглашение, направленное советской стороной Галифаксу, лично включиться в переговоры Чемберлен отклонил с ремаркой: визит в Москву министра «был бы унижительным».

Посол Англии У. Сидс и выделенный ему на подмогу У. Стрэнг получили задание коротать время, создавая впечатление, будто Лондон за договоренность. 4 июля британский кабинет подтвердил: «Главная цель в переговорах с СССР — предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». На заседании кабинета 10 июля, рассматривавшем процедуру «технических» военных переговоров с советской стороной, Галифакс заявил: «Начавшись, военные переговоры не будут иметь большого успеха. Переговоры будут затягиваться, и в конечном счете каждая из сторон добьется от другой обязательств общего характера. Таким образом, мы выиграем время и извлечем максимум из ситуации, которой не можем сейчас избежать».

Канцлер казначейства, небезызвестный нам Дж. Саймон, держался еще циничней: «Нам важно обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, т. к. мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Иначе говоря, если не удастся перехитрить русских и придется подписывать какое-то соглашение, то его текст должен быть самым расплывчатым. Из слов Саймона напрашивался вывод, что по британской модели союзничества Лондон мог воздержаться от объявления войны рейху и в случае германской агрессии против Польши, удовлетворившись тем, что в военную пучину погрузился бы только Советский Союз.

Вопрос — что оставалось делать Москве, зная о хитросплетениях Чемберлена и его министров? Как держаться, доподлинно зная, с какими инструкциями, после долгого хождения по морям и посещения музеев Ленинграда, прибыл на военные переговоры в советскую столицу адмирал Дракс? Выданное главе британской делегации предписание гласило: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нас при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военное соглашение к самым общим формулировкам». Провожая адмирала, Галифакс поручил ему «тянуть с переговорами возможно дольше». «Дольше» расшифровывалось — до конца сентября — начала октября, когда осенняя распутица и без государств-противников спутает планы Гитлера^[34].

Война уже у порога. 7 августа к советскому руководству поступило донесение: «Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши». К англичанам аналогичный сигнал попал день или два спустя. Предупреждения, ранее полученные Лондоном от советника германского посольства Т. Кордта и от итальянцев, обрели зловещую актуальность. Время для ворожбы истекло.

«Первые же 24 часа моего пребывания в Москве, — отмечал Дракс, — свидетельствовали, что Советы стремятся к достижению соглашения с нами». На встрече трех делегаций 15 августа начальник генштаба Б. Шапошников сообщил, что СССР готов выставить против агрессора в Европе 136 дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9-10 тыс. танков и 5-5,5 тыс. самолетов. Дракс

докладывал в Лондон, что Советский Союз «не собирается придерживаться оборонительной тактики, которую нам предписывалось (ему) предлагать». В случае войны он намерен «принимать участие в наступательных операциях». Глава французской делегации генерал Ж. Думенк телеграфировал в Париж, что советские представители изложили план «весьма эффективной помощи, которую они полны решимости оказать нам». МИД Франции со своей стороны рекомендовал председателю правительства Э. Даладье «поставить условием этих (англо-французских) гарантий Польше советскую поддержку, которую мы считаем необходимой».

Почему же за день до этих обнадеживающих — для непосвященных — оценок адмирал Дракс в кругу своих коллег изрек: «Я думаю, наша миссия закончилась»? Ответ, наверное, прост. «Демократы» не собирались сами дать Германии встречный бой, не удосужились в канун московских переговоров войти в контакт с Польшей на предмет ее сотрудничества с советской стороной и предоставления Виленского коридора на севере и Галицийского на юге, чтобы соединения Красной армии могли своевременно «непосредственно соприкоснуться с противником». Пришлось (по предложению Дракса) объявлять перерыв в переговорах до 21 августа, пока французы и англичане не обсудят с Польшей тему военного взаимодействия.

19 августа генерал Ф. Мюсс и британский военный атташе в Варшаве три часа полемизировали с начальником генштаба Польши Стахевичем, который, кроме площадных ругательств в адрес СССР и его лидера, не придумал, что сказать. Доклад Мюсса побудил МИД Франции предъявить Беку ультиматум, после чего во второй половине дня 23 августа Варшава уполномочила главу французской военной миссии в Москве генерала Думенка заявить К. Ворошилову: «Мы

убедились, что в случае совместной акции против германской агрессии не исключено (или возможно) сотрудничество между Польшей и СССР на подлежащих более детальному определению условиях...». Телеграмма в посольство Франции в Москве поступила утром 24 августа. Пакт о ненападении между СССР и Германией уже был подписан.

Превратимся на мгновение в сверхоптимистов и возьмем за данность: Варшава спустилась с облаков на земную твердь и приняла бы советскую помощь. Как в реальности выглядела бы координация действий трех держав?

Советские военные предлагали, применительно к развитию ситуации, выставить против агрессора мощную группировку до 70-100 % от уровня сил, выделяемых Англией и Францией. Войска трех держав должны были бы быть готовыми к сражению, начиная с 15-16-го дня объявленной мобилизации. А если бы англичане и французы ничего не отряжали и месяц, другой, третий избегали соприкосновения с агрессором?

Допустим, делегациям Англии и Франции не удалось бы уклониться от фиксирования в конвенции потребного количества контингентов, а также районов и сроков введения их в действие. Как они выполнили бы подобные обязательства, если совершенно не готовились к этому? Московские переговоры не сопровождались проработкой в штабах Англии и Франции конкретных аспектов оперативного и стратегического взаимодействия с командованием РККА. В прикидках «демократий» не исключалось восточное издание ведения ими «странной войны» при германо-советском вооруженном столкновении.

Догадывались ли в Лондоне и Париже, что для Гитлера летом 1939 г. критически важным было отнюдь не заключение с СССР пакта о ненападении, но срыв

договоренностей трех держав о военном союзе? В отсутствие договоренностей Англии и Франции с Москвой, заявлял Гитлер, «я смогу разбить Польшу без опасности конфликта с Западом». Не случайно он ринулся в польский поход без скомпонованных планов операций на западном фронте.

19 августа Риббентроп передал итальянскому послу Аттолико ответ на поступившее накануне послание Муссолини, которым германский союзник ставился в известность — Италия не готова к европейской войне. В ответе было спрессовано кредо Гитлера:

- решение напасть на Польшу принято и пересмотру не подлежит;

- польский конфликт останется локальным событием, поскольку Англия и Франция не рискнут напасть на «ось»;

- если эти державы все-таки окажут военную поддержку Польше, то для «оси» вряд ли представится лучшая возможность, чтобы свести счеты;

- война, если даже она разрастется, будет ввиду превосходства «оси» скоротечной.

Германо-советский обмен мнениями обрел осязаемые контуры 15 августа. Но пока это диалог, а не переговоры. Окончательный выбор Москвой не сделан, несмотря на сверхнадежные доказательства того, что Англия и Франция не созрели для сдерживания совместно с СССР агрессора. Больше того, из перехватывавшихся спецслужбами подлинных материалов вытекало — западные державы намерены устроить «второй Мюнхен», опять без СССР и всецело против него.

Наряду с Г. Вильсоном, не щадя себя, трудился на англо-германское согласие британский посол в Берлине Н. Гендерсон. Ему ассистировали швейцарские, шведские, американские представители. Согласно заметкам Буркхардта, 11 августа Гитлер выражал

готовность немедленно встретиться с британским деятелем «формата Галифакса». В качестве подходящего партнера он назвал маршала Айронсайда и просил Буркхардта известить об этом Лондон.

Не к чему отрицать, что выпадение Советского Союза как реального противника Германии, по каким бы причинам оно ни произошло, облегчило Гитлеру его предприятие против Польши. Вместе с тем утверждение, что без договора о ненападении с СССР фюрер перевоплотился бы в агнца, было бы еще большим насилием над истиной. Непредсказуемость — вот что должны были излучать из Москвы вовне тройственные переговоры. Оба, Гитлер и Чемберлен, ставили на выигрыш недель и дней. Но каждого из них непредсказуемость устраивала по-разному. Премьер жаждал осенней слякоти в надежде, что погода ниспошлет Лондону шанс уладить семейные дразги с Германией. Фюрера британские маневры устраивали по совсем иным мотивам.

Затягивание тройственных переговоров, игнорируя «час икс», исключало действенные контрмеры Англии, Франции, СССР в решающие первые часы войны. Как встретили бы агрессию три державы, продолжай свои московские сидения до рокового 1 сентября? Во «всеоружии» планов, отводивших на бумаге 15–16 дней для мобилизации, прежде чем их армии выдвинутся навстречу противнику. Видно, переговорщики запамятовали, в каком веке собрались воевать, а позже не могли взять в толк, как Польша с почти миллионной армией рухнула за 17–18 дней.

Идем дальше. Подписание «демократами» военной конвенции с СССР не переиначило бы «странной» войны на Западе, даже провозгласи англичане войну Германии. В любом случае Англия и Франция не сгорели бы от желания схватиться с «главным противником», а Третий рейх ответил бы им взаимностью. Совсем в

другом положении оказался бы Советский Союз. Вермахт, охваченный эйфорией легко доставшейся победы, выкатился бы на границу, куда менее благоприятную для обороны СССР, чем та, с которой отправлялись в походы Пилсудский на Киев и Москву в 1921 г. и нацисты в 1941 г.

Это не все. План «Вайс» предусматривал, что одновременно или вслед за Польшей немцы возьмут под контроль Литву и Латвию «до границ старой Курляндии». Установку на «решение балтийской проблемы» Гитлер подтвердил 23 мая при встрече с командованием вооруженных сил рейха. На сей счет была припасена юридическая зацепка. Германские договоры о ненападении с Эстонией и Литвой содержали секретную статью. Она обязывала Таллинн и Каунас «по согласованию с Германией и в соответствии с ее советами осуществлять по отношению к Советской России все военные меры безопасности». Эстонское и литовское правительства признавали, что угроза нападения исходит только от Советского Союза и что реальная политика нейтралитета требует от них создания надежной обороны против этой угрозы. Там, где для этого не хватает собственных средств, им поможет Германия. Была поставлена задача не допустить, чтобы зона Балтийского моря превратилась в плацдарм наступления третьих стран, и подготовиться, чтобы в случае конфликта страны этой зоны могли противодействовать попыткам окружения до прибытия немецкой помощи^[35].

Таким образом, назвавшись в 1939 г. союзником Англии, Франции и Польши, СССР принял бы на себя все невзгоды как собственной, так и чужой неподготовленности к военному противоборству с Третьим рейхом.

Предположим, Гитлер не полез бы сходу на рожон и выдернул стоп-кран вблизи советской границы. Кто, однако, будучи в здравом рассудке, поручился бы, что Япония не удесатерит усилий, чтобы перевести на местность навязчивую идею одновременного удара по Советскому Союзу с востока и запада, что экстремистам не удалось бы умерить влияние на формирование курса Токио министра иностранных дел Х. Ариты, оппонента чрезмерной воинственности по отношению к СССР, и переубедить командование ВМС, бравших южный азимут за приоритетное направление? И не только в отместку за унижение на Халхин-Голе. По документальным данным, установление контроля над Китаем слыло в японской стратегии за промежуточный этап к решительной схватке с северным соседом. Токио втягивал в свою антисоветскую авантюру, наряду с англичанами, также Вашингтон. 30 июня 1939 г. Рузвельт сообщил советскому полпреду Уманскому, что японская сторона предложила ему на будущее совместную японо-американскую эксплуатацию богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала.

Даже после подписания германо-советского пакта о ненападении глава «умиротворения» не закрылась. Планы, никак не облегчавшие Советскому Союзу жизнь, Альбион еще не исчерпал. Вчитайтесь в заявление Н. Чемберлена на заседании кабинета 26 августа 1939 г.: «Если Великобритания оставит г-на Гитлера в покое в его сфере (Восточная Европа), то он оставит в покое нас». Для тори все упиралось в цену, не в принципы.

Профилирующей заботой советского лидера было — не очутиться один на один с агрессором, а то и с двумя кряду, отсрочить час свидания с истиной. В 1937–1938 гг. он обезглавил вооруженные силы страны. Были уничтожены трое из пяти маршалов, 11 заместителей наркома обороны, 75 из 80 членов Высшего военного совета, 14 из 16 командующих армиями, 60 из 67

комкоров, 136 из 199 дивизионных и 221 из 397 бригадных командиров. Воевать, тем более, за других, он не мог, если бы даже захотел. Некому было вести рать.

В начале августа Москва уже примеривалась к соглашениям типа Берлинского договора 1926 г. как альтернативе полудоговоренностям с англичанами и французами. По-видимому, не будет перебором констатация: слова участников московских военных переговоров замещали дефицит искренности и веры в способность их руководителей извлечь из стога плевел жемчужное зерно. Суета вокруг переговоров должна была поубавить заносчивость и спесь у четвертого актера мизансцены, незримо присутствовавшего в зале, — у Германии.

Как обернулось бы развитие событий, отвергни Сталин настоятельную просьбу Гитлера безотлагательно принять в Москве Риббентропа? Письмо фюрера было вручено Молотову Шуленбургом в 15.00 21 августа 1939 г. Ответ Сталина посол получил из рук наркома в 17 часов того же дня. Почему передача в Берлин 14 строк русского текста и доведение их до адресата заняли около 9 часов — загадка. Или умысел? Если умысел, то чей?

Гитлер не позже 22 августа был извещен о приглашении Геринга на встречу с Чемберленом и Галифаксом. Ее организацией, дабы избежать огласки, занимался непосредственно шеф британской разведки. 23 августа англичане ввели в игру козырную карту — предложили созвать «конференцию четырех на высшем уровне». На ней в отсутствие СССР и Польши собирались все уладить. Предложение, направленное по неофициальному каналу, подкреплялось посланием Чемберлена. Премьер умолял Гитлера «не совершать непоправимого».

С 21 августа на взлетной полосе Темпельхофа стояли «Локхид-12а» британских спецслужб, который должен был доставить Геринга на тайную встречу с Чемберленом и Галифаксом, и личный «юнкере» фюрера, выделенный Риббентропу для полета в советскую столицу. Кто первым ляжет на крыло, какой курс — на Лондон или Москву — будет взят? От этого зависел маршрут, каким пойдут дальше Европа и с нею остальной мир.

Принимаем к сведению: переговоры имперского министра иностранных дел в Москве не начинались, никто, естественно, не мог поручиться, что стороны найдут общий язык. Самолет с Риббентропом на борту еще только добирался до столичного аэродрома. Не без приключений. В районе Великих Лук его обстреляли средства ПВО. Повезло, не сбили. Скептикам волей-неволей придется признать, что решение воевать и установление первоначальной даты нанесения удара по Польше (26 августа) Берлин принял не после, а до встречи Риббентропа со Сталиным и Молотовым, до подписания договора о ненападении со всеми приложениями. Обычные «неточности» и опущения при воспроизведении последовательности событий здесь не вкрадываются, а преднамеренно вкрадываются и способом мультиплицирования обретают некое подобие фактов.

Давался ли Советскому Союзу в августе 1939 г. выбор меньшего зла — эрзац договору о ненападении с Германией? Самое позднее, после бесед Стахевича с генералом Мюссом не осталось надежды на успех московских военных переговоров. Могла ли пролонгация Берлинского договора 1926 г. заместить пакт о ненападении? Теоретически да, хотя отказ от насилия во взаимных отношениях сам по себе не являлся чем-то предосудительным. Чистота позиции Москвы, бесспорно, выиграла бы, найди в тексте

договора от 23 августа отражение норма, освобождающая стороны от принятых обязательств в случае совершения одной из них агрессии против третьего государства. Впрочем, в ту пору и позже имелось вдоволь прецедентов, когда подобная оговорка не употреблялась, и это не порождало кривотолков. К примеру, англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г.

Шок, вызванный разглашением сокровенных державных тайн большевиками и эсерами после 1917 г., давным-давно преодолен. Секретные приложения (протоколы, дополнительные статьи, обмен письмами, нотами и т. д.) к соглашениям и договорам разного профиля — в практике государств поныне. Польские, литовские, эстонские договоренности с Германией, о японских или итальянских и говорить нечего, лишнее сему подтверждение. Предполагалось, что англо-франко-советская конвенция о взаимопомощи будет снабжена дополнительным, не подлежащим оглашению протоколом.

Следовательно, секретный протокол, приложенный к советско-германскому договору о ненападении ни по методу его составления, ни по содержанию, не нарушал обычного международного права. Как отмечалось в постановлении Съезда народных депутатов СССР (декабрь 1988 г.), он был «отходом от ленинских принципов советской внешней политики». Разница есть.

Разграничение «сфер интересов» в принципе нельзя безоговорочно зачислять в крамолу. В точном прочтении оно должно толковаться как определение рубежа, преступление которого обнуляет весь пакет договоренностей. Если держаться буквы, употребленной в августе-сентябре 1939 г., то выводом Литвы, Латвии и Эстонии из-под германской опеки их независимость не ущемлялась. Перемены 1940 г. протоколами не покрывались, ибо не предугадывались.

Непросто достоверно реконструировать переговоры Риббентропа со Сталиным и Молотовым 23–24 августа. Лучше других это пока получилось у профессора Ингеборги Фляйшхауэр. Но колючих вопросов, ждущих скрупулезного разбора, все равно в избытке. «Экономное мышление» с тягой к смене знака плюс на минус в зависимости от поветрий мало что меняет к лучшему. Прежде метили в идеологического противника. Теперь издержки, вроде бы, не с кем делить, а те же «демократы» никого не подпускают к архивным тайникам. Очевидно, запечатленным в документах порокам и по прошествии многих десятилетий не найти извинений.

Объективному исследователю кое-что скажет речь Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. «Решение о заключении договора о ненападении между СССР и Германией, — говорил председатель СНК, он же нарком иностранных дел, — было принято после того, как военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик. Поскольку эти переговоры показали, что на заключение пакта о взаимопомощи нет основания рассчитывать, мы не могли не поставить перед собой вопроса о других возможностях обеспечить мир и устранить угрозу войны между Германией и СССР». Смысл договора от 23 августа Молотов подавал так: «СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии».

В мировой практике редко случается, чтобы достоинства одного партнера публично выводились из недостатков другого, а целесообразность введения в силу конкретного юридического акта обосновывалась безрезультатностью попыток прийти к оптимальному решению с кем-то еще. Не подвернулись более удачные выражения? Или Лондону и Парижу адресовался

завуалированный намек: исправляйтесь, а там посмотрим?

Обычно опускается, что советская сторона после подписания договора пыталась сохранить контакты с Лондоном и Парижем. Молотов заявил французскому послу Наджиару: «Договор о ненападении с Германией не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом». Однако официальные и официозные сигналы из Москвы, рекомендовавшие «демократам» не рубить швартовы, оставались без внимания. Англичане и французы демонстративно отворачивались от вчерашнего партнера по переговорам. Зато на порядок возросла тяга тори к нахождению консенсуса с нацистами.

На британский призыв «не совершать непоправимого» Гитлер ответил предложением (передано через посла Гендерсона 25 августа) войти в пару на следующих условиях:

- а) возвращение Данцига и польского коридора в состав рейха;
- в) достижение соглашения о бывших германских колониях;
- г) отказ от изменения германских границ на западе;
- д) ограничение вооружений.

В свою очередь рейх обязался бы защищать Британскую империю от любых внешних посягательств.

Перед нами своеобразный сплав из домогательств Берлина к полякам, озвученных в октябре 1938-го — январе 1939 г., и соображений англичан, доводившихся до сведения Гитлера через Г. Вильсона в июле — августе 1939 г. Изложенное выше фюрер снабдил примечанием: ничего страшного не произойдет, объяви

англичане из соображений престижа «показную войну». Гроза послужит лишь очищению атмосферы. Надо только наперед проговорить ключевые элементы будущего примирения.

По окончании встречи с Гендерсоном Гитлер связался с Муссолини. Собеседованием с дуче он остался доволен и в 15.02 отдал приказ ввести в действие план «Вайс». Нападение на Польшу должно было свершиться на рассвете 26 августа. Однако все пошло через пень колоду. Посольство Италии уведомило Берлин, что Рим к войне не готов. В 17.30 французский посол в Берлине предупредил — его страна выполнит обязательства перед Польшей. Около 18.00 Би-би-си выдала в эфир сообщение, что англо-польский союзный договор введен в силу. Гитлер еще не знал, что известие — Италия не примет участия в нападении на Польшу — было передано Лондону и Парижу раньше, чем союзнику.

Генерал Гальдер, начальник главного штаба вермахта, занес в дневник: «Гитлер в растерянности, слабая надежда, что путем переговоров с Англией можно пробить требования, отклоняемые поляками». Пока же В. Кейтель получил приказ тотчас остановить выход сил вторжения на означенные по плану «Вайс» рубежи, а начавшуюся передислокацию войск выдать за «учения».

Гитлер через шведа Далеруса отправляет 26 августа в Лондон предложение о полнокровном союзе: англичане помогут Германии вернуть Данциг и коридор, а рейх не поддержит ни одну страну — «ни Италию, ни Японию или Россию» в их враждебных действиях против Британской империи. Раньше Г. Вильсон от имени премьера Чемберлена манил Гитлера возможностью аннулирования гарантий, выданных Лондоном Польше и ряду других европейских стран. Теперь рейхсканцлер ставил на кон все, что наобещал и

Риму, и Токио, и еще тепленький пакт с Москвой. В ночь на 28 августа посредник привез британский ответ. Английская сторона выражала заинтересованность в нахождении «решения» без уточнения его формы или содержания. 27 августа Чемберлен сообщил коллегам по кабинету, что он дал понять Далерусу: поляки могут согласиться на передачу Германии Данцига, хотя у премьера никаких консультаций на сей счет с поляками не проводилось.

В 22.30 того же дня посол Гендерсон известил Гитлера, что британский премьер разделяет желание канцлера «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей» и готов принять его предложения от 25 августа «с некоторыми дополнениями в качестве тем для обсуждения». Переговоры могут состояться «быстро» и «с искренним желанием достичь соглашения» при том понимании, что Германия и Польша мирно уладят разногласия. Вручая Гитлеру послание Чемберлена, Гендерсон сказал: «Премьер-министр может довести до конца свою политику соглашения, если, но только если г-н Гитлер будет готов к сотрудничеству».

Фюрер слушал Гендерсона в пол-уха. За несколько часов до приема британского посла Гитлер самоопределился: вторжение в Польшу — 1 сентября.

На заседании британского правительства 26 августа Гендерсон проводил мысль: «Реальная ценность наших гарантий Польше в том, чтобы дать Польше возможность прийти к урегулированию с Германией». 30 августа, когда Германия сосредоточила 46 дивизий для удара по Польше, Галифакс отстаивал тезис, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством».

Еще в конце июля Вашингтон сделал вывод, что настрой Чемберлена исключает выход на «альянс

Россия-Англия-Франция», которому Рузвельт как будто сочувствовал, если верить его «устному посланию» советским руководителям (датировано 4 августа и передано послом США Стейнгардтом Молотову через 12 дней). Американцы были не хуже Лондона осведомлены о советско-германском сближении. Во всяком случае, они первыми проникли в тайну приложений к августовскому пакту о ненападении. По получении через Г. Герварта, сотрудника посольства Германии в Москве, сведений о разграничении сфер интересов между участниками пакта президент занялся рассылкой обращений — к королю Италии (23 августа), к Гитлеру (24 и 26 августа), к полякам (25 августа). Содержание обращений перекликалось с американскими увещеваниями, что за год до этого вздабривали почву для Мюнхенского сговора. 1 сентября Рузвельт призвал Гитлера вести войну умеренным способом, щадя мирное население.

Данные о том, какое впечатление произвели всплески американской активности на Гитлера, пока не вышли наружу. Не исключено, что они укрепили нацистов в намерении обходиться «сдержанно» с Англией и Францией в начальной фазе войны (директива № 2 Гитлера от 3 сентября 1939 г.)

2 сентября Г. Вильсон по поручению премьера известил германское посольство: рейх может обрести желаемое, если остановит военные действия против Польши. «Британское правительство готово (в этом случае) все забыть и начать переговоры». В планах Чемберлена не значилось силовое воздействие на Германию. Экономическое давление должно было вернуть «заблудших» на праведный путь — к формированию «новой Европы» с Англией и Германией в качестве ее опор. В письме Рузвельту 5 ноября 1939 г. Чемберлен выражал уверенность в скором окончании войны. Не потому, что Германия будет побеждена, а

потому, что немцы поймут, что в войну можно обнищать.

Берлин не внял уговорам Альбиона. Гитлеру требовался не политический успех, но военный триумф. «Жизненное пространство» добывается мечом, а не по чьей-то милости. Для этого он, фюрер, должен безраздельно владеть инициативой, и благодаря ему Германия по праву сильнейшего перехватит жезл «умиротворителя». Возможно, с поблажками для «расово родственной Британии».

Чемберлену и Галифаксу тяжело давалось признание краха не только собственной политики, но несостоятельность всей стратегии правителей страны после Первой мировой. Под давлением палаты общин премьер объявил Германии войну. В тот же день войну объявил и Париж. Польско-германский конфликт разрастался до уровня мирового.

Первое аутентичное известие о перезагрузке советско-германских отношений японцы получили вечером 21 августа в телефонном разговоре Риббентропа с послом Осимой. Для завязавшегося на солидарность с рейхом руководства Японии это было потрясением. Оно деформировало антикоминтерновскую конструкцию. Вера Токио в стратегическое партнерство с Германией была подорвана неизлечимо. Правительство Хиранумы ушло в отставку. В платформе нового кабинета масштабная агрессия против СССР сдвигалась на неопределенное время. 16 сентября японцы официально уведомили Москву о прекращении ими военных действий в пределах Монголии.

Н. Стариков усматривает взаимосвязь этой даты с днем вступления советских войск в Западную Украину и Белоруссию — 17 сентября [\[36\]](#).

Определенные основания так считать имеются. Факт остается фактом, что попытки немцев в несколько заходов (3, 8, 14 сентября) подтолкнуть советскую сторону выйти на линию размежевания советско-германских интересов, прочерченную в секретном протоколе, Москва отводила под разными предлогами. Советские представители подчеркивали, что если соединения Красной армии будут задействованы, это произойдет с политической, но не с военной мотивировкой^[37].

Последнее никак не было лишним. В критическую для будущих отношений неделю 17-24 сентября Рузвельт и его госсекретарь Хэлл определились: переход советскими войсками восточной границы Польши, установленной Рижским мирным договором 1921 г., не следует квалифицировать как акт войны. По соображениям долговременного порядка на СССР не были распространены требования эмбарго, предусмотренные законом о нейтралитете в части продаж оружия и военных материалов. С 5 сентября запреты и ограничения такого рода применялись строго (на бумаге) к Германии и формально (подвешены заказы) к Англии и Франции.

Лондон и Париж не враз условились как квалифицировать пересечение Красной армией границы 1922 г. Розыску взвешенного суждения помогло исправление наскоро прочерченного 23 августа водораздела «сфер интересов». Новым секретным протоколом от 28 сентября за эталон бралась «линия Керзона», проведенная в декабре 1919 г. верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.

Ратифицировав без 5 минут 12 пакт о ненападении с Германией, СССР избежал 1 сентября 1939 г. быть ввергнутым в омут без дна. Ничего утешительного,

однако, новый военно-политический ландшафт Москве не сулил. Даже в среднесрочной перспективе. Не совсем утраченная свобода маневрирования угасла прежде, чем удалось вкусить от ее плодов. Оставалось довольствоваться одним — драгоценным временем, жизненно необходимым для подготовки страны к грядущим испытаниям. В их роковой неизбежности не могло быть сомнений.

А. Г. Дульян

От Мюнхена до пакта Молотова-Риббентропа: некоторые аспекты ситуации в Европе накануне Второй мировой войны

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. традиционно считается началом самого жестокого и кровопролитного конфликта в истории — Второй мировой войны.

С приближением 70-й годовщины этой даты в политическом и научном мире вновь оживились дискуссии о том, что послужило причиной войны, можно ли было ее избежать, кто несет ответственность за ее развязывание и т. д. Разброс мнений достаточно широк. По прошествии семи десятилетий предпринимаются попытки и вовсе переиначить историю, переписать ее на свой лад, часто в угоду политической конъюнктуре. В этой разноголосице встречаются и довольно странные, далекие от действительности утверждения. Некоторые историки и политики пытаются, например, представить Советский Союз чуть ли не «соучастником» гитлеровских преступлений, причастным к развязыванию Второй мировой войны. Говорится и о «равной ответственности» Москвы и Берлина за эскалацию предвоенного кризиса и непричастности к нему западных стран.

В этих условиях закономерны вопросы: кто же все-таки виновник Второй мировой войны, какие события

подтолкнули агрессора к ее началу, как оценивать в связи с этим действия СССР?

Чтобы ответить на них, достаточно обратиться к фактам.

Анализ развития военно-политической обстановки в Европе в межвоенный период и, особенно, накануне Второй мировой войны показывает, что реальные причины этого конфликта кроются прежде всего в порочности созданной по итогам Первой мировой войны Версальской системы.

Условия Версальского договора 1919 г. были не просто обременительными для Германии, они ставили ее в обособленное, униженное положение, сводя эту страну к второстепенной роли в Европе. Наиболее драматичными для немцев считались разоруженческие меры. Это вызывало резко критическую реакцию военно-политической элиты Германии, в которой быстро распространялся вирус непокорности, реванша, восстановления любой ценой былой мощи.

Немало проблем породило и территориальное размежевание по итогам первого мирового конфликта, в т. ч. в связи с разделом наследства исчезнувшей с карты Европы Австро-Венгерской империи. Неудовлетворенность целого ряда стран сложившимся положением стала питательной почвой для всякого рода взаимных претензий, способствовала накоплению на континенте горючего материала.

Вполне очевидно и то, что война стала также средством решения достаточно острых социально-экономических проблем не только Германии, но и некоторых других европейских стран, а также США, преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса 1929–1932 гг.

Кроме того, в политико-идеологическом ракурсе руководители западных держав видели кардинальную развязку во взаимном уничтожении нацизма и

большевизма, на что и была направлена деятельность их дипломатии.

Все эти обстоятельства способствовали росту напряженности и возникновению конфликтной ситуации в Европе. Общекризисная атмосфера, социальная фрустрация воздействовали на умонастроения людей. Получала распространение идеология фашизма. Вдохновляемые ею силы пришли к власти в Италии в 1922 г. и в Германии в 1933 г. Причем порохом запахло не только в Европе.

Первый очаг новой войны возник на Дальнем Востоке. В сентябре 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию на северо-востоке Китая и за несколько дней захватила большую ее часть. Весной 1932 г. Квантунская армия заняла полосу КВЖД и вышла к китайско-советской границе. Это создавало угрозу для дальневосточных рубежей СССР. Гибкость и прагматизм, проявленные советской дипломатией в тот период, позволили нашей стране избежать вооруженного столкновения с Японией, хотя сторонники такого сценария в Токио были. Попав под огонь критики, в 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций, оставшись фактически безнаказанной.

В 1935 г. этим прецедентом воспользовалась Италия, начав захватнические действия в Эфиопии, которые завершились в 1936 г. установлением там итальянского владычества.

Не заставил себя долго ждать и Гитлер, не делавший секрета из своих экспансионистских замыслов. С момента прихода к власти руководимое им правительство взяло курс на установление господства Германии на европейском континенте и в мире. В качестве первого этапа предполагался полный пересмотр версальского мирного урегулирования, затем планировалось завоевание «жизненного пространства» на востоке Европы. На осуществление этих планов были

направлены ремилитаризация Рейнской области в марте 1936 г., участие Германии в интервенции в Испании во время гражданской войны 1936–1939 гг., оформление в октябре 1936 г. «оси Берлин-Рим», а в ноябре 1936 г. — «Антикоминтерновского пакта» между Германией и Японией, и особенно «аншлюс» Австрии 12–13 марта 1938 г.

Вслед за этим все реальнее становилась угроза германского вторжения в Чехословацкую Республику (ЧСР), обладавшую выгодным стратегическим положением в центре Европы, наличием богатых природных ресурсов и высокоразвитой промышленностью. Имея серьезный военный потенциал, Чехословакия могла стать ощутимым препятствием на пути осуществления захватнических планов Гитлера, особенно с учетом ее договоров о взаимопомощи с СССР и Францией. Вот как отзывался об этом бывший Президент Чехословакии Л. Свобода: «Соотношение сил между Чехословацкой Республикой и Германией в 1938 г. было следующим: 45 чехословацких дивизий против 47 нацистских;...1582 чехословацких самолета против 2500 неприятельских; 469 наших танков против 720 фашистских; 2 миллиона обученных чехословацких воинов против 2200 тысяч немецких. Из этих данных даже неспециалисту ясно, что до двойного превосходства, необходимого для наступательной операции, агрессорам не хватало еще многого»^[38].

В качестве предлога для политического давления и последовавшей военной агрессии против ЧСР Гитлер использовал «защиту» прав немецкого населения этой страны: из десятимиллионного населения Чехословакии 3,5 миллиона составляли судетские немцы, проживавшие в наиболее промышленно развитых районах. В апреле 1937 г. руководимая К. Генлейном

судетонемецкая партия при поддержке Берлина потребовала полной автономии Судетской области.

Претензии на чехословацкие территории вслед за Германией выдвинули также Венгрия и Польша.

Нажим на правительство Чехословакии с требованием уступок судетским немцам «во имя сохранения мира» оказывали Англия и Франция.

В условиях надвигающегося кризиса правительство Англии в марте 1938 г. выдвинуло идею «нейтрализации» Чехословакии, означавшую отказ от всех чехословацких внешнеполитических обязательств, и в первую очередь от франко-чехословацко-советской системы договоров со всеми вытекающими отсюда последствиями для независимости страны.

Лондон и Париж предпринимали согласованные шаги, чтобы побудить Прагу удовлетворить притязания судетских немцев. При этом по взаимной договоренности британская дипломатия от имени двух держав должна была взять на себя посреднические функции в отношениях между Берлином и Прагой для решения «чехословацкого вопроса».

В свою очередь СССР, будучи последовательным сторонником создания системы коллективной безопасности в Европе и решительного отпора агрессии, с самого начала судетского кризиса и на всем его протяжении заявлял о своей верности принятым на себя обязательствам. Москва подтверждала, в частности, обязательство по советско-чехословацкому договору 1935 г. прийти на помощь Чехословакии, если аналогичным образом поступит Франция и если сама Чехословакия обратится к СССР с такой просьбой. При этом допускалась возможность оказания помощи Праге, «не дожидаясь Франции», как об этом заявил Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин 26 апреля 1938 г.

Четко и недвусмысленно позиция СССР, выступавшего за решительный отпор нарастающей военной угрозе в Европе и «коллективное спасение мира», была изложена устами народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова в заявлении представителям печати 17 марта 1938 г.

Учитывая обострение обстановки, правительство Советского Союза предложило начать переговоры генеральных штабов вооруженных сил СССР, Франции и Чехословакии.

На Западе, однако, возобладали настроения в пользу «умиротворения» Гитлера, а по существу, пособничества его территориальным притязаниям.

7 мая английский и французский посланники в Праге потребовали от министра иностранных дел ЧСР, чтобы Чехословакия пошла «как можно дальше» в удовлетворении требований судетских немцев, предупредив, что, если из-за ее «неуступчивости» возникнет вооруженный конфликт, западные державы не окажут помощи Чехословакии.

Тем временем в генеральном штабе германских войск была завершена работа над детальным планом военного захвата Чехословакии — проектом директивы «Грюн», который Гитлер утвердил 30 мая. На границах Чехословакии нарастала реальная угроза немецкого вторжения.

В этих условиях Лондон и Париж усилили давление на Прагу, настаивая на удовлетворении генлейновских требований при урегулировании судетской проблемы.

1 сентября 1938 г. Франция впервые официально обратилась к СССР с запросом, сможет ли он оказать помощь Чехословакии и какую именно. В ответе советской стороны 2 сентября была подтверждена готовность выполнить свои договорные обязательства и предложено принять необходимые меры для воздействия на Польшу и Румынию на предмет согласия

на проход советских войск через их территории посредством соответствующего решения Лиги Наций. Одновременно выдвигалась инициатива созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий, а также совещание всех государств, заинтересованных в сохранении мира.

На встрече с Гитлером в Берхтесгадене 15 сентября английский премьер Чемберлен, по сути, согласился с объявленным фюрером решением присоединить к Германии Судетскую область, а также другие чехословацкие территории с преобладающим немецким населением. Итоги этой встречи одобрили и в Париже.

19 сентября 1938 г. правительства Англии и Франции направили Чехословакии ноту с ультимативным требованием передать Германии эти земли. Одновременно Венгрия и Польша также выдвинули свои территориальные требования к Чехословакии.

В тот же день Бенеш через советского полпреда в Праге лично обратился к правительству СССР с запросом относительно его позиции в случае военного конфликта, и 20 сентября получил недвусмысленный ответ, подтверждавший готовность Москвы прийти на помощь ЧСР. Более того, правительство СССР провело ряд подготовительных военных мероприятий: 21 сентября Киевскому особому военному округу была дана директива начать выдвижение к границе крупных войсковых группировок. Не случайно Прага сначала отклонила англо-французские требования, но 21 сентября под нажимом Англии, Франции и США изменила свое решение и объявила об их принятии.

22-23 сентября 1938 г. в Бад-Годесберге Чемберлен информировал Гитлера об англо-французских «миротворческих» усилиях в вопросе об отделении от Чехословакии областей с преобладающим немецким населением. Однако Гитлер потребовал уже и районы,

где немецкое население составляло меньшинство. Одновременно он настаивал на удовлетворении Чехословакией территориальных претензий Польши и Венгрии. Чемберлен смог добиться лишь согласия Гитлера отсрочить занятие чехословацких территорий своими войсками до 1 октября 1938 г.

В создавшихся условиях усиливали нажим на Прагу Венгрия и Польша. 23 сентября Венгрия нотой потребовала от Праги предоставления венгерскому меньшинству тех же прав, что и судетским немцам, а также передачи Венгрии той части Чехословакии, где венгры составляли большинство. Венгры также рассчитывали вернуть себе всю Закарпатскую Украину, ранее входившую в состав Австро-Венгрии и вошедшую по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. в состав Чехословакии под названием «Подкарпатская Русь», а Польша — получить район Тешина и незначительные пограничные изменения в Северной Словакии, в Татрах.

27 сентября Чемберлен направил Бенешу личное послание с предложением о дальнейших уступках Гитлеру, утверждая, что иначе, мол, ничто не сможет остановить германские войска, готовые к вторжению.

СССР был единственной страной, выступившей против захвата Чехословакии. Решение этой задачи Москва видела не в уступках агрессорам, а в противодействии им единым фронтом всех государств, заинтересованных в сохранении мира. Предложенная советской стороной правительствам Англии и Франции в первых числах сентября 1938 г. конкретная программа мер предусматривала:

- 1) немедленный созыв совещания СССР, Англии и Франции и опубликование от имени трех держав декларации, которая содержала бы предупреждение, что в случае германской

агрессии против Чехословакии последней будет оказана помощь;

2) срочное обращение к Лиге Наций на основании статьи 11 Устава для констатации факта угрозы германской агрессии в отношении Чехословакии;

3) созыв совещания представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для разрешения практических вопросов взаимодействия вооруженных сил трех государств в целях борьбы против агрессии.

М. М. Литвинов, выступая на Ассамблее Лиги Наций 21 сентября, подтвердил готовность СССР «выполнить свои обязательства по пакту (с ЧСР. — А. Д.) и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями». Однако западные партнеры, как и ранее, не реагировали на советские инициативы.

В то же время Советским Союзом проводились подготовительные военные мероприятия для оказания, в случае необходимости, быстрой и эффективной помощи ЧСР, всего в боевую готовность были приведены как в приграничных областях, так и в глубинных районах — вплоть до Волги и Урала — танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепрайонов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения^[39].

Однако политико-дипломатические усилия западных держав строились на совсем иной логике: не предотвращение агрессии против ЧСР, а перенаправление ее вектора в сторону востока.

Кульминацией стала четырехсторонняя конференция в Мюнхене 29 сентября 1938 г.

Представители Англии, Франции, Германии и Италии собрались без какой-либо консультации с Чехословакией и без ее участия. Дискуссия практически отсутствовала, конференция явилась, по сути, формальным утверждением заранее согласованной сделки четырех держав. За основу был принят предложенный Муссолини проект, который ему был сообщен из Берлина.

Подписанное в итоге конференции Мюнхенское соглашение состояло из главной части, дополнения и трех деклараций. В главной части говорилось об отторжении Судетской области и других чехословацких территорий с преобладающим немецким населением и передаче их Германии до 10 октября. Занятие этих районов германскими войсками должно было начаться 1 октября. Чехословакии предписывалось передать названные территории со всеми имевшимися там сооружениями. Процедура передачи устанавливалась «международной комиссией» из представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии. В дополнении говорилось о готовности Англии и Франции участвовать в «международных гарантиях» Чехословакии в ее новых границах против неспровоцированной агрессии. Германия и Италия должны были также предоставить Чехословакии свою гарантию после урегулирования в течение трех месяцев вопроса «о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии».

На практике Мюнхенское соглашение означало расчленение Чехословакии. Германия получила 1/5 ее территории и около 1/4 ее населения. К Германии переходили чехословацкие военные сооружения, половина горных и металлургических предприятий страны, важные железнодорожные магистрали.

После окончания работы конференции чехословацким делегатам было объявлено о принятых решениях и заявлено, что никаких изменений не будет. Через несколько часов правительство Чехословакии сообщило, что принимает Мюнхенское соглашение.

30 сентября там же, в Мюнхене, Гитлером и Чемберленом была подписана англо-германская декларация, в которой говорилось о намерении рассматривать все проблемы, касающиеся обеих стран, путем консультаций и продолжать усилия по устранению возможных источников разногласий. По существу, этот документ был равносителен пакту о ненападении. Одновременно был предрешен и вопрос о подписании аналогичной декларации между Германией и Францией. Это была своеобразная плата Берлина за «добрые услуги» Лондона и Парижа в связи с чехословацким вопросом.

В дележе чехословацкого наследства приняли участие Польша и Венгрия. Уже вечером 30 сентября польское правительство передало Чехословакии ноту, в которой в ультимативной форме потребовало немедленного отделения от Чехословакии части территории Тешинской и Фриштатской областей и передачу их Польше. Венгрии же были переданы южные районы Словакии и Закарпатская Украина.

11-12 марта 1939 г. усилиями Германии была провозглашена «независимость» Словакии, правительство которой обратилось к Берлину за помощью. Президент Чехословакии Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский были тут же вызваны в Берлин, где «попросили» Гитлера взять Чехословакию под свое «покровительство». 15 марта 1939 г. в нарушение Мюнхенского соглашения Германия оккупировала Чехию и Моравию, которые были объявлены «протекторатом» Германии. Такова была

реальная цена «гарантий», данных усеченной Чехословакии участниками Мюнхенской конференции.

Советский Союз реагировал на эти события резко критически. В ноте правительства СССР правительству Германии от 18 марта 1939 г. говорилось, что оккупация Чехословакии и последующие действия Германии не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными. По настоянию СССР вопрос о Чехословакии был включен в повестку дня сессии Ассамблеи Лиги Наций, но его обсуждение не состоялось.

Таков был бесславный итог Мюнхенской конференции. По существу, она явилась апогеем западной политики «умиротворения» Гитлера, своего рода прологом Второй мировой войны, окончательно развязав руки агрессору. Причем в результате мюнхенской сделки Германия заметно укрепила свои позиции, увеличила военно-промышленный потенциал.

Однако и в этих осложнившихся условиях руководство Советского Союза не теряло надежды организовать коллективный отпор гитлеровской экспансии. 17 апреля и 14 мая 1939 г. советская сторона предлагала Англии и Франции заключить пакт о взаимопомощи, согласно которому три державы гарантировали бы безопасность малых европейских государств, включая Прибалтику.

27 мая Англия и Франция направили советскому правительству свой проект соглашения, по которому тройственный пакт подчинялся процедуре Лиги Наций. Советский Союз отклонил это предложение и 2 июня вновь попытался убедить Лондон и Париж изменить те пункты их проектов, которые могли послужить провоцирующими моментами для нападения Германии на Прибалтику, а через нее — на СССР. Наркоминдел В. М. Молотов вручил в этот день послу Англии У. Сидсу и временному поверенному в делах Франции Ж. Пайяру

советский проект тройственного пакта, составленный с учетом вышеуказанных соображений.

Лондон и Париж ответили лишь спустя две недели. Они по-прежнему отказывались немедленно помочь СССР, если он будет вовлечен в войну в случае агрессии против Латвии, Литвы или Финляндии. По целому ряду признаков явственно ощущалось, что Англия и Франция были не готовы к реальным согласованным с СССР шагам по противодействию надвигавшейся агрессии.

Параллельно с трехсторонними советско-англо-французскими переговорами советской стороной осуществлялись контакты с Берлином — сначала по торгово-экономическим, а затем и по политическим вопросам. Переговоры с Германией летом 1939 г. вела и Англия. Так, в июне сотрудник германского МИД Трот фон Зольц встречался с премьером Н. Чемберленом и министром иностранных дел Э. Галифаксом и обсуждал с ними вопросы мирного урегулирования проблем между двумя странами^[40].

По мере нарастания военной угрозы многие прагматичные политики на Западе все более отчетливо сознавали, что никакая система коллективной безопасности в Европе не будет действенной без участия СССР. Характерно на этот счет высказывание того времени У. Черчилля в палате общин: «Я никак не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией... Единственная цель союза — оказать сопротивление дальнейшим актам агрессии и защитить жертвы агрессии... Что плохого в этом простом предложении?»^[41].

Однако Н. Чемберлен и Э. Даладье, у которых в тот момент была реальная власть в Лондоне и Париже, смотрели на эту проблему иначе, упорно надеясь договориться с Гитлером и явно не желая связывать себя обязательствами в сфере безопасности с Москвой.

К началу лета 1939 г. Германия наглядно обозначила ориентиры своей экспансионистской линии, захватив Чехию и литовскую Клайпеду, разорвав договор о ненападении с Польшей и предъявив к ней территориальные требования. Гитлер заявил о денонсации англо-германского морского соглашения 1935 г. и предъявил колониальные претензии Лондону и Парижу.

Италия захватила Албанию и заключила с Германией в мае 1939 г. широкое военно-политическое соглашение, известное как «Стальной пакт».

Япония развивала агрессивные действия на Дальнем Востоке: оккупировав обширные территории Китая, она в середине мая 1939 г. вторглась с помощью войск своего марионеточного государства Манчжоу-Го в пределы Монголии, где советско-монгольские войска под общим командованием Г. К. Жукова вынуждены были давать отпор интервентам.

В этих непростых условиях продолжались дипломатические усилия по согласованию взаимоприемлемого текста англо-франко-советского договора о взаимопомощи. Немало сложностей вызывало составление перечня стран, которым предполагалось предоставить поддержку в случае агрессии, определение понятий «прямая» и «косвенная» агрессия и т. д. В целом работа шла крайне медленно, оставляя впечатление отсутствия большой заинтересованности западных участников переговоров в их успешном завершении в сжатые сроки, как того требовала складывавшаяся обстановка. «Характер переговоров, в которых с советской стороны принимал участие глава правительства и нарком иностранных дел, а с англо-французской стороны дипломаты не самого высокого ранга, показывал, что правительства Великобритании и Франции не стремились к быстрому

достижению действенного соглашения»^[42]. Явная цель западных партнеров СССР по переговорам состояла в том, чтобы предотвратить или помешать сближению между Москвой и Берлином.

23 июля советская сторона предложила параллельно с политическими переговорами начать и военные. Однако и они, начавшись 12 августа (английской и французской военным делегациям потребовалось 17 дней для прибытия в Москву) не свидетельствовали о готовности западной стороны к результативной работе. По сути, они были изначально обречены на провал, если учесть, что главы английской и французской военных миссий прибыли без надлежащим образом оформленных полномочий на ведение переговоров и подписание военной конвенции, не имели конкретных планов военного сотрудничества трех держав. Все это контрастировало с четкими инструкциями, имевшимися у главы советской делегации наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова.

Камнем преткновения на переговорах была проблема прохода советских войск через территории Польши и Румынии. От нее в значительной степени зависел исход переговоров. Однако решение так и не было найдено, и переговоры, по сути, зашли в тупик. Когда же 22 августа, после перерыва, делегации встретились вновь, обстановка изменилась.

В условиях надвигавшейся войны и очевидной неготовности Англии и Франции к договоренности с СССР о совместном отпоре агрессии в Москве было решено принять настойчиво продвигавшееся Германией предложение об улучшении отношений между двумя странами. Причем германские дипломаты не скрывали, что Берлин настроен идти на далекоидущие уступки пожеланиям Советского Союза.

15 августа посол Германии в Москве Шуленбург на встрече с В. М. Молотовым зачитал текст памятной записки, в которой, среди прочего, выражалась мысль о «возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества» между двумя странами и ставился вопрос о приезде в этих целях в Москву «на короткое время» министра иностранных дел Германии Риббентропа.

Советская сторона вначале уклонилась от ответа, настаивая на скорейшем подписании с Германией торгово-кредитного соглашения. Такое соглашение было подписано 19 августа. Тем самым, первое условие Москвы для улучшения отношений с немцами было выполнено.

В Берлине же явно торопились с заключением политического соглашения. На то были свои причины. Как явствует из многочисленных документов, в Германии готовились к скорому нападению на Польшу и, соответственно, к войне с Англией и Францией, связанных с Варшавой гарантиями безопасности. Желая избежать войны на два фронта, германское руководство стремилось обезопасить себя на востоке и в этих целях добивалось соглашения с СССР. По оценке директора Института всеобщей истории РАН академика А. О. Чубарьяна, «немецкие представители были слишком заинтересованы в немедленном соглашении с Москвой и были хорошо осведомлены об ее беспокойстве за ситуацию в Восточной Европе и о старых «российских амбициях» в целом. Гитлер и его сподвижники всегда рассматривали Советский Союз как одного из главных стратегических противников. Но ради решения своей основной задачи — нейтрализации России в условиях подготовки войны с Францией и Англией и реализации германских планов в Европе в Берлине, очевидно, считали возможным идти на максимально большие уступки, в том числе и в

территориальных вопросах, полагая, что в сравнительно недалеком будущем Германия вернет себе все то, что она отдаст в сферу влияния Советского Союза»^[43].

17 августа посол Шуленбург передал в Москве предложение заключить с СССР договор о ненападении сроком на 25 лет, предоставить совместно с СССР гарантии Прибалтийским странам и использовать свое влияние для улучшения отношений СССР с Японией^[44].

Москва оказалась перед непростым выбором. К тому времени советское руководство располагало сведениями о плане и сроках нападения Германии на Польшу. Это означало, что германские войска, наступая на Польшу, беспрепятственно вышли бы к советским границам, что усиливало бы непосредственную военную угрозу для СССР. Оказавшись фактически один на один с Германией, Советский Союз был вынужден искать оптимальные пути для обеспечения своей безопасности и принимать соответствующие решения.

В период между 18 и 23 августа немцы настойчиво теребили Москву, добиваясь согласия на приезд Риббентропа для подписания договора. 21 августа Гитлер обратился с личным письмом к Сталину по этому вопросу. После некоторых колебаний, мотивированных желанием несколько оттянуть развитие событий, советская сторона ответила согласием.

Советско-германские переговоры состоялись, и в ночь с 23 на 24 августа между двумя странами был подписан договор о ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа (по фамилиям подписантов), неотъемлемой частью которого был секретный протокол «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе». Этот документ по определению был призван на какое-то время оградить СССР от войны с Германией. Кроме того, согласно секретному протоколу,

Советский Союз в случае войны получал свободу действий в Финляндии, Эстонии, Латвии, Восточной Польше (Западной Белоруссии и Украине) и Бессарабии. В дальнейшем, и это подтвердили последующие события, предполагалось заключить с каждой из упомянутых стран договоры о взаимопомощи с вводом на их территории советских воинских подразделений для защиты их и собственно советских границ.

Фактически это было тайным разделом сфер влияния между СССР и Германией, что в практике того времени было не единичным явлением.

Кстати, до сих пор не утихают споры относительно подлинности секретного протокола. Долгое время сам факт его существования оставался в глубокой тайне. Как отмечалось в выводах Комиссии по правовой и политической оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. во главе с А. Н. Яковлевым на II Съезде народных депутатов СССР, хотя оригиналы протоколов не найдены ни в советских, ни в зарубежных архивах, «комиссия считает возможным признать, что секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г. существовал...»^[45].

Подписание советско-германского договора вызвало бурную и в целом ожидаемую реакцию за рубежом. В компактном виде, как сформулировал А. О. Чубарьян, она выглядит примерно так: «беспокойство в Лондоне и Париже, брожение и тревога в балканских, восточноевропейских и прибалтийских столицах, негативное восприятие среди европейской, да и всей мировой общественности, непонимание и растерянность в коммунистических партиях, которые в течение многих лет считали своей главной задачей борьбу с фашизмом»^[46].

Споры и суждения противоречивого характера не утихают и по сию пору. Это и неудивительно. Пакт был

неординарным и неоднозначным демаршем.

Это был компромисс. Каждая из сторон извлекла из него как выгоды, так и потери.

Определенный моральный ущерб для СССР заключался в том, что в условиях засилья идеологической пропаганды трудно было объяснить советской, да и мировой общественности, чем был вызван такой довольно неожиданный поворот.

Наиболее существенно то, что Советский Союз, натолкнувшись на неприятие Западом усилий по организации коллективного отпора агрессии и оказавшись один на один с гитлеровской Германией, по сути, сделал оптимальный выбор. Из соображений безопасности Москва пошла на этот шаг. Он был призван отсрочить неизбежное столкновение с нацистским рейхом и дать возможность лучше подготовиться к этой схватке. Прагматизм в данном случае одержал верх над идеологическими колебаниями. К тому же аналогичного рода пакты с Германией уже имелись у Англии и Франции.

Советско-германский договор нельзя рассматривать вне исторического контекста, а тем более выдергивать его из этого контекста в спекулятивных целях — такой подход лишь порождает искаженные представления, в т. ч. и об этом документе.

У Москвы были все основания не верить в поддержку западных держав в случае, если бы Советский Союз решил самостоятельно противостоять германской агрессии в 1939 г. В пользу этого говорит и последовавшая «странная война» на западном фронте: Франция и Англия, с сентября 1939 г. находившиеся в состоянии войны с Германией, не предпринимали активных боевых действий против нее вплоть до начала германского наступления в мае 1940 г. Между тем войну можно было локализовать в самом начале, если бы 110 англо-французских дивизий, дислоцированных

на западной границе Германии, выступили против 23 противостоящих им немецких дивизий^[47].

Факт остается фактом: договор позволил СССР выиграть около двух лет для укрепления обороноспособности и подготовки к неизбежному вооруженному столкновению с Германией (другой вопрос, вызывающий споры, — насколько эффективно это время было использовано), западная граница СССР была отодвинута в среднем на 300 км, западные районы Украины и Белоруссии были объединены с остальной частью этих республик. Кроме того, договор вызвал определенные трения между Германией и Японией как раз в тот период, когда советские войска вели бои против японцев на реке Халхин-Гол. Все это уже в годы Великой Отечественной войны способствовало тому, что СССР избежал губительной для себя войны на два фронта.

Вынужденный характер пакта 1939 г. признавал и такой маститый и не склонный к симпатиям по отношению к нашей стране политик, как У. Черчилль, который отмечал в своих мемуарах: «Если у них (у русских. — А. Д.) политика и была холодной и расчетливой, то она была в тот момент в высокой степени реалистичной»^[48].

Советско-германский договор 1939 г. стал, безусловно, крупной вехой в развитии обстановки в Европе в предвоенный период. Он знаменовал собой, по определению академика А. О. Чубарьяна, «резкий и кардинальный поворот во всей советской внешнеполитической стратегии»^[49]. Ставка Москвы на создание системы коллективного отпора агрессии уступила место линии на поиск договоренностей с Германией в расчете отсрочить столкновение с Третьим рейхом, лучше подготовиться к этой схватке. Это изменение предполагало и определенные кадровые перемены. В этой связи смена знаковых фигур во главе

советской внешней политики в мае 1939 г., когда на пост наркома вместо ушедшего в отставку М. М. Литвинова был назначен В. М. Молотов, возможно, не была простой случайностью или совпадением.

В дискуссиях по поводу советско-германского договора 1939 г. встречаются и попытки провести исторические параллели с более далеким прошлым. Пакт 1939 г., например, сопоставляют с тильзитским мирным соглашением Александра I с Наполеоном, заключенным в 1807 г. в схожих исторических условиях, за несколько лет до вторжения Наполеона в Россию, находя определенную аналогию мотивов соответствующих действий руководителей России. Причем и в 1807 г., и уж, во всяком случае, в 1939 г. для России речь не шла об установлении союзнических отношений с партнером по договору, а о позиции строгого нейтралитета с целью выигрыша времени. Руководство СССР неукоснительно придерживалось этой линии.

На этот важный аспект договора обращает внимание израильский исследователь темы пакта Г. Городецкий в книге «Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз». «Строгий нейтралитет, — пишет он, — вместо обязательств перед Германией — вот в чем Сталин видел главное достижение пакта Молотова-Риббентропа. Будучи вынужден подписать пакт, Сталин, очевидно, решил извлечь из него все, что только можно. Он стремился компенсировать обиды, нанесенные России, по его мнению, не только на Версальской мирной конференции и в межвоенный период, но и в XIX веке, во время борьбы за господство в Европе. Сталин не рассчитывал, что Германия и Англия обескровят друг друга, воюя между собой, но, конечно, надеялся, что изрядное количество перьев они потеряют. Составляя собственную повестку для мирной конференции, он

думал, что получил достаточно долгую передышку для повышения боеготовности Красной армии, в которой нуждался как в противовесе, чтобы иметь возможность торговаться на ожидаемых переговорах. Его политика была направлена исключительно на соблюдение государственных интересов Советского Союза, как он их понимал»^[50].

Как явствует из вышеизложенного, советско-германский договор с учетом сложившейся обстановки был вынужденным шагом, продиктованным прежде всего интересами безопасности страны. Он имел в условиях предвоенного времени немаловажное практическое значение для Советского Союза.

Столь же очевидно и другое: советско-германский пакт 1939 г. не был и ни в коей мере не может рассматриваться как причина или некий «сигнал» к началу Второй мировой войны. Скорее это относится к политике «умиротворения» ряда европейских держав, прежде всего Англии и Франции, которые вместо отпора готовящейся гитлеровской агрессии стремились лишь повернуть ее на восток. В значительной мере именно в силу несостоятельности и идеологической зашоренности этих и некоторых других европейских стран, мир и оказался втянутым в пекло беспрецедентного по масштабам и жестокости военного конфликта. При этом причины конфликта в своей основе намного сложнее и глубже.

Мюнхенский сговор — яркий пример того, как попрание норм морали и нравственности в политике, практика двойных стандартов в отношениях между государствами, прямое потворство агрессору приводят к разрушительным последствиям для международного мира, ставят на грань выживания европейскую, да и, в целом, человеческую цивилизацию. Анализ предвоенной ситуации в Европе, включая Мюнхен и его

последствия, как представляется, убедительно свидетельствует: эффективно обеспечить безопасность в региональном и мировом масштабах можно только коллективными усилиями. Нельзя достичь надежной безопасности одних за счет других. В 1938–1939 гг. Англия и Франция познали это на собственном примере.

Применительно к дню сегодняшнему печальный опыт Мюнхена и последующих событий красноречиво подтверждает безотлагательную необходимость формирования такой международной архитектуры, которая на деле обеспечивала бы максимально надежную и равную безопасность для всех, покоилась бы на прочной основе международной законности и коллективных усилиях государств по выстраиванию эффективных механизмов реагирования на угрозы и вызовы европейской стабильности. Именно в этом заключается суть инициативы Президента России Д. А. Медведева о разработке Договора о европейской безопасности, отвечающего насущным потребностям нынешних межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве.

Как сам советско-германский договор 1939 г., так и дополнительный протокол не противоречили тогдашней международной практике и ничем не отличались от аналогичных документов того времени. К тому же для ряда восточноевропейских народов (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Молдавия) пакт в исторической перспективе имел и немалое практическое значение, способствуя утверждению национальных государств в конце XX века в их нынешних границах.

Опыт истории учит: между предвоенным прошлым и настоящим имеются очевидные аналогии, включая вывод о том, что источником войны всегда служит политика глобального господства, находящая свое выражение, в т. ч. в линии на дестабилизацию и

разобшение противостоящих сил. Именно под этим углом и в более широком историческом контексте, исключая выборочный подход к событиям, и надо рассматривать факты предвоенной истории.

А. В. Шубин

На пути к пакту 1939 года: сложности и противоречия советско-германского сближения

Зная, чем кончились события 1939 г., авторы 90-х гг. рисовали картину советско-германского сближения в виде прямой линии к известному финалу — пакту и войне. При таком упрощенном взгляде несложно реконструировать мотивы Сталина, который уверенными шагами шел к пакту. Зачем? При схематическом подходе, типичном для публицистики и примыкающих к ней историков, ответ зависит не от событий 1939 г., а от вашего «понимания» характера сталинского режима. Если Сталин — тоталитарное чудовище, значит — мечтал о дружбе с другим тоталитарным чудовищем и был рад шансу преодолеть разногласия с Гитлером. Если полагаете, что Сталин — гениальный строитель и защитник советской державы, значит — выбрал оптимальный путь защиты безопасности страны. Если Сталин возродил Российскую империю под красным флагом, значит — мечтал вернуть земли империи, потерянные большевиками. Подобные объяснения, как и большинство мифологических конструкций, не нуждаются в доказательстве, не восприимчивы к критике и содержат в себе частицу реальности — ровно такую, чтобы противоречивость жизни не помешала целостности мифа. Они являются потусторонними в отношении

международной ситуации 1939 г. В исторической реальности работают более «земные» объяснения, относящиеся к СССР в той же степени, как и к другим государствам, которые были вынуждены бороться за выживание в условиях мирового кризиса и экспансии Германии, Италии и Японии.

После Мюнхенского сговора СССР оказался в изоляции с перспективой превратиться в «европейский Китай» — обширное поле германской экспансии, поощряемой Западом не столько из-за враждебности к идеологии ВКП(б), сколько из-за необходимости направить Гитлера подальше от собственных границ, выделить Германии кусок мира, «достойный цивилизованной страны».

С падением Испанской республики 1 апреля завершилась эпоха «Народного фронта», когда Сталин пытался вести сложную игру по всей Европе, теперь у СССР здесь опять не было союзников. Но уже в марте в мюнхенской политике наметился сбой, дававший советской дипломатии новые шансы.

Раскол мюнхенского фронта

15 марта 1939 г. Гитлер захватил Чехию (вернее то, что от нее осталось). Сначала британский премьер отнесся к этому событию спокойно — ведь Чехословакия «распалась сама», и сама же в лице президента Гахи сдалась на милость фюрера. Но буквально через день позиция премьер-министра Великобритании, истинного лидера Лиги Наций, серьезно изменилась, и он стал обвинять Гитлера в обмане. «Чуть ли не за один день Чемберлен перешел от умиротворения к открытым угрозам», — не без удивления пишет депутат-консерватор Л. Эмери^[51]. Что случилось?

Чтобы понять это, нужно вернуться на несколько месяцев назад. Мюнхенский сговор резко ослабил правительство Чехословакии в Праге. 11 октября 1938 г. в населенном украинцами Закарпатье было создано автономное правительство. 2 ноября 1938 г. делившие Чехословакию в Вене представители Германии и Италии (первый Венский арбитраж) предложили создать на востоке страны государство «Закарпатская Украина». Поскольку на эту территорию претендовала Венгрия, ей отдали Ужгород, но не весь регион, где сохранилась автономия со столицей в Хусте. В крае был установлен авторитарный режим, 20 января были распущены все партии, кроме Украинского национального объединения (УНО). Не удивительно, что на выборах в сейм 13 февраля УНО получило подавляющее большинство голосов. Была создана местная армия, Карпатская Сечь, в 2000 бойцов.

В ноябре 1938-го — марте 1939 г. дипломатические круги оживленно обсуждали информацию о подготовке Гитлером похода на Украину. 30 ноября советник Чемберлена Г. Вильсон не без злорадства говорил

советскому послу Майскому: «следующий большой удар Гитлера будет против Украины. Техника будет примерно та же, что в случае с Чехословакией. Сначала рост национализма, вспышка восстания украинского населения, а затем освобождение Украины Гитлером под флагом самоопределения»^[52]. Сталин тоже опасался карпатской «букашки», которая с помощью Гитлера хочет «присоединить к себе слона», то есть всю Украину.

15 марта сейм Карпатской Украины провозгласил независимость и избрал президентом А. Волошина. Однако Венгрия на правах союзника Гитлера действовала на опережение и уже 14 марта развернула наступление на Хуст. Вопреки ожиданиям, Гитлер не заступился за Карпатскую Украину, а сечевики оказались негодными вояками и 16–17 марта были разбиты. Весь мир понял — сейчас фюреру не до украинской игры.^[53]

Отказ Гитлера от «решения украинского вопроса» был отчасти уступкой полякам, которых также могла беспокоить перспектива создания Украинского государства, даже союзного. Ведь Речь Посполитая на треть состояла из земель, населенных украинцами. Но для западных политиков отказ от украинской темы в Берлине был важной лакмусовой бумажкой — Гитлер отвлекся от продвижения в прямом направлении на СССР.

Отказ от похода на Украину наводил Чемберлена на мысль, что Гитлер, подчинив себе еще несколько восточноевропейских стран, может укунить и руку дающую — повернуть на запад.

В гневной речи 17 марта 1939 г. Чемберлен сделал вид, что отказывается от политики умиротворения. 31 марта он предоставил Польше гарантии вступления Великобритании в войну, если страна подвергнется

«прямой или косвенной агрессии». Под косвенной агрессией понималось то, что случилось с Чехословакией в 1939 г. После захвата Албании Италией гарантии были предоставлены Балканским странам.

Британские гарантии Польше стали для Гитлера главной проблемой. Удар Чемберлена был рассчитан очень точно и должен был показать, кто в Европе хозяин. После отказа Польши участвовать в комбинациях Барту и совместного с поляками дележа Чехословакии Гитлер считал Польшу своим сателлитом. Приняв британские гарантии, Польша подтвердила, что таковым не является.

Перемены в настроении поляков наметились после Мюнхена, когда нацисты перешли от «судетской проблемы» к «данцигской». Дело в том, что по Версальскому договору Германия уступала Польше Силезию и «балтийский коридор» — побережье Балтики в районе Гдыни (между основной территорией Германии и Восточной Пруссией), а населенный немцами Данциг становился вольным городом под патронажем Лиги Наций. Фактически Данциг был оккупирован Польшей. Гитлер, верный своей политике возврата всех населенных немцами земель, намеревался присоединить Данциг и «балтийский коридор». Поскольку Польша считалась дружественным государством, немцы были готовы найти ей компенсацию за чужой счет.

24 октября 1938 г. Риббентроп предложил Польше совместную политику в отношении СССР на базе Антикоминтерновского пакта. Германия обещала не создавать марионеточное украинское государство в Закарпатской Украине (в Варшаве опасались раскручивания «украинского вопроса» не меньше, чем в Москве). За все это Польша должна была согласиться на передачу Германии Данцига и создание

экстерриториального немецкого шоссе и железной дороги, соединяющей две части рейха.

Риббентроп был готов обсудить и более выгодные варианты: обмен балтийского побережья на черноморское — за счет СССР и безо всякой независимой Украины. Выход Польши к Балтийскому морю можно подыскать потом за счет стран Прибалтики. Восстановление границ Речи Посполитой начала XVIII в. было заманчивой перспективой. Но удовлетворят ли немцы территориальные притязания Польши к СССР и Литве, обеспечив выход к морям, или, напротив, создадут новое украинское государство — это вопрос будущего. А балтийское побережье собираются отобрать уже сейчас. Судьба Чехии показывала, что быть сателлитом Германии небезопасно. Польша стремилась показать Гитлеру, что она все же не Чехия. Польские руководители решили, что слишком рискованно менять имеющийся выход к морю на «шкуру неубитого медведя» СССР. И отказали Германии.

«В Варшаве явно не осознали, что 24 октября был пройден определенный рубеж в польско-германских отношениях и начался их качественно новый этап...»^[54]. Не сразу поняли это и в Берлине, где еще в ноябре не сомневались, что в случае «советско-германского конфликта Польша будет на нашей стороне»^[55].

Британское предложение гарантий и одновременный ультиматум со стороны Германии 21 марта 1939 г. поставил Польшу перед выбором — либо превращение в германского сателлита, либо «равноправная» дружба с Западом. Дружить с Западом было почетнее, чем с Гитлером. Но ориентация на Великобританию делала союз Германии и Польши против СССР невозможным. Гитлеру не нужен был союзник, который управляется из Лондона. За шесть

дней до нападения Германии на Польшу 24 августа Геринг говорил польскому послу Липскому: «Решающее препятствие для дружественных отношений между Рейхом и Польшей — не данцигский вопрос, а союз Польши с Англией»^[56].

Привыкнув считать себя региональным центром власти, гордые польские политики продолжали полагать, что германские угрозы, как говорил министр иностранных дел Польши Бек, — «это блеф Гитлера. Он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»^[57]. Еще менее вероятным казалось одновременное выступление против Польши антагонистов Германии и СССР. Между тем «польская западная и восточная границы были неприемлемы для Германии и для Советского Союза соответственно. Этот факт странами Запада, очевидно, не учитывался», — напоминает У. Ширер^[58]. Ведь установленная в результате советско-польской войны в 1921 г. граница Польши находилась гораздо восточнее «линии Керзона», которая даже в Версале была признана границей этнической Польши. Нарастание германо-польских противоречий создавало общий интерес у СССР и Германии — вернуться к границам 1914 г.

После захвата Чехословакии Гитлер говорил своему адъютанту: «трудно изолировать Польшу... Заклятым врагом поляков является не Германия, а Россия. Нам однажды также будет грозить со стороны России большая опасность. Но почему послезавтрашний враг не может быть завтрашним другом? Этот вопрос следует очень основательно обдумать. Главная задача состоит в том, чтобы сейчас найти путь к новым переговорам с Польшей»^[59]. Диктатор колебался. Он предпочел бы иметь Польшу союзником против СССР, но

если это не выйдет, почему бы не обдумать и другую возможность?

26 марта поляки отклонили германский ультиматум. В этот день, беседуя с генералом Браухичем, Гитлер «пошутил»: «А знаете ли Вы, каким будет мой следующий шаг? Вам лучше сесть, прежде чем я скажу, что им будет... официальный визит в Москву»^[60].

Гарантии Великобритании нарушали всю мюнхенскую игру фюрера и привели Гитлера в бешенство: «Я сварю им чертово зелье!»^[61]. «Чертовым зельем» стал план вторжения в Польшу «Вайс», разработка которого началась 3 апреля. Другим компонентом «чертова зелья» стали контакты с СССР.

15 мая было подписано военное франко-польское соглашение, которое предполагало, что на 15-й день мобилизации будет предпринято наступление против Германии основными силами Франции. Если бы это произошло в реальности, Германия была бы разгромлена в сентябре 1939 г. Но 15 сентября 1939 г. французского наступления основными силами не последовало.

Понимая, что герои Мюнхена сами ищут возможности договориться с Германией за счет Польши, Гитлер пока не был склонен к уступкам. Но политику гарантий он воспринял как британский вызов, как «окружение» Германии восточноевропейскими сателлитами Запада — продолжение политики Барту. 28 апреля Гитлер выступил с большой речью, где заявил, что он денонсировал англо-германский морской договор 1935 г. и польско-германский пакт о ненападении 1934 г. Приняв английские гарантии, направленные против Германии, Польша, по мнению Гитлера, сама нарушила этот пакт.

Несмотря на то что после мюнхенская изоляция означала провал политики коллективной безопасности,

нарком иностранных дел Литвинов пытался найти выход с помощью продолжения прежней линии. 18 марта в ответ на оккупацию Чехословакии СССР призвал созвать европейскую конференцию по предотвращению агрессии, своего рода «Антимюнхен». 21 марта Чемберлен согласился провести конференцию Великобритании, Франции, СССР и Польши. Весы европейской политики снова качнулись влево.

Но поляки не хотели иметь дело с СССР, опасаясь, что «Антимюнхен» может кончиться выдвиганием территориальных претензий к ним как со стороны немцев, так и со стороны СССР.

Чемберлен быстро согласился с поляками, что лучше было бы договариваться без Советского Союза. «Наши попытки создать фронт против германской агрессии потерпят неудачу, если Россия окажется тесно связанной с этой схемой»^[62]. К тому же трудно договориться со странами Антикоминтерновского пакта и СССР одновременно. Чтобы оставаться в центре политической вселенной, Великобритания должна была вести переговоры с Германией, продолжая мюнхенскую традицию. «Антимюнхен» умер, не родившись. Сталину предложили просто присоединиться к англофранцузским гарантиям.

Дамокловы «клещи»

Остроумный французский посол в Москве Кулондр заметил, что от англо-французских гарантий наибольшую выгоду получил Сталин, который теперь отгорожен от Гитлера антигерманской коалицией: «С этого момента он, как бы с балкона, сам будучи в безопасности, может следить за происходящими событиями»^[63]. Но Сталин не спешил наслаждаться видом с балкона и гонять на нем чай. Он понимал, что балкон непрочен. Он был чужим, и Сталину не позволяли укрепить непрочный балкон своей квартиры.

Кулондр плохо себе представлял, как из Москвы виделось будущее нападение на СССР. За все время существования единого Российского государства вторжения с запада велись по трем направлениям: с севера — здесь главной целью с XVIII в. был Петербург-Петроград-Ленинград; в центре — на Москву, которая в силу своего транспортно-географического положения является наиболее удобным центром управления страной; с юга — на Украину и Кавказ, богатые ресурсами. В условиях войны XX в., когда действуют огромные армии, которые не могут снабжаться «подножным кормом», наступление должно обеспечиваться коммуникациями, по которым поступает продовольствие, боеприпасы, амуниция. Прямой прорыв на Москву в этих условиях становится почти невозможным — коммуникации легко перерезаются с севера и юга. Со времен гибели армии Наполеона в России этот урок был достаточно очевиден.

Прямой бросок на Москву от западной границы был возможен только при одновременном наступлении на севере и юге по расходящимся направлениям. Война

получается неэкономной — на главном направлении можно сконцентрировать примерно в три раза меньше войск, чем выделено на всю кампанию. Но чтобы закончить войну с Россией, следует наступать именно на Москву. Поэтому единственный смысл наступления прямо на Москву и одновременно на севере и юге — закончить войну в один год. Если такая рискованная задача не ставится, то наступление должно вестись по северному и южному направлениям. Закрепившись в Прибалтике, армия вторжения, хорошо снабжаясь через Балтийское море, нападает на Петроград-Ленинград и захватывает его за год, получая хорошие зимние квартиры и опять же прекрасные коммуникации. И уже на следующий год с этой позиции можно начинать наступление на Москву. С юга в первый год идет борьба за Украину. Армия вторжения может снабжаться и через Польшу и Румынию, и по Черному морю, и от ресурсов самой Украины — восточноевропейской житницы. В случае захвата Украины на следующий год можно наступать на Москву также с относительно близкой дистанции. Либо, если большевики будут достаточно побиты, но не разгромлены вовсе, можно заключить почетный «второй Брестский мир» (по образцу Брестского мира 1918 г.), получив ресурсы Украины и, возможно, Кавказа. Таким образом, оптимальной стратегией войны с Россией для европейских стран являлись «клещи» — наступление с севера и юга с последующим смыканием вокруг Москвы. Но у этой стратегии был важный недостаток — война растягивалась не менее чем на два сезона.

Опасность «клещей» делала советское руководство особенно нервным, когда речь заходила о приближении потенциального агрессора к Прибалтике, Ленинграду, о заигрывании немцев с УНО и Организацией Украинских националистов (ОУН), а также об отмене установленного в мае 1936 г. на

конференции в Монтре запрета на проход кораблей воюющих стран через принадлежащие Турции проливы в Черное море.

7 марта 1939 г. в Москве получили сообщение о германо-эстонском соглашении, которое позволяло разместить немецкие войска недалеко от Ленинграда. Вкупе с Закарпатской Украиной это были острия «клещей». О кризисе в германо-польских отношениях Сталин еще не знал. Стратегические «клещи» противника нависли над СССР дамокловым мечом.

В этих условиях собрался XVIII съезд ВКП(б). 10 марта Сталин выступил на нем с отчетным докладом, где изложил картину мировой борьбы: «Поджигатели войны» стравливают СССР и Германию из-за Украины, стремясь «загрести жар чужими руками», то есть сдерживать агрессора ценой жертв со стороны СССР, а самим оставаться в безопасности. Конечно, СССР, верный своей политике «коллективной безопасности», по-прежнему готов помогать жертвам агрессии, но только при условии, что это будут делать и страны Запада. Затем Сталин представил анализ отношений двух империалистических группировок. Политику «оси» он представлял себе так: «Война против интересов Англии, Франции и США? Пустяки! «Мы» ведем войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте «антикоминтерновский пакт», заключенный между Италией, Германией и Японией»^[64]. Сталин назвал эти действия стран «оси» «неуклюжей игрой в маскировку». «Вождь народов» сигнализирует Западу: будьте сговорчивее с СССР, иначе поплатитесь. Затем последовал сигнал немцам. Их используют в чужой игре. Сторонники умиротворения стремятся «не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны

глубоко увязнуть в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, в «интересах мира», и продиктовать ослабленным участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»^[65]. Вторжение в СССР — начало конца Гитлера, Запад использует его в своих интересах и выкинет на помойку истории.

Никаких призывов к сближению с нацистами в речи еще нет, есть лишь попытка предотвратить военное столкновение, а заодно стравить «империалистов».

В это время фюрер не прочитал речь вождя. Но интуит Гитлер и без сталинской подсказки уже почувствовал, что его использует Чемберлен и что кончится это все мировым господством Великобритании. Поэтому Гитлер повернул именно в ту сторону, куда хотелось бы Сталину. И решил это фюрер еще в декабре 1938 г., на рождественских каникулах. Но Сталин этого не знал наверняка. Только 8 марта Гитлер объявил своему ближайшему окружению о намерении сначала разделаться с Западом. При этом до середины марта никто не знал, определился ли Гитлер окончательно. Тревожные сигналы получал и Лондон. Министр иностранных дел Э. Галифакс писал в конце января: «Сначала казалось — и это подтверждалось лицами, близкими к Гитлеру, — что он замышлял экспансию на Востоке, а в декабре в Германии открыто заговорили о перспективе независимой Украины, имеющей вассальные отношения с Германией. С тех пор есть сообщения, указывающие на то, что Гитлер... рассматривает вопрос о нападении на западные страны в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке»^[66]. В речи Сталина на Западе увидели информированность и готовность к

продолжению политики коллективной безопасности, и, как мы увидим, решили откликнуться.

Есть контакт

Оказавшись в выгодном положении «третьей силы» в новом конфликте «империалистов», Сталин не мог им воспользоваться, не наладив контактов с Германией. Но наследие враждебных отношений с нацизмом пока удерживало его от сближения. Прагматические отношения с Гитлером пока были ресурсом франко-британской дипломатии, а не советской.

Инициатива создания канала, который мог бы (будь на то воля высшего руководства СССР и Германии) восполнить этот пробел, принадлежала трем дипломатам — поверенному в делах СССР в Германии Г. Астахову, заведующему восточноевропейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии К. Шнурре и послу Германии в СССР Ф. фон Шуленбургу. Коммунист, прошедший школу революционной дипломатии, тяготился тупиком, в котором оказались отношения двух антиимпериалистических режимов, грозя вот-вот привести к «крестовому походу» против его страны. Немецкий дипломат-хозяйственник был озабочен необходимостью накормить немецкий народ поставками продуктов с востока, а не заклинаниями Геббельса о советской угрозе. Граф старой дипломатической закалки не хотел служить агрессивным авантюрам фюрера и надеялся на то, что дипломатическое искусство может изменить мир к лучшему.

По мнению И. Фляйшхауэр, первая инициатива в советско-германском сближении принадлежит германскому послу в СССР Шуленбургу и относится к октябрю 1938 г. Эта «инициатива являлась следствием

размышлений Шуленбурга о том, что «необходимо воспользоваться изоляцией Советского Союза, чтобы заключить с ним всеобъемлющее соглашение...».

Вполне естественно желание посла улучшить отношения со страной, в которой работаешь. Но признаков позитивных откликов на инициативу Шуленбурга в Берлине не видно. Так что пока речь могла идти об инициативе чиновника, а не государства. Единственным последствием инициативы посла стала неофициальная советско-германская договоренность снизить накал взаимных оскорблений в печати.

Однако инициатива Шуленбурга не пропала даром, побудив чиновников МИДа и хозяйственных ведомств, подконтрольных Герингу, к обсуждению возможности советско-германского сближения и даже изложению аргументов в его пользу в серии официальных записок. «Геринг, с момента «судетского кризиса» прославшийся в окружении Гитлера «трусом», был восприимчив к попыткам разрядить экономическую и политическую ситуацию и избежать будущих внешнеполитических конфликтов»^[67]. Еще в декабре 1937 г. Геринг пригласил советского посла Я. Сурица и в ходе беседы сказал: «Я являюсь сторонником развития экономических отношений с СССР, и как руководитель хозяйства понимаю их значение»^[68]. Они побеседовали о германском хозяйственном плане, а затем Геринг заговорил о вопросах внешней политики, заветах Бисмарка не воевать с Россией и ошибке Вильгельма II, который эти заветы нарушил.

Тяжелое положение, в которое Гитлер вверг немецкую экономику, представляло собой благодатную почву для бесед подобного рода. 13 декабря министр пропаганды Иозеф Геббельс в частном порядке записал, что «финансовое положение рейха... катастрофическое.

Мы должны искать новые пути. Дальше так не пойдет. Иначе мы окажемся на грани инфляции»^[69].

К 1 декабря 1938 г. совещания дипломатов и хозяйственников привели сторонников сближения с СССР в германском МИДе к выводу, что во время рутинного продления советско-германского торгового договора надо бы «прозондировать русских относительно нового товарного кредита... Предоставление такого кредита оправдывалось бы тем, что в настоящий момент сделка с Россией имела бы для нас особую ценность», — формулировал задачу К. Шнурре, который отныне станет «мотором» советско-германского сближения в немецком МИДе. Его идея заключалась в том, чтобы обещать русским кредит, за который получить столь остро необходимое Германии сырье. Но вот проблема: деньги для СССР нужно выделить сейчас, а выгоду получить потом. Инициатива Шнурре не учитывала этого обстоятельства, которое хорошо понимали Геринг и Геббельс. Немецкий кредит мог стать платой за политическое невмешательство СССР в условиях немецкой экспансии, которая могла бы предоставить ресурсы для выхода Германии из острого экономического кризиса. Пока такая комбинация не созрела, инициатива германских дипломатов холодно воспринималась их собственным начальством.

При продлении договора 16 декабря 1938 г. Шнурре сообщил заместителю советского торгпреда Скосыреву, что Германия готова предоставить кредит в обмен на расширение советского экспорта сырья. Эти предложения стали точкой отсчета советско-германского сближения — пока неустойчивого и ничем не гарантированного.

Германская кредитная инициатива была экономически выгодна и вызвала отклик. Договорились,

что 30 января в Москву отправится небольшая делегация во главе со Шнурре.

Тут на арену вышел и Гитлер. На новогоднем приеме глав дипломатических миссий 12 января 1939 г. он внезапно подошел к советскому послу А. Мерекалову, «спросил о житье в Берлине, о семье, о поездке в Москву, подчеркнул, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и попрощался»^[70]. Такого прежде не бывало. Расположение фюрера к советскому послу вызвало фурор в дипломатическом корпусе: что бы это значило?! Но такую демонстрацию Гитлер считал максимумом публичной огласки своих намерений, на которые он мог пойти без ответных выражений симпатии с советской стороны. А их не было. Поэтому когда сообщения о поездке Шнурре просочились в мировую печать, Риббентроп запретил визит, переговоры сорвались, что на некоторое время убедило Сталина в несерьезности экономических намерений немцев (о «политической основе» речи еще не шло).

Но Шуленбург не оставил надежд. Прочитав доклад Сталина на съезде партии, посол интерпретировал его в духе своей идеи: «ирония и критика были значительно сильнее направлены против Англии... нежели... против Германии»^[71].

1 апреля Гитлер обрушился в своей публичной речи на тех, кто «таскает каштаны из огня» чужими руками. Это было повторение образа из речи Сталина, но только в переводах на западноевропейские языки. Сталин осуждал тех, кто любит загребать жар чужими руками. Имелись в виду англичане и французы. Эту мысль доложили Гитлеру, и он решил использовать сталинский пассаж Для шантажа Запада — на ваши гарантии можно ответить взаимопониманием со Сталиным.

17 апреля статс-секретаря германского МИДа (первого заместителя Риббентропа) Э. Вайцзеккера посетил советский посол А. Мерекалов. Повод для визита был вполне приличный: после захвата Чехословакии остался неурегулированный вопрос о советских военных заказах, которые были размещены на чешских заводах «Шкода». Теперь заводы стали немецкими. Будут ли немцы выполнять работу, за которую уплачены деньги? Вайцзеккер ответил, что сейчас не лучший политический климат для решения подобных вопросов. Тема плохого «политического климата» (или, говоря иначе «политической основы»), которая раньше была поводом для прекращения любых разговоров между советскими и нацистскими дипломатами, по инициативе немца теперь оказалась в центре беседы. В версии Вайцзеккера слова Мерекалова звучали так: «Политика России всегда прямолинейна. Идеологические разногласия вряд ли влияли на советско-итальянские отношения, и они также не должны стать камнем преткновения в отношении Германии». Став нормальными, отношения могут «становиться все лучше и лучше»^[72]. Защищая честь советского дипломатического мундира, Г. Л. Розанов категорически утверждает, что «А. Ф. Мерекалов ничего подобного не говорил»^[73]. Почему? Потому что не пересказал эту фразу в своем донесении о беседе в Москву. И правильно сделал. Чтобы разговорить собеседника, иногда скажешь такое, чего лучше не доверять бумаге. А что если не выйдет ничего из взаимных зондажей? Отвечай потом за неосторожное слово.

Более тонко к анализу этой судьбоносной беседы подошла И. Фляйшхауэр. Вайцзеккер к этому времени уже проникся идеями Шнурре. Из его записи беседы «видно, что разговор умело направлял статс-секретарь

и что психологическое состояние Вайцзеккера побудило придать этой беседе характер политического прорыва»^[74]. Он не мог дезинформировать свое начальство настолько, чтобы приписать послу ключевые слова, полностью менявшие позицию советского представителя — такая фальсификация могла привести самого Вайцзеккера к серьезному провалу, когда от него потребуют решения новых, в действительности невозможных задач. Но чтобы создать впечатление успеха, Вайцзеккер мог сдвинуть акценты, чтобы не подвергаться критике со стороны руководства за слишком смелый шаг навстречу русским. Лучше, если инициатива исходит с той стороны, а Вайцзеккер обеспечил ее развитие в нужную рейху сторону. Немецкий исследователь делает вывод: «откровения Вайцзеккера в самом деле представляли собой первый официальный шаг по сближению с СССР»^[75].

Явление Молотова

В это время Сталин еще не поощрял советско-германские зондажи, а напротив — дал Литвинову последний шанс реанимировать старую стратегию «коллективной безопасности». Политика «гарантий», как казалось, создавала для этого неплохие предпосылки.

15 апреля со ссылкой на речь Сталина на съезде (тогда ее никто не воспринимал как призыв к дружбе с Гитлером) англичане предложили СССР также дать гарантии Польше. 17 апреля СССР выдвинул контрпредложение: «Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет со взаимным обязательством оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств». Такая же помощь должна быть оказана «восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств»^[76].

Но Париж и Лондон не давали ответа на советские предложения, отвечая, что есть более срочные дела. Терпение Сталина иссякло.

Теперь Литвинову ставили в вину любой промах. Майский поговорил с министром иностранных дел Финляндии Эркко. Визит вежливости. Но Эркко недавно отверг советские предложения, а теперь еще и рассказал о беседе с Майским в печати. Дипломаты «разболтались», не заботятся о престиже страны. Виноват «западник» Литвинов, которому Сталин устроил выволочку по этому незначительному поводу:

«Какое Майский имел право разговаривать с Эркко?»^[77]. Для Майского дело обошлось, а для Литвинова — нет. Затем разгорелся конфликт между Молотовым и Литвиновым по поводу подбора кадров НКВД. Эпоха борьбы за «коллективную безопасность» взрастила немало прозападных дипломатов. Результат эпохи был плачевным для СССР. После отставки Литвинова в НКВД будут произведены аресты. Сталин поддержал в конфликте Молотова, и Литвинов подал в отставку.

Сталину был нужен менее уступчивый, менее «гибкий» нарком иностранных дел.

3 мая Молотов совместил посты председателя Совнаркома и наркома иностранных дел. Сталин исходил из того, что Молотов и так в последнее время все больше занимается проблемами обороны и внешнеполитической стратегии. Провал «прозападной» линии Литвинова ставил вопрос о трудном маневрировании, что требовало абсолютно надежного человека «на внешней политике». Молотов в 30-е гг. вполне доказал свою надежность.

«Смещение Литвинова означало конец целой эпохи. Оно означало отказ Кремля от всякой веры в пакт безопасности с западными державами и возможность создания Восточного фронта против Германии», — считает У. Черчилль^[78]. Судя по тому, что драма англо-франко-советских переговоров развернулась уже после отставки Литвинова, Черчилль преувеличивает. Замена Литвинова на Молотова была выбором Сталина в пользу большей свободы рук в маневрировании между «Антантой» и Германией. Советская вера в пакт безопасности еще некоторое время сохранялась, но из-за жесткости Молотова и его перегруженности другими делами переговоры не шли легче. Сталин надеялся, что Молотов будет более напорист в давлении на партнеров, чем Литвинов, и эта надежда оправдалась.

Напористость Молотова быстрее привела к закономерному результату — переговоры зашли в тупик. С обходительным Литвиновым движение в этом направлении шло бы медленнее.

Германский поверенный в делах В. Типпельскирх, докладывая о смещении Литвинова и назначении Молотова, специально подчеркнул, что Молотов — не еврей. Значит, ему будет проще договориться не с Западом, а именно с Германией.

Версия Типпельскирха подтвердилась. 5 мая к К. Шнурре зашел советник советского посольства Г. Астахов (опять по поводу «Шкоды» — немцы заявили о готовности выполнить советский заказ), и речь пошла о переменах в советском Наркомате иностранных дел. Шнурре докладывал: «Астахов коснулся смещения Литвинова и попытался, не задавая прямых вопросов, узнать, приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза»^[79].

После отставки Литвинова «Гитлер впервые за шесть лет своего правления изъявил желание выслушать своих экспертов по России»^[80]. Из их доклада Гитлер узнал много для себя нового, в частности — что СССР придерживается сейчас не политики мировой революции, а более прагматичного державного курса.

Интерес Гитлера к России усиливался. Посмотрев документальный фильм о советских военных парадах, фюрер воскликнул: «Я совершенно не знал, что Сталин — такая симпатичная и сильная личность»^[81]. Немецким дипломатам была дана команда и дальше зондировать возможности сближения с СССР.

Беседы Астахова и Шнурре стали более частыми. Теперь было что обсудить — и «Шкоду», и большую политику. 17 мая Шнурре докладывал: «Астахов подробно объяснил, что в вопросах международной

политики между Советской Россией и Германией нет противоречий и поэтому нет никаких причин для трений между двумя странами»^[82]. Были опасения нападения со стороны Германии, но если вернуться к политике времен Раппальского договора, то все можно поправить. Что касается переговоров с Западом, то «при нынешних условиях желательные для Англии результаты вряд ли будут достигнуты».

Г. Л. Розанов находит еще одного дипломата-фальсификатора, и комментирует запись Шнурре: «... немецкий дипломат в своей записи беседы приписывает очень осторожному и опытному советскому дипломату слова, которые не находят подтверждения в имеющемся в архиве МИД СССР отчете самого Г. А. Астахова, в соответствии с которым он заявил следующее: «В вопросах международной политики у Германии и Советского Союза нет противоречий, и поэтому нет причин для вражды между двумя странами. Правдой является то, что Советский Союз явно чувствовал угрозу со стороны Германии, но, конечно, имеется возможность расстроить это ощущение угрозы и недоверия Москвы»»^[83].

Бедный Риббентроп, его обманывали чуть ли не все сотрудники!

Но, как видим, записи основной части разговора очень близки. А слова об отношении к англо-франко-советским переговорам сообщать своему начальству было бы безумием — там это могли бы счесть за сообщение противнику стратегической информации. Астахов и так играл «на грани фола».

Важно напомнить, что «опытный и осторожный дипломат» Астахов в 1940 г. был арестован. Для него лично рискованная игра в большую политику кончилась неудачно. Пока курс на советско-германское сближение не был окончательно утвержден, докладывать обо всех

своих словах, призванных вызвать на откровенность собеседника, было смертельно опасно. Можно было исчезнуть уже в 1939 г.

Но в Москве отклик на немецкие зондажи был холодным. 20 мая Молотов сказал Шуленбургу, что для сближения двух стран отсутствует политическая основа (вернув немцам реплику Вайцзеккера). В Берлине фразу сочли «загадочной». Советский «сфинкс» то ли хотел сначала улучшить политический климат, то ли не хотел сближения вовсе.

Гитлер признал в мае 1939 г., что экономические проблемы «80-миллионной массы» немецкого народа нельзя решить «без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества»^[84]. 23 мая на совещании военные заявили Гитлеру, что в случае одновременной войны с Великобританией, Францией и СССР Германия проиграет. 26 мая Шуленбург получил указание активизировать контакты с Молотовым. Но дело все равно не сдвигалось с мертвой точки — пока у Кремля были другие планы.

28 июня Шуленбург упомянул в разговоре с Молотовым, что сближение между странами одобряет сам Гитлер. Молотов сказал Шуленбургу, что похоже на то, будто Германия ведет с СССР политическую игру под предлогом хозяйственных переговоров. В Кремле помнили провал январской миссии Шнурре. Теперь руководители СССР требовали — экономические выгоды вперед. Молотов рассказывал об этой встрече: «У меня был недавно Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений. Но ничего конкретного или внятного не захотел предложить»^[85]. Немцы боялись делать решительные шаги. Гитлер, по словам Вайцзеккера, «опасался, что из Москвы под громкий смех последует отказ»^[86]. Он был раздосадован, и 29 июня решил, что такая игра на

советских условиях ему не нужна: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимости от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией»^[87]. «Сближение» кончилось, не начавшись.

Однако этот этап «принюхивания» имел большое значение. Были созданы каналы, по которым можно было практически немедленно возобновить переговоры, не привлекая внимание «мировой общественности».

Камень преткновения

27 мая «Антанта» ответила на советские предложения, согласившись на идею военного союза. Правда, 6 июня стало известно, что Польша «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Гитлеру»^[88].

6-7 июня руководители Великобритании и Франции приняли за основу советский проект договора. Можно было начинать переговоры.

Потенциальные союзники оценивали возможности СССР скромно. Комитет начальников штабов Великобритании считал, что СССР сможет выставить за пределами страны всего 30 дивизий. «Такая оценка обусловила отношение к СССР как к важному, но все же второстепенному фактору в Европе, «неопределенной величине»» — комментирует М. Л. Коробочкин^[89]. Стратегическая важность Испании и Португалии оценивалась выше, чем значение СССР. Анализируя английские документы, Л. В. Поздеева приходит к выводу об ошибочности британских оценок того периода: «На Западе ошибочно полагали, будто массовые репрессии в СССР надолго подорвали его боеспособность... Даже понеся в 1941 г. колоссальные потери в вооружении, СССР уже в 1943–1944 гг. сумел создать и оснастить всем необходимым 6 танковых армий, 10 артиллерийских корпусов, 44 артиллерийские дивизии прорыва, 14 воздушных армий»^[90].

Британцы считали важным не дать СССР возможности остаться нейтральным, чтобы он не стал арбитром в споре Запада и Германии, если этот спор будет вестись военным путем. При благоприятном для Запада сценарии Германия могла бы вообще «увязнуть

в России». К Сталину лидеры стран Запада относились не лучше, чем к Гитлеру, и сближение с ним было явно вынужденным. Британцы намеревались «тянуть» с переговорами, чтобы и соглашения не заключать, и держать Гитлера под угрозой создания могучей коалиции против него. 19 мая Чемберлен заявил в парламенте, что «скорее подаст в отставку, чем заключит союз с Советами»^[91]. Союз с Гитлером не исключался. 8 июня Галифакс заявил в парламенте, что Великобритания готова к переговорам и с Германией.

Галифакс считал, что «пока идут переговоры, мы можем предотвратить переход Советской России в германский лагерь»^[92]. «В Париже тогда полагали, что советские власти будут ждать исхода политических переговоров с Парижем и Лондоном, прежде чем начнут официальные, даже чисто экономические контакты с Берлином», — суммирует З. С. Белоусова содержание французских дипломатических документов^[93]. Эти заблуждения Парижа и Лондона предопределили тактику затягивания переговоров с СССР, которая так дорого обошлась союзникам.

Молотов пригласил прибыть на переговоры своих коллег Чемберлена и Даладье. Ради Гитлера они легко проделывали подобное путешествие. На худой конец хватило бы министров иностранных дел. Но Лондон и Париж ответили, что переговоры будут вести послы.

14 июня в Москву прибыл У. Стрэнг, начальник Центральноевропейского бюро МИД Великобритании, который был направлен как эксперт в помощь послу У. Сидсу. Но Стрэнг, представлявший Форин-офис, выглядел как глава делегации. Так он и воспринимался Кремлем. Такой низкий уровень представителя британского МИД оскорблял советскую сторону и убеждал в несерьезности намерений Великобритании. Собственно, эта несерьезность была секретом

Полишинеля. Чтобы подчеркнуть неравенство уровней делегаций, Молотов разместился в зале переговоров выше партнеров, которые вынуждены были делать записи на коленке. Это возмущало их не меньше, чем Молотова — оскорбительно низкий уровень его визави. Настроение Стрэнга было далеко от оптимизма: «Это просто невероятно, что мы вынуждены разговаривать о военных тайнах с Советским Союзом, даже не будучи уверенными в том, станет ли он нашим союзником»^[94].

Тем не менее, дело пошло. К середине июля согласовали перечень обязательств сторон, список стран, которым даются совместные гарантии, и текст договора. 12 июля Чемберлен признал, что СССР готов заключить договор. Это была проблема — договорились слишком быстро.

Но тут встал вопрос о «косвенной агрессии». «Именно этот вопрос Лондон избрал для саботажа переговоров», — утверждает Г. Л. Розанов^[95]. Слова «косвенная агрессия» были взяты из английских гарантий Польше. Под косвенной агрессией понималось то, что Гитлер проделал с Чехией — он не напал на эту страну, а заставил ее капитулировать под угрозой нападения и спровоцировал отделение Словакии. Казалось бы, со стороны англичан не должно было последовать возражений по поводу термина «косвенная агрессия». Но историк-дипломат В. Я. Сиполс рассказывает нам, что Великобритания и Франция «все же не соглашались распространять на Балтийские страны ту формулировку, которая была применена ими в гарантийных обязательствах Польше: на случай прямой и косвенной агрессии»^[96]. Это неверно. Партнеры СССР были согласны оказать помощь жертве как прямой, так и косвенной агрессии. Но под «косвенной агрессией» они понимали случай, аналогичный ликвидации Чехо-Словакии. 9 июля

Молотов внес советское определение «косвенной агрессии». Это такая ситуация, при которой государство — «жертва» «соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы» произвести действие «которое влечет за собой использование территории и сил этого государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон»^[97].

По справедливому замечанию М. Л. Коробочкина, это определение явно выходило «за рамки чехословацкого варианта марта 1939 г.»^[98]. Партнеры попытались вернуть Молотова к образцу чехословацкой трагедии, убрав двусмысленные слова «или без такой угрозы». Но Молотов «уперся». Таким образом, англичане использовали прямолинейность Молотова, чтобы загнать переговоры в искомый ими тупик.

Позиция Молотова наводила и партнеров СССР, и самих «гарантируемых» на самые неприятные размышления о намерениях Советского Союза. Ведь получалось, что он мог вторгнуться на территорию любого из соседей в случае их добровольного («без такой угрозы») сближения с Германией и при этом рассчитывать на помощь Великобритании и Франции. Речь шла прежде всего о странах Прибалтики. Англичан и французов это совершенно не устраивало.

Распространение гарантий на страны Прибалтики, которые их не просили, совершенно невыгодное Великобритании и Франции, было делом принципа для лидеров СССР, которые видели в Прибалтике северный фланг «клещей». Сталину и Молотову было совершенно все равно, согласятся Эстония, Латвия и Литва стать плацдармом для нападения на СССР под давлением Германии или без оногo. А страны Запада вовсе не желали воевать с Гитлером, если тот начнет сражаться с СССР за Прибалтику.

Эта ситуация по-разному воспринималась в Лондоне и Париже, который не был отгорожен от Германии морем. Ж. Бонне писал послу в Лондоне: «Колебания британского правительства накануне решающей фазы переговоров рискуют сегодня скомпрометировать не только судьбу соглашения, но и саму консолидацию нашей дипломатической и стратегической позиции в Центральной Европе». При этом Франция «предпочитает трудности, которые может повлечь принятие русского определения косвенной агрессии, серьезной и намеренной опасности, которая последовала бы за провалом, окончательным или временным, переговоров»^[99].

Особенно обидно было то, что кризис возник, когда остальные положения договора уже были согласованы.

В начале июля французский посол Наджиар предложил разрешить противоречия по поводу стран Прибалтики в секретном протоколе, чтобы не толкать их в объятия Гитлера самим фактом договора, который фактически ограничивает их суверенитет. «В течение лета 1939 г. это было первое серьезное предложение относительно включения в договор секретного дополнительного протокола. Оно исходило от французской стороны»^[100]. Первоначально Молотов не воспринял идею секретного протокола, но затем она получит развитие в советско-германских отношениях.

Нежелание партнеров согласиться на формулу Молотова (несмотря на некоторые частные уступки с их стороны) злило его, тем более, что длительные заседания отвлекали председателя совнаркома от более срочных дел. В телеграмме своим полпредам в Париже и Лондоне он назвал партнеров по переговорам «жуликами и мошенниками» и сделал пессимистический вывод: «Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет»^[101]. 18 июля он дал

команду возобновить консультации с немцами о заключении хозяйственного соглашения. 22 июля было заявлено о возобновлении советско-германских экономических переговоров. Это обеспокоило англичан и французов, и чтобы не сорвать переговоры с СССР окончательно, они 23 июля согласились на советское предложение одновременно вести переговоры по политическому соглашению и по военным вопросам. Разработку конкретного плана совместных военных действий против Германии Молотов считал более важным вопросом, чем даже определение «косвенной агрессии». Если удастся согласовать план удара по Германии, то ее вторжение в Прибалтику вряд ли состоится.

Миссия союзников не торопясь села на пароход (не самолетом же лететь), выплыла 5 августа и прибыла в СССР 11 августа. Куда торопиться. Состав военной делегации также не впечатлил советскую сторону, которая выставила на переговоры наркома обороны Ворошилова. Французов представлял бригадный генерал Ж. Думенк. Английскую делегацию возглавил адъютант короля и начальник военно-морской базы в Портсмуте адмирал Р. Дракс, человек весьма далекий от вопросов стратегии, но зато резко критически настроенный в отношении СССР. Маршал авиации Ч. Барнет должен был компенсировать некомпетентность Дракса, но он мало что понимал в сухопутных операциях. Британская делегация получила инструкцию продвигаться медленно, пропуская вперед политические переговоры, и давать как можно меньше информации. Думенку рекомендовали действовать по обстоятельствам в контакте с англичанами, но тоже больше слушать, чем сообщать.

Барнет признал: «Я понимаю, что политика правительства — это затягивание переговоров насколько возможно, если не удастся подписать

приемлемый договор»^[102]. У. Ширер недоумевает: «трудно понять приверженность англичан политике затягивания переговоров в Москве»^[103]. Мотивы очевидны, и они таковы же, как и мотивы Стрэнга. Было неясно, чьим союзником станет СССР.

Треугольник контактов

В это время было также непонятно, чьим союзником станет и Великобритания.

В июле в Лондон на заседание Международного комитета по делам беженцев прибыл сотрудник Геринга Х. Вольтат. С ним начались консультации советника Чемберлена Г. Вильсона и министра торговли Р. Хадсона. Речь шла не о беженцах. План Вильсона, изложенный им Вольтату 21 июля и германскому послу Дирксену 3 августа, предполагал заключение германо-британского пакта о ненападении, который поглощал бы систему гарантий, данную Великобританией странам Восточной Европы. Сферы интересов двух стран в Европе разграничивались бы, причем за Гитлером признавалась бы гегемония в Восточной и Юго-Восточной Европе. Предусматривались также соглашения об уровнях вооружений, урегулировании колониальных претензий Германии и предоставление ей крупного кредита.

Вильсон считал, что «соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если было бы сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию». Мюнхенский состав, новые горизонты. Когда Вольтат поинтересовался, насколько эти идеи разделяет Чемберлен, Вильсон предложил немецкому гостю пройти в соседний кабинет и получить подтверждение у самого премьера. Не имея полномочий на переговоры на столь высоком уровне, Вольтат отказался, но все услышанное передал в посольство и по начальству^[104]. Потом предложения неоднократно уточнялись.

«Тайный примирительный зондаж Чемберлена (через Г. Вильсона) показывает, что при желании с Англией можно наладить разговоры», — считал Вайцзеккер. Но желания не было. Почему Гитлер не принял столь выгодных предложений? По мнению В. Я. Сиполса, «он рассматривал все подобные предложения как свидетельство слабости Англии»^[105]. Такое объяснение выглядит не убедительно по двум причинам. Во-первых, Гитлер даже передвинул сроки нападения на Польшу из-за неуверенности в невмешательстве Великобритании в конфликт. Англия вообще была в центре его стратегических размышлений и в это время, и позднее, и договориться с ней он был готов даже в 1940 г. Во-вторых, если бы он считал Великобританию слабой, тем более можно было принять ее «капитуляцию» — Гитлер уже сделал это однажды в Мюнхене.

Дело в том, что предложения Вильсона (фактически — Чемберлена) содержали важную оговорку, о которой в середине августа Вильсон сообщил Риббентропу: Германия должна была «не предпринимать акций в Европе, которые привели бы к войне, исключая такие меры, которые получают полное согласие Англии»^[106]. Прими Гитлер предложения Чемберлена, и он становился британским «жандармом». Согласится Чемберлен — можно применить силу, не согласится — нельзя. Германо-британский пакт мог стать достройкой британоцентричной вселенной Чемберлена, в которой он мог бы согласовывать требования немцев к полякам, поляков — к СССР (обеспечивая требования немецким кулаком), «разруливать» конфликты США, Японии и Китая, а в случае необходимости «прижать» Германию силами Франции или Францию — силами Германии. Одна загвоздка — Гитлер все не соглашался на отведенную ему роль.

В советском посольстве также знали о переговорах с Вольтатом.

В конце июля Шнурре получил инструкции встретиться с советскими представителями и возобновить консультации об улучшении советско-германских отношений. Шнурре пригласил пообедать Астахова (в связи с отъездом Мерекалова он стал поверенным в делах СССР в Германии) и заместителя советского торгового представителя Е. Бабарина (представитель в это время тоже отдыхал). В неформальной обстановке ресторана Шнурре обрисовал этапы возможного сближения двух стран: возобновление экономического сотрудничества путем заключения кредитного и торгового договоров, затем «нормализация и улучшение политических отношений», включающая участие официальных лиц в культурных мероприятиях друг друга, затем заключение договора между двумя странами либо возвращение к договору о нейтралитете 1926 г., то есть к «раппальским» временам. Шнурре сформулировал принцип, который затем будут повторять его начальники: «во всем районе от Черного моря до Балтийского моря и Дальнего Востока нет, по моему мнению, неразрешимых внешнеполитических проблем между нашими странами»^[107]. К тому же, развивал свою мысль Шнурре, «есть один общий элемент в идеологии Италии, Германии и Советского Союза: противостояние капиталистическим демократиям... Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию»^[108]. Советские собеседники дипломатично не стали возражать. Они тоже не знали сталинских неопределенных сроков. Согласившись с необходимостью улучшения отношений, советские дипломаты уточнили, что из-за прежнего недоверия «ждать можно только постепенного изменения»^[109].

Время работало на СССР, торопиться нужно было немцам, и в этих условиях можно было добиться необходимых Советскому Союзу военно-экономических уступок. В условиях, когда Запад пошел на некоторые уступки, а немцы добиваются нейтралитета большевиков в их войне с Польшей, СССР мог выбирать.

Убеждая свое начальство в выгодности этой ситуации, Астахов предлагал «втянуть немцев в далекоидущие переговоры», чтобы «сохранять козырь, которым можно было бы в случае необходимости воспользоваться»^[110]. Сначала Молотов осторожничал, телеграфировав Астахову: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно». Но получить «козырь» в игре с Западом, а одновременно выторговать экономические выгоды у Германии было соблазнительно. И Молотов, посоветовавшись со Сталиным, отправил новую телеграмму Астахову: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений, могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав... Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно же, приветствовали бы»^[111].

Теперь можно было выводить советско-германские переговоры на более высокий уровень. Астахова принял Риббентроп. Германский министр поставил перед советским представителем альтернативу: «Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать. Если случится

обратное, то от Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой»^[112]. Риббентроп с гордостью писал: «я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши»^[113].

Важно было соблюсти германское достоинство, что, по мнению Риббентропа, должно было побудить советских руководителей ухватиться за предоставившуюся возможность — берите нашу дружбу, пока даем. «Я вел беседу, не показывая, что мы торопимся»^[114]. Молотов поймал немецкого коллегу на этой тактике и принял неторопливый темп переговоров. Это вполне соответствовало советским интересам. Но для немцев промедление было смерти подобно. 11 августа в СССР прибыла англо-французская военная миссия.

11 августа Сталин, обсудив сложившуюся ситуацию на Политбюро, дал добро на усиление контактов с Германией. Ему нужно было стимулировать таким образом западных партнеров. Пусть союзники знают, что им следует торопиться.

Расчет англичан строился на том, что Гитлер может договориться с Великобританией и не может с СССР. Расчет французов — на том, что Сталин может договориться с Великобританией и Францией, но не с Гитлером. Расчет Гитлера делался на то, что Запад не решится на войну, и поэтому важнее договоренность со Сталиным. Расчет Сталина строился на противоречиях между двумя группами империалистов. Заключить соглашение можно с теми, кто больше даст для СССР.

Польская стойкость

Меньше всего в расчет принимали позицию Польши. И это обижало польских политиков. Великие державы забыли, что маленькая, но гордая нация может парализовать их планы, чего бы это ей потом ни стоило.

Военные переговоры в Москве, которые, как казалось Молотову, могли бы вытянуть из тупика политические переговоры с союзниками, зашли в тупик из-за проблемы прохода войск через Польшу. Как и в случае с политическими переговорами, в центре внимания оказался чехословацкий опыт. В 1938 г. СССР был готов оказать помощь жертве агрессии, но Красная армия не могла пройти на поле боя. Тогда Польша была частью прогерманской коалиции. Может быть, теперь все будет иначе?

Но нет. Поляки твердо встали на защиту своих границ против СССР.

Польский главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы заявил: «... независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам»^[115].

«Военное совещание вскоре провалилось из-за отказа Польши и Румынии пропустить русские войска, — с печалью пишет У. Черчилль, — позиция Польши была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу»» (фраза маршала Рыдз-Смиглы)^[116]. Польше предстояло испробовать сначала одно, а потом другое. Что же, по крайней мере душа польского народа все еще цела. «Препятствием к заключению такого соглашения служил ужас, который эти самые пограничные государства испытывали перед советской помощью в виде советских армий, которые могли

пройти через их территории, чтобы спасти их от немцев и попутно включить их в советско-коммунистическую систему, — продолжает Черчилль. — Ведь они были самыми яростными противниками этой системы. Польша, Румыния, Финляндия и три прибалтийских государства не знали, чего они больше боялись — германской агрессии или советского спасения. Именно необходимость сделать этот жуткий выбор парализовала политику Англии и Франции»^[117].

Чтобы как-то смягчить ситуацию, Ворошилов предложил конкретный план прохода советских войск через польскую территорию по двум узким коридорам. Варианты ведения войны, изложенные начальником Генерального штаба РККА Шапошниковым, своей конкретностью особенно впечатлили Думенка, который в отличие от британских коллег разбирался в сухопутных операциях, но имел слабое представление о восточноевропейском театре военных действий. План Ворошилова исходил из наболевшей проблемы «клещей»: северная колонна проходит через Виленский коридор, блокируя поползновения немцев наступать в Прибалтике, а южная — через Галицию, отрезая немцев и от Украины, и от румынской нефти. Обе темы будут иметь продолжение в дальнейшем советском военном планировании.

Французы поддержали идею прохода Красной армии через четко очерченные полосы польской территории. Но поляки упирались. Лиха беда начало. Сегодня советские войска займут Вильно и Галицию, а завтра откажутся оттуда выходить, напоминая, что это — не польская земля. К тому же поляков беспокоило участие СССР в будущей мирной конференции как одного из победителей, который будет требовать свою долю. Как раз за счет Польши.

Ворошиловский план пугал поляков даже своей конкретностью. Красные должны были занять спорную с Литвой территорию, что позволяло им потом торговаться с участием Литвы, а также ядро западноукраинских земель, что после войны возродило бы «украинский вопрос», способный взорвать Речь Посполитую.

Столкнувшись с сопротивлением поляков, союзники предложили заключить конвенцию без их согласия (в это время припугнуть Гитлера было бы весьма актуально уже даже для Чемберлена), но тут уж отказался Ворошилов. Красная армия должна иметь право войти в Польшу в первый день войны, а не когда польская армия уже будет разбита.

Заключать соглашение без права прохода было очень опасно. Следовала простая комбинация: Германия нападает на Польшу, наносит ей поражение. Великобритания, Франция и СССР объявляют войну Германии. После этого французы и англичане топчутся у линии Зигфрида, а основные сражения развертываются на восточном фронте. После всех комбинаций умиротворения такая стратегическая ловушка представлялась наиболее вероятной. Собственно, Польша через месяц как раз в нее и попала.

17 августа британская дипломатия, обеспокоенная отказом Гитлера пойти навстречу ее предложениям, присоединилась к попыткам французов сдвинуть польскую позицию с мертвой точки. Но поляки были непоколебимы. Польский посол Ю. Лукасевич заявил в беседе с Бонне: «Чтобы Вы сказали, если бы Вас просили доверить охрану Эльзас-Лотарингии Германии»^[118]. И Эльзас, и Западная Украина были приобретениями, в надежности которых собеседники не были уверены. Удрученный Боннэ считал, что отказ согласиться на проход советских войск означал бы, что

«Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия»^[119]. То есть за войну, поглотившую Речь Посполитую.

Выбор Сталина

В 1942 г. Сталин рассказывал Черчиллю: «У нас создалось впечатление, что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатическое объединение Англии, Франции и России остановит Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». Сталин привел в пример такой диалог с представителем союзников: «Сколько дивизий — спросил Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?». Ответом было: «Около сотни». Тогда он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?». Ему ответили: «Две, и еще две позднее». «Ах две, и еще две позднее, — повторил Сталин. — А знаете ли вы, сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если мы вступим в войну против Германии?» Молчание. «Более трехсот»^[120]. Сталин преувеличивал свои намерения трехлетней давности (все-таки во время разговора с Черчиллем шла Великая Отечественная война, когда выставить пришлось все, что было, и еще больше). На переговорах 1939 г. Ворошилов заявил, что СССР выдвинет против Германии 136 дивизий. Но все равно это было больше, чем могли выдвинуть французы (в реальности за время польско-германской войны они сумели сосредоточить 78 дивизий), и несопоставимо больше, чем британцы, пытавшиеся с такими силами дирижировать всем европейским концертом.

Тупик в переговорах с Великобританией и Францией толкал Сталина на принятие предложений Германии, а не стремление к сближению с Германией порождало тупик в переговорах с «Антантой».

К 22 августа французское правительство было готово к подписанию соглашения, но без согласия Польши это ничего не меняло.

14 августа Астахов сообщил Шнурре, что Молотов согласен обсудить и улучшение отношений, и даже судьбу Польши. Пока нацистов, запланировавших удар по полякам на 26 августа, подводила их собственная игра в «мы не торопимся». Астахов сообщил, что «упор в его инструкциях сделан на слове «постепенно»^[121].

Тогда нацистские лидеры решили отбросить ложную гордость и попросить Молотова и Сталина ускорить дело.

15 августа посол Шуленбург получил инструкцию Риббентропа предложить советской стороне принять в ближайшее время визит крупного руководителя Германии. Это предложение следовало зачитать Молотову, но не отдавать в руки. Если дело сорвется, противник не должен получить бумаг. Выслушав это предложение, Молотов согласился, что быстрота в этом вопросе нужна.

В итоге приятной беседы Молотов опять разочаровал немецкого посла — с визитом Риббентропа торопиться не надо, «чтобы все не ограничилось просто беседами, проведенными в Москве, а были приняты конкретные решения»^[122].

17 августа, когда Шуленбург появился у Молотова, тот уже проконсультировался со Сталиным и дал ответ на предыдущий запрос Риббентропа: «Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР...» Но дальше следовало перечисление прошлых обид. Однако «раз уж теперь германское правительство меняет свою прежнюю политику», то оно должно сначала доказать

серьезность своих намерений и заключить экономические договоры: выделение Советскому Союзу кредита в 200 миллионов марок на семь лет (в 1946 г. о нем никто и не вспомнит), поставки ценного оборудования. Сначала — договоры, потом — все остальное. А вот следующим шагом может быть пакт о ненападении или подтверждение старого договора о нейтралитете 1926 г. И, наконец, самое вкусное: «с одновременным подписанием протокола, который определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта»^[123]. В этом протоколе можно оговорить все, вплоть до отношения к Польше, ради чего немцы и готовы были идти на сближение с недавним врагом. Но о разделе сфер влияния и секретности протокола речь не шла.

Несмотря на прохладный и высокомерный тон советского заявления, лед продолжал таять. Молотов был доволен предложением немцев прислать не мелкого чиновника, как англичане, а министра.

Сам министр тут же послал Шуленбурга к Молотову снова, на этот раз — с проектом пакта, простым до примитивности: «Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга». Второй пункт предусматривал немедленное вступление в действие пакта и его долгую жизнь — 25 лет. СССР и Германия не должны были воевать до 1964 г. В специальном протоколе (о секретности речь не шла) Риббентроп предлагал провести «согласование сфер интересов на Балтике, проблемы прибалтийских государств» и т. д.^[124]. Так впервые из уст Риббентропа прозвучала тема «разграничения сфер интересов» (формула,

заимствованная у Г. Вильсона). Но пока совершенно неконкретно.

Явившись к Молотову, Шуленбург получил очередной ответ: если экономические соглашения будут подписаны сегодня, то Риббентроп может приехать через неделю — 26 или 27 августа. Это было поздновато для немцев — как раз на эти дни они планировали напасть на Польшу. К тому же Молотова удивил по-дилетантски составленный проект пакта. Советские государственные деятели, которые уже далеко ушли от революционной юности, привыкли работать более солидно. Они предложили немцам взять за основу один из уже заключенных пактов и составить проект как положено, с несколькими статьями, принятыми дипломатическим оборотами. На предложение Шуленбурга передвинуть сроки визита Риббентропа «Молотов возразил, что пока даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена»^[125]. Было часа три дня 19 августа 1939 г.

Прошло полчаса, и Шуленбурга вызвали к Молотову опять. Явно что-то произошло. Оказывается, после встречи с послом Молотов имел возможность сделать доклад «советскому правительству». Вероятно, речь идет не только о Сталине, но о Политбюро, с членами которого Сталин обсуждал новую ситуацию: западные партнеры продолжают играть в умиротворение и водить СССР за нос, а нацисты предлагают прочный мир и почти союз. Далее тянуть невозможно, вот-вот нацистская Германия нападет на «фашистскую» Польшу.

Официальная советская историография не афишировала это заседание. Последовавшее сообщение французского агентства «Гавас» о речи на нем Сталина было категорически опровергнуто им (В 1994 г. был опубликован текст «выступления Сталина» на этом

заседании Политбюро^[126], но сенсации опять не получилось. И текст выступления, где 19 августа Сталин якобы уже сообщает о подробном разделе сфер влияния с Германией, и французский язык документа, и архив, в котором текст был найден (трофейные фонды Особого архива) говорят о том, что в лучшем случае перед нами — апокриф, составленный агентством «Гавас» или его информатором уже после заключения пакта о ненападении СССР и Германии). О том, что Сталин принял решение не сам, а посоветовавшись с соратниками, он позднее рассказал Черчиллю^[127].

По мнению И. Фляйшхауэр, причина того, что Сталин решил дать согласие на подписание пакта именно 19 августа, лежит, помимо все большей настойчивости немцев, «в осведомленности Сталина о безуспешных англо-французских усилиях относительно права прохода советских войск через польскую территорию и, с другой стороны, в осложнении положения СССР на Дальнем Востоке»^[128]. Попытка увязать принятие решения Сталиным с началом советского наступления на Халхин-Голе не выглядит убедительно. Советское наступление планировалось как блицкриг, и Сталин мог потянуть еще несколько дней, чтобы выяснить, как оно развивается. Так что все дело в поляках и в склонности Сталина обсуждать наиболее важные решения с соратниками по Политбюро, встреча которых была назначена на 19 августа. Такие обсуждения были полезны и как «мозговой штурм», и как возложение ответственности за рискованное решение на всех. Обсудив ситуацию на Политбюро, вождь принял окончательное решение — внешняя политика СССР меняет направление. Не прекращая переговоров с англо-французскими империалистами, посмотрим, что предложат немецкие. И если предложат больше — возьмем.

На второй встрече с Молотовым 19 августа Шуленбург получил проект пакта о ненападении, составленный по всем правилам дипломатической науки. Одного только там не было — обычного для «литвиновских» пактов указания, что документ теряет силу в случае агрессии одной из сторон против третьего государства^[129]. Сталин и Молотов прекрасно понимали, зачем Гитлеру пакт.

Тем же вечером советские дипломаты получили команду не тормозить экономические переговоры. В ночь на 20 августа торгово-кредитное соглашение было подписано. СССР получал 200 миллионов марок, на которые мог покупать германское оборудование, а долги гасить поставками сырья и продовольствия.

Блиц-визит

20 августа Гитлер, рискуя своим престижем, направил Сталину личное послание, чтобы подтолкнуть нового партнера принять Риббентропа 22 или 23 августа. В своем письме Гитлер принимал советский проект пакта и предупреждал коллегу о близящемся столкновении Германии и Польши — времени оставалось мало.

Если бы Сталин отверг сближение, в запасе у Гитлера был другой вариант внешнеполитической стратегии.

«21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве — Риббентропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием!» — пишет М. И. Мельтюхов^[130]. Гитлер выбрал СССР, отменив полет Геринга 22 августа (в Лондоне об этой неприятности стало известно лишь после подписания советско-германского пакта). «Выбор Гитлера можно объяснить рядом факторов. Во-первых, германское командование было уверено, что вермахт в состоянии разгромить Польшу, даже если ее поддержит Англия и Франция. Тогда как выступление СССР на стороне антигерманской коалиции означало катастрофу. Во-вторых, соглашение с Москвой должно было локализовать германо-польскую войну, удержать Англию и Францию от вмешательства и дать Германии возможность противостоять вероятной экономической блокаде западных держав. В третьих, не последнюю роль играл и субъективный момент: Англия слишком часто шла на уступки Германии, и в Берлине, видимо, в определенной степени привыкли к этому. СССР же,

напротив, был слишком неуступчивым, и выраженную Москвой готовность к соглашению следовало использовать без промедления. Кроме того, это окончательно похоронило бы и так не слишком успешные англо-франко-советские военные переговоры»^[131].

Получив письмо Гитлера, Сталин отдал команду Ворошилову, и тот 21 августа зачитал западным военным миссиям заявление, в котором говорилось, что переговоры могут быть возобновлены, как только будет решен вопрос о пропуске войск.

21 августа Сталин поблагодарил Гитлера за письмо, выразил надежду, что пакт станет «поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами» и согласился на прибытие Риббентропа 23 августа. Этому дню суждено было стать историческим.

Когда Гитлер узнал, что Риббентроп может ехать в Москву 23 августа, он воскликнул: «Это стопроцентная победа! И хотя я никогда этого не делаю, теперь я выпью бутылку шампанского!»^[132].

Гитлер говорил 22 августа, что теперь боится только одного, что «в последний момент какая-нибудь сволочь предложит план посредничества»^[133]. Имелся в виду Чемберлен.

Поскольку Польша своим несогласием на проход войск заблокировала военные переговоры в Москве, заключение англо-франко-советского союза перестало быть реальной альтернативой германо-советскому сближению. Очевидно, что после заключения пакта о ненападении между СССР и Германией военное соглашение с «Антантой» вообще не могло быть заключено. 22 августа Ворошилов встретился с Думенком, который как раз накануне получил согласие правительства на подписание военной конвенции, так

как ее проект все-таки выработается. Ворошилов сказал: «Французские и английское правительства теперь слишком затянули политические и военные переговоры. В виду этого не исключена возможность некоторых политических событий...»^[134]. Возможность была именно не исключена. Переговоры с Риббентропом могли еще и сорваться.

23 августа, прилетев в Москву, Риббентроп встретил прохладный прием, но на очень высоком уровне. В переговорах участвовал лично Сталин, который не поддерживал разговоры о «духе братства» двух народов, а деловито торговался.

Советская сторона приняла немецкие поправки к проекту пакта, кроме помпезной преамбулы о дружбе.

В окончательном виде проект предусматривал:

«Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами».

«В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Немцы поправили советский проект так, чтобы было неважно, кто стал инициатором войны.

Статья 3 предусматривала взаимные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес. Статья 4 фактически аннулировала Антикоминтерновский пакт: «Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны»^[135]. После этого Антикоминтерновский пакт пришлось заменять Тройственным пактом, который был заключен

в 1940 г. Но и военная конвенция СССР с Великобританией и Францией стала невозможной.

Статья 5 предусматривала комиссии для урегулирования споров и разногласий. По настоянию немцев была вписана формулировка о «дружественном» обмене мнениями. По предложению немцев договор заключался на 10 лет и должен был вступить в действие немедленно.

Сложнее шла выработка секретного протокола о разделе сфер влияния. Риббентроп предложил линию, примерно соответствующую «линии Керзона» (объявленную в 1919 г. границу этнической Польши), за которую германские войска не намерены заходить в случае войны. Территория восточнее этой линии была признана сферой интересов СССР. Однако на этом этапе, когда перспективы существования польского государства после германо-польской войны оставались неясными, Сталин решил сохранить за СССР право на участие в делах будущей, вероятно ослабленной Польши, и линия раздела сфер влияния прошла по Висле, то есть — по Варшаве. Сталин пересмотрит эту линию лишь тогда, когда станет ясно — Польского государства не стало. Риббентроп предложил СССР распоряжаться судьбой Финляндии и Бессарабии. Прибалтику было решено поделить на сферы интересов: Эстонию (наиболее опасное направление «клещей») — Советскому Союзу, Литву — Германии. По поводу Латвии разгорелся спор. Риббентроп пытался «отбить» в немецкую сферу влияния Либаву и Виндаву, но эти порты были нужны Советскому Союзу, и Сталин знал, что соглашение Гитлеру дороже, чем два порта и вся Латвия в придачу. И так советская сфера влияния была меньше, чем владения Российской империи. Гитлер не стал упрямиться и отдал Латвию, сообщив свое решение Риббентропу в Москву.

Впрочем, если бы Сталин настаивал на других требованиях, Гитлер был готов уступать «вплоть до Константинополя и проливов»^[136].

Секретный протокол предусматривал:

«1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими сторонами»^[137].

2. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены примерно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия»^[138].

Уступки Германии на Балканах также ограничивались территорией бывшей Российской империи:

«3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях»^[139].

После подписания документов с плеч участников переговоров свалилась гора — срыв встречи означал бы стратегический провал для обеих сторон. Разговор пошел гораздо дружелюбнее.

В ходе беседы с Риббентропом «Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве, которая так и не высказала советскому правительству, чего же она в действительности хочет». Риббентроп, поддержав ценную для него антианглийскую тему, сказал, что «Англия слаба и хочет, чтобы другие поддерживали ее высокомерные претензии на мировое господство». «Господин Сталин живо согласился с этим... Англия еще господствует в мире... благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя обманывать. Смешно, например, что всего несколько сотен британцев правят Индией... Сталин далее выразил мнение, что Англия, несмотря на слабость, будет вести войну ловко и упрямо»^[140].

Риббентроп заявил, что «Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий». Он даже пошутил: «Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту»^[141]. Это был зондаж. Через год такая возможность будет обсуждаться более серьезно.

Важную роль играли и тосты на банкете по поводу успешного проведения мероприятия. Сталин сказал: «Я знаю, как сильно германская нация любит своего вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье»^[142]. Молотов и Риббентроп пили за Сталина, причем советский премьер специально подчеркнул, что нынешнее изменение международной обстановки началось с речи Сталина на съезде, «которую в Германии правильно поняли»^[143]. Молотов затем развивал эту мысль: «...т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз»^[144]. Теперь, когда дело было сделано, можно было в порядке восхваления Вождя таким образом

интерпретировать пассаж сталинской речи о межимпериалистических противоречиях. Во время беседы Сталин показал Риббентропу, что прекрасно осведомлен о германо-британских переговорах. Когда министр упомянул об очередном зондаже англичан, Сталин произнес: «Речь, видимо, идет о письме Чемберлена, которое посол Гендерсон 23 августа вручил в Оберзальцберге фюреру»^[145]. Сталин прекрасно знал, какова альтернатива советско-германскому пакту. Англогерманский пакт.

Пакт и война

Советско-германский пакт о ненападении, известный как пакт Молотова-Риббентропа, был подписан в ночь на 24 августа 1939 г. (официальной датой его подписания считается день начала переговоров 23 августа).

Эта дата стала одной из рубежных в мировой истории, и споры о пакте разделяют историков, да и образованных людей идеологическими барьерами. Для одних пакт — необходимая мера защиты страны от гитлеровского нападения^[146]. Для других — преступление, которое обрекло народы Европы на раздел между двумя тоталитарными режимами^[147].

Сегодня, в начале XXI века уже можно выйти из плена идеологических сражений середины столетия и взглянуть на предвоенный период более спокойным взглядом.

Прежде всего возникает вопрос: предопределял ли пакт раздел Восточной Европы? И. Фляйшхауэр с присущей ей научной дотошностью предлагает проводить «различие между законной заинтересованностью советской стороны в достижении (оборонительного) соглашения о ненападении, с одной стороны, и фактическим вступлением в (наступательный по своим последствиям) союз с целью раздела (военными средствами) сфер политического влияния — с другой»^[148]. Если разделять эти понятия, то на первое Сталин согласился 19 августа (за четыре дня до подписания пакта), а на второе — уже после начала германо-польской войны, когда выяснилось, что нового Мюнхена не будет, но поляки не смогут оказать длительного сопротивления немцам. Это позволяет

увидеть широкий спектр альтернатив, которые должны были брать в расчет в Кремле. Уже после пакта могло состояться германо-польское соглашение под давлением Великобритании и Франции и новый Мюнхен — уже с участием СССР. После нападения Германии на Польшу могло начаться эффективное наступление на западном фронте в момент нападения немцев на Польшу, которое оттягивает силы Гитлера на запад и спасает поляков от быстрого разгрома. Каждый из этих вариантов был выгоднее СССР, чем ситуация июля и тем более марта 1939 г., и она совершенно не исключалась пактом.

Исходя из многовариантности событий, М. И. Мельтюхов считает: «Что касается секретного протокола к советско-германскому пакту, то этот документ также носит достаточно аморфный характер. В нем не зафиксированы какие-либо антипольские соглашения сторон... Как видим, все «антипольское» содержание документа состоит из бесконечных оговорок — «если бы, да кабы» и абстрактных понятий «сферы интересов», «территориально-политическое переустройство». В любом случае никаких реальных территориальных изменений или оккупации «сфер интересов» советско-германский договор не предусматривал»^[149]. Антипольские соглашения зафиксированы хотя бы тем, что по территории Польши проводились разграничительные линии. Однако можно согласиться с М. И. Мельтюховым, что в неконкретности — принципиальное отличие советско-германского пакта от мюнхенского.

Но именно после Мюнхена «аморфные» понятия (кстати, широко применявшиеся в колониальной дипломатии) получили конкретное наполнение. Верно, что пакт оставлял Гитлеру возможность как для военных, так и для «мюнхенских» решений. Но все эти

решения (в том числе и те, что могли быть предприняты вместе с СССР и Великобританией) являлись антипольскими. Пакт закрывал возможность германо-польского сближения за счет СССР. Но этим он делал неизбежным сокращение территории Речи Посполитой, «территориально-политическое переустройство», которое никак не соответствовало ее интересам.

Была ли альтернатива пакту и в чем она конкретно заключалась? Альтернативы в истории есть практически всегда. Но не все они ведут к лучшим последствиям.

Консервативно-державная историография, отстаивающая повсеместную правоту «советской цивилизации», настаивает на безальтернативности пакта. Либерально-западническая литература доказывает возможность продолжения переговоров об англо-франко-советском союзе. Как мы видели, успех этих переговоров был невозможен в дни, оставшиеся до намеченного Гитлером нападения на Польшу. Сдвиг в настроениях французских политиков ничего не решал, так как Польша не сдвинулась ни на йоту, а эволюция британской позиции была медленной — Чемберлен играл на двух досках: французской и немецкой.

М. И. Семиряга предлагает целых три альтернативы пакту. Первый путь: затягивание переговоров с Германией при продолжении переговоров с англичанами и французами. Мы видели, что это было чревато прежде всего англо-германской договоренностью или вовлечением СССР в германо-польское столкновение без возможности оказать Польше эффективную помощь в первые дни войны (а затем это вталкивало СССР в описанную выше стратегическую ловушку). Второй путь: если Великобритания, Франция и Польша так и не пошли бы на разумный компромисс, все же заключить договор с Германией, включив в него право аннулировать договор

в случае агрессии Германии против третьей страны. Но при чем тут «если». Польша свою позицию менять не собиралась. Следовательно — предлагаются переговоры с Германией на неприемлемых для нее условиях (зачем Гитлеру пакт, который будет разорван 1 сентября). Это — тот же первый путь «затягивания». Оба первых пути выводят на третий путь — ни с кем договоров не заключать. В этом случае, по мнению М. И. Семиряги, «Советский Союз сохранял бы подлинно нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне»^[150]. Эта логика поразительно напоминает оправдания советских идеологов по поводу пакта. Он помогал оттягивать войну. Только вариант Семиряги очевидно слабее, поскольку оставляет широкие возможности для антисоветского англо-германского сближения за счет СССР, нового Мюнхена и направления агрессии на восток.

Впрочем, сам М. И. Семиряга перечеркивает все свои три альтернативы пакту таким заявлением: «Конечно, рассчитывать на подобные альтернативные решения можно было только в случае уверенности в том, что Германия при отсутствии договора с СССР не нападет на Польшу»^[151]. Очевидно, что никто таких гарантий дать не мог. Но если бы Германия не напала на Польшу, она могла договориться с Западом, что для СССР было бы не лучше. Таким образом, рассуждения М. И. Семиряги в поддержку «альтернатив» скорее убеждают в оправданности пакта.

Альтернатива подписанию пакта была. Но, как мы видели, это было не заключение англо-франко-советского союза. До нападения Германии на Польшу шансов на это не было. А после нападения СССР было невыгодно вступать в войну, которая начинается с поражения одного из союзников. СССР мог остаться

нейтральным и не принять участия в разделе Польши. Это означало возвращение к стратегии «третьего периода», уход в глухую оборону в ожидании, когда столкновение «империалистических хищников» приведет к революциям. Но в первые годы войны ничего, способствующего революциям, не происходило. Поэтому альтернатива «глухой обороны» была весьма рискованной. Выбор времени удара по СССР оставался за противником. Момент начала советско-германской войны удалось бы отодвинуть на несколько лет — пока Гитлер не расправится с Францией и Великобританией. А затем СССР остался бы один на один с объединенной Гитлером фашистской Европой и Японией, опирающейся на ресурсы Китая и Индии.

Сталин предпочел другой вариант, вытекавший из традиционной европейской политики — участие в разделах, усиление своих стратегических позиций перед будущим столкновением. Специфика XX века заключалась в том, что борьба велась не просто за польское или даже французское наследство, а за наследство глобального рынка и глобальной системы колониального господства европейских держав. Судьба всего мира была ставкой в борьбе нескольких бюрократий, усилившихся в результате выхода индустриального общества на государственно-монополистический уровень развития^[152].

Предопределял ли пакт начало войны в Европе?

И Муссолини, и Вайцзеккер, и Шуленбург считали, что пакт поможет достичь нового Мюнхена. Теперь-то англичане станут сговорчивее. И полякам не на что надеяться. По свидетельству Вайцзеккера, после пакта даже Гитлер «полагает, что поляки уступят, и снова говорит о поэтапном решении. После первого этапа, считает он, англичане откажут полякам в

поддержке»^[153]. Но фашистские руководители недооценивали самоуверенности польских политиков. Посол в Париже Ю. Лукасевич утверждал: «не немцы, а поляки ворвутся в глубь Германии в первые же дни войны!»^[154].

Современные авторы не перестают спорить об ответственности СССР за начало войны. И здесь не обходится без крайностей. Утверждения о том, что «СССР стремился предотвратить Вторую мировую войну»^[155], столь же продиктованы идеологией авторов, как и утверждение, будто «Сталин начал Вторую мировую войну»^[156]. Первое утверждение совершенно игнорирует коммунистическую идеологию, которой был лично привержен Сталин. Для него война между империалистами была положительным фактором, так как ослабляла противника. Важно, чтобы СССР не был втянут в войну до тех пор, пока империалисты не ослабят друг друга. Еще на XVIII съезде преспокойно говорилось, что новая мировая война уже идет. В то же время Сталин отлично понимал опасность гитлеровской экспансии, и предпочитал до августа 1939 г. сдерживать ее всеми возможными методами, включая силовые. Когда действия героев Мюнхена показали Сталину, что предотвратить захват Гитлером Польши не удастся, Сталин предпочел отгородиться от гитлеровской экспансии хотя бы на время. А будет за пределами его сферы влияния война или нет — дело Гитлера и Чемберлена. Гитлер и Чемберлен предпочли войну, что не огорчило Сталина, хотя он и не был инициатором этого их решения. Нужно было вырабатывать свою стратегию в условиях неизбежной перспективы столкновения с Гитлером.

М. И. Мельтюхов

Советский Союз и политический кризис 1939 года

В условиях краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений обострилась борьба великих держав за свои интересы. Мюнхенское соглашение, изменившее равновесие сил в Европе в пользу Германии, англо-германская, а затем и франко-германская декларации о ненападении свидетельствовали об усилении тенденции создания временного единого фронта европейских великих держав. Англия и идущая в ее фарватере Франция пытались радикально модернизировать Версальскую систему международных отношений на новых «мюнхенских» принципах баланса сил между великими державами Европы, что позволило бы Лондону и далее сохранять ведущее влияние в мировой политике. Однако этот английский план не слишком привлекал правящие элиты других великих держав. Постоянные англофранцузские уступки воспринимались германским руководством как признак слабости западных союзников и только укрепляли его стремление продемонстрировать силу и независимость от благосклонности Запада. Схожую позицию занимала Италия, все более сближавшаяся с Германией и надеявшаяся усилить свои позиции на Балканах и в Средиземноморье. При этом Рим пытался играть роль посредника между Лондоном, Парижем и Берлином, но категорически отказывался от участия в войне с

неясным исходом. Закулисным, но влиятельным противником английского плана создания Мюнхенской системы международных отношений были и США, владевшие значительной частью германской промышленности и видевшие в Англии своего главного конкурента. Понятно, что срыв этих английских планов и эскалация кризиса в Европе вынудили бы Лондон пойти на уступки Вашингтону.

Противником английской политики «умиротворения» был и Советский Союз, который стремился вернуться в Европу в качестве великой державы и в перспективе окончательно освободить человечество от «загнивающего капитализма». В этих условиях главной задачей внешней политики Москвы было недопущение консолидации великих держав Европы без своего участия. Для этого СССР должен был постараться улучшить отношения со своими непосредственными западными соседями, а также тщательно отслеживать взаимоотношения Англии, Франции, Германии и Италии, чтобы использовать имеющиеся между ними противоречия в своих интересах. Отсутствие согласия между великими державами существенно снижало шансы на реализацию английской мюнхенской политики, а многополюсная система международных отношений неизбежно порождала запутанную многостороннюю игру на противоречиях соперников.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. Статья дает общее представление о внешнеполитической доктрине Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая

мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Англия, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и Советского Союза, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Англия и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха фашистских режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Англии, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Как отмечал автор, «фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого,

капиталистического мира», когда «между двумя жерновами — Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»^[157].

Схожие идеи прозвучали в выступлении кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и первого секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что в силу этого фашизм — «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» — угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»^[158]. Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта, в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР.

Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами». Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями» войны являются Англия, Франция и США, проводящие политику невмешательства^[159].

Переломным моментом в развитии событий в Европе стали действия Германии по устранению с политической карты Чехо-Словакии. 14 марта Словакия под давлением Берлина провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения они ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» английский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Англия, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу^[160].

Слухи об угрозе германского нападения на Румынию дали Англии повод 18 марта запросить Советский Союз, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского удара по Румынии. В свою очередь эти страны запросили Лондон о его намерениях, а Москва предложила созвать для обсуждения ситуации конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции. 21 марта Англия выдвинула

контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Обсуждение этого предложения Лондона выявило, что Польша не хочет подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши. В итоге к концу марта 1939 г. вопрос о декларации отпал^[161].

Тем временем 22 марта был подписан германо-литовский доovor о передаче Мемеля (Клайпеды) Германии и ненападении^[162]. 3 марта были подписаны германо-словацкий договор о гарантии и охране и германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившие влияние Берлина в Центральной и Юго-Восточной Европе^[163]. Еще в октябре 1938 г. Германия предложила Польше согласиться с включением Данцига в состав Третьего Рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Берлин был готов продлить на 25 лет соглашение 1934 г. и гарантировать существующие германо-польские границы. Однако продолжавшиеся германо-польские переговоры по этому вопросу все очевиднее заходили в тупик. Не желая быть младшим партнером Третьего рейха, Варшава 26 марта окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, то изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство тало склоняться к военному решению польского вопроса.

28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии. Тем временем в ходе начавшихся 27 марта военных переговоров Англия и Франция договорились, что в случае войны они будут вести оборонительные операции и экономическую блокаду Германии, действия ВВС ограничатся только военными объектами, варианты помощи Польше даже не рассматривались. Пытаясь не допустить перехода Польши в лагерь Германии, добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия 31 марта пошла на односторонние гарантии независимости Польши. При этом Лондон не отказался от содействия германо-польскому урегулированию. Однако Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой^[164].

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». В тот же день СССР уведомил Англию, что поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерена ли Москва впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»^[165]. Контакты с польским послом в Москве 1-2 апреля вновь показали советской стороне, что Польша не готова к антигерманскому сотрудничеству^[166]. 4 апреля было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором указывалось, что вопреки заявлениям французских газет Советский Союз не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»^[167]. В тот же день, ориентируя

советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»^[168]. Одновременно советская сторона предложила Польше заранее договориться о советской помощи^[169].

4-6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укрепления мира»^[170]. Польское руководство было уверено, что нормализация советско-германских отношений невозможна, и надеялось, что англо-польское сближение укрепит франко-польский союз и заставит Германию нормализовать отношения с Англией и Польшей. Однако, по мнению Берлина, сближение Варшавы с Лондоном свидетельствовало о нарастании неуступчивости Польши и требовало именно военного решения этой проблемы. Двойная игра Англии и Франции в отношении Германии также убеждала германское руководство в незначительном риске в случае войны с Польшей^[171]. 5 апреля Германия усилила дипломатическое давление на Польшу. Одновременно в соответствии с утвержденной Гитлером 11 апреля «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» началось конкретное военное планирование. Теперь Германия была озабочена локализацией будущего конфликта и 11 апреля зондировала Советский Союз на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию.

В тот же день Англия запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции Литвинов отметил, что Лондон и Париж стремятся получить от Москвы одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?» Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, которые могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность^[172]. 13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г., а 14 апреля предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Англия предложила Советскому Союзу заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля Москва предложила Лондону и Парижу заключить договор о взаимопомощи и выразила дипломатический протест Берлину, который после оккупации Чехии стал препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. При этом стороны прозондировали намерения друг друга. В тот же день Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР^[173].

18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым, Польша

вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Англию, чтобы та не пошла на соглашение с Советским Союзом без учета интересов Варшавы^[174]. 22 апреля польская сторона сообщила Москве, что она отклонила германские предложения, «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику и, как и СССР, заинтересована в независимости стран Прибалтики^[175]. 25 апреля Париж предложил Москве взять на себя обязательство помочь Англии и Франции в случае их вступления в войну и обеспечить тем самым себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том смысле, что в случае вступления Англии, Франции или Советского Союза в войну с Германией они обязуются помогать друг другу^[176]. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет^[177]. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., заявив при этом о готовности к переговорам о новом соглашении. 30 апреля германская сторона неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Берлин будет вынужден наладить отношения с Москвой^[178].

Естественно, советское руководство тщательно отслеживало развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Англия, СССР старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем, Москва негативно оценивала нежелание Варшавы взаимодействовать с Советским Союзом в коллективных действиях против агрессии и антисоветскую направленность польско-румынского союзного

договора. Однако Польша вновь подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к Советскому Союзу не изменилось^[179]. Конечно, основное внимание Москва уделяла начавшимся в середине апреля 1939 г. переговорам с Англией и Францией относительно договора о взаимопомощи и контактам с Германией, играя на противоречиях которых можно было обеспечить свои интересы^[180].

3 мая, когда стало ясно, что Англия и Франция не приняли советское предложение, вместо Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен В. М. Молотов, по совместительству оставшийся главой СНК СССР^[181]. Отставка Литвинова была положительно воспринята не только в Берлине, но и в Варшаве. Уже 5 мая Германия заявила об удовлетворении требований Советского Союза относительно возобновления поставок из Чехии. В тот же день, выступая в сейме, министр иностранных дел Польши Ю. Бек заявил о готовности к равноправным переговорам с Германией, тогда как предыдущие германские предложения содержали «недостаточные компенсации»^[182]. По мнению Берлина, это выступление свидетельствовало, что Польшу не удастся разложить изнутри, как Чехословакию. Вместе с тем до сведения Германии было доведено, что выступление Бека — «это только дипломатическая игра», т. к. Польша не может согласиться на передачу Данцига Германии, иначе правительство потеряет власть над страной. Более того, англо-французские гарантии вовсе не меняют польскую политику в отношении Германии. «Если бы Польша... вступила в соглашение с Советским Союзом, то тогда и только тогда имелись бы основания для утверждения об изменении внешней политики. Но Польша отказывалась участвовать в такой комбинации в прошлом и продолжает делать это теперь». Просто в

данный момент Бек, стараясь удержаться у власти, не мог открыто продолжать политику сотрудничества с Германией^[183].

8 мая в Москву поступил английский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором Советскому Союзу предлагалось помочь Англии и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. По мнению английского руководства, союз с СССР перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому английское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве. 10 мая германское руководство решило активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. Тем временем новые советско-польские контакты 8, 10 и 11 мая показали, что Варшава не собирается сближаться с Москвой и привлекать ее к решению европейских проблем^[184].

11 мая в передовой статье газеты «Известия» анализировались изменения международной ситуации в последние недели. По мнению газеты, остановить агрессию может только союз Англии, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что Советский Союз не имеет пактов о взаимопомощи ни с Англией, ни с Францией (?!), ни с Польшей^[185]. 14 мая советская сторона вновь предложила своим западным партнерам заключить договор о взаимопомощи с военной конвенцией и дать гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Англия неофициально

предложила Германии углубить экономические переговоры^[186].

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР^[187]. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании позиции Варшавы в отношении Берлина. Со своей стороны СССР вновь напоминал Польше о готовности договориться о размерах советской помощи^[188]. 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией^[189]. Советская сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»^[190], а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлемые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае 1939 г. Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от этого. В ходе переговоров Польши с Францией (14–19 мая) и Англией (23–30 мая) западные страны не скупилась на общие обещания помощи Варшаве в случае германского нападения. Однако это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще^[191]. Еще 4 мая Англия и Франция договорились, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою очередь будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в

самом начале»^[192]. Более того, уже 20–25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии. 27 мая Англия обратилась к Польше с просьбой в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия^[193].

20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона намекнула на необходимость подведения под советско-германские отношения «политической базы», то есть Германии следовало внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала Германию на предмет улучшения отношений. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве. 22 мая Германия и Италия подписали «Стальной пакт». 23 мая, выступая перед военными, Гитлер заявил, что для возвращения в число «могущественных государств» следует расширить «жизненное пространство» и создать продовольственную базу на востоке Европы на случай дальнейшей борьбы с Западом. Этому препятствует позиция Польши, которая сближалась с Западом, не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Англии и Франции^[194].

24 мая Англия решила какое-то время поддерживать переговоры с Советским Союзом, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение

договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие в качестве механизма осуществления договоренностей процедуру, установленную Уставом Лиги Наций, которая к этому моменту показала свою несостоятельность. Этот шаг Англии, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о «политической базе», но советская сторона предпочла занять позицию выжидания^[195].

31 мая в выступлении Молотова на III сессии Верховного Совета СССР прозвучала критика позиции Англии и Франции, которые на переговорах с Москвой лишь демонстрировали уступки и не хотели дать гарантии странам Прибалтики. Поэтому «пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить прикрытием к развязыванию агрессии в других районах?» Советскому Союзу следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, «мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей» с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться^[196]. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Англию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а Москва вручила Лондону и Парижу новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий их независимости со стороны Англии, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6-7 июня Англия и

Франция договорились вести переговоры с Советским Союзом методом «круглого стола» в Москве. Одновременно Париж сообщил Москве, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии», и «надеется на расширение торговли с СССР»^[197]. 8 июня Москва согласилась на предложение Берлина возобновить экономические переговоры. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания «политической базы», ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил.

9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергнутому нападению, даже без согласия этого последнего мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР»^[198]. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе советско-польских торговых переговоров в начале 1939 г. Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите, и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения^[199].

12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий странам Прибалтики не пойдет на подписание договора. 13 июня Англия зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний. 14

июня в Москву прибыл заведующий отделом Центральной Европы МИД Англии У. Стрэнг, получивший задание затягивать переговоры, избегая вместе с тем создавать впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день советской стороне был передан новый английский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь предложил Англии и Франции дать гарантии странам Прибалтики, или заключить тройственный договор без гарантий третьим странам^[200].

14 июня советский полпред в Берлине в беседе с болгарским послом получил сведения о тех проблемах, которые Германия, вероятно, будет готова обсудить с Москвой. Экономические контакты 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Берлин посчитал советские требования слишком высокими. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор. 26 июня от итальянских дипломатов советская сторона узнала о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключения договора о ненападении или гарантии Прибалтики и заключения широкого торгового соглашения. 27 июня Англия опять зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Берлин вновь заявил о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку Гитлер запретил торопить события^[201].

29 июня в газете «Правда» появилась статья члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, в которой

отмечалось, что англо-франко-советские переговоры «зашли в тупик», поскольку Англия и Франция «не хотят равного договора с СССР». Именно Лондон и Париж затягивают переговоры, что «позволяет усомниться в искренности» этих стран, не желающих дать гарантии странам Прибалтики и стремящихся возложить на Советский Союз «всю тяжесть обязательств». Скорее всего, Англия и Франция хотят «лишь разговоров о договоре» с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета советских интересов Москва не пойдет на подписание договора, поскольку «не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками»^[202]. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Англии Э. Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу». К этим вопросам он отнес «колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»^[203].

1 июля в ходе переговоров с Советским Союзом Англия и Франция согласились дать гарантии странам Прибалтики, предложили перенести список гарантируемых держав в секретный протокол и дали свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Москва намекнула Берлину, что «ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР»^[204]. 3 июля Советский Союз отказался дать гарантии Нидерландам, Люксембургу и Швейцарии и выдвинул свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Берлин предложил Москве договориться о будущих судьбах Польши и Литвы. 4 июля СССР информировал Италию, что пойдет на договор с Англией и Францией

только тогда, когда они примут все советские условия, и вновь заявил, «что ничто не мешает германскому правительству доказать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР»^[205]. 7 июля Германия решила возобновить экономические контакты с Советским Союзом на советских условиях, о чем 10 июля было заявлено Москве. 8 июля Англия и Франция отметили, что договор в целом согласован, но началась дискуссия по советскому определению «косвенной агрессии», которое было 9 июля еще более расширено. Одновременно Москва выразила готовность дать гарантии Нидерландам и Швейцарии при условии заключения двусторонних советско-польского и советско-турецкого договоров о взаимопомощи. 10 июля Англия решила попытаться достичь компромисса с СССР на базе взаимных уступок, но «обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Однако выяснилось, что Москва не идет на уступки по этому вопросу и настаивает на одновременном заключении политического договора и военной конвенции, хотя и согласна на парафирование договора^[206].

Весной-летом 1939 г. Англия и Франция старались достичь соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с Советским Союзом. При этом они не желали иметь Москву в качестве равноправного партнера. Как откровенно заявил 4 июля английский министр иностранных дел Галифакс, «наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»^[207]. Не случайно в конце июля 1939 г. Англия довела до сведения Германии, что переговоры с другими

странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»^[208]. Понятно, что Англия и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля 1939 г. фактически провалились.

Опасаясь англо-германо-японского сговора, СССР пошел на уступки в ходе возобновившихся с 18 июля в Берлине экономических переговоров. 19 июля английское руководство решило никогда не признавать советской формулировки «косвенной агрессии», но пойти на военные переговоры для того, чтобы затруднить советско-германские контакты и усилить позицию Англии в отношении Германии. Франция более осторожно отнеслась к военным переговорам до заключения политического соглашения. Выполняя задачу изоляции Польши, Германия 22 июля решила возобновить политические зондажи СССР, который в тот же день заявил о возобновлении экономических переговоров с Берлином. 23 июля в очередной беседе с англо-французскими представителями Молотов отметил, что «три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем». 25 июля Лондон и Париж сообщили Москве о согласии на предложенные ею военные переговоры^[209].

Тем временем продолжались неофициальные англо-германские контакты, в ходе которых Англия 18, 20-21

июля предложила Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (вопросы снабжения сырьем, торговой, валютной политики и колоний) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества. Со своей стороны Германия предложила Англии раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора. Но 21 июля об этих контактах узнала Франция и, опасаясь англо-германского сближения за свой счет, передала эти сведения в прессу. Появившиеся 24 июля публикации не добавили доверия Англии со стороны ее партнеров. Несмотря на шумиху в прессе, 29 июля Лондон вновь неофициально предложил Берлину раздел «сфер интересов» и невмешательство в дела друг друга. Со своей стороны Англия прекращала бы переговоры с СССР, а Германия согласилась бы на сотрудничество с Англией, Францией и Италией, предоставление автономии Протекторату и на всеобщее сокращение вооружений. В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция неоднократно заявляла, что поддержит Польшу в случае нападения на нее, но при этом конфиденциально проинформировала Германию, что эти заявления предназначены лишь для успокоения французской и польской общественности [\[210\]](#).

24 июля Германия в очередной раз зондировала СССР, предлагая учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии в обмен на отказ Москвы от договора с Англией. 26 июля Германия предложила Советскому Союзу согласовать интересы в Восточной Европе. 27 июля Англия, Франция и СССР оговорили подготовительный период для военных переговоров в 8-10 дней, но компромиссная формула по «косвенной агрессии» так и не была найдена, а советская сторона

отказалась опубликовать коммюнике о согласовании политического договора. 29 июля Москва высказалась за улучшение отношений с Германией и пожелала узнать германские предложения поподробнее. Опасаясь неблагоприятного для себя исхода военных переговоров в Москве, Берлин увеличивал ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики. 31 июля в английском парламенте от имени правительства было заявлено, что соглашение об определении «косвенной агрессии» не было достигнуто, так как якобы СССР предлагал формулу, посягающую на независимость стран Прибалтики. 2 августа было опубликовано Сообщение ТАСС с опровержением этого заявления. В тот же день советская сторона выразила свое недовольство и по дипломатическим каналам, а Англия и Франция предложили, чтобы в случае возникновения не подпадающих под их определение обстоятельств, они стали бы поводом для проведения консультаций между договаривающимися сторонами^[211].

Будучи вынужденными согласиться на ведение военных переговоров с Советским Союзом до заключения политического договора, Англия и Франция стремились использовать их для дальнейшего давления на Германию, чтобы склонить ее к компромиссу. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»^[212]. Французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а английская делегация вообще не имела письменных полномочий^[213]. Английское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое

могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться столь возможно более общими формулировками»^[214]. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые следовало затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях Англии и Франции, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего следовало выяснить полномочия сторон «на подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Англии, Франции и Советского Союза в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а так же через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями

СССР и воинскими частями Красной армии^[215]. Понятно, что в этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем 2-3 августа Германия вновь предложила улучшить отношения с Советским Союзом на базе разграничения интересов сторон в Восточной Европе, но уклонилась от внесения конкретного предложения. По мнению Берлина, следовало заключить экономическое соглашение, расширить культурно-научный обмен и перейти к дружественным политическим отношениям. 4 августа Москва согласилась продолжить обмен мнениями с Германией, но прежде следовало подписать экономический договор. 2 августа на переговорах с Англией и Францией СССР вновь подтвердил свою неизменную позицию по определению «косвенной агрессии», а 7 августа Стрэнг уехал из Москвы, что означало окончание политических переговоров. 8-10 августа Советский Союз получил сведения о том, что интересы Германии распространяются на Литву, Западную Польшу и Румынию без Бессарабии, но, в случае соглашения с Берлином, Москва должна будет отказаться от договора с Англией и Францией. 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. 13 августа Германия уведомила СССР, что согласна вести переговоры в Москве, но просила ускорить их начало^[216].

Тем временем 3 августа Англия вновь предложила Германии заключить договор о ненападении, соглашение о невмешательстве и начать переговоры по экономическим вопросам. При этом Германия должна была не допустить нового витка напряженности в Европе^[217]. Это было самое щедрое предложение

Лондона, открывавшее перед Германией широкие перспективы, которое также усилило в Берлине мнение, что Англия не выступит в поддержку Польши. Однако германское руководство посчитало, что это, скорее всего, английский блеф с целью оттянуть время, и 20 августа отказалось рассматривать столь широкое предложение до решения данцигского вопроса, который, как было заявлено Лондону, является «последним требованием» по пересмотру Версальского договора. Однако «после урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намерен пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз»^[218]. В ходе секретной встречи Геринга 7 августа с английскими бизнесменами Лондону было сделано предложение договориться на базе признания германских интересов на Востоке^[219].

Получив из Рима сведения о том, что, несмотря на напряженность в германо-польских отношениях, до 1942-1943 гг. войны не будет, Бек полагал, что любые действия Германии — «это блеф Гитлера, он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну». Поэтому было решено занять жесткую позицию в обострившихся польско-данцигских отношениях. В итоге власти Данцига пошли на нормализацию ситуации. Понятно, что Варшава увидела в этом подтверждение правильности своей твердой линии, а пресса заговорила о поражении Гитлера. 9 августа Германия предупредила Польшу, что ее дальнейшее вмешательство в дела Данцига приведет к ухудшению германо-польских отношений. Со своей стороны Польша заявила, что отвергает любое вмешательство Германии в польско-данцигские отношения и будет в дальнейшем

расценивать его как акт агрессии. События вокруг Данцига вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультироваться^[220].

9 августа Англия заявила Германии, что прекращение односторонних действий Берлина в Европе привело бы к успокоению общественного мнения и позволило бы «обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели»^[221]. 11 августа зондажи были возобновлены через комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхарда, встретившегося с согласия Англии, Франции и Польши с Гитлером, который высказал ряд угроз в адрес Польши и заявил, что Германия хочет мира и переговоров с Англией, но без участия Франции. Если Запад будет мешать походу против СССР, то Германии придется разбить его в первую очередь. Получив эти сведения, Англия стала ожидать дальнейших германских предложений, которые так и не поступили, так как ставка Гитлера на войну блокировала многие выгодные Германии предложения Лондона^[222]. 12 августа Гитлер отдал приказ о начале сосредоточения и развертывания вермахта для операции против Польши и назначил «день X» на 26 августа^[223].

14 августа в Берлин поступило новое неофициальное английское предложение о разделе сфер интересов (Германии — Восточная Европа, Англии — ее империя), решении колониального вопроса, общеевропейском урегулировании и взаимном разоружении. Соответственно, Германия должна перестать поддерживать Испанию, дать автономию Протекторату и отказаться от самостоятельной экспансии^[224]. В тот же день в ходе совещания с

военными Гитлер заявил о своем решении начать войну с Польшей, поскольку «Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому»^[225]. 16 августа английское министерство авиации неофициально уведомило Берлин, что возможен вариант, когда Англия объявит войну, но военные действия вестись не будут, если Германия быстро разобьет Польшу, а английские ВВС не станут бомбить незащищенные города^[226]. Все эти английские зондажи усиливали у германского руководства уверенность в том, что Англия пока не готова к войне и в этих условиях следует не связывать себе руки соглашением с ней, а воевать.

В ходе начавшихся 12 августа в Москве военных переговоров советская сторона 14 августа подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразным индикатором намерений западных партнеров. Хотя Англия и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к этой проблеме, было решено еще раз запросить ее и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры с СССР. Однако Варшава категорически отказалась от какого-либо соглашения с Москвой. В это время Англия и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18-20 августа Польша была готова обсудить германские условия территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Англию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись. Со своей стороны Лондон и Париж отказались от давления на Варшаву относительно вопроса о проходе Красной армии на польскую

территорию^[227]. В свою очередь Москва была озабочена тем, что для Англии «Польша — форпост против СССР. Англия воевать не будет и Польше не поможет»^[228].

Тем временем 15 августа Берлин выразил готовность направить в Москву для переговоров министра иностранных дел. В ответ советская сторона согласилась обсудить проблемы гарантий странам Прибалтики, нормализации советско-японских отношений и договора о ненападении. 17 августа Германия приняла все советские предложения и вновь просила ускорить переговоры путем приезда И. фон Риббентропа в Москву. В ответ СССР предложил сначала подписать экономический договор, а затем подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. или заключить договор о ненападении с протоколом о взаимных интересах. 19 августа было подписано советско-германское экономическое соглашение, Берлин сообщил о своем согласии «учесть все, чего пожелает СССР», и вновь настаивал на ускорении переговоров. Советская сторона передала Германии проект договора о ненападении и дала согласие на приезд Риббентропа 26-27 августа. 21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Геринга для переговоров, а Москве — Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с Советским Союзом, Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. 22 августа советская пресса сообщила о предстоящем визите Риббентропа в Москву, одновременно СССР информировал Англию и Францию, что «переговоры о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры»^[229].

22 августа Гитлер вновь выступил перед военными и заявил, что вмешательство Англии и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, а с СССР будет заключен договор, что снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад^[230]. Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал «договор (с СССР) как разумную сделку. Разумеется, по отношению к Сталину надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте с советским лидером шанс устранить Англию из конфликта с Польшей»^[231]. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа^[232]. 23 августа гауляйтер Данцига был провозглашен главой города, что было нарушением его статута, но с протестом выступила лишь Польша, тогда как члены Лиги Наций промолчали. В тот же день Париж заявил, что поддержит Варшаву, но Верховный совет национальной обороны решил, что никаких военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. 23 августа Гитлеру было передано письмо премьер-министра Англии, сообщавшего о том, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом демонстрировавшего готовность к соглашению с Германией^[233]. В Англии все еще ожидали визита Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере

интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия^[234]. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

24 августа Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются английские гарантии. В тот же день Франция порекомендовала Польше воздержаться от применения силы, а ограничиться дипломатическими средствами, если Данциг объявит о присоединении к Германии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было, поскольку Лондон не собирался оказывать реальную военную помощь Варшаве. Это была все та же политика давления на Берлин с целью добиться нормализации англо-германских отношений. В тот же день Германия уведомила Англию, что «после решения польской проблемы» она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи

Британской империи. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англопольском договоре, а Италия известила об отказе участвовать в войне. В итоге в 19.30 Гитлер отменил нападение на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент. Однако приказ о проведении с 26 августа общей мобилизации отменен не был, и она спокойно продолжалась до 31 августа^[235].

Подписав договор о ненападении с Германией, советская сторона 25 августа заявила англо-французским военным миссиям, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл». Правда, в тот же день Франции было сообщено, что договор 1935 г. все еще остается в силе, а политические переговоры с западными странами могли бы быть продолжены. Советское руководство было готово рассмотреть любые предложения Англии и Франции, если они согласятся на советские условия, но Лондон и Париж решили не идти на уступки СССР, который втайне от них осмелился предпочесть какие-то собственные интересы «общему делу» защиты западных демократий, и в ночь на 26 августа их военные миссии покинули Москву^[236].

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации, а на следующий день предложили ей организовать взаимный обмен населением с Германией. Англия, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать, поскольку считалось, что англо-польский договор удержит ее от войны. 26 августа из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет^[237]. 28 августа Англия отказалась от германских

предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой. Лондон полагал, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны»^[238]. Если бы германо-польские «переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией»^[239]. Лондон вновь предупредил Берлин, что в случае войны поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на нее в пользу переговоров с Германией.

Во второй половине дня 28 августа Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в «польском коридоре» и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Англией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Англии, Гитлер надеялся, что «он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей»^[240]. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Англии по урегулированию германо-польского конфликта и о том, что Германия настаивает на сохранении договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без Советского Союза, вместе с которым следует решать все вопросы Восточной Европы^[241].

30 августа Англия вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет и Германия прекратит антипольскую кампанию в печати. В этом случае Лондон был согласен на созыв в

будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу, поскольку ожидалось, что Англия пойдет на уступки и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае «войны уже не будет совсем», поскольку «приезд поляков в Берлин = подчинению»^[242]. 30 августа Англия получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы, но не известила о них Польшу, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомила Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время. Рано утром 31 августа Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться в 4.45 утра 1 сентября. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Англией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией. Однако Варшава оказалась не готова к прямым переговорам с Берлином. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Англию и Францию, что не будет воевать^[243]. 1 сентября Германия напала на Польшу, и война пришла в центр Европы. 3 сентября в нее вступили Англия и Франция.

Таким образом, начало политического кризиса 1939 г. в Европе активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Поскольку в

благожелательной позиции СССР были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Англией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой.

В европейской политике сложился своеобразный «заколдованный круг». Советский Союз стремился к соглашению с Англией и Францией, которые предпочитали договоренность с Германией, а она, в свою очередь, добивалась нормализации отношений с Москвой. Определенную роль в срыве англо-франко-советских переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Англии и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны. Подобный ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о

ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Англия и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

Ю. В. Рубцов Сея ветер, пожали бурю... (О московских переговорах весны-лета 1939 года)

В Европейском парламенте, этом присяжном органе по штамповке «демократических» ценностей, давно вынашивают идею провозгласить 23 августа, день заключения пакта Молотова-Риббентропа, днем памяти и борьбы с преступлениями нацизма и коммунизма. Эстонский парламент принял в марте 2009 г. одобрительное заявление в поддержку этой затеи. Того же порядка и предложение о запрете на советские символы наряду с нацистскими, которое было инициировано группой депутатов Европарламента, представляющих Венгрию, Словакию, Чехию, Литву и Эстонию. Известно заявление бывшего президента Латвии В. Вике-Фрейберги о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны, поскольку они, де, заключив пакт, поделили между собой Европу.

Те, кто утверждает, что обратный отсчет времени, остававшегося до 1 сентября 1939 г., пошел с пакта Молотова-Риббентропа, а не с позорного Мюнхенского сговора (сентябрь 1938 г.), находятся явно не в ладах с суровыми фактами истории.

* * *

Весной 1939 г. в Москве начались англо-франко-советские переговоры. Пойти на них Лондон и Париж были вынуждены вследствие явного краха политики «умиротворения» фашистской Германии. Захватом Чехословакии в марте 1939 г., осуществленным в демонстративное нарушение Мюнхенского соглашения, Гитлер показал, что более не нуждается в чьем-либо согласии на территориальные приращения. Эйфория западных демократий, порожденная надеждами на возможность договориться с Берлином, сменялась осознанием растущей германской опасности, что неизбежно побуждало к установлению с Советским Союзом более тесных контактов.

Советский полпред в Лондоне И. М. Майский сообщал в Наркомат иностранных дел, что в Великобритании «в сильнейшей степени возросла тревога за будущее и усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР»^[244]. О желательности улучшения двусторонних отношений в беседе с советским полпредом Я. З. Сурицем говорил 15 марта и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне.

18 марта в Москву поступил запрос британского МИДа о позиции СССР в случае германской угрозы Румынии, которая становилась более чем вероятной после захвата Гитлером Чехословакии. В ответ советское правительство предложило созвать совещание представителей шести заинтересованных стран — СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции для выработки возможных мер противодействия дальнейшей агрессии. При всем недоверии к западным демократиям советское политическое и военное руководство единодушно рассматривало нацистскую Германию как источник

главной угрозы для безопасности СССР и европейской безопасности в целом.

В записке начальника Генерального штаба РККА командарма 1-го ранга Б. М. Шапошникова наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову от 24 марта 1938 г., то есть еще за год до описываемых событий, в качестве наиболее вероятного противника в будущей войне назывался именно фашистский блок — Германия и Италия. Определялись и силы, развязывавшие руки Гитлеру: «Сильно колеблющаяся политика Англии и Франции позволяет фашистскому блоку в Европе найти договоренность в случае войны его с Советским Союзом...»^[245]

Отмеченные в документе колебания в политике западных демократий проявились и в марте 1939 г. При всем желании не назовешь конструктивной линию британской стороны после получения из Москвы предложения о созыве совещания «шестерки». Форин-офис дал своим дипломатам следующую ориентировку: «Желательно заключить какое-либо соглашение с СССР о том, что Советский Союз придет к нам на помощь, если мы будем атакованы с востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также, вероятно, и потому — и это самое главное... что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз»^[246].

Не отбрасывая расчеты на сепаратное соглашение с Берлином, Лондон и Париж прибегли к дипломатическим маневрам, преследовавшим сразу несколько целей: сохранить влияние на малые и средние европейские государства, традиционно находившиеся в их орбите; припугнуть Гитлера возможным заключением военного союза с СССР; связать руки Москве, чтобы не дать ей возможности, в свою очередь, договориться с Германией.

21 марта британский посол У. Сидс вручил наркому иностранных дел СССР М. М. Литвинову проект декларации Великобритании, Франции, СССР и Польши. В соответствии с ней правительства четырех стран брали на себя обязательства «немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» любым действиям, «составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства» и задевающим мир и безопасность в Европе^[247].

Хотя проект декларации носил крайне расплывчатый характер и не предполагал эффективных действий по пресечению агрессии, советское правительство уже на следующий день дало согласие на подписание документа. Было также предложено расширить число участников соглашения (а значит, и фронт защиты от агрессии) за счет присоединения к декларации стран Балканского полуострова, Прибалтийских и Скандинавских стран.

Франция сразу согласилась с советским предложением, высказавшись за созыв специального совещания для подписания декларации. Лондон думал целую неделю и, сославшись на отрицательное отношение польского правительства, отказался от своей собственной инициативы.

Британская дипломатия продолжала маневрировать и далее. Негласно одобрив захват Гитлером Мемеля (Клайпеды), правительство Н. Чемберлена в то же время не оставляло попыток связать руки Советскому Союзу. В середине апреля Великобритания предложила СССР взять на себя односторонние обязательства помощи «своим европейским соседям» в случае совершенной против них агрессии. В свою очередь Франция заявила о готовности обменяться с СССР письмами, гарантирующими взаимную поддержку

сторон, если одна из них будет втянута в войну с Германией из-за оказания помощи Польше или Румынии.

17 апреля советское правительство выдвинуло встречные предложения, которые своей конструктивностью не шли ни в какое сравнение с осторожными и чаще всего не рассчитанными на взаимность предложениями западных партнеров. Вот их суть:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §§ 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3»^[248].

Таким образом, Советский Союз предложил заключить трехсторонний договор о взаимопомощи, основанный на равенстве обязательств, при этом меры пресечения агрессии в любом районе Европы были бы действенными и эффективными. Новая Антанта могла стать плотиной на пути дальнейшей гитлеровской экспансии. Однако обязательства, которые вытекали из трехстороннего соглашения в случае его подписания, судя по всему, испугали британских и французских политиков, не готовых идти так далеко.

Для подготовки ответных предложений Парижу потребовалось восемь дней, а Лондону — целых двадцать. Они были уклончивыми, будущее соглашение обставлялось рядом условий, которые стали предметом начавшихся в Москве переговоров между В. М. Молотовым, ставшим 3 мая 1939 г. наркомом иностранных дел СССР, и послами У. Сидсом и Э. Наджияром.

Шли они, что называется, ни шатко, ни валко. Газета «Правда» 29 июня характеризовала тактику наших партнеров следующим образом: «Хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдет, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками».

В оценках главного партийного рупора не было преувеличений. Маневры британской дипломатии продолжались по-прежнему. 24 мая Н. Чемберлен на

заседании своего кабинета выразил готовность «обсудить все нерешенные проблемы на основе более широкого и полного взаимопонимания между Англией и Германией». А 8 июня британский премьер, беседуя с сотрудником МИД Германии А. Трот фон Зольцем, заявил, что «с того самого дня, как он пришел к власти, он отстаивал идею о том, что европейские проблемы могут быть решены лишь на линии Берлин — Лондон»^[249].

Такие дипломатические комбинации не остались в тайне от Москвы. И. В. Сталин, лично определявший внешнеполитический курс страны, не без основания опасался возможности нового сговора западных демократий с Гитлером по типу мюнхенского, но уже за счет СССР. К тому же в Москве были отлично осведомлены о тайных планах нападения на Советский Союз, вынашивавшихся во французских и британских штабах^[250].

Следуя правилу не складывать все яйца в одну корзину и — применительно к освещаемой ситуации — не желая стать заложником корыстной линии западных демократий, советское руководство попыталось нормализовать отношения с Берлином. Начиная с весны 1939 г. в советско-германских отношениях появляются новые моменты: возобновились экономические отношения, возросла интенсивность контактов по дипломатической линии, с обеих сторон подогревался интерес к нормализации политических отношений. 29 июля В. М. Молотов телеграфировал в советское полпредство в Берлине: «Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»^[251].

При этом советское руководство, дабы сохранить свободу рук, предпочитало ожидать инициативу от немцев. Берлин и в самом деле во взаимном сближении

проявлял большую, чем Москва, активность. Его действия были по-своему логичны: Гитлер шел к войне против Польши и готов был на многие уступки, лишь бы не допустить создания на востоке самостоятельного фронта с участием Красной армии. А для этого ему надо было во что бы то ни стало сорвать британо-франко-советские переговоры и нейтрализовать СССР.

В связи с этим трудно не согласиться с мнением историка И. А. Челышева: «Московские переговоры с самого начала приобрели двусмысленный характер. Обе стороны в тайне друг от друга вели переговоры с Германией, играли сразу на двух столах. Можно сказать, что на переговорах в Москве незримо присутствовала третья сторона — Германия. Гитлер тоже вел свою партию»^[252].

Во время переговоров каждый из участников предложил свой проект соглашения. Текст был отработан только к концу июля, но и то лишь в основном. Стороны не смогли прийти к единой точке зрения на понятие «косвенная агрессия». Лондон не соглашался с тем, чтобы предоставление гарантий распространялось на Латвию, Литву и Эстонию в случае, если германские войска нарушили бы их территориальную целостность с согласия местных правительств (а именно такой случай «косвенной агрессии» имел место при оккупации Чехословакии). Но без этого пункта договор для СССР во многом терял значение. У власти в Прибалтийских странах находились правительства, тяготевшие к сближению с фашистской Германией, и это таило угрозу превращения их территорий в германский плацдарм для наступления против СССР при полной пассивности со стороны Великобритании и Франции.

Семена раздора сеяли и другие государства. Так, правительства Польши и Румынии отказались

сотрудничать с СССР в отражении фашистской агрессии. А поскольку они имели с нашей страной общую границу, то это делало невозможным взаимодействие сухопутных войск, которые выставляли участники соглашения, в случае наступления вермахта по территории этих стран к рубежам Советского Союза. Государства Прибалтики же отказались от предоставления им гарантий, свысока отвергая их под предлогом «вмешательства в их внутренние дела».

Хорошо понимая, что даже если удастся достичь политических договоренностей, то без военной конвенции они останутся декларацией, советское руководство 25 июля предложило провести в Москве переговоры военных делегаций. Согласие было получено, но и в этом случае правительства Великобритании и Франции не торопились. Достаточно сказать, что британская миссия не нашла более подходящего транспортного средства, чем тихоходный товаро-пассажирский пароход «Сити оф Эксетер», прибывший в Ленинград только 10 августа.

Переговоры военных миссий длились с 12 по 21 августа. Со стороны СССР их вели высокие должностные лица, обладавшие необходимыми полномочиями и компетенцией — начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников, нарком Военно-Морского Флота флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил командарм 2-го ранга А. Д. Лактионов и заместитель начальника Генштаба комкор И. В. Смородинов. Миссию возглавлял нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Делегация получила от Политбюро ЦК ВКП(б) полномочия на подписание с Великобританией и Францией полномасштабной военной конвенции, направленной против гитлеровской агрессии.

Инструкция К. Е. Ворошилову была разработана лично И. В. Сталиным. Главе советской миссии

предписывалось сразу же выявить степень серьезности, на которую настроены партнеры по переговорам, выяснить, имеются ли у них необходимые полномочия на подписание военной конвенции с СССР, располагают ли они конкретным планом обороны против агрессии при тех или иных вариантах развития событий. Было определено и ключевое звено, без которого Кремль считал соглашение невозможным, а именно — обеспечение свободного пропуска войск Красной армии через территорию Польши и Румынии к германской территории. Без выполнения этого условия, резюмировала сталинская инструкция, «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал»^[253].

В отличие от советских переговорщиков, миссии Лондона (глава миссии — адъютант короля отставной адмирал Р. Дракс) и Парижа (член военного совета генерал Ж. Думенк) состояли из второстепенных лиц и не имели необходимых полномочий на подписание военного соглашения.

Р. Дракс первоначально не был уполномочен даже на ведение переговоров. И это не было случайной технической накладкой: Форин-офис в специальной инструкции предписывал своему представителю втянуться в переговоры единственно с целью давления на Германию, военные планы обсуждать «на чисто гипотетической основе», ибо «британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы нам связать руки при любых обстоятельствах»^[254].

Отставной адмирал, затягивая переговоры, не гнушался самой настоящей комедии. Он заявил, что мог бы быстро представить надлежащие полномочия, если перенести переговоры в Лондон. Под общий смех кто-то резонно заметил, что куда проще доставить документы в Москву, чем перемещать делегации на Британские

острова. В конце концов необходимый для ведения переговоров документ Р. Драксом был получен, однако полномочий на подписание военной конвенции он не предусматривал.

Инструкция французской делегации, утвержденная премьером Э. Даладье 24 июля, также показывает, что от Советского Союза ждали лишь подчиненную британо-французским интересам роль одностороннего поставщика живой силы и техники. «Необходимо, — ориентировал своих посланников Париж, — чтобы русские взяли на себя обязательства в случае войны ничего не предпринимать против Польши, Румынии, Турции и даже оказать им помощь, если наши союзники об этом попросят, и обезопасить, когда они обратятся с просьбой, их коммуникации и усилить их авиацию. Большого с русских не спрашивать»^[255].

В таком же духе была выдержана и согласованная позиция двух стран, сформулированная на франко-британских переговорах, которые состоялись перед началом переговоров в Москве: «Вовлечь Россию в действия на второстепенных направлениях».

Понимая, как дорого время, К. Е. Ворошилов предложил не терять его на ожидание полномочий для британской делегации и приступить к обмену мнениями по существу. Единственно, на чем настаивала Москва, так это на сохранении абсолютной секретности переговоров, предотвращении любых утечек в печать, пока не будет подготовлено согласованное заявление.

Представители СССР вышли на разговор не с пустыми руками. Генеральным штабом Красной армии были заранее разработаны «Соображения по переговорам с Англией и Францией», включавшие несколько вариантов возможного развития военных событий и участия в них РККА совместно с вооруженными силами Великобритании, Франции и их

союзников. Существо советского плана на заседаниях 15 и 17 августа раскрыли Б. М. Шапошников, А. Д. Лактионов и Н. Г. Кузнецов.

«Наш проект плана развертывания армии для оказания помощи западным союзникам... — свидетельствовал один из его разработчиков, заместитель начальника Генштаба РККА будущий Маршал Советского Союза М. В. Захаров, — создавался не «на песке» и не против «ветряных мельниц», а на основе точных расчетов, имевших глубокую научную базу, являвшуюся плодом многолетнего кропотливого труда большого числа ответственных работников Генерального штаба»^[256].

Первый вариант прогнозируемого генштабистами развития событий предусматривал порядок совместных действий в случае нападения агрессора непосредственно на Францию и Великобританию; второй — когда объектом нападения становилась Польша; третий — когда Венгрия и Болгария при помощи главного агрессора совершали нападение на Румынию; четвертый — когда агрессия была направлена против Турции; пятый — когда агрессия через территорию Прибалтийских стран была нацелена на СССР.

В документе содержались детальные предложения о действиях сухопутных войск, авиации и флотов трех государств, о количестве дивизий, оснащенности боевой техникой и другими средствами вооруженной борьбы. При всех вариантах считалось необходимым нанести основной удар по силам главного агрессора, т. е. Германии, и обеспечить участие в военных действиях Польши как союзника Великобритании и Франции, при этом от нее требовалось выставить не менее 40 дивизий. Варшава должна была также взять на себя обязательство пропустить советские войска к

северу от Минска через Виленский коридор и через Литву к границам Восточной Пруссии. Румыния при нападении на нее должна была пропустить советские войска навстречу противнику через Галицию. Имелось в виду, что переговоры с Польшей, Румынией и Литвой по этому вопросу возьмут на себя Лондон и Париж.

Со своей стороны Советский Союз, как сообщил начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников, для отражения агрессии в Европе был готов выставить 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 9-10 тыс. танков, более 5 тыс. орудий только крупного калибра, 5,5 тыс. самолетов.

По мнению советской стороны, военная конвенция должна была зафиксировать конкретные военные планы союзников, точное количество выделяемых дивизий, морских эскадр, а также танков, самолетов, артиллерийских орудий, боевых кораблей.

Более искренними оказались французы. Как сообщил генерал Ж. Думенк, они располагали 110 дивизиями, 4 тыс. танков, 3 тыс. орудий крупного калибра, около 2 тыс. самолетов.

Англичане не раскрыли весь состав своих сил, заявив лишь, что в случае войны они в состоянии направить на континент 6 дивизий, спешно сформировать 9, а позднее привести в готовность к отправке еще 16. Конкретные сроки отправки не назывались. Британская авиация насчитывала 3 тыс. различных самолетов, но все ли они будут задействованы, оставалось неясным [\[257\]](#).

Неискренность позиций западных партнеров, их стремление лишь тянуть время, шантажируя Гитлера, а не добиваться реального создания барьера для германской агрессии, привели к тому, что переговоры в Москве сразу же пошли со скрипом. Советская делегация, учитывая лавинообразное нарастание

событий в Европе, предлагала заседать каждый день и столько, сколько требуется, вопросы обсуждать по существу. Но в таком режиме наши партнеры трудиться не привыкли. Деталь, но характерная: заседания шли всего по четыре часа в день, подчас переносились. На обсуждение бесконечно выносились беспредметные и ни к чему не обязывающие «общие цели» и «общие принципы» военного сотрудничества, которые в лучшем случае годились для какой-то абстрактной декларации, а не для конкретного плана быстрых и эффективных действий.

Основное препятствие возникло при обсуждении вопроса о пропуске советских войск в случае начала германской агрессии через польскую и румынскую территории, что было необходимо для организации эффективной защиты не только советских границ, но также Польши и Румынии. Западные участники правильно поняли, что именно может стать причиной срыва переговоров, как только К. Е. Ворошилов предложил им разъяснить, готовы ли они оказать необходимое воздействие на своих союзников в вопросе обеспечения пропуска войск Красной армии. Этот вопрос занимает немало места в переписке посольств и военных миссий двух стран со своими правительствами.

В своих внутренних документах они прямо говорили о необходимости предоставления русским союзникам всех возможных средств для оказания помощи, с тем, чтобы использовать максимум сил СССР на стороне антифашистских государств. Так, в докладе подкомиссии английского Комитета начальников штабов, представленном кабинету министров 17 августа 1939 г., содержалась рекомендация следующего характера: «Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу,

если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами... Мы хотели бы подчеркнуть, что, с нашей точки зрения, в случае необходимости должно быть оказано сильнейшее давление на Польшу и Румынию, с тем, чтобы они заранее дали согласие на использование русскими силами территории в случае нападения Германии»^[258].

Ж. Думенк и посол Э. Наджияр также оценили условие советской делегации как обоснованное. В телеграмме, направленной 15 августа в Париж, Э. Наджияр писал: «По мнению генерала Думенка, то, что предлагают русские в целях выполнения обязательств по политическому договору, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши... Нам предлагают точно определенную помощь на Востоке и не выдвигают каких-либо дополнительных требований о помощи с Запада. Но советская делегация предупреждает, что Польша своей негативной позицией делает невозможным создание фронта сопротивления с участием русских сил»^[259]. 20 августа Э. Наджияр послал новую телеграмму с тревожным предупреждением: если Польша не изменит позицию, провал переговоров станет неизбежным.

Итак, суть «кардинального вопроса», от решения которого зависело, быть или не быть военной конвенции трех стран, была ясна и Лондону, и Парижу. Но в практическую плоскость его решение по-настоящему так и не поставили.

Советское руководство наблюдало за этим с возрастающей тревогой. В считанные дни ему предстояло оценить, реальна ли возможность заключения с западными демократиями военной конвенции, и не опоздает ли оно с поисками иного

партнера, чтобы отвести непосредственную угрозу войны от своих границ.

Участник московских переговоров адмирал Н. Г. Кузнецов вспоминал: «Глава советской миссии имел обыкновение после вечерних совещаний сразу докладывать обо всем И. В. Сталину. Раза два-три на этих докладах присутствовали маршал Шапошников и я. Сталин выслушивал сообщения о результатах первых заседаний, рекомендовал продолжать выяснять действительную позицию Англии и Франции. Помнится, он особенно интересовался настроением наших коллег и тем, насколько искренни их желания заключить тройственный союз... К сожалению, чем дальше в лес... — тем меньше оставалось шансов на успех»^[260].

20 августа переговоры достигли своей кульминации. В этот день Р. Дракс сообщил К. Е. Ворошилову, что ответ из Лондона на «кардинальный вопрос» он не получил, и предложил вернуться к нему на заседании 23 августа. Такая неторопливость носила просто издевательский характер, ведь счет до момента нападения Германии на Польшу шел уже на дни.

Французы действовали несколько более активно, и это легко объяснимо: германская агрессия в первую очередь угрожала им. Однако самостоятельность внешней политики Парижа была под большим сомнением, там излишне доверялись Лондону и шли в его фарватере. Так или иначе предпринятая попытка оказать на Польшу давление успеха не имела.

21 августа состоялось два заседания. Не получив ответа на «кардинальный вопрос», К. Е. Ворошилов во второй половине дня сделал письменное заявление о перерыве в переговорах. «Подобно тому, — говорилось в заявлении, — как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами

Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские Вооруженные Силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Англии и Франции, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома»^[261].

22 августа Ж. Думенк заявил советской делегации, что он получил от своего правительства положительный ответ на «основной кардинальный вопрос» и полномочия «подписать военную конвенцию». Однако есть ли согласие со стороны Лондона, Варшавы и Бухареста, он сообщить не мог. Готовность Франции подписать военную конвенцию при маневрах Великобритании, рассматривавшей контакты с Советским Союзом как прикрытие собственных секретных переговоров с Германией, и при самоубийственной близорукости Польши ни к чему не привела.

Поскольку подписание конвенции срывалось, И. В. Сталин, дав вечером 21 августа согласие на прибытие в Москву И. Риббентропа, сделал выбор в пользу переговоров с Германией.

Естественен вопрос: насколько эффективным мог оказаться военный союз Лондона, Парижа и Москвы, если бы западные демократии и находившиеся в поле их влияния страны-лимитрофы проявили подлинную заинтересованность в создании системы коллективного отпора фашистской опасности?

Факты свидетельствуют, что при доброй воле всех прямых и косвенных участников московских переговоров гитлеровской агрессии был бы поставлен надежный заслон. Вооруженные силы трех стран в совокупности имели 311 дивизий, 11,7 тыс. самолетов, 15,4 тыс. танков, 9,6 тыс. тяжелых артиллерийских орудий. Блок Германии и Италии располагал вдвое

меньшими силами: 168 дивизий, 7,7 тыс. самолетов, 8,4 тыс. танков, 4,35 тыс. тяжелых орудий^[262]. Но шанс был упущен.

Неудача с формированием единого антифашистского фронта в Европе вынудила советское руководство, поставленное перед перспективой оказаться в международной изоляции, пойти на подписание пакта о ненападении с Германией.

Уже через неделю Гитлер, более всех выигравший от провала московских переговоров, напал на Польшу. Западные демократии, сея ветер, пожали бую...

В.С. Макачук

События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь»

В современной практике международного права в большинстве случаев считается, что никто не может получать для себя выгоду из собственных противоправных действий, даже если эти действия повлекли за собой коренную смену обстоятельств^[263]. В то же время государство имеет право ссылаться на коренную смену обстоятельств, которые произошли в результате собственных действий, если последние являются правомерными^[264].

Несмотря на то, что выше упомянутый документ вступил в силу через три десятилетия после исследуемых событий, даже на сегодняшний день нельзя не отметить два особо важных юридических факта, а именно:

1. Были ли противоправными, учитывая нормы de lege lata, пакт Риббентропа-Молотова от 23 августа 1939 г. и сомнительный секретный протокол к нему?

2. Seriously ли был обоснован так называемый Освободительный поход Красной армии 17 сентября 1939 г.?

От ответа на эти вопросы зависят правовые оценки значения Народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии, а также правовые обоснования вхождения бывших западных земель Второй Речи

Посполитой в состав соответствующих советских республик.

За несколько лет до распада СССР советский историк Л. Безыменский обнародовал секретный протокол к пакту Риббентропа-Молотова и сделал вывод: «Можно констатировать, что, по содержанию, ни один из пунктов не выходил за рамки широко распространенной в те времена практики. Аналогичные секретные договоренности имелись у демократий с Англией, Италией, Германией, а также с Польшей. Но именно аналогия заставляет отнести с дополнительной строгостью к тексту, известному только в копии. Все ли в нем верно передает оригинал, если бы он существовал?»^[265] Тезис не вызвал возражений у присутствующих на круглом столе светил советской науки — В. Фалина, О. Ржешевского, В. Малькова, В. Сиполса, А. Искандерова.

Непредвзятый анализ текста секретного протокола, как и отсутствие твердости советской позиции в первой половине сентября 1939 г., не дают оснований считать, что Риббентроп и Молотов в августе 1939 г. согласовали «четвертое разделение Польши» де-юре. Стороны договорились о «сфере интересов», то есть те территории, на которых сторона-контрагент не должна в будущем проявлять свою активность (концессии, капиталовложения, влияние на правящие органы, поддержка повстанческих движений и т. д.) — при любом развитии событий. Советский Союз не брал на себя обязательств осуществить военную операцию против Польши и тем самым нарушить действующие с этой страной двух- и многосторонние международно-правовые договоренности.

Однако, в декабре 1989 г. II съезд народных депутатов СССР, вслед за генеральным секретарем КПСС М. Горбачевым, обвинил секретный протокол и

объявил его «недействительным с момента подписания».

Подобная практика существовала и ранее. Например, во время становления Советской власти В. И. Ленин опубликовал и объявил «безусловными и срочно отмененными» тайные договоры царской России^[266], в том числе договор с Японией 1916 г. об общих колониальных действиях в Китае, договор 1916 г. между Россией, Великобританией и Францией о разделе Турции, российско-британский тайный договор и конвенцию 1907 г. о сферах влияния в Иране, Афганистане и Тибете и др. Но ему и в голову не могло прийти объявить указанные договоры «недействительными с момента подписания».

Причиной запоздалого заявления М. Горбачева о «недействительности» секретного протокола послужило якобы противоречие советско-нацистских договоров принципам *jus cogens*, то есть общепринятым в международном праве нормам.

Заметим, что в современном международном праве, в частности Венской конвенции по праву международных договоров 1969 г. (ст. 64), утверждается, что хотя с появлением новой императивной нормы, договор, заключенный с ее нарушением, приостанавливается и становится недействительным, новая императивная норма не имеет обратного действия относительно уже совершенных актов. Так, например, договоренности, имеющие отношение к территориальным вопросам, заключенные и приведенные в действие в период, когда они не противоречили действующему на то время международному праву, не подлежат повторному рассмотрению (*Tempus regit actum*). Например, КНР была вынуждена уважать договоры по «аренде» Гонконга и Макао, которые в свое время были продиктованы Китаю

с нарушением ныне общепринятых принципов равноправности субъектов международного права.

Более того, общим правилом принято, что нормы международного права не имеют обратного действия, их действие распространяется лишь на те отношения, которые появились после этих норм. Что является еще и основополагающим принципом права (*Lex prospicit, non rescipit; Lex retro non agit*). В случае же с договорным правом понятие «отсутствие обратной силы» закреплено в ст. 28 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоренностей.

Императивный принцип уважения территориальной целостности и политической независимости стран другими субъектами международного права в его современном правовом понимании сложился не раньше 1945 г., когда он был сформулирован в Разделе 1 Устава Организации Объединенных Наций. В межвоенный период международное право было не настолько категоричным.

Пытаясь избежать ответственности на процессе в Нюрнберге, подсудимый Риббентроп поставил вопрос о привлечении к суду И. Сталина, поскольку «за такой акт^[267] ответственны оба партнера»^[268]. Тогда это предложение было отклонено всеми судьями как надуманное.

В современных же научных кругах популярным стал тезис, сомнительное авторство которого принадлежит немецкому министру иностранных дел, о том что, заключив пакт с Гитлером, Сталин тем самым «поставил себя на одну доску с нацистами». Эта концепция полностью несостоятельна. Само по себе стремление изменения границ в свою пользу и практические шаги по осуществлению поставленной задачи не были и не являются нарушением международного права как современного, так и межвоенного времени. Вопрос

упирался в допустимые и недопустимые, учитывая нормы международного права, формы и способы достижения поставленной цели.

Под влиянием Германии, Италии и Венгрии Великие державы вполне допускали на практике не только возможность изменения существующих европейских границ (Мюнхен, Венские арбитражи), но и проведение таких изменений под влиянием угроз силой, несмотря на желание заинтересованной стороны. Французский историк международного права Ж. Барьети справедливо писал, что «после Локарно в Европе существовало два вида границ: западные границы, которые необходимо было уважать, и восточные, которые (как это тайно признавалось) могут быть пересмотрены»^[269].

Даже так называемые миролюбивые страны допускали легитимность силового давления и недобровольного изменения границ, если при этом поддерживались определенные формальные правила. Другая группа стран, во главе с Германией, Японией и Италией, нисколько не сомневалась в своем праве устанавливать «справедливые» границы, отличные от тех, которые сложились в мире, и, в частности, Европе в результате Версальской конференции.

Вторая Речь Посполитая, как и польское правительство в эмиграции, в 1938-1939 гг. неоднократно играла целиком по «гитлеровским» правилам: первый раз, когда в согласии с Третьим рейхом приняла участие в расчленении ЧСР (Тешинская Силезия), второй раз — осенью 1938 г., когда активно поддерживала идею аннексии Карпатской Украины Венгрией. После сентября 1938 г. (Тешин), после марта 1939 г. (польское торжество по поводу угорской оккупации Закарпатской Украины) правительство Второй Речи Посполитой поставило себя на одну планку

с Гитлером и стало носителем идеи правового санкционирования использования силового давления в международных отношениях для изменения существующих государственных границ.

Можно возразить, что кроме этих «обычных» норм, существовало еще и писаное международное право (*les scriptum*).

Но нарушал ли договорные нормы Советский Союз в августе и сентябре 1939 г.?

В современной историографии принято считать, что специфическая форма советско-нацистских документов, подписанных в Москве 23 августа 1939 г., была предложена Сталиным.

В таком случае мы должны отдельно отметить, что секретный протокол о разделе сфер влияния между нацистской Германией, с одной стороны, и Союзом ССР, с другой, был составлен так, что формально не нарушал принятой на то время практики составления международно-правовых документов.

Процитируем полный (без купюр) текст:

«1. В случае территориально-политической перестройки областей, которые входят в состав прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является чертой сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы относительно Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политической перестройки областей, которые входят в состав польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет проходить приблизительно вдоль линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, является ли во взаимных интересах желанным сохранение независимости польского государства и какими будут границы этого государства,

может быть полностью выяснен только по ходу дальнейшего политического развития.

В любом случае оба правительства будут решать этот вопрос путем дружеского взаимопонимания.

3. Относительно южно-восточной Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С немецкой стороны объявляется о полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет храниться обеими политическими сторонами в строжайшей тайне»^[270].

Практика международных секретных договоров и протоколов была и является обычной. Например, английские гарантии Польше в апреле 1939 г. сопровождалась секретным протоколом, который обязывал Лондон предоставить военную помощь только в случае немецкой (а не третьих стран) агрессии; в июле 1941 г., во время переговоров с советским послом Майским в Лондоне, польская сторона требовала подписания одновременно с договором о военном сотрудничестве дополнительно еще и секретного протокола, в котором СССР должен был взять на себя обязательства после разгрома Германии восстановить польско-советскую границу 1939 г. и т. п. Подобных примеров тайных сделок в практике одних только Объединенных Наций можно отыскать чуть ли не десятки.

Европейские границы 1939 г. давно уже не рассматривались как бесспорные, а, следовательно, ничего противоправного в намерениях сторон предвидеть последствия их возможных дальнейших изменений, а именно так был сформулирован текст документа, не было.

В частности, немецкие претензии к Польше уже были выдвинуты раньше, начиная с весны 1939 г. Абсолютно не исключена была возможность созыва еще

одной «мирной» конференции, по примеру уже проведенной Мюнхенской или дальнейших 1-й и 2-й Венской, для проведения новых территориальных изменений «мирным путем».

Быть может, стороны согласовали между собой общую военную акцию против всех (или, по меньшей мере, одной из) стран, которые упоминаются в протоколе, а это по крайней мере со стороны СССР стало бы нарушением его договорных обязательств как члена Лиги Наций, так и участника польско-советского договора о ненападении 1939 г.?

Но это не так, поскольку в документе формально шла речь только о распределении «сфер интересов» (они же «сферы влияния»). Также это была обычная практика того времени. В частности, Г. Тункин подчеркивает, что «старое международное право содержало в себе нормы и институты, которые были орудием закабаления народов», к самым характерным из них он как раз и относит «сферы влияния»^[271].

Практика определения и распространения «сфер влияния» активно внедрялась в практику международной жизни и так называемыми демократическими странами. Например, западные авторы указывают, что Великобритания летом 1939 г. «за спиной СССР вела тайные переговоры с фашистским рейхом. В ходе этих переговоров британское правительство сделало далекоидущие предложения об англо-немецком сотрудничестве и заключении между двумя странами договора о ненападении, невмешательстве и распределении сфер влияния. При этом английские правящие круги обещали нацистам прекратить переговоры с СССР и отказаться от гарантий Польше, незадолго до этого предоставленных Англией, то есть выдать Польшу Гитлеру, подобно тому как это уже было сделано с Чехословакией. Детали

заговора допускали, как свидетельствуют английские источники, уточнить при встрече Чемберлена с Герингом, поездка которого на Британские острова должна была состояться 23 августа»^[272].

Американские ученые свидетельствуют, что и в ходе Второй мировой войны западные союзники по коалиции, в частности, Черчилль, предлагали СССР установить сферы влияния в послевоенной Европе^[273].

Зловещую окраску термин «сферы влияния» приобрел уже в наше время, когда международное право подверглось едва ли не самым кардинальным, за все время своего существования, переменам.

В тексте секретного протокола отсутствуют указания на то, что упомянутые переустройства будут последствием военной агрессии сторон. Более того, стороны выявили заинтересованность, надо полагать, независимой Литвы в возвращении ей Виленского края.

Важный нюанс — судьба территорий и стран, которые попали в ту или иную сферу влияния (в частности, Западная Украина), не была детерминирована однозначно.

М. Прокоп приводит текст разговора, который велся между Кейтелем (начальник штаба ОКВ), Риббентропом (нацистский министр иностранных дел) и Канарисом (начальник армейской разведки — абвера) в вагоне специального поезда Гитлера 12 сентября 1939 г.: «Подытоживая взгляды Риббентропа, Кейтель сказал, что есть три возможности в этом вопросе: 1. Четвертое деление Польши, при этом Германия заявляет о своей незаинтересованности землями на восток от линии Нарва-Висла-Сан в пользу СССР; 2. Независимая Польша на оставленной территории, которая наиболее интересна Гитлеру, потому что он хочет иметь дело с польским правительством, с которым мог бы заключить мир; 3. Остальная Польша дезинтегрируется так, что

территория Вильно достанется Литве, а Галичина и польская Украина становятся независимыми, при условии что с этим согласится Советский Союз. Тогда, конечно, вся пропаганда в пользу Великой Украины должна была бы быть запрещена, чтобы не дразнить Москву»^[274].

При этом указанный автор ссылается сразу на несколько английских и немецких источников.

В свою очередь, В. Косик, ссылаясь на опубликованные на Западе источники, утверждает, что «несколькими днями позже (наверное, 15 сентября 1941 г.) в Вене Канарис и Лахузен встречались с А. Мельником, которому Канарис говорил о возможности независимости Западной (Галицкой) Украины. А. Мельник поверил Канарису и приказал готовить «коалиционное правительство» для Галичины. Его премьером был О. Сеник-Гребовский»^[275].

Если даже в Берлине, во второй половине сентября, не были уверены насчет действительных намерений Сталина, то это является свидетельством того, что секретный протокол имел, по крайней мере, несколько вариантов толкования.

Нацистские вожди долгое время не информировали о секретных договоренностях в Москве даже собственный Генеральный штаб. Доказательством чего может служить тот факт, что, по свидетельствам заместителя начальника штаба оперативного руководства вермахта В. Варлимонта, даже «наиболее близкий» к Гитлеру генерал Йодль 17 сентября 1939 г., «получив сообщение, что войска Красной армии вступают на территорию Польши, с ужасом спросил: «Против кого?»»^[276].

У этого «странного» факта есть лишь одно рациональное объяснение — высшее политическое руководство рейха в сентябре 1939 г. не

информировало военных о секретном протоколе к пакту Риббентропа-Молотова, потому что не могло спрогнозировать поведение Москвы, а значит, и никаких, даже устных, договоренностей об общих военных действиях против Польши на переговорах 23 августа 1939 г. не было.

Не предусматривал протокол и обязанности каких-либо партикулярных, независимых от другого участника сделки, акций сторон, проводимых в собственных сферах интересов. Похоже, тут была налажена полная свобода воли контрагента. Вопрос о допустимых границах активности в своей сфере встал уже позже. Именно такую интерпретацию протокола еще в июне 1941 г. сделал немецкий МИД.

Комментируя итоги переговоров И. Риббентропа и В. Молотова 29 сентября 1939 г., Берлин настаивал на том, что: «В Москве при разделении сфер интересов советское правительство заявило министру иностранных дел Германии, что оно, за исключением областей бывшего польского государства, которые пребывали на то время в состоянии раздела, не имеет намерения ни оккупировать страны, которые пребывают в сфере его интересов, ни присоединять их»^[277]. Логично допустить, что и 23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп не обсуждали конкретные действия, собственные или контрагента, в согласованных сферах интересов, а допустили возможность свободного, на усмотрение сторон, развития.

Представляет интерес еще одна сторона вопроса. Были ли уверены кремлевские вожди, подписывая протокол 23 августа 1939 г., в том, что Гитлер неизбежно нападет на Польшу? Вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Один из лучших западных знатоков внешней политики

гитлеровской Германии Дж. Вейтц писал: «Риббентроп утверждал, что, вылетая в Москву, он ничего не знал о решении Гитлера атаковать Польшу», хотя и подтверждает, что Гитлер перед вылетом своего рейхсминистра в Москву, вспомнил об «окончательном решении проблемы Данцига и коридора». У него (Риббентропа. — Примеч. авт.) «создалось впечатление, что польские проблемы должны были быть решены мирным путем, способами дипломатии»^[278].

Другими словами, перед 23 августа 1939 г. существовала и некоторая возможность того, что Гитлер, как это ему уже не раз удавалось, сумеет достигнуть поставленной цели (Данциг, коридор, и др.) без начала военных действий, за столом мирных переговоров.

Конечно, Сталин мог заблаговременно получить донесение разведки о гитлеровском плане «Вайс» (готовность к нападению на Польшу «не позже 1 сентября 1939 г.»), принятом еще в апреле 1939 г. Историки сходятся на мысли, что указанная информация была доведена до Кремля. Однако само подписание пакта Молотова-Риббентропа создавало принципиально новые возможности для Гитлера и немецкой внешней политики — созывать еще одну «мирную» конференцию, что-то наподобие нового Мюнхена, с той только разницей, что в этот раз разговор зашел бы о Польше, а к столу Великих держав была бы приглашена и «сталинская Россия». Именно в этом ключе, по нашему мнению, следует воспринимать процитированное выше заявление Риббентропа.

Остается наиболее острый вопрос: о каком таком случае «политической перестройки областей, которые входят в состав польского государства», и возможности «сохранения независимого (sic! — Примеч. авт.) польского государства» говорили стороны в ситуации,

когда Англия и Франция уже дали Второй Речи Посполитой свои политические «гарантии»? Какими еще способами, кроме чисто военных, можно было провести указанную «политическую перестройку»?

Германия и Советский Союз наперекор англо-французским гарантиям, предоставленным Польше, имели возможность действовать и вполне легальными (в понимании международного права того времени) способами, например обратившись к Ассамблее Лиги Наций с требованием пересмотреть договоры с Польшей под тем или иным удобным поводом. Или дожидаться, что Варшава (под давлением) сделает это сама.

Конечно, англо-французские гарантии уменьшали возможность военного шантажа Польши в пример того, который Гитлер применил против Чехословакии. Но способы для давления на Варшаву даже в такой ситуации существовали, и очень серьезные.

На первый взгляд невозможно допустить, чтобы Польша «добровольно» согласилась на уступки или перенесение спора в Лигу Наций. Но в арсенале «легальных» (для 30-х гг. прошлого столетия) способов международного влияния и давления были не только отзыв послов, реторсии и репрессалии, но и «мирная» и «военная» блокады и другие методы, от которых современное международное право практически отказалось.

Думается, не случайно в секретном протоколе вспоминалась и Литва, за которой общим решением Германии и Союза ССР «признавалась заинтересованность» в Виленской области. Можно только представить то положение, в котором оказалась бы Вторая Речь Посполитая, если бы три соседних государства выступили одновременно (или с небольшим интервалом одно вслед за другим — именно так действовали Венгрия и Польша после удовлетворения

Великими державами требований Гитлера в Мюнхене) со своими территориальными требованиями.

При этом ни Москве, ни Берлину совсем не требовалось делать радикальный поворот своей внешней политики, отказываться от ее последовательности или, к примеру, бесповоротно связывать себя очень тесными союзными узами. Своего негативного отношения к Версальскому договору Германия не скрывала даже в годы Веймарской республики. Но и Советский Союз не делал из него ценностной величины своей внешней политики. И. Сталин, выступая на XVII съезде ВКП(б), заявил: «Не нам, которые познали позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был втянут в пропасть новой войны. То же самое нужно сказать о вымышленной переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся теперь на СССР и только на СССР»^[279]. А видение Советским Союзом путей решения вопроса Западной Украины было очерчено еще в 1920-е гг.

Применение «силовых» методов влияния на Польшу не угрожало и потери международных позиций Союза ССР. То, что Вторая Речь Посполитая в событиях осени 1938 г. ассоциировала себя с нацистской Германией, нисколько не помешало Англии и Франции уже через полгода (31 марта 1939 г.) предоставить ей «гарантии» против той же Германии.

То, что нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу, не может быть однозначно объяснено как результат советского одобрения такой агрессии. По крайней мере, ни в одном из документов немецкого МИД (а они все опубликованы) нет даже

намека на то, что Москва тем или иным образом дала согласие на свое вступление в войну против Польши.

Тут хотелось бы подойти к вопросу несколько шире. Российский юрист-международник И. Перетерский писал о необходимости перенесения в область международного права цивилистических концепций, в частности презумпций классического римского права: при сомнении следует всегда отдать предпочтение тому, что мягче^[280], в сомнительных случаях мы всегда придерживаемся того, что есть наименьшим^[281]. На этой почве уже давно появился афоризм: *In dubio mittus* — «в случае сомнения поступай мягче», и данное выражение встречается и в современных работах, как в личном, так и в международном праве^[282]. Почему-то критики внешней политики Сталина придерживаются противоположных подходов, выбирая наихудшие для его репутации версии его намерений. Может быть, срабатывает эффект «обвиняемого»?

Обмен ратификационными грамотами, после чего договор с Германией 23 августа 1939 г. стал действующим правом, состоялся в Берлине 24 сентября 1939 г. С точки зрения бывшего заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. Фалина, «Сталин тянул не случайно. Он, конечно, побаивался, что то или иное его неосторожное действие может быть расценено, как *casus belli*, и последствием станет объявление Советскому Союзу войны со стороны Польши, а дальше Англии и Франции»^[283].

Другими словами, уже 23 августа 1939 г. Сталин предусмотрительно на будущее оставил себе свободу действий и решений в данном вопросе. Вероятно, что в случае активного выступления союзников на Западном фронте против немцев или успешной обороны поляков против них же на Восточном, Москва предоставила бы европейским государствам беспрепятственную

возможность взаимно ослабнуть в кровавых боях. В этой ситуации политика невмешательства в полной мере бы отвечала интересам СССР.

С другой стороны, если бы текст секретного протокола случайно или осознанно был разглашен немецкой стороной, в условиях 1939 г. это причинило бы Союзу скорее моральный, чем международно-правовой ущерб. Выставить СССР в свете агрессора, протокол сам по себе возможности не давал.

Парадоксально, но в августе 1939 г. Гитлер уже имел «право» на войну против Польши, договор о ненападении с которой он разорвал еще в мае того же года. На момент начала агрессии Германия уже вышла из Лиги Наций. Берлин по обычному шаблону предусмотрительно развернул пропагандистскую кампанию по поводу действительных и вымышленных нарушений прав немецкого населения в Польше. Непреклонная позиция Варшавы, которая еще 31 марта 1939 г. получила англо-французские «гарантии», давала Гитлеру возможность ссылаться на «неуступчивость» польской стороны, а это перекладывало вину за срыв переговоров на поляков. Тем самым нацистский фюрер уже обычным путем создавал правовой повод для войны против Польши.

Действия Союза ССР никаким образом не влияли на это немецкое «право» на войну. Одновременно и подписание пакта о ненападении с Германией, и секретного протокола 23 августа 1939 г. принципам *jus cogens* того времени не противоречили, поскольку формально Москва обещала Германии ненападение на нее, а не агрессию против Польши.

Можно допустить, что Сталин специально сохранил за Гитлером инициативу в последовательности выдвижения обвинений Польше. В августе 1939 г. Москву устраивал не только военный, но и любой другой сценарий развития немецко-польского

противостояния. Ведь вся подготовительная работа к «мирному» возобновлению советских требований к Польше была проведена еще в 20-30-х гг.

1 сентября 1939 г., после эсесовской провокации с якобы польским нападением на радиостанцию в Гливице, Германия напала на Польшу. Вопреки надеждам Гитлера на пассивность Парижа и Лондона, 3 сентября 1939 г. в войну оказались вовлечены Англия и Франция.

Реакция СССР на немецкую агрессию, указывал польский эмигрантский специалист по вопросам международных отношений и международного права Р. Дебицки, на первых порах не внесла изменений в отношения с Польшей. Когда польский посол официально оповестил Советский Союз о немецком нападении и выплывающее из него состоянии войны между Польшей и Германией, Молотов не требовал у Гжибовского официального заявления о неспровоцированной агрессии, чем непрямо признал ее существование. Казалось бы, он был настроен скептически к возможности французского и британского вмешательства. В то же время Шаронов предложил переговоры о поставке в Польшу сырья из Советского Союза. Но когда 8 сентября Гжибовский обратился к Молотову с этим вопросом, то получил отказ. Ему сообщили, что Польша в глазах Москвы идентифицировала себя с Великобританией, Германией, и Советский Союз желает оставаться вне конфликта^[284].

8 сентября 1939 г. Исполнительный комитет Коминтерна разослал коммунистическим партиям директиву, которая приказывала признать войну несправедливой со стороны всех ее участников и выдавать виновников войны каждой коммунистической партии в своей стране^[285]. Вне сомнений, данное

указание не прошло мимо внимания спецслужб европейских стран — участниц военного конфликта.

15 сентября 1939 г. ТАСС обнародовал официальную информацию о «Нарушении границы СССР немецким самолетом»: под г. Олевск (Украина) пулеметным огнем подбит немецкий двухмоторный бомбардировщик, экипаж которого в составе пяти человек отправили в Киев, а самолет взят под охрану^[286]. Нужно полагать, эта информация была отслежена в британском и французском посольствах.

Тем временем, начиная уже с 3 сентября 1939 г., гитлеровская дипломатия пыталась сделать то, что должно было бы быть решено Риббентропом в Москве еще 23 августа. Тогда рейхсминистр не обсуждал возможную общую немецко-советскую акцию против Польши (весьма вероятно, что Гитлер, не веря в возможность англо-французского вмешательства, посчитал лучшим иметь с ней дело «один на один»).

Но сразу после вступления Англии и Франции в войну против Германии, началось немецкое давление на Москву с целью привлечения ее к военным акциям против Польши.

Этой точки зрения придерживаются и зарубежные историки. «Воскресным вечером 3 сентября, в тот же день, когда Объединенное Королевство и Франция объявили войну Германии, — пишет А. Ситон, — фон Риббентроп попросил Советский Союз совершить немедленную военную акцию против Польши и оккупировать территории, ранее согласованные в его сферах интересов»^[287].

Немецкие намерения втянуть СССР в войну были настолько прозрачны, что Москва даже не нуждалась в особенном аргументировании своего отказа. 5 сентября в Берлин пришло послание посла в Москве Шуленбурга, в котором указывалось, что «Молотов решительно

возражает против поспешной оккупации советской сферы»[\[288\]](#).

По мере немецкого продвижения вглубь Польши, тон советской дипломатии изменился. 10 сентября Шуленбург после разговора с Молотовым передал в Берлин, что Советы не готовы к крупномасштабной военной операции и по этой причине «просят по возможности еще о двух-трех неделях для своей военной подготовки». В этом же послании немецкий посол сообщил, что Советский Союз настаивает на том, что его акция объясняется тем, что он «придет на помощь украинцам и белорусам, которым угрожает Германия»[\[289\]](#).

Немецкую сторону такая постановка вопроса не устроила. Берлин предложил объяснить ожидаемое советское вмешательство как общие действия обеих сторон с целью «установления нового порядка в Европе». Вне сомнений, в таком случае Англия и Франция были бы просто вынуждены объявить войну СССР.

14 сентября посол Шуленбург передал рейхсминистру Риббентропу, что «для политической мотивации советской акции (расчленения Польши и защиты российских меньшинств) самым важным является воздержание от акции до того времени, пока правительственный центр Польши, Варшава, не упадет»[\[290\]](#).

Реакция Берлина была быстрой. Уже 15 сентября посол в Москве получил инструкции передать советской стороне, что «в случае отсутствия российского вмешательства, политический вакуум на землях, лежащих на запад от немецкой сферы влияния, может и не образоваться. Без вмешательства Советского правительства тут могут быть сформированы новые государства»[\[291\]](#).

Намек был прозрачен. В Москве еще не забыли многомесячную эпопею с Карпатской Украиной, чье полусамостоятельное существование из всех Великих держав поддерживала (до февраля 1939 г.) только Германия. В этом же послании находилось предложение коммунике об общих действиях двух государств с целью «внесения нового порядка и создания естественных границ»^[292]. 16 сентября посол сообщил рейхсминистру об отказе Молотова от коммунике в немецкой редакции^[293]. Пока в Берлине думали, каким еще способом надавить на несговорчивую Москву, наступила развязка.

17 сентября во втором часу ночи (!) немецкий посол был вызван к Сталину, Молотову и Ворошилову, где ему предложили ознакомиться с советской нотой польскому правительству, и сообщили, что акция начнется в шесть часов утра^[294]. С учетом всех масштабов проводимой операции и задействованных в ней сил, штабы Красной армии должны были получить соответствующие приказания — с указанием точного времени «Х», — по крайней мере, за двое суток до акции. И действительно рядовые бойцы военных частей и объединений Красной армии были оповещены о будущей акции против Польши не позже ночи с 15 на 16 сентября, а весь день 16 сентября в военных подразделениях проходили митинги, посвященные будущему походу^[295].

Риббентропу, конечно, могли бы доставить текст Заявления советского правительства и в более раннее время. Замысел Сталина и его окружения лежит на поверхности — поставить немецкого посла и гитлеровскую дипломатию в положение жесткого цейтнота, чтобы избежать дискуссий вокруг официального объяснения причин советского вмешательства.

Берлин не скрывал своего разочарования. Только 19 (!) сентября, по свидетельствам У. Ширера, Риббентроп телеграфировал послу в СССР: «Скажите Сталину, что сделки, которые я подписал в Москве, будут, конечно, исполнены»^[296].

В литературе описаны столкновения передовых отрядов советских и немецких войск, которые сопровождались взаимными потерями живой силы и военной техники. Приблизительно двое суток не было полной уверенности в том, как будут разворачиваться дальнейшие события.

Если бы советская акция 17 сентября 1939 г. получила официальное объяснение общих с Германией действий с целью установки причудливого «нового порядка», рассчитывать на то, что Англия, Франция, США и Британские доминионы признают соответствие воссоединения западноукраинских и западнобелорусских земель нормам международного права, не приходилось вообще.

Польского посла в Москве В. Гжибовского вызвали в Кремль в тот же день в три часа дня. Ему сообщили, что: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это означает, что польское государство и правительство фактически прекратили существование. Тем самым прекратили действие договоры, которые были заключены между СССР и Польшей...»; после этого было объявлено о решении советского правительства «взять под защиту» единокровное украинское и белорусское население. Зачитывал текст Заявления советского правительства В. Потемкин — фигура в НКВД не последняя, но меньшего масштаба, чем И. Сталин или В. Молотов, которые общались с Шуленбургом^[297].

Копия советской ноты на имя польского посла Наркомат иностранных дел передал всем

правительствам, с которыми в то время Союз ССР поддерживал дипломатические отношения. 18 сентября 1939 г. в средствах массовой информации были опубликованы стандартные тексты нот от 17 сентября того же года послам и посланникам указанных государств: «Имею честь по поручению Правительства заявить Вам, что СССР будет проводить политику нейтралитета в отношениях между СССР и (название страны)»^[298].

Провозглашенный нейтралитет Советского Союза создавал правовую базу для действий Москвы. СССР формально не объявлял войну Польше, вступление Красной армии на территорию соседней страны аргументировался соображениями гуманности — «взять под защиту единокровное население». Рижский договор в той части, касающейся международных границ, де-юре сохранял свою силу.

У союзников Польши — Англии и Франции — был небольшой выбор. Или немедленно объявить войну Советскому Союзу и, учитывая нормы международного права того времени, попасть де-юре в разряд государств-агрессоров, или в полном соответствии с этими же нормами передать спорный вопрос в Лигу Наций. С политической точки зрения обострение отношений с Союзом ССР было нецелесообразным. А рассмотрение вопроса о правовой основе советского военного присутствия на польской территории в Лиге Наций затянулось бы на долгие месяцы. Вторая Речь Посполитая тем временем отсчитывала свои последние часы перед полной оккупацией.

К этому времени положение на польско-немецком фронте стало критическим. Польское правительство и командование вооруженных сил перед 17 сентября 1939 г. уже не имели ни малейших сомнений в

отношении перспектив военной кампании против Германии.

Уже 9 сентября польский вице-министр иностранных дел Шембек обговаривал с французским послом Ноелем вопрос о предоставлении польскому правительству «убежища» на территории Франции. Соответствующие заверения министр Бек получил от Ноеля 11 сентября^[299]. Днем 14 сентября польское правительство и президент И. Мосцицкий перебрались в городок Куты на румынской границе. 17 сентября к ним присоединился и «верховный главнокомандующий» Е. Рыдз-Смиглы.

Как пишет польский историк М. Станевич: «Никому из этих беглецов, что забились 17 сентября в переполненные чемоданами лимузины, стоявшие около румынского приграничного поста, и в голову не пришло, чтобы вернуться к воюющим отрядам, прорваться в столицу или Модлин»^[300]. Позже, уже в эмиграции, президент И. Мосцицкий за свою «смелость», проявленную в сентябре 1939 г., едва не попал под трибунал соотечественников.

Названные факты не влияют на риторичность оценок внешнеполитической акции СССР, высказанных некоторыми отечественными, зарубежными историками международного права и международных отношений.

По мнению О. Овчаренко, «участвуя в общей с гитлеровской Германией агрессивной акции против суверенного государства, руководство СССР нарушило, как минимум, пять международных договоров, под которыми стояли подписи его представителей: Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., пакта Бриана-Келлога, Конвенции 1933 г. об определении агрессии, инициатором подписания которой был СССР, договора о ненападении между СССР и Польшей 1932 г. и протокола 1934 г., который продолжал действие

названного договора до 1945 г. Все они содержали статьи, обязывающие участников воздерживаться от насильственных действий в отношении других равноправных субъектов международного права»^[301].

Серьезные западные ученые избегают подобной категоричности. В особенности, такой авторитетный знаток международного права, как Д. Боуэтт (Великобритания), давая характеристику миротворческим усилиям Лиги Наций, отметил: «Такой была система, сама по себе не работающая. После первого успеха в урегулировании греко-болгарского кризиса 1925 г., меньшего очевидного успеха в деле Чако 1928 г. Лига бессильно наблюдала за вторжением в Маньчжурию в 1931 г., итальянско-абиссинскую войною в 1934-1935 гг., немецким маршем в Рейнскую зону, в Австрию в 1938 г., в Чехословакию в 1939 г., советским вторжением в Финляндию и, наконец, — за немецким вторжением в Польшу в 1939 г.»^[302].

В этом, практически полном списке актов, есть советская агрессия против Финляндии, но отсутствует напоминание о «марше в Польшу» Красной армии в сентябре 1939 г. Случайно ли это?

Вначале вернемся к аргументам О. Овчаренко, тем более, что их в полной мере разделяет и современная польская научная школа.

В частности, в польской науке принято считать, что: «Советские войска, вторгнувшись в Польшу и присоединив польские восточные территории к своему государству, не только грубо нарушили подписанный двумя сторонами Рижский трактат — признанный государствами — членами альянса решением конференции послов 15.03.1923 г., во исполнение п. 87 Версальского трактата, но также четыре других добровольных обязательств:

- пакт о ненападении между Польшей и СССР, подписанный 25.07.1932 г., а в день 5.05.1934 г. продолженный до 31.12.1945 г.;
- обязательства по предотвращению войны в польско-советских отношениях от 1929 г.;
- конвенцию, определяющую агрессора от 24.05.1933 г.;
- конвенцию о (правовом) определении нападения, подписанную 3.07.1933 г. в Лондоне, в которой в п. 2 четко даны определения государства как агрессора.

Советский Союз, перекраивая силой оружия, западные границы Польши без объявления войны, грубо нарушил Постановления III Гаагской конвенции 1907 г., касающейся процедуры начала войны. Вторжение советской армии на территорию Польши, с которой Советский Союз поддерживал нормальные дипломатические отношения, указывало также на грубые нарушения международных обязательств Парижского пакта 1928 г. (...) Из этого исходит то, что вторжение на территорию Польши советской армии было нарушением международного права и взаимно подписанного пакта о ненападении от 1932 г., продолженного до 1945 г., также и других обязательств и конвенций, подписанных представителями двух государств»^[303].

Аргументы польской стороны да и добровольных украинских помощников являются не безупречными, а во многих случаях — тенденциозными. Например, упоминание о конвенции от 24 мая 1939 г., как действующего документа международного права в 1939 г., совершенно не обосновано. Как известно, после долгих дебатов (15 марта — 23 мая 1933 г.) Комитет по безопасности европейской конференции по вопросу разоружения принял проект Акта об определении

нападающей стороны и текст Европейского договора о взаимной помощи. Но он должен был составить лишь приложения к конвенции о сокращении и ограничении вооружения, а последние так никогда и не были подписаны^[304]. Со времени Рима правовой аксиомой определяется тот факт, что в случае недействительности основного договора, не вступает в силу и акцессорный.

Исполнения правительствами заинтересованных стран (включая, конечно, и СССР) условий этого «акцессорного» договора было актом доброй воли, отказаться от которого позволяли соображения неподписания ведущими европейскими странами международных конвенций о разоружении на протяжении длительного периода.

Соглашаясь с проектом акта об определении нападающей стороны, Советский Союз делал это с целью подтолкнуть всех партнеров по переговорам к активным действиям. Но с 1933 г. ситуация коренным образом изменилась — практика международных отношений и международное право в 1935, 1936, 1937, 1938 гг., и, наконец, в первой половине 1939 г. никак не благоприятствовали и тем более не применяли указанный Акт и разработанные этим документом стандарты.

Фактически указанный акт об определении нападающей стороны в силу отсутствия его правового закрепления в Конвенции о сокращении и ограничении вооружения, а также вследствие неприменения в поточной практике международной жизни имел для Союза ССР ту же международно-правовую силу, что и односторонняя декларация. В свою очередь польский знаток международного права Т. Ясудович указывает, что в международном праве «известны случаи использования нормы *rebus sic stantibus* (о ней далее. —

Примеч. авт.) для освобождения от обязательств, которые вытекают из односторонних деклараций. Необходимо обратить внимание на то, что в этих случаях односторонние декларации были связаны с общими международными условиями или в них зарождались»^[305]. По всей вероятности, это тот самый случай.

Что касается ссылок польской стороны на нарушение III Гаагской конвенции 1907 г., то и они больше эмоциональны, чем действительно научны. Гаагская конференция мира 1907 г. зиждется на полном признании *jus ad bellum* (права войны), и основные усилия ее участников были направлены на достижение соглашений, которые бы урегулировали военные операции и уменьшали уничтожающие войны, в частности определения процедурной необходимости «объявлять войну». В свою очередь, ст. 3 IV Гаагской конвенции устанавливала, что военные действия неправомерны лишь в той мере, в которой они противоречат нормам права войны.

Ставить в вину Советскому Союзу то, что он будто бы начал войну против Польши без формального оглашения войны (как это требовали Гаагские конвенции), значит, сознательно передергивать факты. Во-первых, польский посол в Москве был информирован о том, что мотивы советского правительства в связи с акцией 17 сентября 1939 г. носили не военный, а гуманитарный характер. Позже польское правительство в эмиграции не расценивало, во всяком случае, де-юре, свои отношения с СССР как состояние войны — ни в сентябре 1939 г., ни после. Во-вторых, подобную оценку («не войны») действиям советской стороны в отношении Польши давали в 1939 г. и союзники последней, а также и США. С правовой точки зрения, норм *de lege lata* — действующих на момент 1939 г. международного права,

ввод советских войск на территорию Второй Речи Посполитой началом войны быть трактованным не мог и не был.

Зачем же спрашивается, эта сомнительная ссылка? Может, ответ дает ст. 3 Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и порядке сухопутной войны: «Воюющая сторона, которая нарушит решения указанного Положения, должна будет возместить убытки, если для этого есть основания. Она будет ответственна за все действия, совершенные особами, которые входят в состав ее вооруженных сил».

Представляет интерес и ст. 53 указанной конвенции: «Армия, которая занимает область, может завладеть лишь деньгами, фондами и долговыми обязательствами, являющимися собственностью государства, складами оружия, перевязочными средствами, магазинами и запасами провианта и вообще всей собственностью государства, которая может служить для военных действий. Все средства (...), если даже они принадлежат частным лицам, тоже могут быть захвачены, но они должны быть возвращены с возмещением убытков, при заключении мира»^[306].

Как известно, Россия в свое время подписала эту конвенцию (хотя и с определенными оговорками в ст. 44). Если действия СССР квалифицировать, как нарушение международного права в общем и указанной конвенции отдельно, то вывод напрашивается сам по себе. Имущество польских граждан (в первую очередь недвижимость) изымалось, начиная с осени 1939 г. На основании чего? Решений самоуправляемых Народных собраний (тогда это национализация, внутреннее дело), или в силу необходимости оккупационной армии и оккупационной власти (вступает в действие III Гаагская конвенция)?

Участники пакта Бриана-Келлога (т. е. Парижского пакта 27 августа 1928 г.) осудили «обращение к войне для урегулирования международных споров» и отказались от войны «в роли орудия национальной политики» (ст. 1). Однако ни Советский Союз Польше, ни Польша Советскому Союзу, как уже указывалось, войны не объявляли. Таким образом, в соответствии с международным правом того времени (обратим внимание и на благо обоих будущих союзников), де-юре ни одной «войны», несмотря на сотни убитых и десятки тысяч интернированных, как бы и не существовало. Этим самым хотя бы часть обвинений снята.

Остается же самый убедительный аргумент — пакт о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., действие которого 5 мая 1934 г. было продолжено до 31 декабря 1945 г. В этом конкретном случае позиции польской стороны представляются вроде как более сильными. На самом же деле ст. 1 указанного пакта провозглашала: «Действиями, что противоречат обязательствам данной статьи, будет признан всяческий любой акт насилия, который нарушает целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны, которая договаривается, даже если эти действия без объявления войны и исключения всех ее возможных проявлений». Указанное требование дополняется обязательством не принимать участия в каких-либо договорах, враждебных другой стороне, и не оказывать поддержку, прямую или посредническую, нападающей стороне^[307].

Современное международное право признает за своими субъектами право на самозащиту в случае враждебного нападения. В международном праве до 1945 г., как уже говорилось, это неотъемлемое право трактовалось намного шире, даже как право на т. н.

самопомощь. То есть государство, которое считало, что действие другого субъекта международного права представляют угрозу для ее жизненно необходимых интересов (а последние трактовались весьма обширно), могло в соответствии с действующим международным правом прибегнуть к силовым действиям для устранения этой угрозы.

Ввод советских войск на территорию Восточной Польши видится в правовом отношении (с позиции *de lege lata*) оправданным действием в связи с необходимостью защиты жизненно важных интересов СССР, для которого была очевидна агрессивность и непредсказуемость поведения гитлеровской Германии. Пакт Риббентропа-Молотова не мог рассматриваться как действенный гарант мира. Напомним, у Гитлера был точно такой пакт с Польшей, расторгнутый Берлином всего за четыре месяца до начала мировой войны.

В международном праве действует доктрина *rebus sic stantibus* — предостережение о сохранении силы договора лишь при неизменном положении вещей.

Советские договоры с Польшей подписывались из расчета на то, что польское государство сбережет свой суверенитет и сыграет роль своеобразного щита между СССР и агрессивными государствами.

Можно ли было 17 сентября 1939 г. допустить, что независимая Польша, с которой СССР подписывал пакт о ненападении, будет продолжать свое существование, как субъект международного права? Или следовало ждать, когда Германия оккупирует все польские земли и по своему усмотрению решит, что делать с урегулированной советской сферой влияния: передать венграм, создать марионеточное польское государство в новых границах или разрешить А. Мельнику сформировать свое правительство в Западной Украине?

Наконец, уже одно то, что немецкие войска вошли во взаимно урегулированную советскую сферу

интересов, а Берлин открыто продемонстрировал свое намерение или передать эти земли Венгрии^[308], или создать марионеточное «Украинское» (вариант «Галицкое») государство, уже само по себе могло трактоваться, как посягательство на нарушение условий секретного протокола. Таким образом, договора, которые были подписаны 23 августа 1939 г., не обеспечили реальную безопасность на западных границах СССР.

Любой вариант развития событий без советского вмешательства (марионеточная Польша, союзная Германия — как пример словацкого государства Тиссо или Хорватского Павелича), угорская оккупация «Галичины» (Украины), полная оккупация территории довоенной Польши вермахтом и т. д. представляли реальную угрозу для интересов СССР.

Еще до советской акции 17 сентября 1939 г. подобным образом в аналогичных условиях угрозы собственным интересам действовали и другие Великие державы: Франция, Великобритания, США. На раннем этапе войны вплоть до принятия известной Атлантической хартии они не ставили под сомнение «право» силой оружия брать под контроль иностранные территории, которые представляли для них интерес.

Так, утвержденный 5 февраля 1940 г. Верховным советом союзников (Франция и Англия) план действий предусматривал как нарушение нейтралитета и суверенитета Скандинавских стран (Норвегии и Швеции) — военную оккупацию Нарвика, Тронхейма, Бергена и железнодорожной ветки до Лулео на берегу Ботнического залива. Юридическим прикрытием должна была стать резолюция Лиги Наций, которая призывала всех членов организации оказывать помощь Финляндии^[309].

10 мая 1940 г. английские и французские войска оккупировали принадлежащие Голландии острова Аруба и Кюрасао. Формальные основания — стремление предотвратить захват Германией ресурсов голландских колоний.

Еще в апреле 1940 г. в правительственных кругах США обсуждались планы установления американского контроля над Британской и Французской Гвинеей. После разгрома Франции не только голландские острова, но и французские владения — Мартиника, Гваделупа, Французская Гвинея — Соединенные Штаты рассматривали как «ничейные» территории^[310].

17 июля 1940 г. Конгресс США принял закон о том, что Соединенные Штаты не признают перехода какой-либо территории в Западном полушарии от одного неамериканского государства к другому. Это означало, что французские владения в Западном полушарии в случае раздела французской колониальной империи могут перейти к США (или получить формальную «независимость»), но не Германии и даже не Англии.

Со временем в окружении Рузвельта взяли вверх элементы, которые считали необходимым не афишировать свою заинтересованность в разделе «наследства» европейских колониальных империй, захваченных Гитлером. 10 апреля 1941 г. сенат и палата представителей на совместном заседании Конгресса утвердили закон о «Трансфере территории в Западном полушарии» (55 ст. 133), согласно которого «1. Соединенные Штаты не признают ни одного трансфера и не дадут молчаливого согласия ни на одну попытку трансфера какого-либо географического региона этого полушария от одного неамериканского государства до другого неамериканского государства; если такой трансфер или попытка трансфера возникнет, Соединенные Штаты проведут, в

дополнение к другим мероприятиям, срочные консультации с другими американскими республиками, лишь бы определиться с теми шагами, которые необходимо осуществить для защиты их интересов»[\[311\]](#).

После захвата Гитлером Дании сначала английские, а позже и американские войска (США в то лето 1941 г. еще формально в состоянии войны не были) высадились в Исландии, которая еще в 1918 г. вошла в особую унию с оккупированной немцами Данией. И, хотя при этом было заявлено, что после окончания военных действий оккупационные войска покинут остров, определенные преимущества (не только военно-стратегические, но и экономические) от нарушения суверенитета Исландии англо-американские оккупанты получили.

Под предлогом недопущения усиления позиций противника (Германии) в формально суверенной стране Иран, Великобритания и СССР совместно ввели туда свои войска (август 1941 г.). Мир с пониманием воспринял эту акцию.

Опираясь на эти факты, констатируем, что повод предотвращения захвата недружественной страной суверенных государств (Исландия, Ирак) или колоний (французских, бельгийских) для обоснования правомерности их оккупации собственными армиями в годы Второй мировой войны использовался и демократиями.

Следует особо отметить, что указанная практика не была отождествлена с т. н. правом войны, поскольку, например США, вводя оккупационные войска в Исландию в августе 1941 г., формально не были в состоянии войны ни с одной страной мира.

Советская дипломатия (особенно после 22 июня 1941 г.) постоянно разъясняла акцию 17 сентября

1939 г. как шаг вынужденный и направленный на защиту интересов собственной безопасности.

Известно также, что советская мотивация Освободительного похода вызвала существенное недовольство Берлина: «взять под защиту единокровное население». От кого?

Советское правительство в сентябре 1939 г. делало все возможное, лишь бы формально отмежеваться от гитлеровской агрессии в Польше. В приказе — обращении военных советов фронтов разговор шел о защите местного населения от жандармов и завоевателей, о защите имущества граждан, о лояльном отношении к польским военным служащим в том случае, если они не оказывают сопротивление Красной армии. Войскам запрещалось бомбить авиацией города^[312].

В обращении военного совета Украинского фронта к населению говорилось: «Мы идем в Западную Украину не как завоеватели, а как освободители наших украинских и белорусских братьев. Мы освободим белорусов и украинцев раз и навсегда от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов»^[313].

Эти пропагандистские мероприятия дали ожидаемые результаты. Даже по наиболее пессимистическим подсчетам, советские потери во время т. н. Освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию были на фоне грандиозных событий незначительными: 1139 убитыми и 2383 ранеными^[314]. Официальные советские данные были приблизительно вдвое меньше: соответственно 737 убитыми и 1862 ранеными. Для сравнения, гитлеровцы в сентябре 1939 г. потеряли лишь убитыми более 37 тыс. чел. Потери Красной армии могли быть большими, если бы польская сторона расценивала

Освободительный поход как агрессию против Второй Речи Посполитой. Подсчитано, что в польской армии 17 сентября 1939 г. насчитывалось около 650 тыс. военнослужащих, из них 440 тыс. воевало против немцев^[315]. Польские историки указывают, что на 15 сентября 1939 г. в районе Восточной Польши, то есть восточнее линии Висла — Сан, скопилось 340 тыс. польских солдат и офицеров; эти силы имели в своем распоряжении 540 пушек и минометов, 160 противотанковых орудий и более 70 танков^[316]. Без сомнений, в случае недостаточных аргументов для акции 17 сентября 1939 г. советские потери могли быть не меньше немецких.

Советские власти интернировали около 230 тыс. польских солдат и офицеров^[317]. Если принять во внимание, что часть военнослужащих просто дезертировала, то можно сделать вывод о желании польских военных в сентябре 1939 г. сложить оружие именно перед Красной армией, подобно тому, как немцы в мае 1945 г. предпочитали сдаться в плен англо-американцам, а не большевикам. Можно также сделать вывод о лучшем отношении населения Польши и остатков ее армии к Союзу ССР, чем к Германии в сентябре 1939 г. И этот момент позднее использовала Москва. Гитлер так и не осмелился на проведение плебисцита даже в районах, населенных до Первой мировой войны преимущественно этническими немцами и присоединенных непосредственно к рейху осенью 1939 г. А Сталин определенное время мог рассчитывать даже на симпатии части поляков, особенно дезориентированных коммунистической интернациональной пропагандой.

В отличие от армии и населения, реакция польских правительственных кругов на ввод советских войск в Восточную Польшу с самого начала была резко

негативной. Польский посол в Москве Гжибовский пытался протестовать против текста Заявления советского правительства, которое ему зачитал в Кремле В. Потемкин. Под предлогом, что польское правительство якобы нормально исполняет свои обязанности, посол заявил, что аргументы советской стороны, поясняющие ввод войск намерениями взять под защиту жизнь и имущество «единокровного населения», являются безосновательными.

В тот же день, еще формально пребывая на польской территории, правительство Второй Речи Посполитой перед будущим побегом в Румынию попробовало выдать из себя протест: «Польское правительство протестует против изложенных в ноте мотивов советского правительства, поскольку польское правительство исполняет свои нормальные обязанности, а польская армия успешно дает отпор врагу»^[318]. Это было, мягко выражаясь, не совсем правдой. Показательно, что впервые указанный «протест» удалось обнародовать больше, чем через неделю после побега, и то далеко за пределами Польши.

Нормами права допускается аннулирование межгосударственного договора, если государство-контрагент прекращает существование. Кстати, именно такой аргумент содержала советская нота, зачитанная польскому послу в ночь на 17 сентября 1939 г.

Действительно ли польское государство прекратило свое существование и насколько для этого приложило руки советское политическое руководство?

Львовские историки Л. Зашкильняк и М. Крикун утверждают, что «попытки специальных советских войск захватить в плен польских государственных служащих завершились неудачей»^[319]. В работах западных авторов встречаем другую распространенную

версию советского намерения решить проблему польского правительства — за день до обнародования советского Заявления от 17 сентября (то есть 16 сентября 1939 г.) советский полпред М. Шаронов будто бы покинул польский правительственный обоз за два часа до немецкой бомбежки. Так, по логике *qui prodest*, не исключено, что сама Москва дипломатическими каналами передала немцам ориентиры для бомбового удара по польскому правительству с целью его физического уничтожения (на самом деле же отъезд Шаронова имел место еще 10 сентября).

Действительно ли Кремль был заинтересован в таком развитии событий? Что давало Москве физическое уничтожение или плен (кстати, именно на пути в Румынию диверсионной группой был перехвачен небезызвестный ген. В. Андерс) членов польского правительства руками чужими или собственными?

Международное право не признает прекращение существования государства, если его высшие органы продолжают поддерживать государственный суверенитет в эмиграции.

В противовес надеждам Е. Рыдз-Смиглы, что румыны 17 сентября 1939 г. пропустят польское командование и польское правительство через свою территорию во Францию, румынские власти под давлением Германии и СССР интернировали это правительство и верховное командование на свою территорию^[320]. Это интернирование польского правительства не дало ожидаемого в Москве (да и в Берлине) эффекта прекращения существования субъекта международного права.

Интернированный властями Румынии президент Польши Игнаций Мосцицкий, не имея свободы передвижения, определил в соответствии с действующей Конституцией 1935 г. своим преемником

В. Длугошевского, а далее пребывающего во Франции Владислава Рачкевича, бывшего председателя польского сената.

Новоназначенный президент Речи Посполитой уже 30 сентября 1939 г. окончательно огласил о том, что им создано новое правительство Польши под председательством премьера В. Сикорского (генерал-беженец добрался в Париж 22 сентября 1939 г.). В состав правительства, находящегося во французском городке Анже (Anger), вошли представители разных групп польской эмиграции: от т. н. «Фронт Морж» (Сикорский, Кароль Попель, Витос), т. н. Группы Торгового банка (Залесский, Соснковский) и от ряда мелкобуржуазных партий. В тот же день В. Сикорский сформировал полный состав Кабинета министров, безотлагательно признанный как действующее правительство Польши правительствами Франции и Великобритании. США признали его 2 октября 1939 г.

Тогда же, 30 сентября 1939 г. польский посол в Лондоне Е. Рачинский подал английскому министерству иностранных дел ноту протеста, в которой от имени новосозданного правительства заявил, что Польша никогда не признает акт насилия и во имя справедливости будет бороться за освобождение оккупированных территорий. Героическая оборона Варшавы, Вильно, Львова, Гдыни и Молина доказывают, что Польша хочет быть свободной и независимой^[321].

Обратим внимание, что из 5 названных в ноте символов польской «героической обороны» два попали в советскую (Вильно был вскоре передан Литве) зону вторжения. Как вытекает из текста ноты, польское эмигрантское правительство буквально с первых часов своего существования не делало принципиальной разницы между оккупацией немецкой, открытой, и

вводом советских войск, камуфлированного под т. н. Освободительный поход.

Что касается советских структур власти, то осенью 1939 г. Москва твердо стояла на том, что Польша прекратила свое существование, как субъект международного права. Территория ее посольства и консульских представительств в Ленинграде, Киеве и Минске не была передана под опеку третьего государства, как это принято в практике дипломатических отношений при сохранении признания факта существования субъекта международного права, а изъята на пользу СССР. Польский консул в Киеве Е. Матусинский исчез в подвалах НКВД^[322], другие консульские работники, благодаря вмешательству немецкого посла Шуленбурга, получили разрешение на выезд из СССР. 11 октября 1939 г. польские дипломаты во главе с бывшим послом в СССР В. Гжибовским прибыли в Финляндию.

Возникает далеко не академический интерес вопроса, действительно ли польское государство прекратило свое существование как субъект международного права по утверждению советского правительства? Обратимся к мнению такого признанного знатока международного права, как А. Фердросс:

«IV. Беспрерывность существования государств. (...) Государство продолжает существовать в понимании международного права даже и тогда, когда она временно не владеет центральной властью (...)

b) Это бывает даже в том случае, когда государство во время войны полностью оккупировано;

c) (...) Государство может перенести тотальную иностранную оккупацию с намерением аннексии, как это вытекает с автоматического возрождения Албании,

Эфиопии, Австрии, Чехословакии, после изгнания сил, которые ее аннексировали. Поэтому аннексия, осуществленная международно-неправомерным способом, не уничтожает международно-правовое государство, но временно его приостанавливает (suspendiert).

V. Прекращение существования государств. Суверенное государство перестает существовать, если оно станет членом другого государства, аннексируется другим государством (...) Государство не перестает существовать в результате государственного переворота или революции. Даже захват противником всей ее территории (debelatio) сам по себе не приостанавливает существование побежденного государства, даже если его и продолжают защищать союзники, или страна, что победила, не имеет намерения аннексировать побежденную. Поэтому государство остается тем же субъектом международного права, пока народ не будет остаточно поглощен другим государством или же разделенный несколькими государствами»[\[323\]](#).

При любых подходах к оценке международно-правового значения Народных собраний (об этом будет разговор далее) следует, однако, признать, что в конце сентября — в начале октября 1939 г. польское государство продолжало де-юре существовать как субъект международного права (понятно, что в довоенных границах), а правительство, созданное в эмиграции, было легитимным и имело право представлять Польшу.

Эмоциональный (но не международно-правовой) характер носят обвинения Советского Союза в том, что своими действиями он, начиная с августа 1939 г. (от пакта Молотова-Риббентропа), как бы прямо провоцировал агрессора, поэтому несет

ответственность за развязывание Второй мировой войны на равных основаниях с гитлеровской Германией.

Берлин готовил войну против Польши, не связывая это с позицией СССР. Как было установлено на Нюрнбергском процессе, уже в мае 1939 г. немецкое главнокомандование подготовило окончательный план нападения на эту страну, который А. Гитлер обосновал так: «Не право, а победа! Победителя никто не спросит о праве»^[324].

В международном праве действительно существует понятие не прямой или непосредственной ответственности, но, разумеется, она очень конкретизирована, и совсем в другом ключе. «Государство, — пишет Д. Анцилотти, — отвечает (лишь) за действия, которые в соответствии с изложенными правилами, могут быть поставлены ей в вину. Как исключение может возникнуть ситуация, что одно государство должно нести ответственность за действия, поставленные в вину другому государству. В этом случае говорят о не прямой ответственности». По мнению авторитетного юриста «общее правило» состоит в том, что государство — протектор несет ответственность за действия протектората, тому вопрос об ответственности федеративного государства за действия отдельного субъекта этого федеративного государства есть «спорным»^[325]. Все! Каждый суверенный субъект международного права есть абсолютно самостоятельный в своих действиях, потому говорить о непосредственной ответственности другого субъекта за такие действия можно лишь оглядываясь на нормы морали, а не права.

В. В. Симиндей
«Антисоветский флирт»
авторитарной Латвии (1934–
1940): между Лондоном,
Парижем, Римом и Берлином

Сложные переплетения внешнеполитических, военных и экономических процессов в 1930-е гг. на европейском континенте оставили своеобразный отпечаток на восприятии Латвией, ее властными группировками и обществом, своего места в мире. После утверждения в Германии экспансионистского гитлеровского режима, опиравшегося на чело́веконенавистническую идеологию и прямое насилие, Латвии предстояло определиться в стратегии и тактике отношения к нацистскому Берлину, а также выстраивания связей с соседями, включая СССР, и странами Запада. Утверждение на латвийской земле авторитарного правления с профашистской идеологией оказало ключевое влияние на формирование стереотипов, предпочтений и антипатий официальной Риги к ведущим акторам в мировой политике. Прослеживая «дипломатию кульбитов» и особенности режима, характерные для Латвии в период диктатуры Карлиса Улманиса (1934–1940), можно уяснить закономерности провала противоречивых попыток сохранить нейтралитет и «вождистскую» государственность в условиях начавшейся Второй мировой войны и неизбежного драматического столкновения СССР и Германии.

Приход в январе 1933 года к власти в Германии Гитлера означал образование в центре европейского континента очага военной опасности. Идеология нацистов, их внешнеполитическая доктрина опиралась на представления о расовом превосходстве «арийцев» и требования мировой гегемонии «тысячелетнего рейха». В западных столицах с самого начала недооценивали разрушительный потенциал нацизма и настрой гитлеровского руководства на освобождение Берлина от каких-либо военных ограничений Версаля, хотя лозунги пересмотра территориально-политических последствий Первой мировой войны и вызывали нарастающие опасения у ближних и дальних соседей Третьего рейха.

Активизация нацистов уже в 1933 г. привела к существенным изменениям во внешнеполитических подходах советского руководства, сделавшего ставку на поддержку доктрины коллективной безопасности в Европе. Первым плодом этих усилий стало существенное сближение Москвы и Парижа, ознаменовавшееся заключением 16 ноября 1933 г. советско-французского договора о ненападении. Еще раньше, 3 июля 1933 г., ряд стран, включая СССР, Латвию и Эстонию, подписали специальную конвенцию, в которой была дана четкая дефиниция агрессора. Вместе с тем, активность СССР на международной арене по предотвращению фашистской угрозы зачастую вызывала недоверие и подозрительность в странах Центральной и Восточной Европы, многие из которых продолжали оставаться в плену доктрины «санитарного кордона» против коммунизма.

Всю серьезность ситуации со сменой власти в Германии не понимали и в Риге. Латвийский посол в Берлине Э. Криевиньш 31 января 1933 г. писал главе МИД ЛР К. Зариньшу, что кабинет Гитлера является «новым экспериментом» — и еще неясно, кто больше, а

кто меньше имеет повод радоваться. В свою очередь, германский посол в Риге Г. Марциус сообщал своему руководству о том, что латыши опасаются германской угрозы независимости ЛР, хотя антикоммунизм нового правительства Германии вызывает широкое удовлетворение в Латвии^[326]. Попытки латвийской дипломатии как можно скорее успокоить общество не увенчались успехом: госсекретарь МИД Германии Б. фон Бюлов отверг идею подписания совместного коммюнике об отношениях двух стран.

В самой Латвии разворачивалось острое неприятие нацистского режима и его первых репрессивных шагов. Следует отметить, что в 1933 г. Латвийская Республика оказалась на авансцене противодействия гитлеризму и фашизму, однако продержалась там совсем недолго.

4 марта 1933 г. 329 граждан Германии, постоянно или временно проживавших в Латвии, с помпой отправившись на специальном поезде из Риги в Тильзит для участия в выборах рейхстага. Левые и центристы в Латвии восприняли этот жест как враждебный демарш, так как балтийские немцы не скрывали своего желания отдать голоса за партию Гитлера. По возвращении 6 марта, когда уже стало известно о триумфальной победе нацистов, на «политических туристов» напала разгневанная толпа, в которой преобладала левая социал-демократическая молодежь. Этот инцидент вызвал злобную реакцию у нацистского руководства.

Лидер латвийских социал-демократов Б. Калниньш от имени своей партии 8 марта выступил в печати с требованием к правительству ЛР «выдворить из Латвии фашистов-гитлеровцев»^[327]. 17 марта сейм поддержал предложение о высылке фашиствующих иностранцев, закрытии организаций и печатных органов их местных идейных сторонников. В ответ Германия пригрозила торговым эмбарго и высылкой из рейха латвийских

евреев. Кабинет министров ЛР предпочел пойти на уступки и не выполнить антинацистское парламентское решение.

Еще одна тема противостояния возникла после решения германских нацистов о бойкоте еврейских магазинов и предприятий с 1 апреля 1933 г. В ответ латвийские евреи организовали встречную акцию в отношении немецких товаров. Берлин, в свою очередь, нанес удар по латвийской экономике, приостановив импорт масла, составлявший в тот период 51 % от общего объема латвийского экспорта этого продукта^[328]. «Масляная война» была свернута в июне 1933 г., когда стало ясно, что официальная Рига не предпримет практических шагов против нацистов.

Даже с учетом нараставшей опасности со стороны гитлеровской Германии Латвия и Эстония ревностно следили за соблюдением формальных аспектов своего суверенитета в случаях, когда международные инициативы исходили от Москвы или с ее подачи. Так, в январе 1934 г. Рига и Таллин отклонили общее предложение Польши и СССР о предоставлении Прибалтийским странам гарантий их безопасности. Стремительный вираж Варшавы в сторону Берлина и заключение с ним 26 января соглашения о «ненападении и взаимопонимании» подтвердил необходимость рассматривать вопросы безопасности в более широком составе участников, а также укреплять двустороннюю договорно-правовую базу.

20 марта 1934 г. Москва предложила Прибалтийским странам продлить действие договоров о ненападении от 1932 г., которые выразили на это согласие и 4 апреля пролонгировали их сроком на 10 лет.

Весной-летом 1934 г. проходили советско-французские переговоры о широкомасштабной

программе коллективной безопасности, на которых обсуждалась идея заключения Восточного пакта («Восточного Локарно») с участием СССР, Германии, Чехословакии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Франции в качестве гаранта. Германия, Польша, а вслед за ними Прибалтийские страны, так или иначе, отвергли эту инициативу; Финляндия сделала вид, что приглашения к переговорам не получала.

Значительно меньшую щепетильность в отношении своего суверенитета официальная Рига проявляла, добиваясь гарантий безопасности от Великобритании, которую считала своим главным военным союзником. В ответ на все дипломатические заходы латышей Лондон выражал «индифферентность», что позволило послу Латвии в Британии К. Зариньшу прийти к выводу: Туманный Альбион до сих пор заинтересован в существовании Латвии и остальных стран Балтии, но не настолько, чтобы защищать их с оружием в руках^[329]. Латвийский историк А. Зунда, посвятивший монографию двусторонним отношениям с этой страной, отмечает: «Вместе с тем Латвия в середине и второй половине 30-х годов все еще надеялась на возможности экономического и политического сближения с Великобританией. Многократные визиты В. Мунтерса в Лондон и его прием на самом высоком уровне, а также переговоры с английскими руководителями и их туманные обещания заботиться о мире и стабильности в рамках Устава Лиги Наций, сохраняли какие-то надежды. Однако никаких конкретных действий с британской стороны не последовало. Наоборот, в рассматриваемый период Англия всеми силами стремилась добиться соглашения с Германией. Модели такого соглашения неоспоримо затрагивали все

восточноевропейские государства, в том числе Балтию»^[330].

Отмечая нарастающее безразличие Великобритании и Франции к безопасности прибалтийских стран и осознавая слабые перспективы тесного военного сотрудничества с Финляндией и Швецией, МИД Латвии склонился к выводу, что единственным надежным партнером может быть Эстония. 17 февраля 1934 г. союзнические отношения Латвии и Эстонии были значительно укреплены и расширены, включая вопросы регулярной координации внешнеполитической деятельности. Балтийская антанта была открыта для присоединения Литвы, однако из-за «виленского вопроса» и подозрений в «излишнем сближении» каунасской Литвы с Москвой доверительное сотрудничество не складывалось^[331].

Военный переворот в ночь с 15 на 16 мая 1934 г. подвел черту под периодом парламентаризма в истории Латвии и на шесть лет установил диктатуру Карлиса Улманиса. Предпосылки для водворения в ЛР авторитарного режима складывались в течение многих лет. Слабость правительственных коалиций (до переворота сменились 18 составов кабинета министров), острые и зачастую бесплодные дебаты в расколотом на множество фракций сейме, громкие скандалы и коррупция, само наличие 109 зарегистрированных партий вызывали недовольство в политических и военных кругах страны. Однако вместо попыток упорядочения партийно-политической системы (введение 5-7 % барьера на выборах, перерегистрация партий с повышением минимального порога необходимых членов и т. п.) и наряду с проектами конституционных поправок появилась своего рода конкуренция между группировками, готовившими силовое решение проблемы.

Захват власти ставила своей целью профашистская ультранационалистическая группировка «Перконкрустс» во главе с отставным лейтенантом и чиновником Густавом Целминьшем. В этой связи в 1933 г. правительство Улманиса распорядилось о запрете данной организации и аресте ее активистов. «Легионеры» Волдемарса Озолса, состоявшие из ветеранов и отставников, которым не нашлось места в армии, также пытались найти подходы к действующим офицерам. Кроме того, правые опасались активизации своих противников на левом фланге. В ноябре 1933 г. были арестованы депутаты коммунистической фракции в сейме, обвиненные в «государственной измене». Определенные «силовые» позиции сохраняли социал-демократы, имевшие в своем распоряжении Спортивный союз рабочих, в деятельности которого отмечались признаки полувоенной организации^[332]. Сам премьер-министр Улманис уже имел реальную власть и значительные шансы на успешный переворот. К этому его подталкивали неутешительные мысли о том, что на ближайших парламентских выборах руководимый им Крестьянский союз может провалиться.

Большую роль в притягательности силовых методов решения вопроса о власти играл международный климат. К маю 1934 г. Латвия была окружена примерами установления авторитарных режимов: в 1926 г. совершил переворот в Литве А. Сметона и захватил власть в Польше Ю. Пилсудский, в марте 1934 г. организовал путч в Эстонии К. Пятс. Стимулировало потребность в «сильной руке» и германо-польское соглашение о «ненападении и взаимопонимании» от 26 января 1934 г., вызвавшее в латвийском обществе опасения по поводу возможных совместных действий нацистского Берлина и

воинственной Варшавы против Латвии (в то время существовал участок польско-латвийской границы)^[333].

По итогам военного переворота 15 мая, оказавшегося бескровным, были распущены все политические партии, упразднен сейм, частично ликвидированы самоуправления, прекращено («приостановлено») действие Сатверсме (конституции), закрыты многие печатные издания, запрещены собрания и демонстрации, задержаны более 2000 человек, часть из которых была направлена в концентрационный лагерь в Лиепае.

В июньском номере журнала «Айзсаргс» наряду с обильным славословием в адрес К. Улманиса была предпринята попытка обосновать необходимость «вождизма» в Латвии со ссылкой на итальянский фашистский опыт. Статью, в которой прославлялся режим Бенито Муссолини, украшал заголовок: «Вождь народа и значение вождизма. В особенности небольшим народам необходимы могучие и отважные вожди»^[334]. Следует отметить, что и сам Улманис после военного переворота 15 мая часто ссылался на Муссолини и фашистский режим, усматривая в нем образец для подражания в делах управления государством, в социальной политике и формировании образа сильного вождя.

При этом встречного энтузиазма со стороны итальянских фашистов не наблюдалось, за исключением общих мер по популяризации своей идеологии за рубежом, иллюстрациями которых стали визиты в Ригу видных пропагандистов фашизма — Алесандро Паволини (летом 1934 г.) и Ферручо Кабалцара (в 1935 г.). Всерьез брать Латвию в «ученики» и союзники они не собирались. Итальянский исследователь дипломатических отношений с межвоенной Латвией Валерио Перна отмечает, что

Муссолини было приятно получать свидетельства пиетета к его персоне (и фашизму в целом) со стороны официальной Риги. При этом, «с середины 1930-х гг. Муссолини рассматривал Прибалтику как территорию естественной экспансии немецкого влияния и считал за лучшее не брать на себя никаких обязательств в этих государствах»^[335].

Живой интерес Улманиса к фашизму носил не только пропагандистский, но и содержательный характер. В частности, он еще до переворота, в октябре 1933 г., поручил новому послу Латвии в Италии А. Спекке детально ознакомиться с корпоративистской системой Муссолини^[336] и почерпнул оттуда ряд идей. Впрочем, последовательным эпигоном итальянского фашизма латвийский диктатор не был — он периодически увлекался разными, порой абсолютно противоположными «немарксистскими» течениями. Так, по информации финского посла в Риге Э. Паллина, в процессе лечения в Германии Улманис попал под влияние национал-социалистов. Вызывал некоторую симпатию у него и опыт британских лейбористов (рабочая партия, опирающаяся на профсоюзы)^[337], хотя латвийский «вождь» все же склонялся к непартийным формам достижения «единства нации». Латышский эмигрантский историк Адольф Шилде объяснял негативное отношение Улманиса к применению в Латвии иностранного опыта построения однопартийной диктатуры тем, что он просто боялся внутрипартийной оппозиции, с которой уже сталкивался в своей «вотчине» — Крестьянском союзе^[338].

С мая 1934 г. на основе заимствований из «модных» западноевропейских идейных девиаций и банальной ксенофобии местного происхождения верстался план построения «латышской Латвии», в которой этнические меньшинства должны были «знать свое место». Его

идейную основу составлял «винегрет» из звонких лозунгов и эпических представлений о «латышском хозяине», элементов фашистских корпоративистских идей, антисемитских и русофобских настроений, а также застарелых опасений немецко-балтийского засилья. В 1937 г. пропаганду вождизма и латышского национализма было призвано курировать вновь созданное Министерство общественных дел, контролировавшее прессу, литературу и искусство.

Вот как характеризуются моральный климат той эпохи и исторические уроки его установления современными латышскими историками в монументальном труде «История Латвии 20-го века», выпущенном в 2003 г. под эгидой университетского Института истории Латвии: «После 15 мая 1934 г. латыши действительно чувствовали себя хозяевами, определяющими положение в своем государстве. Возросшее самосознание помогло латышскому народу выдержать долгие годы войны и оккупации. Правда, некоторые аспекты в национальной политике К. Улманиса можно критиковать, но нельзя отрицать, что латыши в то время значительно консолидировались»^[339].

На практике это вылилось в создание системы «камер» как органов надзора за объединениями торговцев, промышленников, ремесленников, сельхозпроизводителей и представителей «свободных профессий» (а также за восстановленным подобием рабочих профсоюзов), монополизацию производства и торговли в руках «надежных» латышей, принудительную национализацию, выдавливание с рынка представителей «нетитульных» национальностей, вплоть до запрета для них на занятие определенными видами деятельности.

В экономической сфере меры по «латышизации» серьезно затронули латвийских евреев — у многих из них отнимались разрешения на работу адвокатами и врачами, им больше не могли принадлежать лесопилки и деревообрабатывающие предприятия, реквизировались текстильные фабрики и т. п. Подбадривала эти начинания правительства Улманиса и нацистская пропаганда. Кроме того, с ноября 1935 г., когда в ходе латвийско-германских торговых переговоров официальная Рига поддалась давлению и сняла вопрос об участии в торговых делах латвийских евреев, находящихся в Третьем рейхе, нацисты строго следили за исключением «неарийцев» из двустороннего товарооборота и финансовых сделок. Иностранные еврейские компании также постепенно выдавливались из Латвии. Как отмечал глава МИД ЛР В. Мунтерс в беседе с германским послом в Риге У. фон Котце в мае 1939 г., «именно этот тихий антисемитизм дает хорошие результаты, которые народ, в общем, понимает и с которыми соглашается»^[340]. При этом открытая антисемитская пропаганда в улманисовской Латвии все же была запрещена.

В отношении ряда предпринимателей из числа балтийских немцев (также не в последнюю очередь в популистских целях) чинился произвол, но с оглядкой на Берлин^[341]. Подлинная трагедия для этой общины наступит в октябре-декабре 1939 г., при насильственной «репатриации» в оккупированные Гитлером польские земли.

Русские в Латвии не имели заметного представительства в крупном предпринимательстве, однако они почувствовали на себе, например, запрет использования русского языка в самоуправлениях. Сворачивалась относительно либеральная система образования для нацменьшинств, в том числе русских и

белорусов, многие из которых теперь принудительно зачислялись в латыши, особенно в приграничных с Советским Союзом волостях. Под каток официального национализма попали и латгальцы (Восточная Латвия), язык которых не признавался равноправным диалектом латышского.

Вместе с тем, брутальная риторика «вождя» не сопрягалась с кровавыми расправами — он предпочитал создавать для недовольных невыносимые условия существования, практиковал аресты, тюремное заключение и высылку из страны оппозиционеров, следил с помощью агентов Политуправления полиции за их активностью в эмиграции, лишал подданства. В частности, гражданство ЛР было отнято даже у бывшего министра иностранных дел (1926–1928), депутата сейма четырех созывов и посла во Франции (1933–1934) Ф. Циеленса, остро критиковавшего «вождя» в зарубежных изданиях. В период диктатуры Улманиса официально не был приведен в исполнение ни один смертный приговор политического характера, хотя некоторые левые активисты получили тяжкие травмы или погибли при загадочных обстоятельствах.

В 1936 г., после завершения срока полномочий «номинального» президента А. Квиесиса, Улманис сосредоточил в своих руках всю полноту власти и ключевые посты в государстве. Свои обещания вернуть политическую жизнь страны в конституционное русло — как только «ситуация стабилизируется» — он, конечно, не сдержал: за шесть лет «национальной диктатуры» новая редакция упраздненной Сатверсме (конституции) так и не была выработана, продлевавшееся каждые полгода военное положение в 1938 г. трансформировалось в чрезвычайное положение, которое позволяло столь же жестко подавлять любые протестные проявления.

Политическая верхушка, концентрировавшаяся вокруг Улманиса, была подобрана по принципу личной преданности, а не деловых качеств. При этом она включала в себя персонажей, весьма различных по внешнеполитическим симпатиям, антипатиям и предрассудкам. Военный министр, позднее — вице-премьер Балодис, практически единственный из окружения диктатора, кто отваживался ему что-либо возражать, сохранял антинемецкую подозрительность. Постепенно он был отодвинут с авансцены, проиграв аппаратную схватку за милость «вождя» молодым выдвиженцам — склонному к опасным дипломатическим играм с Берлином Вилхелму Мунтерсу (глава МИД) и Алфреду Берзиньшу, главному вдохновителю и организатору кампании по установлению культа личности Улманиса (товарищ министра внутренних дел, позднее возглавил Министерство общественных дел, курировал военизированную организацию «айзсаргов»). Министр финансов А. Валдманис (1938–1939) периодически выражал прогерманские симпатии и впоследствии сотрудничал с нацистскими оккупантами. Ориентации на укрепление связей как с Великобританией — Францией, так и с Финляндией — Эстонией придерживался назначенный в 1934 г. командующим латвийской армией генерал Кришьянис Беркис; при этом в среде генералитета имелись неприкрытые и более осторожные «друзья Германии» (начальник штаба армии М. Хартманис, О. Данкерс и др.)

Советское руководство в целом было осведомлено о политических раскладах и симпатиях в латвийских верхах, получая характеристики персонажей не только от полпредства в Риге, но и по линии разведки. Так, достоянием ГУГБ НКВД СССР стал доклад чешского посла в Риге П. Берачека в МИД ЧСР от 21 сентября 1938 г. по вопросу об отношении Латвии и других

Прибалтийских стран к вероятному советско-германскому конфликту и мировой войне. В нем были проанализированы противоречивые настроения в окружении Улманиса и приведена нелестная характеристика латвийского диктатора, данная французским послом в Риге Ж. Трипье: «Он реагирует на все как немец. Когда он сталкивается с силой, он пресмыкается, когда чувствует себя более уверенным, становится наглее». В этом докладе также был представлен вывод: «Со своей стороны считаю, что окончательное решение Латвии — зависело бы от первоначальных успехов той или иной стороны, но все же предполагаю, что в случае столкновения русских и немецких войск на территории Латвии, латыши, пожалуй, решили бы стать на советскую сторону, учитывая симпатию большинства народа. (...) Что касается президента Улманиса, то он не мог бы противопоставить себя крестьянству и в этом случае, вероятнее всего, пошел бы вместе с армией и аграрниками против немцев. Другое дело, если англо-французская комбинация проявила бы свою военную беспомощность и неподготовленность, а немцы имели бы молниеносные успехи вначале»^[342]. Как известно, мрачный прогноз чешского дипломата относительно положения западных союзников в первые годы войны оправдался. Судьба же самой Латвии была решена до начала военных действий нацистской Германии против СССР, поэтому судить о реальных соблазнах для Улманиса встать на сторону немцев можно лишь в вероятностном ключе.

Современники отмечали головокружительную карьеру любимчика будущего «вождя» — В. Мунтерса, уже в 1933 г. практически руководившего внешнеполитическим ведомством. Официально пост министра он занял в 1936 г. Назначение на эту

должность молодого «выскочки» немецко-эстонского происхождения, да еще женатого на русской, имевшей «хорошие отношения с советским посольством», вызывало кривотолки в латвийском обществе и едкие замечания острословов, намекавших на «особый» характер его отношений с неженатым Улманисом^[343].

Так или иначе, Улманис и Мунтерс сосредоточили в своих руках внешнюю политику Латвии. В общем лавировании между державами (при попытке соблюдать тезис о нейтралитете) наблюдался все больший крен в сторону Третьего рейха. При этом «вождь» и его министр старались привлечь внимание к судьбе Латвии Лондона, Парижа и Вашингтона, сделавших все возможное для появления ее на карте Европы по итогам Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции в пределах бывшей Российской империи. Их также объединяло желание не обострять отношений с Советским Союзом без твердых гарантий поддержки Латвии одной из вышеперечисленных сторон. Так как весомых заверений, предоставляющих Латвии место союзника при сохранении суверенитета, от этих различных сегментов «антисоветского лагеря» не последовало, то Рига оказалась податлива для предложений и требований «идеологически чуждой» Москвы.

Спорадические попытки сформировать блок малых и средних государств на Балтике (Польша — Литва — Латвия — Эстония — Финляндия в различных конфигурациях) как самостоятельное звено системы безопасности в Европе с опорой на Лигу Наций, отмечавшиеся еще в 1920-е гг., наталкивались на противоречия между этими странами вплоть до военного конфликта (Польша-Литва). Кроме того, различные варианты Балтийской антанты рассматривались преимущественно как

вспомогательные объединения сателлитов Великих держав — от доктрины «санитарного кордона» против СССР, вдохновлявшей руководство Великобритании, Франции и США, до эстонско-латвийского союзничества против Москвы, в котором Берлин видел приметы обособления этих стран, дававшего дополнительные возможности для укрепления там своего влияния, несмотря на второстепенную антигерманскую направленность этого союза, весьма условную.

В обстоятельствах, когда Запад настойчиво желал перенацелить агрессию Гитлера на Восток (что показали «Мюнхенский сговор» 1938 г. и раздел Чехословакии), все попытки выстроить единый фронт против нацистов не увенчались успехом, а Москва опасалась военного нападения не только со стороны Германии, но и Великобритании с Францией (при участии Польши в той или иной конфигурации союзников), — в этих обстоятельствах доверие к Латвии как политически устойчивому и в военном плане состоятельному союзнику или нейтралу улетучивалось у всех заинтересованных сторон. Тем не менее, геополитический интерес к Балтийскому региону сохранялся, и дипломатические игры продолжали проводиться.

Латвийская дипломатия не оставляла попыток добиться благосклонности Муссолини славословием в адрес фашизма, рассчитывая на некое посредничество Рима в прояснении отношений с Германией. После развертывания итальянской агрессии против Эфиопии (одной из двух независимых стран Африки в тот период) в октябре 1935 г. латвийское руководство заняло, по сути, профашистскую позицию. Официальная Рига старалась притормозить применение международных санкций против Италии по линии Лиги Наций, не желая допустить изоляции Муссолини. Тем временем, Италия использовала массированные бомбардировки и

применяла боевые отравляющие вещества против защитников независимости Эфиопии, в результате чего погибло около 760 тыс. мирных жителей^[344]. В мае 1936 г. сопротивление эфиопских вооруженных сил было подавлено, а Муссолини объявил о создании «империи». Как отмечает итальянский историк В. Перна, руководитель внешнеполитического ведомства Латвии В. Мунтерс был первым, кто признал «Итальянскую империю», подняв во время официального визита в Рим в начале 1938 г. тост «За итальянского короля, императора Эфиопии!»^[345].

В 1936–1937 гг. нараставший германский экспансионизм на практике еще слабо выделял прибалтийский приоритет, за исключением пропагандистской и разведдеятельности на территории Литвы, Латвии и Эстонии, а также поддержки организаций балтийских немцев. Однако в Берлине внимательно следили за настроениями в латвийской верхушке и военных кругах. В 1937 г. подготовленный по приказу военного министра Германии генерал-фельдмаршала В. фон Бломберга военный план отражал немецкие представления о Прибалтийских странах: Эстония считалась другом, Литва — врагом, а по поводу Латвии возникали сомнения.

Иллюстрацией противоречий в позиции основных латвийских военно-политических фигурантов может служить инцидент с посещением Берлина командующим армией Л. Р. Беркисом в 1937 г.: он решился на этот шаг (сразу после турне Лондон-Париж) вопреки категорическим возражениям военного министра Балодиса и при поддержке министра иностранных дел Мунтерса. В том же году Улманис лично подчеркнул приоритетность контактов с нацистами: во время визита в Ригу начальника Генштаба РККА маршала А. Егорова, прибывшего в

ответ на посещение СССР латвийским коллегой, он так и не был принят диктатором, который предпочел в это время встречу с представителями НСДАП^[346].

Следует отметить, что еще в 1934 г. К. Улманис, совмещавший посты премьера и главы МИД, получил приглашение посетить Советский Союз — наряду с главами внешнеполитических ведомств Литвы и Эстонии. В отличие от прибалтийских коллег он предпочел отказаться от поездки в Москву, так же как в более ранний период (будучи мининдел в 1926 и 1931 гг.) не ответил на визит 1925 г. в Ригу наркома иностранных дел СССР Г. Чичерина^[347]. Только в июне 1937 г., резервируя оправдания перед Берлином, в Москву отправился новый министр иностранных дел В. Мунтерс, где был принят И. Сталиным. Как отмечают латышские историки, «визит ничего не решил, так как обе стороны не доверяли друг другу»^[348].

В 1938 г. Германия под предлогом «воспитания прессы в духе нейтралитета» потребовала от Латвии навести «арийский порядок» в печатных изданиях, убрав евреев из состава корреспондентов за рубежом и редактората, а также из числа владельцев газет. Официальная Рига согласилась с антисемитскими претензиями нацистов в отношении журналистики, как и в торговой сфере, и в течение следующего года «зачистка» была произведена в ведущих латышских газетах «Брива Земе» и «Яунакас Зиняс», а также в русскоязычном издании «Сегодня»^[349].

Кульминацией сближения Латвии с Третьим рейхом стал период весны — начала лета 1939 г. Оккупация Германией Чехословакии и захват Клайпеды (Мемеля) в Литве в марте 1939 г. не привели к принятию официальной Ригой советского покровительства независимости Латвии; в предупреждениях из Москвы о недопустимости сближения с Германией зазвучали

жесткие нотки, которые Мунтерсом были проигнорированы, и лишь подхлестнули попытки заигрывания с Гитлером и некоторого отдаления от Великобритании и Франции.

20 апреля 1939 г. в торжествах, посвященных 50-летию Гитлера, приняли участие начальник штаба латвийской армии М. Хартманис и командующий Курземской дивизией О. Данкерс. Фюрер принял их лично и наградил. В кулуарах обсуждались варианты закрепления отношений на новом договорном уровне. Чтобы приступить к срочной разработке соглашений на своих условиях, Берлин воспользовался как пропагандистским поводом апрельским письмом президента США Рузвельта к Муссолини и Гитлеру, в котором тот предложил им предоставить ряду стран, включая Латвию и Эстонию, гарантии безопасности.

В качестве «пряника» глава МИД Третьего рейха Риббентроп согласился не связывать готовящийся договор с проблемой балтийских немцев, расширить торгово-экономическое сотрудничество и предоставить латышам доступ к закупкам современного германского вооружения — с расчетом на привязку латвийской армии к немецким технологиям и их возможное использование в восточном направлении. В ответ латвийское руководство подчеркивало ненаправленность союза с Эстонией против рейха, а также организовало 22 мая помпезное празднование 20-летия «освобождения Риги от большевиков» (изгнания из столицы правительства Советской Латвии во главе с П. Стучкой) с участием внушительной делегации из Германии, включая ветеранов ландесвера.

7 июня 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке В. Мунтерс и И. Риббентроп вместе с эстонским министром иностранных дел Сельтером подписали пакты о ненападении на 10 лет. Латвийскую и эстонскую делегации ждал радушный прием с

участием рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и начальника штаба «штурмовиков» СА В. Лутце, осмотр нацистских учебных заведений. Западная пресса встретила заключение этих договоров весьма негативно, отмечая не только усиление зависимости Латвии и Эстонии от Германии, но и направленность пактов против СССР. Правительство Улманиса, за неимением парламента, само ратифицировало пакт 21 июня.

Современные исследователи задаются вопросом, сопровождались ли прибалтийские пакты о ненападении с Германией секретными статьями. Эстонский историк М. Ильмъярв в этой связи ссылается на найденный германским исследователем Рольфом Аманном внутренний меморандум шефа немецкой Службы новостей для заграницы Дертингера от 8 июня 1939 г., в котором говорится о том, что Эстония и Латвия согласились с тайной статьей, требовавшей от обеих стран координировать с Германией все оборонительные меры против СССР. В меморандуме также указывалось, что Эстония и Латвия были предупреждены о необходимости умного применения их политики нейтралитета, требовавшей развертывания всех оборонительных сил против «советской угрозы»^[350]. В любом случае, сами германо-прибалтийские пакты и обстоятельства их подписания были сильным элементом давления Гитлера и Риббентропа на сталинское руководство.

Латышские историки осторожно подмечают «двойное дно» соглашений с немцами: «Германия продемонстрировала способность, сохранив формально-юридический подход в межгосударственных отношениях, использовать позицию латвийского внешнеполитического ведомства в своих нуждах. Быть может, уже тогда нацистская Германия взвешивала возможности использовать договоры о ненападении с

Балтийскими странами для размена на что-нибудь более важное»[\[351\]](#).

В латвийской русскоязычной публицистике оценки этих событий и их последствий более жесткие и нелицеприятные: ««пакты с дьяволом» показали отрицательное отношение Латвии и Эстонии к перекрестным военным гарантиям Англии, Франции и СССР, переговоры между которыми шли в Москве. Они изолировали две страны Балтии от вероятного союзника Польши. А Гитлер, быстренько все переиграв, списал две страны как расходный материал. Так что документ, 70 лет назад казавшийся Улманису виртуозным, в очень скором времени привел к бесславной сдаче государственной независимости Латвии. И не будем забывать и поныне, что первым все-таки Риббентропу пожал руку Мунтерс, а не Молотов»[\[352\]](#).

В Москве восприняли подписанные в июне пакты о ненападении как прямое и опасное свидетельство втягивания Эстонии и Латвии в нацистский лагерь и возможного задействия их против СССР. Дальнейшие попытки летом 1939 г. достичь англо-франко-советских договоренностей о совместном эффективном противостоянии гитлеровской агрессии, в том числе в Прибалтике, не увенчались успехом.

В этих условиях советское руководство пошло на сближение с А. Гитлером, который был заинтересован в нейтралитете СССР при нападении на Польшу и готов временно свернуть претензии на Прибалтику (в первоначальном варианте — кроме Литвы и левобережья Западной Двины в Латвии) и восточные районы Польши (западноукраинские и западнобелорусские земли), уступив их И. Сталину в качестве «зон влияния». В ночь на 24 августа 1939 г. председатель СНК, народный комиссар иностранных

дел В. Молотов и министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп подписали в Кремле советско-германский договор о ненападении с секретными дополнительными протоколами. Этот документ, известный под названием пакт Молотова-Риббентропа, наряду с последующим советско-германским договором о дружбе и границах, подписанным также с секретными приложениями 28 сентября 1939 г., оказал поворотное влияние на судьбы Латвии, Литвы и Эстонии. Накануне неизбежного драматического столкновения СССР и Германии, отсроченного в августе-сентябре 1939 г., Прибалтика оказалась в советской «зоне интересов».

Латвийские дипломаты не были знакомы с текстом секретного протокола, однако получили косвенную информацию по американским каналам. При этом протестов правительства ЛР не последовало, а министр В. Мунтерс даже склонялся к тому, что советско-германский договор от 23 августа пойдет на пользу безопасности Латвии^[353].

1 сентября 1939 г. Гитлер отдал приказ о наступлении на Польшу, спровоцировав непосредственное вступление в войну Великих держав. По воспоминаниям германского торгпреда в Москве Хильгера: «Только 16 сентября, когда польское правительство было вынуждено оставить свою страну, Молотов нам заявил, что сегодня ночью Сталин примет германского посла, чтобы изложить ему маршрут советских войск. Молотов добавил, что советское правительство в своем коммюнике объясняет этот шаг тем, что оно «чувствует себя обязанным защитить своих украинских и белорусских братьев и создать этому несчастному населению условия для нормальной мирной жизни»»^[354].

Начало военных действий в Польше встревожило Латвию и побудило объявить о своем нейтралитете.

Следует отметить, что внешнеполитический курс Латвии в отношении Польши в 1938–1939 гг. не отличался постоянством и соображениями высокой морали. Крутой вираж простирался от поздравления Варшавы с ее участием в разделе Чехословакии^[355] — в надежде на то, что поляки не выдвинут претензий на юго-восточные районы Латвии^[356] или же не потребуют еще большую территориальную «компенсацию» (при возможной уступке ими «Данцигского коридора» Гитлеру), — до спешного закрытия польского посольства в Риге в связи с военными действиями Германии против Польши, вопреки протестам Лондона, Парижа и самой Варшавы. Польские военные, переходившие латвийскую границу, интернировались, в стране также смогли найти укрытие сотни беженцев.

16 сентября 1939 г. во французском диппредставительстве в Риге начали жечь архивы, возникли трудности с эвакуацией французских граждан, так как «в Балтии хозяйкой положения является Германия». При этом рассматривались различные маршруты эвакуации дипработников: военный атташат планировал направиться на автомашинах в Нарву, а оттуда — в худшем случае, пешком в Ленинград; посол Ж. Трипье надеялся зафрахтовать у контрабандистов рыболовецкий корабль, чтобы он подобрал беглецов в Таллине и переправил их в Финляндию. При этом замглавы дипмиссии Ж. де Босс всерьез опасался милитаристских жестов Парижа в адрес Москвы в связи с вторжением советских войск в восточные районы Польши: эвакуация из Риги возможна, «если мы не объявим войну России; тогда любой путь отступления для нас будет закрыт». Посол Ж. Трипье в этой связи просил Париж задержать в качестве заложников 72 гражданина СССР^[357]. Оставался еще воздушный путь до Стокгольма, от

которого французские дипломаты отказывались по соображениям безопасности. Им также стало известно об одном свидетельстве мер контроля Третьего рейха над Латвией даже после появления там советских военных баз в октябре 1939 г.: немцы затребовали от шведской авиакомпании списки пассажиров на предварительное согласование в германском посольстве в Риге [\[358\]](#).

После достижения советско-германских договоренностей, включавших в себя распределение зон влияния в Прибалтике, в условиях разрастания военного конфликта в сентябре 1939 г. одним из аспектов «размежевания» в регионе стал «вопрос балтийских немцев». Сталинское руководство считало важным маркером соблюдения Берлином секретных договоренностей его активность по эвакуации немецкой диаспоры из Эстонии и Латвии. В среде балтийских немцев были сильны симпатии к национал-социалистам, действовала разветвленная сеть организаций, связанных с НСДАП, германской военной и политической разведкой. Как отмечается в современной латышской историографии, под контролем или сильным воздействием нацистов находились «Балтийское братство», «Балтийское объединение», «Немецкое культурное общество», «Народное объединение балтийских немцев в Латвии». Большое влияние на воспитание молодежи немецкого происхождения и распространение нацистской пропаганды оказывала группа адвоката Э. Крегера, который лично участвовал в слетах НСДАП в Германии и сотрудничал с немецкими спецслужбами [\[359\]](#).

Латвийское руководство в конце 1930-х гг. занимало противоречивую позицию в отношении активности балтийских немцев: с одной стороны, ставилась задача по снижению их влияния на общество и экономику

страны (при этом политуправление внимательно следило за умонастроениями в местной немецкой среде), с другой стороны, реальных действий по преследованию пронацистских организаций и агитаторов не велось из-за опасений «внешнеполитических осложнений»^[360]. Обострял ситуацию тот факт, что проводимая Улманисом и Мунтерсом «дипломатия кульбитов» давала немало примеров откровенного заигрывания с гитлеровской Германией, которые подбадривали балто-немецкую общину в ожидании «больших событий». Так, всплеск восторженных эмоций в ее рядах вызвал визит в Ригу германского крейсера «Кельн», состоявшийся 28 мая — 3 июня 1938 г.

Подобные провокационные жесты отмечались и в 1939 г. Видный латвийский политик Маврик Вульфсон, инициировавший дискуссию вокруг пакта Молотова-Риббентропа с трибуны Верховного Совета СССР, в 1989 г., не обошел вниманием следующий сюжет: «22 мая 1939 г. пышно отмечалась годовщина освобождения Риги от большевиков в 1919 г. В этом празднике вместе с освободителями-ландесверовцами участвовали и части СС, специально прибывшие на военных кораблях из Германии. По существу, это был вызов не только большинству антигермански настроенного населения Латвии, но и западным союзникам»^[361]. Добавим к этому, что и Советскому Союзу — в первую очередь.

В воспоминаниях левого социал-демократа Яниса Гринвалдса также запечатлена картина засилья нацистов: «Покою мне не давали увиденные летом 1939 г. немецкие демонстрации на Рижском взморье. В воскресное послеобеденное время прямо вдоль берега, вопреки запрету автомашинам ездить по пляжу, мимо нас проехали несколько германских машин со

свастиками. Местные немцы бесновались в восторге, крича — хайль, хайль, Гитлер, хайль! Обнимались со слезами на глазах — слезами радости. Это было жуткое предостережение нам. Гитлер готовился прийти, и его ждали — больше чем верующие своего мессию. Мы не могли так спокойно ждать, как улманисовская клика. Наши собственные силы здесь не позволяли играть значительную роль. Надежды на спасение мы ожидали от Москвы»^[362].

Встречные ожидания «еврейско-коммунистического террора» в отношении балтийских немцев, рассчитывавших на скорый приход нацистских войск, стали одним из поводов для решения Гитлера о репатриации. Другие мотивы были связаны с потребностями укрепления военно-экономического потенциала рейха за счет «арийских» переселенцев, освоения захваченных земель на западе Польши и нежелания оставлять «своих» в странах, где сворачивалась зона влияния Германии в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова-Риббентропа.

28 сентября 1939 г. в Москве Риббентроп среди прочего подписал особый протокол, в котором содержались обязательства советской стороны не препятствовать выезду в Германию граждан рейха и лиц немецкого происхождения с территорий советской сферы интересов, а также вывозу их имущества. Берлин, в свою очередь, брал на себя подобные обязательства в отношении украинцев и белорусов, оказавшихся в зоне германского контроля.

Латвийские историки считают, что этот протокол не имеет прецедента в истории международных отношений — два диктатора, Сталин и Гитлер, в качестве объекта секретных договоренностей рассматривали граждан, проживавших в других суверенных государствах^[363]. Однако примеров

договоренностей относительно граждан третьих стран хватает и в современном Европейском союзе (от закрытых списков стран, граждане которых подлежат особому контролю при выдаче виз и въезде в Шенгенскую зону, до условий введения «голубой карты» — аналога американской «гринкарты»). Трагизм ситуации 70-летней давности заключался в том, что никакой добровольности переселения в действительности не было.

Латвия и не думала возражать Гитлеру в этом вопросе, подписав 30 октября с Германией межправительственный договор, ставший юридической базой для «одноразовой акции» переселения немцев, в результате которого эта этническая группа с определенным статусом должна была перестать существовать в ЛР. Официальная Рига была готова пойти на существенное увеличение внешнего долга перед Германией, потребовавшей компенсации за оставляемое имущество (до июня 1940 г. Латвия успела выплатить 24,9 млн латов из общего долга более 100 млн латов)^[364]. При этом правительство Улманиса фактически субсидировало германские военные нужды, так как в виде компенсации переселенцам Третий рейх цинично раздавал конфискованное у поляков и евреев имущество, а не латвийские деньги.

К. Улманис лично пожелал переселенцам покинуть Латвию «безвозвратно»^[365], а его чиновники следили за тем, чтобы немцы не брали с собой драгоценностей и «лишних вещей», а также упростили процедуру расторжения брака. В прессе развернулась широкая пропагандистская кампания в поддержку исхода балтийских немцев, однако многие из них вовсе не хотели покидать родные места. В ход шли уговоры и угрозы, как со стороны нацистских уполномоченных, так и местных властей. Балтийские немцы,

упорствовавшие в желании до конца жизни связать свою судьбу с Латвией, рисковали остаться без работы, имущества и оказаться вне закона.

Предусматривалось, что проводившаяся морским путем эвакуация немецкой общины завершится к 15 декабря 1939 г., однако отъезд продолжался до весны 1941 г. К середине апреля 1940 г. от латвийского гражданства отказалось свыше 53 тыс. человек^[366]. Среди них было и около 900 латышей, имевших немецких родственников, хотя в целом латвийские власти препятствовали бегству представителей «основной нации», аннулируя заграничные паспорта^[367].

Военно-политическая ситуация в регионе углубляла дифференциацию настроений в правящих кругах Латвии, варьировавшихся от прогерманских до просоветских. Сохранялись также иллюзии дальнейшего балансирования между воюющими сторонами (нацистской Германией и англо-французской коалицией) и Советским Союзом, опасавшимся быть втянутым в мировую войну в невыгодных условиях, в том числе геополитических — на Балтике. Разброс мнений наблюдался и в широких слоях населения Латвии, где росла идея опоры на военную и экономическую мощь советского государства.

2 октября 1939 г. в Москве начались советско-латвийские переговоры, увенчавшиеся 5 октября подписанием договора о взаимопомощи сроком на 10 лет, который в секретном протоколе предусматривал ввод в Латвию контингента советских войск до 25 тысяч человек, доступ к портам Лиепаи и Вентспилса и развертывание авиабаз при невмешательстве во внутригосударственные дела. Латвийскую сторону подталкивал к соглашению эстонский пример: аналогичный договор Москвы с Таллином был заключен

28 сентября. Ввод советских войск прошел без инцидентов, договоренности сторон в целом соблюдались. Контакты красноармейцев с местными жителями были ограничены, однако само их присутствие дало прилив сил левому подполью.

При этом следует отметить, что в конце 1939 г. латвийская военная верхушка сохраняла конфиденциальные контакты с нацистами. Так, в ноябре состоялась встреча командующего Беркиса и начальника штаба армии Розенштейнса с руководителем эстонского и финского отдела абвера А. Целлариусом^[368].

В ходе развернувшейся советско-финской «зимней войны» (ноябрь 1939 — март 1940 г.) официальная Рига воздержалась при голосовании по вопросу об исключении СССР из Лиги Наций, в прессе представлялась как советская, так и финская версия событий. Тем не менее, отдел радиоразведки латвийской армии оказывал практическую помощь финской стороне, переправляя перехваченные радиোগраммы советских воинских частей^[369]. Командующий армией Беркис военного министра Балодиса об этом секретном сотрудничестве с противником СССР в известность не ставил; 5 апреля 1940 г. Балодис, подозревавшийся в просоветских симпатиях, был отправлен в отставку.

В военном отношении Латвия к концу 1930-х гг. располагала армией, не превышавшей 20 тыс. солдат и офицеров, призывным резервом в 180–200 тыс. человек, включая 68 тыс. «айзсаргов»; стрелкового оружия и снаряжения хватало на 130 тыс. человек. Если боевые качества солдат и младших офицеров британские военные специалисты оценивали как лучшие в Прибалтике, то военные навыки и оперативное мышление генералитета ставили невысоко, считая их

устаревшими. Военно-техническое обеспечение латвийской армии было весьма слабым. В этой связи на Западе считали, что она самостоятельно не способна отразить нападение противника и пригодна разве что для партизанской борьбы. Эстонцы также опасались по поводу боеспособности латвийской армии и втайне от Риги планировали свою линию обороны глубиной до 60 км на латвийской территории, фактически допуская ее превентивную (встречную) оккупацию^[370].

Существовавшие в Латвии планы обороны («А», «D» и «К») предполагали защиту от нападения со стороны СССР, Германии или с двух сторон сразу, при этом восточное направление считалось главным. В Москве воспринимали латвийскую угрозу только в качестве возможного сателлита Германии, Италии или союзника Польши, Финляндии, территория и военная сила которого (до 4 дивизий) может быть задействована в наступлении на Ленинград, Псков, Новгород. После ввода в Латвию по договору от 5 октября 1939 г. ограниченного контингента войск Красной армии в латвийском генштабе также разрабатывались варианты блокирования и уничтожения советских военных баз.

10 февраля 1940 г. К. Улманис выступил по радио с заявлением о том, что скоро может настать тяжелый момент, когда «от каждого сельского дома одному человеку придется надеть униформу»^[371]. 22 февраля правительство ЛР увеличило обязательную срочную воинскую службу до полутора лет, до дальнейшего распоряжения отменялись отпуска у инструкторов (младший командный состав).

Неспособность режима Улманиса адекватно реагировать на внешние вызовы и внутренние проблемы существенно усиливала леворадикальные протестные настроения в обществе. Отмечали надвигающуюся грозу и западные дипломаты. В

дневнике заместителя главы французской миссии в Риге Ж. де Босса встречаются такие записи: «Много говорят о коммунистической пропаганде в Латгалии, где с известного времени наблюдается выраженная тенденция к автономии» (23 сентября 1939 г.); в Московском предместье Риги «рабочие требуют прихода русских и смены государственного строя» (29 сентября); во время демонстрации в рижских кинотеатрах фильма «Александр Невский» эпизоды с разбитыми тевтонами сопровождались бурными аплодисментами (23 ноября)^[372]. В апреле 1940 г. в Латвии прокатилась волна арестов активистов левого подполья.

К этому же времени относится предварительное решение Сталина потребовать смены режимов в Прибалтийских странах для надлежащего обеспечения договора о взаимопомощи и начало подготовительных работ по вводу дополнительных советских воинских частей. К середине июня 1940 г. критически ухудшилась военно-политическая обстановка в Европе: 13 июня 1940 г. французский маршал Петэн потребовал от правительства своей страны немедленной капитуляции; Париж был занят немцами; началась переброска крупных сил германских войск в Восточную Пруссию и оккупированную Польшу. Возникла потребность в срочном укреплении стратегического положения СССР на Западе, включая прибалтийское направление.

14 июня советское правительство предъявило ультиматум Литве, а 16 июня — Латвии и Эстонии, в которых требовалось привести к власти дружественные Москве правительства и допустить на территорию этих государств новые контингенты советских войск. Требования под угрозой применения силы были приняты. Авторитарный «вождь» К. Улманис, взяв на

себя всю ответственность за будущее Латвии, пошел на формирование просоветского правительства во главе с А. Кирхенштейнсом, поддержал роспуск опоры разложившегося режима — организации «айзсаргов», активно сотрудничал с советскими представителями и местными коммунистами — вплоть до того, что 12 июля 1940 г. перечислил крупную сумму (5 тыс. латов) на счет вышедшей из подполья компартии Латвии^[373]. Сопrotивления советским войскам оказано не было, по городам Латвии прокатились массовые митинги в поддержку смены режима. Свою должность президента он сохранил до проведения 14-15 июля выборов по советскому образцу в народный сейм, принявший решение о просьбе принятия Латвии в состав СССР.

Детальный обзор оценок пакта Молотова-Риббентропа выходит за рамки данной статьи. Вместе с тем, важно отметить доминирующую тенденцию и официальные формулировки в рассмотрении советско-германских договоренностей, которые приняты в современной Латвии. Все они, так или иначе, вписываются в трехчлен «советской оккупации, аннексии, колонизации», смысловая нагрузка которого не соответствует международно-признанным трактовкам этих терминов^[374].

На интернет-странице МИД Латвии представлена статья д.и.н. И. Фелдманиса, в которой заключенный 23 августа договор и секретный протокол названы «противоправной и циничной сделкой, примирением за счет шести третьих государств», которые «зажгли зеленый свет для Второй мировой войны». При этом утверждается, что «договор от 23 августа, как пакт войны, раздела и уничтожения, не имеет себе аналога во всей истории Европы XIX и XX столетий. Трудно себе представить еще более грубый и преступный заговор против мира и суверенитета государств. (...)

Несомненно, что без пакта Молотова-Риббентропа не была бы возможна полная оккупация Балтийских государств спустя десять месяцев»^[375].

Аналогичный «символ веры» заложен и в коллективной монографии 2008 г. «Латвия во Второй мировой войне (1939-1945)»^[376]. Латышские историки также используют в оценках следующую формулировку: «Секретный протокол советско-германского договора о ненападении был циничной и противоправной сделкой двух одинаково аморальных политических систем за счет других независимых государств и народов»^[377].

Следует отметить, что эти политически индоктринированные историко-юридические оценки, используемые сегодня официальной Ригой для попыток добиться задним числом международно-правового осуждения СССР наравне с нацистской Германией и подсчета «ущерба от советской оккупации» с перспективой выставления финансовых претензий к современной России^[378], не учитывают военно-политического контекста 1939-1941 гг. и базируются на нормах международного права, зафиксированных только после разгрома гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

Официальная позиция МИД России состоит в том, что присоединение стран Прибалтики к СССР соответствовало всем нормам международного права по состоянию на 1940 г., а также что вхождение этих стран в состав Союза ССР получило официальное международное признание. Данная позиция основывается на de facto признании целостности границ СССР на июнь 1941 г. на Ялтинской и Потсдамской конференциях государствами-участниками, а также на признании в 1975 г. нерушимости европейских границ участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе^[379].

Безапелляционные утверждения латышских историков и политиков о том, что пакт Молотова-Риббентропа беспрецедентен по своему цинизму, а его особая аморальность вызвана тем, что он был заключен между двумя государствами с тоталитарными режимами (коммунистическим и нацистским), не выдерживают критики. Картины прошлого дают немало примеров межгосударственных сделок, имевших печальные последствия для третьих стран. Участвовали в них и государства, которые принято считать демократическими.

В качестве примера можно привести «Римский пакт». Уповав на известную уступчивость западных демократий и их желание оторвать Италию от Германии, Муссолини вступил в переговоры с французским премьер-министром П. Лавалем. Их результатом стало заключение 7 января 1935 г. «Римского пакта», по которому Париж уступал Италии часть своих африканских колоний на подступах к независимой Эфиопии. В секретном протоколе к этому соглашению была зафиксирована устная договоренность о «свободе действий Италии в отношении Эфиопии». Демократическая Франция взамен получила от фашистской Италии обещания прекратить враждебную пропаганду в Тунисе, сохранить версальский status quo в Дунайском бассейне и гарантировать совместно с Парижем неприкосновенность австрийских границ. «Римский размен» вполне можно охарактеризовать как поощрение Францией агрессии, запланированной итальянским фашизмом. Лаваль впоследствии признал, что он «подарил Эфиопию Муссолини», аргументируя свой шаг вполне в духе того времени: «Лучше направить Италию в пустыни Африки, чем пустить ее на Балканы»^[380].

Тезис о том, что советско-германский договор о ненападении «дал зеленый свет мировой войне» также выглядит большой натяжкой. Пакт Молотова-Риббентропа не был сигналом к войне; его заключение состоялось уже после принятия Гитлером решения о нападении на Польшу.

В. В. Марьина Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 года

14-15 марта 1939 г. с политической карты Европы исчезла просуществовавшая двадцать лет Чехословацкая республика (ЧСР): западная ее часть, чешские земли, под названием Протекторат Богемия и Моравия были включены в состав Германии, обретшая независимость Словакия стала, по сути, вассалом Третьего рейха, Подкарпатскую Русь (Закарпатье) захватила Венгрия. Сценаристом и постановщиком этого действия, ставшего еще одним и очень существенным шагом на пути развязывания Второй мировой войны, являлся Гитлер, который при попустительстве английских и французских миротворцев начал реализовывать свои планы завоевания «лебенсраум» для немецкого народа, сформулированные им еще в «Майн Кампф». Его, это жизненное пространство, по мнению Гитлера, можно было найти только на Востоке, на территориях, занятых славянами, которые подлежали уничтожению, как неполноценная раса. Реализацию своих чудовищных намерений фюрер решил начать с Чехословакии, первый шаг к расчленению которой был положен в Мюнхене, что, по словам советского наркома иностранных дел М. М. Литвинова, стало «катастрофой для всего мира»^[381]. К Чехословакии и ее президенту Э. Бенешу Гитлер испытывал нескрываемую ненависть не только потому, что она была населена в основном

славянами, но и потому, что являлась одной из самых демократических европейских стран и активно поддерживала идею коллективной безопасности. Кроме того, расправа над ЧСР сулила Берлину выгоды с военно-стратегической и экономической точек зрения: обеспечение тыла в будущей войне с Западом, создание плацдарма для нанесения удара по Польше с юга, а в перспективе — и по России, беспрепятственное использование чешского военно-промышленного потенциала в интересах рейха.

Поэтому-то в 1937 г. и появился на свет план под кодовым названием «Грюн». «Следует исходить из того, — значилось в нем, — что главная угроза с Востока исходит от России и Чехословакии». Намечалось нанесение молниеносного превентивного удара по Чехии и предполагалось, что в ходе вооруженного конфликта «Венгрия раньше или позже выступит на немецкой стороне». Главные цели операции состояли в том, «чтобы в ходе разгрома вражеских вооруженных сил ввести оккупационные войска вермахта на территорию Богемии и Моравии, ликвидировать угрозу нанесения ударов с тыла, выключить Чехию из войны на все времена западной кампании, одновременно лишив русские ВВС (военно-воздушные силы. — В. М.) их главной операционной базы на территории Чехословакии»^[382]. В мае 1938 г. начальник штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) В. Кейтель получил указание Гитлера разработать военную операцию против Чехословакии. В приказе говорилось: «Я принял непоколебимое решение уже в ближайшем будущем нанести удар по Чехословакии и разбить армию противника в ходе военной операции». Политическое руководство рейха оставляло за собой право «выбора наиболее благоприятного в военно-политическом отношении времени и места нанесения

удара»^[383]. Однако Мюнхенское соглашение дало возможность Гитлеру приступить к ликвидации Чехословакии, не прибегая к военной силе.

Польша тоже поспешила воспользоваться благоприятной с ее точки зрения ситуацией, чтобы оккупировать принадлежавшую ЧСР часть Тешинской области. 2 октября польские войска начали занимать ультимативно потребованные чехословацкие территории, которые для Польши имели огромное экономическое значение: расширив свою территорию лишь на 0,2 %, она увеличила мощность своей тяжелой промышленности почти на 50 %^[384]. После этого Варшава ультимативно потребовала от пражского правительства новых территориальных уступок, теперь уже в Словакии, и добилась своего. В соответствии с межправительственным соглашением от 1 декабря 1938 г. Польша получила небольшую территорию (226 кв. км) на севере Словакии (Яворину на Ораве) с населением 4280 человек. В политических и общественных кругах Словакии в связи с этим усилились антипольские настроения^[385].

У. Черчилль впоследствии писал в своих мемуарах, что поляки «пока на них падал отблеск могущества Германии, поспешили захватить свою долю при разграблении и разорении Чехословакии», что Польша «с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении Чехословацкого государства»^[386].

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек получил орден Белого орла за поддержку Германии в период Мюнхена. «Газета польска» писала 9 октября 1938 г.: «Открытая перед нами дорога к державной, руководящей роли в нашей части Европы требует в ближайшее время огромных усилий и разрешения неимоверно трудных задач»^[387]. Тогда Польша намеревалась вместе с Германией в недалеком

будущем участвовать в разделе России. «Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России», — говорилось в датированном декабрем 1938 г. докладе 2-го (разведывательного) отдела главного штаба Войска польского^[388]. А один из высокопоставленных польских дипломатов утверждал 28 декабря 1938 г. в беседе с советником германского посольства в Варшаве Р. Шелия: «Политическая перспектива для европейского Востока ясна. Через несколько лет Германия будет воевать с Советским Союзом, а Польша поддержит, добровольно или вынужденно, в этой войне Германию. Для Польши лучше до конфликта стать определенно на сторону Германии, так как территориальные интересы Польши на западе и политические интересы Польши на востоке, прежде всего на Украине, могут быть обеспечены лишь путем заранее достигнутого польско-германского соглашения»^[389]. Ю. Бек в беседе с И. Риббентропом 26 января 1939 г. не скрывал, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»^[390].

Венгрия, претендовавшая на Словакию и Подкарпатскую Русь (ПР), в период мюнхенского кризиса однако не осмелилась прямо на территориальные захваты. Она предпочла пока осторожную позицию стороннего наблюдателя, хотя и была весьма разочарована тем, что в Мюнхене вопрос относительно венгерского меньшинства в Чехословакии не был решен аналогично судетскому. 4 октября 1938 г. Италия заявила о поддержке территориальных претензий Венгрии к ЧСР^[391]. 6 октября их правительства начали переговоры по этому вопросу, закончившиеся безрезультатно. Арбитрами в споре

теперь уже без участия Англии и Франции выступили Германия и Италия. В результате так называемого первого Венского арбитража (2 ноября 1938 г.) Венгрии были переданы наиболее плодотворные южные районы Словакии, населенные преимущественно венграми, и более развитая в экономическом отношении часть Подкарпатской Руси с городами Ужгород, Берегово, Мукачево. Всего Венгрия получила 11 927 кв. км с населением свыше 1 млн человек^[392]. М. Хорти, регент Венгрии, был благодарен Гитлеру и Муссолини за поддержку ее требований. 16 января венгерский министр иностранных дел И. Чаки от имени регента заявил Гитлеру, что «Германия может рассчитывать на Венгрию как на преданнейшего друга»^[393]. Первый Венский арбитраж стал после Мюнхена еще одной ступенью на пути к окончательной ликвидации Чехословакии. Но Будапешт не собирался довольствоваться достигнутым. Его планы простирались дальше и состояли в претензии на восстановление «Великой Венгрии» в границах «Короны св. Стефана», составной частью которой прежде являлись Словакия и Угорская (Подкарпатская) Русь.

В этих частях версальской Чехословакии с самого начала ее существования имелись политические силы, заинтересованные либо в ослаблении связи с Прагой, либо в полном разрыве с ЧСР. На них то, уже после Мюнхена, и делал ставку Гитлер в своем стремлении «взорвать» Чехословакию изнутри. Как и ранее, гитлеровская пропаганда продолжала убеждать мир в ее нежизнеспособности, что теперь уже более походило на правду.

Оккупация чехословацких территорий, определенных Мюнхенским соглашением, как и планировалось, завершилась в течение десяти дней. При этом новые границы Чехословакии во многих

случаях не соответствовали этнографическому принципу: Германия захватила и районы с чешским населением (более 1 млн), имевшие важное военно-стратегическое и экономическое значение. Например, немецкие войска заняли электростанцию в Эрвенице, снабжавшую энергией Прагу, водохранилище в Бржезове, обеспечивавшее водой Брно. Прага оказалась в 35 км от новой границы, Пльзень, крупнейший центр военной промышленности — в 3 км, столица Моравии Брно — в 15 км, центр угольного бассейна и металлургической промышленности Моравска Острава — в 1 км. Новые границы перерезали жизненно важные для страны железнодорожные и шоссейные магистрали^[394]. Жизнеспособность территориально урезанной, экономически и в военном отношении чрезвычайно ослабленной Чехословакии была поставлена под угрозу. Министр иностранных дел чехословацкого правительства К. Крофта в беседе с советским полпредом в Праге С. С. Александровским 3 октября 1938 г. с горечью заявил: «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии»^[395]. Это утверждение вскоре стало реальностью.

5 октября под сильным давлением Берлина Э. Бенеш сложил с себя президентские полномочия и 22 октября эмигрировал в Великобританию, откуда вскоре переехал в США. 30 ноября состоялись президентские выборы, на которых новым главой государства был избран Э. Гаха, занимавший ранее пост президента Верховного суда. 1 декабря он назначил новое правительство во главе с Р. Бераном. Министром иностранных дел стал германофил Ф. Хвалковский. В Словакии и Подкарпатской Руси активизировались

сепаратистские силы. В ноябре 1938 г. Национальное собрание ЧСР утвердило закон об их автономии. Государство, фактически ставшее асимметричной федерацией, официально стало называться Чехо-Словакия (Ч-С), Чехо-Словацкая республика (Ч-СР)^[396]. В Словакии и Подкарпатской Руси были образованы национальные правительства: в первой — во главе с монсеньором И. Тисо, во второй — сначала с русинским политиком А. Броди, затем с украинофилом А. Волошиным. Новые власти обнаруживали все большую тенденцию действовать самостоятельно как внутри, так и вне страны, не считаясь с желаниями Праги. Это, несомненно, было на руку Гитлеру, который всячески поддерживал и подогревал эти стремления, используя их в своей политической игре и с Чехо-Словакией, и с Венгрией, и с Польшей. Что касается внешнеполитических устремлений руководителей новых автономий, то Тисо первое время ориентировался на Прагу, предпочитая сохранить Словакию в составе Ч-СР, Броди глядел в сторону Будапешта, Волошин — Берлина, а видный словацкий политик К. Сидор — Варшавы.

Волошин, резиденцией которого стал г. Хуст, вынашивал идею создания самостоятельного украинского государства под названием Карпатская Украина (КУ). Это наименование ПР и было введено его распоряжением от 30 декабря 1938 г. (Ранее, с середины 20-х годов это название употреблялось коммунистами и Коминтерном, а также украинскими националистами. По мнению И. Попа оно не имело исторических традиций в ПР^[397]). Официальным языком здесь стал украинский язык. Волошин и его сторонники разрабатывали грандиозные планы превращения КУ в своего рода «украинский Пьемонт»^[398], согласно которым она должна была стать центром объединения

украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. И все это — при поддержке и под протекторатом нацистской Германии. Гитлер не возражал против такого проекта, согласившись и с переименованием ПР в Карпатскую Украину^[399]. Однако ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния идею создания «Великой Украины» не поддерживали. Польша, имевшая значительный украинский анклав (Восточная Галиция), опасалась в случае реализации этой идеи за свою целостность.

Варшава предпочитала видеть ПР в составе Венгрии, чтобы установить таким образом с последней общую границу и создать под собственным руководством «интермариум» — блок малых и средних государств между Балтийским и Черным морями, что создало бы условие для проведения великодержавной политики Польши и установления в Карпатах вала против проникновения большевизма в Европу^[400]. При этом польская дипломатия постоянно акцентировала внимание Германии на антисоветской направленности будущего образования. Будапешт, естественно, не возражал против этих планов Варшавы^[401].

Однако Гитлер пока еще не принял окончательного решения в отношении того, как лучше расправиться с урезанной Чехо-Словакией, и обдумывал будущее Словакии и Подкарпатья. В октябре Хвалковский первый раз посетил Берлин в новом ранге. Беседуя с Александровским 22 октября, он рассказал, что встреча с Гитлером «превратилась в получасовую лекцию, во время которой Хвалковский якобы мог поставить единственный вопрос: может ли он сказать в Праге, что у Гитлера нет намерений посягать на оставшуюся часть Чехословакии? Гитлер ответил, что намерен установить с Чехословакией хорошие отношения, но буквально добавил, что если заметит попытку работать против

него, то уничтожит Чехословакию в течение нескольких часов»^[402].

И это не было пустой угрозой. Еще не просохли чернила под Мюнхенским соглашением, как Гитлер озадачил своих подчиненных разработкой конкретного плана ликвидации остатков ЧСР. Уже в октябре руководитель политического департамента МИД Германии Э. Воерманн представил Риббентропу концепцию дальнейших действий в отношении Словакии и Подкарпатской Руси.

Предлагалось четыре варианта решения вопроса: во-первых, создание самостоятельной Словакии; во-вторых, словацкая автономия в рамках чехословацкого государства; в-третьих, автономия Словакии с опорой на Венгрию и перспективой вхождения в ее состав; в-четвертых, автономия Словакии с опорой на Польшу. Относительно первого варианта Воерманн утверждал: «Самостоятельная Словакия была бы слабым государственным образованием и поэтому скорее всего могла бы оказать поддержку стремлениям Германии в проникновении и освоении пространства на Востоке». В этой связи указывалось, что Словакия располагает большими лесными богатствами и что здесь находится часть чехословацкой военной промышленности. Третий и четвертый варианты были отвергнуты автором концепции как несоответствующие интересам Германии. В сложившейся политической ситуации Воерманн рекомендовал избрать второй из означенных вариантов, полагая, между прочим, что это ограничит аннексионистские амбиции Венгрии и Польши в отношении Словакии^[403]. По-видимому, пока в Берлине остановились на этом варианте, что, собственно, доказывает и паллиативное решение Германии и Италии в Вене 2 ноября 1938 г. Но в словацком

руководстве не было единства в вопросе о будущем Словакии и ее внешнеполитической ориентации.

17 октября в Берлине на приеме у Геринга побывали словацкие радикальные политики-германофилы Ф. Дюрчанский (зам. премьера автономии) и А. Мах, сопровождаемые главой «словацких немцев» Ф. Кармазиным. Они заявили, что действительным желанием словаков является «полная самостоятельность при условии как можно более тесной политической, экономической и военной связи с Германией». В меморандуме МИД Германии от того же числа со ссылкой на мнение Геринга говорилось, что следует поддержать стремление словаков к самостоятельности: «Без Словакии чешские земли будут еще более отказаны на нашу милость или немилость. Авиационные базы для люфтваффе в Словакии явятся важными для акций против Востока»^[404].

Гитлер, недовольный, по его представлениям, мюнхенским паллиативом, в это время уже решился на полную ликвидацию Ч-СР. В директиве Гитлера о ближайших задачах вермахта от 21 октября 1938 г. был выделен специальный раздел «Решение вопроса об оставшейся части Чехии». В нем говорилось: «Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии... Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соединений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии». Перед сухопутными войсками ставилась задача организации «быстрого неожиданного наступления», которое

должно обеспечить «быстрый и решающий успех». Военно-воздушным силам предписывалось обеспечить продвижение сухопутных войск «путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил»^[405].

Гитлер не без основания полагал, что его новая акция против Ч-СР не встретит особого сопротивления и возражения со стороны западных держав. И. Риббентроп в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне 6 декабря 1938 г. — тогда была подписана франко-германская декларация о мирных и добрососедских отношениях между Францией и Германией и об окончательности существующей между ними границы^[406] — безапелляционно заявил, что «Германия совершенно определенно рассматривает эту часть Европы как область своих интересов», и выразил надежду, что Англия и Франция отнесутся к этой сфере германских интересов «с принципиальным уважением». «Было бы хорошо, — подчеркнул Риббентроп, — если бы Англия и весь мир раз и навсегда усвоили это». Когда Бонне затронул вопрос об обещанных Чехословакии со стороны четырех держав гарантиях новых чехословацких границ, германский министр иностранных дел ответил, что «немецкая сторона намерена сначала выждать развития событий» и что «все зависит от того, будут ли поставлены отношения между Германией и Чехословакией на совершенно новую основу». При этом он подчеркнул, что «Германия ни в коем случае не потерпит, чтобы Чехословакия вернулась в фарватер г. Бенеша». «Наилучшую и самую эффективную гарантию для Чехословакии» Риббентроп лицемерно усматривал «единственно лишь в установлении этой страной дружественных отношений с Германией»^[407]. Французский посол в Берлине Р. Кулондр также подтверждал намерения Германии

«стать хозяином в Центральной Европе». «Подчинение Чехословакии, — считал он, — к сожалению, является уже свершившимся фактом», и добавлял, что «Чехословакия, созданная как оплот для сдерживания немецкого продвижения, служит рейху в качестве тарана для пролома ворот на Восток»^[408].

Англия и Франция, видевшие в соглашениях с Гитлером (соответственно от 30 сентября и 6 декабря 1938 г.) залог дальнейшего мирного сотрудничества с Германией, не собирались отказываться от политики умиротворения агрессора и были преисполнены оптимизма относительно того, что в ближайшем будущем война их не коснется. Посол Германии в Великобритании Г. Дирксен писал в МИД Германии 31 октября 1938 г.: «Чемберлен питает полное доверие к фюреру... Мюнхенский протокол создал основу для перестройки англо-германских отношений. Сближение между обеими странами на длительное время рассматривается Чемберленом и английским кабинетом как одна из главных целей английской внешней политики, поскольку такое решение самым эффективным образом может обеспечить мир во всем мире»^[409]. Английское и французское общественное мнение в то время еще не «охладело» к «мюнхенской политике», хотя эйфории от ее успехов несколько поубавилось. Осознавая приближение новой кризисной ситуации в Европе весной 1939 г., Лондон и Париж полагали, что Берлин, отложив на время свои агрессивные планы на Востоке, повернет на Запад, и, будучи неподготовлены к войне, очень опасались этого^[410]. Именно поэтому они предпочитали «закрывать глаза» на то, что творится в Центральной Европе, по-прежнему оставляя за Гитлером право «хозяинничать» здесь.

Послемюнхенская Чехословакия была брошена западными державами на произвол судьбы, точнее, оставлена на милость Третьего рейха, который, как и ранее, рассчитывал здесь на блеф и бескровные победы, хотя и не расстался с мыслью об использовании военной силы. В письме к М. М. Литвинову от 21 ноября 1938 г. советский посол в Лондоне И. М. Майский писал: «Несмотря на мюнхенские решения Англия (и Франция) на протяжении последних двух месяцев совершенно устранились от какого бы то ни было активного участия в решении вопроса о судьбах Чехословакии. Германии и Италии предоставлена полная свобода действий в отношении определения границ Чехословакии, ее экономической политики, ее внутреннего режима и т. д. О гарантии границ Чехословакии Англией и Францией здесь больше не вспоминают»^[411]. Примерно такого же мнения был и советский посол в Париже Я. З. Суриц. «О существовании Чехословакии здесь после Мюнхена вообще стараются основательно забыть»^[412], — писал он Литвинову 27 декабря 1938 г.

Однако, когда в начале 1939 г. явственно обозначилась угроза полной ликвидации Чехо-Словакии, Англия и Франция вновь предприняли попытку поставить вопрос о гарантиях новых чехо-словацких границ. 8 февраля они направили МИД Германии ноты аналогичного характера, напоминавшие о мюнхенских договоренностях. Ответ лишь подтвердил прежние позиции Берлина: «общее развитие в этом европейском регионе относится главным образом к сфере важнейших интересов Германской империи». Кроме того, говорилось, что ЧСР является государством, находящимся в состоянии распада и что она уже не может рассматриваться как партнер в международных переговорах. Тогда же это было сообщено и чехословацкому послу в Берлине В. Мастному^[413].

Английские и французские гарантии новых чехословацких границ остались лишь на бумаге^[414].

9 октября 1938 г. НКВД СССР запросил чехословацкое правительство, «насколько оно считает желательным для себя включение СССР в число гарантов новых границ Чехословакии». 14 октября чехословацкий полпред в Москве З. Фирлингер сообщил в НКВД, что Хвалковский воздержался от ответа на этот вопрос, полагая, что он относится к компетенции Великих держав, подписавших Мюнхенское соглашение. При этом министр иностранных дел утаил от правительства факт получения запроса, объяснив позже свою позицию тем, что не придавал вопросу значения, который так и остался без ответа^[415]. В условиях, когда Англия и Франция продолжали свою политику умиротворения агрессора, когда было очевидным, что Германия не удовлетворится достигнутым, а будет стремиться к окончательной ликвидации Чехо-Словакии, когда ее правительство, по сути, проигнорировало вопрос Москвы о желательности с ее стороны стать одним из гарантов новых чехословацких границ, когда правящие круги Ч-СР взяли открыто прогерманский и антисоветский курс, Советскому Союзу ничего не оставалось делать, как занять пока выжидательную позицию в чехо-словацком вопросе^[416].

Взяв пока курс на сохранение Словакии и Подкарпатской Руси в составе Ч-СР, Берлин, тем не менее, активизировал усилия, направленные на ее подрыв и разложение изнутри. При этом он действовал как через лидера «словацких немцев» Ф. Кармазина, так и через германофилов в руководящих кругах Словакии и Карпатской Украины. Осуществляя старый принцип агрессивной немецкой политики «разделяй и властвуй», Гитлер предъявлял все новые и новые

требования Ч-С. Например такие: ослабление таможенных барьеров как первый шаг к таможенной унии; сокращение армии и отказ от каких-либо военных укреплений; свободный пропуск немецкого транспорта через чехословацкую территорию, использование чехословацкой военной промышленности в интересах Германии и т. д. Все это свидетельствовало, что готовится инкорпорация Ч-СР или ее части в состав рейха. Советник германского посольства в Польше Р. Шелия сообщал в конце декабря 1938 г. разведке одной из западных держав, что в Министерстве иностранных дел в Берлине «разрабатывается германо-чехословацкий договор о протекторате», что «богемский котел продолжает оставаться очагом сопротивления» и что его «настоящий разгром еще предстоит». «Нельзя поэтому, — делал вывод Шелия, — считать события на чехословацком участке законченными. Скорее всего, они находятся еще в начальной стадии. Согласно преобладающей в официальных кругах Берлина точке зрения, первая волна германской экспансии в 1939 г. будет иметь целью полное овладение Богемией»^[417].

В отличие от времени мюнхенского кризиса, когда цели и намерения спорящих сторон были предметом широкого международного обсуждения на дипломатическом и общественном уровнях, теперь Германия предпочитала действовать скрытно, до поры до времени не сообщая о своих планах даже ближайшим союзникам — Италии, Венгрии, Польше. Но по мере того, как дело близилось к развязке, их участие и помощь в свершении задуманного становились необходимы. Да и вряд ли уже можно было утаить готовившуюся акцию. Особо доверенным союзником рейха тут оказалась Венгрия, выражавшая неприкрытое

желание к сближению с «осью» Берлин-Рим и совместной борьбе против большевизма^[418].

Встреча Гитлера с И. Чаки 16 января 1939 г. показала, что фюрер заинтересован в участии Венгрии в разделе Ч-С, хотя при этом он конкретно ничего не обещал и территориальные вопросы оставил открытыми^[419]. Поначалу, что явствует из беседы Гитлера с Ю. Беком 5 января 1939 г., к дележу остатков Чехословакии фюрер намеревался допустить и Польшу: ему импонировали открыто антисоветские настроения польских верхов. Польша же видела в самом факте существования пусть и урезанной Чехо-Словакии препятствие к реализации своих грандиозных планов в Восточной Европе. Варшава приветствовала идею создания самостоятельной Словакии, однако не под патронатом Берлина, а своим собственным. За участие в дележе (получение части Словакии) и сохранение германо-польской границы Гитлер назначил Варшаве цену: согласие на присоединение Данцига (Гданьска) к рейху и на проведение экстерриториальных автостреды и железной дороги через польский коридор в Восточную Пруссию. Польша отказалась выполнить эти требования, что предопределило быстрый спад в германо-польских отношениях: весной 1939 г. в Берлине был разработан план военного разгрома Польши не позднее сентября того же года, так называемый план «Вайс»^[420]. Она фактически перестала рассматриваться Гитлером как потенциальный союзник в дележе Ч-СР.

Между тем в начале 1939 г. во многие европейские столицы стали поступать секретные донесения о готовности Германии к новому агрессивному акту против Чехо-Словакии. Пражское правительство, получавшее их в массовом порядке по линии разведки, МИД, МНО, МВД, было весьма обеспокоено этим и попыталось прояснить ситуацию в Берлине. 21 января

1939 г. Хвалковский отправился с визитом в столицу рейха. Но здесь его встретили весьма сдержанно, если не сказать больше. Временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов сообщал в НКВД в связи с этим визитом: «Пребывание Хвалковского в Берлине продолжалось всего один день, прием ему был оказан весьма холодный. Его угостили завтраком в Кайзерхофе, на котором присутствовало весьма ограниченное число лиц. Весь вечер, включая обед, он провел в миссии в обществе одного Мастного. Беседа с фюрером носила весьма тяжелый характер. Фюрер заявил Хвалковскому, что позиция чистого нейтралитета Чехословакии Германию не устраивает. Германии нужно, чтобы Чехословакия стала надежным партнером германской внешней политики, а не лавировала между двумя лагерями. Хвалковский на это определенного ответа дать не мог»^[421]. Очевидно это было действительно так, что следует из беседы Хвалковского с побывавшим в Праге З. Фирлингером, содержание которой тот изложил заместителю наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкину 3 февраля 1939 г. Требования Гитлера, по словам Хвалковского, в основном сводились к следующему (Потемкин квалифицировал их как «самый категорический «диктат»»):

- 1) немедленное прекращение антигерманских выступлений чехословацкой печати;
- 2) сокращение чехословацкой армии примерно наполовину;
- 3) передача части золотого запаса Чехословакии Германии на том формальном основании, что к ней отошла часть чехословацкой территории;

4) соблюдение нейтралитета во внешней политике страны;

5) немедленное изгнание евреев не только из государственных и общественных учреждений, но также из хозяйственной жизни и т. д.

Чехословацкое правительство обязано помнить, заявил Гитлер, что «Чехословакия находится в полной зависимости от Германии. Если будет нужно, Германия не остановится перед занятием новых чехословацких областей». «По словам Фирлингера, — записал в дневнике Потемкин, — Хвалковский вернулся из Берлина не только ошеломленный оказанным ему приемом, но и проникнутый убеждением, что Чехословакии не остается ничего другого, кроме повиновения диктату Гитлера»^[422].

Сообщая в беседе с Александровским 17 февраля 1939 г. о ситуации в пражских правящих кругах, Фирлингер отмечал наличие в них разногласий, в частности, между Бераном и Хвалковским, по вопросу о сотрудничестве с Германией, указывал, что «начинается всеобщий отпор гитлеровским притязаниям». Это, конечно, было преувеличением, хотя и свидетельствовало о тенденции усиления недовольства Праги политикой Берлина. Фирлингер считал позицию Хвалковского ошибочной, поскольку последний «принимает нынешнее положение в Европе за твердо данное на ближайшие 50 лет, тогда как для остальных (включая Берана) является несомненной временностью, переходностью нынешнего состояния и неизбежность решительного столкновения демократии с гитлеровским фашизмом в ближайшие сроки». Вместе с тем посланник пессимистически признавал, что у Чехо-Словакии пока «нет средств и сил к активному

сопротивлению домогательствам Германии, и с этим нужно считаться»^[423].

Если среди части правительственных кругов в Праге обнаружались признаки пассивного недовольства политикой Берлина, то в Братиславе и Хусте, наоборот, набирало силу стремление к активному взаимодействию с ним. Всячески раздувались, в том числе и при поддержке извне, античешские настроения; каждая попытка пражского правительства вмешаться в дела Словакии или Карпатской Украины расценивалась их руководителями как намерение сохранить и упрочить власть центра. В Братиславу зачастили эмиссары из Берлина и Вены, стремившиеся вступить в прямые контакты с представителями радикального крыла единственной правящей здесь Глинковской^[424] словацкой народной партии (ГСНП), поддерживавшими идею создания самостоятельной Словакии. А те, в свою очередь, осознав, что ни Будапешт, ни Варшава ничего не смогут предпринять без согласия Берлина, все чаще наведывались в столицу рейха. Так, например, один из словацких лидеров, бывший мадьярон, а затем ярый германофил В. Тука во время встречи с Гитлером 12 февраля 1939 г. заявил: «Мой фюрер, я вручаю судьбу моего народа в ваши руки! Мой народ ожидает от вас полного освобождения». Однако Гитлер пока не ответил ему решительным «да», считая, что акция еще недостаточно подготовлена^[425]. Следовало, по его мнению, дожидаться подходящего момента, форсируя развитие внутривосточного кризиса в Чехо-Словакии. Берлину было нужно, чтобы ее ликвидация внешне выглядела, как естественный результат ее внутреннего распада. По указанию наместника Гитлера в Австрии А. Зайсс-Инкварта из Вены шло постоянное радиовещание на Словакию на словацком языке, проводились престижные общественные мероприятия,

на которые приглашались «перспективные» с точки зрения Берлина словацкие политики. В общем, велась обработка нужных рейху лиц и общественного мнения с целью изоляции Словакии и ее отторжения от чешских земель.

«В феврале 1939 г., — вспоминал Кейтель, — мелодия «чешского вальса» закружила пол-Европы в стремительном танце. Газеты пестрели сообщениями об участившихся пограничных инцидентах, очередных притеснениях германского меньшинства в Богемии и Моравии. Берлин отправлял одну за другой ноты протеста в Прагу, из Чехословакии были отозваны немецкий посол Фридрих Айзенлор и военный атташе Генерального штаба Рудольф Туссен. Фюрер неоднократно заявлял, что уже сыт по горло и впредь не намерен терпеть творящиеся в Чехословакии безобразия. Я даже не сомневался в том, что вскоре предстоит так называемое «урегулирование проблемы остаточной Чехии»»^[426]. Однако, несмотря на настойчивость Кейтеля, Гитлер «давал уклончивые ответы и не называл конкретные сроки проведения операции». Между тем главному сухопутных войск В. Браухичу был отдан приказ о проведении «акции умиротворения» в связи с нетерпимым положением германских меньшинств. 12 марта Гитлер подписал предварительный приказ по сухопутной армии и люфтваффе о приведении войск в полную боеготовность и предполагаемом вступлении на территорию Чехии 15 марта в 06.00 часов. Однако вплоть до дня «X» войскам запрещалось приближаться к государственной границе рейха ближе чем на 10 км^[427].

Германские войска уже направлялись к границам Чехо-Словакии, а английский посол в Берлине Н. Гендерсон считал и намеревался (но не успел) сообщить

об этом в Лондон, что полное политическое и экономическое подчинение этой страны Германии произойдет в ближайшие один-два года. «Последнее, может быть нам и не по вкусу, но с географической точки зрения это неизбежно», — полагал он и рекомендовал, поскольку Германия уже обладает экономическим и политическим превосходством в Центральной и Восточной Европе, «в какой-то степени признать этот факт... если мы желаем установить с ней взаимопонимание»^[428]. Возможно, такое неведение посла относительно ближайших планов Германии было связано с завесой секретности, которой они были окружены, но может быть, являлось и отражением позиции лондонского руководства, страшившегося военного столкновения с Германией и выдававшего желаемое за действительное, т. е. политикой страуса, прячущего голову в песок в надежде спрятаться от опасности.

Майский, постоянно предупреждавший Москву с начала 1939 г. о готовности Чемберлена к Мюнхену № 2, сообщал 2 марта в НКВД о беседе с Чемберленом на приеме в советском посольстве: «Отвечая на мои вопросы о ближайших международных перспективах, Чемберлен стал развивать известные Вам «оптимистические тезисы» о том, что общая ситуация улучшается, что ни германский, ни итальянский народы войны не хотят, что Гитлер и Муссолини заверяли его в желании мирно развивать свои ресурсы и в том, что они очень боятся больших конфликтов. Я согласился с этим последним замечанием, но прибавил, что сейчас, как и раньше, они рассчитывают на блеф и бескровные победы. На это Чемберлен ответил, что «время для таких побед прошло»»^[429]. Так что телеграмма Гендерсона полностью укладывалась в эти «оптимистические тезисы» лондонских руководителей.

К 13 марта Гитлер вполне был готов к тому, чтобы разрубить ненавистный для него «чехо-словацкий узел». Об этом, в частности, тогда говорил высокопоставленный чиновник МИД Германии П. Клейст в беседе с немецким журналистом. Намерение «ликвидировать оставшуюся часть Чехословакии», по его мнению, имело две причины: во-первых, «принятое в Мюнхене решение чехословацкого вопроса рассматривалось с самого начала с точки зрения политики рейха как неудовлетворительное», во-вторых, необходимо было «создать в самом срочном порядке такое положение в Восточной и Центральной Европе, которое окончательно исключало бы все источники опасности для Германии в перспективе предстоящей схватки на Западе». Акция против Чехословакии, по словам Клейста, предусматривала «присоединение Чехии к Германии, создание Словакии под исключительным влиянием Германии»^[430]. Для начала этой акции нужен был лишь предлог. И его, как ни странно, дала Прага.

В конце февраля — начале марта в Чехо-Словакии обострился внутривластный кризис. Отношения между центральным пражским правительством и правительствами автономной Словакии и Подкарпатской Руси (Карпатской Украины), подозревавшими Прагу в желании вернуться к прежнему положению дел, становились все напряженнее. В чешских правительственных кругах все явственнее звучала мысль о силовых методах решения ситуации, прежде всего что касается Словакии, чтобы не допустить распада государства. В конце февраля несколько министров центрального правительства сошлись на тайное совещание, где по предложению генерала А. Элиаша было решено начать активные действия против словацкого сепаратизма. При этом

пражские политики зондировали возможность такого решения вопроса в Берлине, который однако внешне занял позу невмешательства во внутричехословацкие проблемы, хотя в действительности приветствовал такой оборот дела и даже, как считают некоторые исследователи, подталкивал пражские власти в указанном направлении. Намеченные в Праге меры стали осуществляться в начале марта.

К этому времени идея создания самостоятельного словацкого государства обретала все больше сторонников среди словацких политиков. Прежде стоявший на позиции словацкого автономизма И. Тисо тоже склонялся к ней, но путь создания такого государства он представлял как эволюционный и без внешнего вмешательства^[431]. Состоявшееся 3 марта заседание словацкого правительства заслушало сообщение Ф. Дюрчанского и М. Пружинского об их переговорах с Герингом и Геббельсом, которые обещали словакам поддержку лишь в том случае, если они пойдут на раскол Чехо-Словакии. Однако пока в Братиславе было решено, хотя и стремиться к провозглашению самостоятельного государства, но не поступать в этом вопросе опрометчиво. 7 марта в столицу Словакии прибыли гитлеровские эмиссары, которые советовали не колебаться и не мешкать с провозглашением самостоятельного государства. Тисо настаивал на личной встрече с Гитлером. Прага наполнилась слухами о ситуации в Словакии. 9 марта пражское правительство отдало приказ генералу Гомоле ввести там чрезвычайное положение. Тисо и несколько словацких министров были смещены со своих постов. Жандармерия и войска в Братиславе заняли правительственные здания и опорные пункты вооруженных отрядов ГСНП, гардистов, более 200 радикальных представителей которых были

арестованы. Ф. Дюрчанский бежал в автомобиле немецкого консула на другой берег Дуная и по венскому радио делал заявления о словацкой независимости. Тисо удалился в свой приход в Бановцах.

Гитлер же пришел к выводу, что настало время оказать поддержку своим сторонникам в Словакии не только словом, но и делом. Через дунайский мост с австрийской стороны в Братиславу переправлялись транспорты с немецким оружием, предназначенные глинковским гвардейцам. Уже 11 марта на братиславских улицах якобы для поддержания порядка появились вооруженные патрули СС. Пражское правительство отступило, когда осознало, что Гитлер приложил к событиям свою руку. «Вмешательство, которое предприняло чешское правительство, было довольно неловким, — вспоминал позже, находясь в эмиграции, словацкий генерал Р. Виест. — Возникли беспорядки, которыми воспользовались немцы»^[432].

12 марта Гитлер пригласил в Берлин Тисо. 13 марта он в сопровождении Кармазина пересек государственную границу и прибыл в Вену, где его ожидал Дюрчанский. Вместе они самолетом отправились в Берлин. Сначала словаков принял Риббентроп, который начал разговор словами: «Я не вижу в Словакии никакого воодушевления по поводу провозглашения словацкой самостоятельности». Тисо на это ответил: «Вы правы, нам потребовалось бы по крайней мере два-три года, чтобы пополнить ряды нашей словацкой интеллигенции, которая бы затем заняла все места». Риббентроп возразил: «Хотя Вы в этом и правы, но кто Вам может гарантировать, что потом сложится политическая ситуация, которая даст Вам возможность сделать это. Сегодня — ситуация такова, и она, в конце концов, этого требует от

Вас»^[433]. Тисо попросил о встрече с Гитлером и был принят им в 18 час. 40 мин. Монолог фюрера продолжался примерно полчаса. Намекнув на претензии Венгрии, которая готова присоединить к себе всю Словакию, он заявил: «Речь идет о том, хочет или не хочет Словакия жить самобытной жизнью. Он от Словакии ничего не требует... Он пригласил Тисо, чтобы выслушать его решение. Речь идет не о днях, а о часах... если Словакия хочет стать самостоятельной, то он будет это усилие поддерживать и даже гарантировать...

Однако, если она будет колебаться или не захочет отделяться от Праги, то он предоставит судьбу Словакии ходу событий, за которые уже не будет отвечать». Тогда же Гитлер сообщил Тисо, что в ближайшие часы будут оккупированы Чешские земли и «господа в Братиславе будут избавлены от своих забот, поскольку далее уже не надо будет ломать голову над вопросом, распрощаться ли с Прагой немедленно или несколько позднее». Обращаясь к Риббентропу, Гитлер спросил, не хотели ли бы он что-либо добавить. Тот подтвердил, что решение должно быть принято не днями, а часами, поскольку «пришло известие о передвижении венгерских воинских частей у словацкой границы». После чего Гитлер выразил «надежду, что Словакия примет быстрое и ясное решение»^[434].

Тисо, уже понявший, что другого выхода кроме провозглашения независимости Словакии нет, считал необходимым оформить этот акт по закону. В 4 часа утра 14 марта он возвратился в Братиславу, где в тот же день состоялось заседание словацкого сейма. После довольно длительного обсуждения подавляющим большинством голосов была принята декларация о независимости Словакии, хотя ряд депутатов выступили с заявлением, осуждавшим этот акт^[435]. В тот же день

было назначено и первое правительство Словацкого государства во главе с И. Тисо. Оно возникло под прямым давлением Берлина при содействии политиков-германофилов в самой Словакии. Выбор вариантов ее будущего был невелик: либо самостоятельность, точнее квазисамостоятельность, в чем мало кто сомневался, нового государства, либо оккупация Словакии и ее раздел между Германией, Венгрией и Польшей, которая в это время тоже претендовала на свою долю при дележе. Р. Виест, один из заявивших в сейме протест, писал, что видевшие в этом акте гибель Словакии и оценивавшие случившееся как катастрофу «признавали, что в данной ситуации это был единственный выход, чтобы сохранить народ. Самостоятельность Словакии все же предоставляла некоторые возможности национального развития. Это был просто выход из нужды, меньшее из двух зол»^[436].

М. М. Литвинов уже в беседе с польским послом в Москве В. Гжибовским 16 марта заявил: «Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го»^[437]. Посол Франции в Германии Р. Кулондр в сообщении в Париж от 16 марта тоже считал, что с независимостью Словакии покончено сразу же после ее создания: «Впрочем, эта страна, изуродованная венским третейским решением, лишенная своих самых плодородных долин и разбросанная по горному району, абсолютно беспомощна. Существовать самостоятельно она не может»^[438]. Эфемерность независимости Словакии стала ясна уже несколько дней спустя после ее провозглашения: 23 марта в Берлине был подписан словацко-германский договор «Об охране Словакии», который по существу означал конец ее самостоятельности^[439]. Возникновение этого

государства можно рассматривать лишь в контексте развития международных событий того времени и особенно агрессивной политики нацистской Германии.

События в ПР развивались по аналогичному сценарию. 6 марта Э. Гаха распустил автономное правительство Карпатской Украины. Гитлер решил дать согласие на оккупацию ее территории Венгрией, дабы продемонстрировать миру, что Чехо-Словакия разложилась из-за внутренних беспорядков. 12 марта фюрер пригласил к себе венгерского посла Д. Стояи и настаивал, чтобы Венгрия немедленно перешла в наступление, поскольку в Праге царит «дух Бенеша» и такое положение не может быть терпимо. «Действуйте, — советовал Гитлер, — не уведомляя об этом другие правительства. Действуйте быстро, поскольку существуют и другие претенденты на Подкарпатскую Русь... Ограничьтесь Подкарпатской Русью и не нападайте на Словакию. Словацкий вопрос будет поставлен позднее. Момент для оккупации Подкарапатской Руси благоприятен»^[440].

13 марта регент Венгрии М. Хорти писал Гитлеру: «Ваше превосходительство, сердечно благодарю Вас! Не могу выразить, насколько я счастлив, поскольку эта земля (Рутения) для Венгрии — не хотелось бы употреблять высокие слова — жизненно необходима... Мы с энтузиазмом трудимся над решением этой задачи. Планы уже составлены. Во вторник, 16-го числа, произойдет пограничный инцидент, на который в субботу в качестве ответной меры последует мощный удар»^[441]. 14 марта правительство П. Телеки направило Праге ультиматум с требованием в течение 24 часов освободить ПР от чехословацкой армии. В тот же день венгерские войска, сломив ее сопротивление, перешли чехословацко-венгерскую границу в районе Мукачево и приступили к оккупации Карпатской Украины.

Правительство Волошина, провозгласившее ее самостоятельность и намеревавшееся просить Германию о протекторате над ней, не получило поддержки Берлина. В течение 15–18 марта вся территория Подкарпатья с согласия Гитлера была оккупирована венгерскими войсками^[442].

Итак, 14 марта Чехо-Словакия фактически прекратила существование. Э. Гаха, чтобы окончательно прояснить ситуацию, запросил аудиенции у Гитлера и получил приглашение посетить Берлин, куда он прибыл поздно вечером того же дня. Здесь в ночь с 14 на 15 марта состоялись его встречи с Гитлером, Риббентропом, Гейдрихом. В это время части вермахта уже перешли границу и начали оккупацию чешской территории. И в документах, и в литературе переговоры в Берлине описаны достаточно подробно^[443]. Скажем лишь, что Гитлер путем блефа, шантажа и угроз вынудил Гаху подписать документ, согласно которому чешское правительство «преисполненное доверия» вручало «судьбу Богемии и Моравии в руки фюрера». Позвонив по телефону в Прагу, Гаха распорядился, чтобы «разоружение армии и оккупация территории произошли как можно более гладко, и чтобы таким образом дело нигде не дошло до кровопролития». Беран ответил: «члены правительства полностью доверяют господину президенту»^[444].

В 9 часов утра 15 марта первые моторизованные подразделения немецких войск, не встретив сопротивления чешских гарнизонов, вступили в Прагу. Согласно сообщению советника посольства СССР в Германии Г.А. Астахова М. М. Литвинову от 19 марта, этой легкости захвата Чехии и полной капитуляции чешской армии не понимал даже Кейтель: «Мы входили в город и видели всех солдат запертыми в казармы и разоруженными. Начальники стояли у входа,

передавали нам ключи, козыряли, говоря «zum Befehl». Для нас, военных, это зрелище было непостижимо»^[445]. Во второй половине дня Гитлер под охраной танков и бронемашин въехал в замок на Градчанах, резиденцию древних чешских королей, и приказал немедленно вывесить флаг со свастикой. Чехо-Словакия, по его заявлению, перестала существовать. 16 марта декретом фюрера Богемия и Моравия в качестве пользовавшегося определенной автономией протектората были включены в состав рейха.

Мир был потрясен наглостью и очередным вероломством гитлеровской Германии, не в первый раз показавшей, что международные соглашения для нее являются не более, чем пустой бумажкой. Мировая общественность получила новые убедительные доказательства того, что попустительство агрессору ведет не к миру в Европе, а к расширению масштабов новой войны. Реакция СССР, Англии, Франции и США на уничтожение Чехо-Словакии, по сути, была однозначно негативной, осуждающей агрессию Германии, но по форме — разной. Москва, можно сказать официально, сразу же и решительно осудила расчленение Ч-СР, что нашло отражение в советской ноте от 18 марта. В ней выражался резкий протест против действий рейха и подчеркивалось, что «действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»^[446].

Официальные лондонские круги сначала попытались закрыть глаза на акт насилия в отношении Ч-СР. «В эти мартовские дни, — вспоминал Черчилль, — в Англии распространилась волна какого-то порочного

оптимизма. Несмотря на то, что в Чехословакии нарастало напряжение под немецким нажимом извне и изнутри, те английские газеты и министры, чьи имена были связаны с Мюнхенским соглашением, не теряли веры в политику, в которую они вовлекли страну». Выступая в палате общин 15 марта, Чемберлен, выражая сожаление в связи с отделением Словакии от Ч-С, тем не менее заявил: «Однако мы не допустим, чтобы это заставило нас свернуть с нашего пути. Будем помнить, что чаяния народов всего мира по-прежнему сосредоточены в надежде на мир»^[447]. Через два дня его настроение под влиянием английского общественного мнения резко изменилось. В официальных нотах Англии и Франции уже говорилось о незаконности действий Германии против Чехо-Словакии, но, что примечательно, осуждался, по сути, не сам акт агрессии против суверенного государства, а нарушение Гитлером обещаний, данных в Мюнхене. Немцы отнеслись к протестам англичан и французов с высокомерным презрением, а статс-секретарь германского МИД Э. Вайцзеккер вообще отказался принять от Кулондра официальную ноту протеста Франции от 18 марта, заявив, что французское правительство вообще не может вмешиваться в дела, которые уже «должным образом улажены между Берлином и Прагой»^[448]. США, отозвавшие своего посла из Берлина, заявили о непризнании ими акта насилия, совершенного Германией. Польша ограничилась позицией стороннего наблюдателя^[449].

Опасность остаться наедине, лицом к лицу, с гитлеровской Германией усилила в Англии и Франции тенденцию к оживлению системы коллективной безопасности, положила начало «политики гарантий» западных держав. 31 марта была предоставлена английская гарантия Польше, позднее превращенная в

соглашение о взаимной помощи, затем гарантии получили Греции и Румынии^[450]. Однако это вовсе не означало окончательного отказа руководителей Англии и Франции от политики «умиротворения», рецидивы которой стали учащаться по мере удаления от событий 14–15 марта 1939 г.

Ю. Л. Квицинский

Дьявольский пакт или игра в карты с чертями?

Чтобы понять побудительные мотивы и логику действий руководства СССР при заключении договоренностей с Германией в августе 1939 г., имеет смысл бросить хотя бы краткий ретроспективный взгляд на предыдущие два десятилетия взаимоотношений Советской России с Германией и те международные обстоятельства, которые, в главном, определяли европейскую политику того периода. Все эти годы приоритетом для Германии оставался пересмотр послевоенного порядка вещей в Европе. Для оказавшейся во враждебном окружении России задачей номер один также являлось изменение такой ситуации и обеспечение внешней экономической помощи в восстановлении и развитии. Конечно, Германия не раз доказывала свою ненадежность и опасность для России. Конечно, трудно было найти в мире другого столь хищного и вероломного партнера. Но разве Германия не проиграла войну? Разве не пришлось ей пережить подписание унижительного Версальского мира? Разве не находилась она, подобно Советской России, после окончания войны в глубокой международной изоляции? Сама жизнь диктовала России и Германии необходимость объединиться, чтобы вырваться из-под ига ненавистной Антанты.

Предпринятая немцами на Генуэзской конференции в 1922 г. попытка вернуться в «приличное европейское общество», решить свои экономические проблемы за счет формирования некоего европейского консорциума

«для восстановления России» при ведущей роли Германии, а потом, спустив Версаль на тормозах, создать единый антироссийский фронт и со временем покончить с «большевистской чумой», не удалась. Изолированная по инициативе англичан Германия вынуждена была пойти на подписание договора о сотрудничестве с Россией, который по месту своего подписания известен как Договор Рапалло. Он на долгие годы стал на Западе нарицательным понятием, пугалом, повергающим в дрожь и смятение англосаксонскую и французскую дипломатию, поводом для обвинения Германии в склонности к «сговору с Россией против Запада» и «измене в отношении моральных ценностей западной цивилизации».

Договор Рапалло успешно функционировал десяток лет и сошел на нет только после прихода к власти в Германии фашистов. Он серьезно изменил всю расстановку сил и ситуацию в Европе, во многом облегчил течение экономического кризиса в Германии в конце двадцатых годов, немало помог Советскому Союзу в решении вопроса индустриализации. Этот договор был типичным «браком по расчету», из которого каждая из сторон извлекла свои выгоды, не испытывая особой любви друг к другу. Тем не менее, по своей сути в период с 1922 по 1933 год отношения Советского Союза и Германии можно назвать стратегическим партнерством. Мы с помощью Германии хотели сорвать и сорвали план Антанты создать единый фронт капиталистических держав против России. С немецкой помощью Россия строила социализм в отдельно взятой стране, быстро индустриализировалась и все меньше говорила о мировой революции, обращая свои взоры на Китай, Индию и другие колониальные и полуколониальные страны и видя в них большой резерв для своей будущей политики. Германия же вернулась к привычной для нее политике лавирования между

Россией и Англией и расширения таким путем своих позиций в Европе. С помощью Москвы Берлин готовился к тому, чтобы окончательно стряхнуть оковы Версаля, возродить свою военную мощь и вернуть себе статус столицы великой державы.

К сожалению, у части руководства СССР, в том числе и военного, Договор Рапалло возродил прежние российские иллюзии, будто наконец-то открывается некая «новая эра», на этот раз в советско-германских отношениях. Эту иллюзию укрепляло и активно развивавшееся до середины 1933 г. военное сотрудничество между двумя странами. Руководители типа Тухачевского и Радека, судя по всему, искренне верили в возможность длительного и прочного союза с Германией, считали эту линию предпочтительной для европейской политики Советского Союза. В их (и не только их) понимании основу для тесного военно-политического сотрудничества двух стран создавали как интересы их собственного развития, так и некоторые задачи пересмотра послевоенного порядка в Европе. Прежде всего, это касалось Польши, отторгнувшей у России в 1920-е гг. крупные белорусские и украинские территории и проводившей в отношении Москвы сугубо конфронтационную политику. Поэтому-то в немецких мечтах «переустроить Польшу» Советский Союз задолго до 1939 г. представлялся вероятным и естественным партнером.

Между тем, уже после антисоветского сговора Берлина с Лондоном и Парижем в Локарно в 1925 г. и отклонения российского предложения заключить политическое соглашение с обязательством не вступать ни в политические, ни в экономические блоки или договоры с третьими державами друг против друга стало совершенно ясно, что Германия готовится к новой экспансии на Восток. На первом этапе речь шла преимущественно о Польше и Чехословакии, но главной

целью на перспективу все более очевидно — с согласия и одобрения англичан — становилась Россия.

К счастью в начале 1930-х гг. в Москве стали внимательно читать «Майн кампф» и задумываться над тем, что там написано. Планы захвата жизненного пространства на Востоке не могли не настораживать.

С середины 1930-х гг. маятник германо-российского сотрудничества стремительно понесся вниз. Россия пыталась его остановить, прилагая для этого отчаянные усилия. Вновь сказывалась стереотипная вера в то, что мы сможем многое, если только договоримся с немцами, если сумеем действовать заодно с ними. Последней отчаянной попыткой в этом направлении были договор о ненападении и договор о дружбе и границе, подписанные между СССР и Германией, вместе с сопровождавшими их негласными протоколами, в августе и сентябре 1939 г.

Договоренности от 23 августа 1939 г., более известные как пакт Молотова-Риббентропа, нередко изображаются чем-то вроде главной причины начала Второй мировой войны, а в адрес руководства СССР и лично И. В. Сталина выдвигается обвинение в преступном сговоре с Гитлером с целью ее развязывания. Вот если бы этого пакта не было, тогда, следуя логике авторов подобных упреков, Германия не напала бы в 1939 г. на Польшу, убоявшись коалиции Англии, Франции и СССР, а если бы и напала, то была бы тут же разгромлена.

Ни про одну войну столько не врут и не ввали, как про Вторую мировую и нашу Великую Отечественную, поскольку их итоги не устраивали ни побежденных немцев, ни западных союзников. Они ведь и объединились сразу после окончания войны в союз против России и принялись ставить знак равенства между Гитлером и Сталиным, между фашизмом и

социализмом, призывая продолжить войну — на сей раз для разрушения СССР.

Реализовать эту цель полвека западным державам в союзе с остатками Третьего рейха не удавалось. Мешали советское атомное оружие и межконтинентальные ракеты. Советский Союз в конце концов был разрушен изнутри.

Но сейчас речь не о том. Мог ли Советский Союз в 1939 г. действительно предотвратить начало Второй мировой войны? Был ли пакт 1939 г. неким дьявольским документом, в корне отличавшимся от других международных соглашений, которые подписывались в те годы? Или, иначе говоря, являлись ли договоры с гитлеровской Германией в тот период заведомым преступлением, на которое не могло пойти никакое уважающее себя демократическое государство? Заключил ли Советский Союз пакт о ненападении с Германией, чтобы подталкивать Гитлера на все новые захватнические войны? На все эти вопросы есть только один ответ. И он — отрицательный.

Итак, какова была международная обстановка на момент визита Риббентропа в Москву и подписания пакта?

Гитлеровская Германия быстро набрала силу. Ее стратегической целью была ликвидация СССР и завоевание жизненного пространства на Востоке. Для ее достижения немецкому руководству требовалось решить три задачи.

Во-первых, вооружить Германию и подготовить ее к ведению войны. Эта задача была решена к 1938 г., причем без сколько-нибудь значительного сопротивления со стороны Франции и Англии. Гитлер удивился этому. Он боялся превентивных военных действий со стороны, по крайней мере, французов. Они ничего не сделали. С тех пор он стал глубоко презирать их.

Во-вторых, собрать всех этнических немцев под крышей рейха. Немцев в рейхе было 70 млн, если добавить к ним австрийцев и судетских немцев, то 80 млн. Население СССР насчитывало 170 млн. Поэтому надо было оккупировать Австрию и Чехословакию и приобрести, помимо итальянцев, союзников в лице венгров, румын, хорватов, словенцев, болгар, чтобы выровнять баланс сил.

В-третьих, подвести эту хорошо вооруженную Германию вместе с ее союзниками вплотную к границам СССР, ликвидировав все ранее существовавшие между нами территориальные прокладки, но по возможности не прибегая при этом к войне.

По сути дела, выход на непосредственное соприкосновение с СССР был главной предпосылкой реализации провозглашенной Гитлером в «Майн Кампф» цели уничтожения Российского государства, ликвидации и порабощения ее населения, превращения всей России в колонию и место для расселения немецкой расы «господ». Цель эта была отлично известна на Западе. Все его действия в 30-е гг. прошлого века были однозначно направлены на то, чтобы помочь Гитлеру подготовиться к войне с СССР. Гитлера толкали на Восток, убеждая, что на Западе ему искать нечего: там нет жизненного пространства для немцев.

Поэтому Запад не возражал против аншлюса Австрии и расчленения Чехословакии в результате мюнхенского сговора с Гитлером 29 сентября 1938 г. Он потирал руки при заключении антикоминтерновского пакта и не видел ничего предосудительного в установлении фашистских режимов в Румынии и Венгрии.

Наиболее важной с точки зрения подготовки к наступлению на СССР для Гитлера была Польша. Она лежала на главном направлении его будущего удара на

Москву. Германия попыталась договориться с поляками «по-доброму», считая, что для этого есть все предпосылки. Польша того времени была фашистским или полуфашистским государством, антисемитским и антирусским. Это открывало возможности для политического сговора с ней. Правда, у Польши был договор о взаимопомощи с французами, но после Мюнхена цена ему в глазах поляков была грош.

Гитлер же еще в 1934 г. подписал с Польшей пакт о ненападении на 10 лет. Отношения с Варшавой были прекрасные. При расчленении Чехословакии Гитлер отдал полякам жирный кусок — Тешен, имея в виду, что поляки ему могут вскоре понадобиться как союзники. Поэтому осенью 1938-го и в начале 1939 г. Германия предложила Польше продолжить и расширить сотрудничество, преобразовав пакт о ненападении в союзный договор против России со сроком действия 25 лет. Риббентроп намекнул полякам, что в случае согласия их ждут крупные территориальные приращения на Востоке. Он обещал Варшаве также помочь в решении еврейского вопроса, оставить полякам Познань и Верхнюю Силезию. Единственно, о чем просил поляков Гитлер, — вернуть Германии Данциг и согласиться на создание экстерриториального коридора между этим городом и Германией. Он считал это весьма незначительной уступкой Польши и искренне полагал, что Варшава легко согласится с этим требованием. Короче говоря, Варшаве предлагалось стать союзником Германии на манер Венгрии или Румынии и поучаствовать в скорой войне с Россией.

Если бы из этой затеи что-то получилось, польские войска, безусловно, пошли бы на Россию в составе немецких полчищ под предводительством польских квислингов. Но Польша вдруг заартачилась. Почему — этого Гитлер не мог взять в толк. Он даже посулил полякам отдать часть Украины, и когда не получил

ответа, то сильно рассердился и решил, что если поляки не хотят участвовать в дележе советского пирога, то их надо примерно наказать, превратив Польшу, как и Россию, в поле для экспериментов СС с целью искоренения славянства. Весной 1939 г. Гитлер принял решение о войне с Польшей — не за Данциг и не за коридор, а о войне на уничтожение.

Почему поляки проявили несговорчивость? До сих пор до конца это не ясно. Известно, однако, что Варшава ничего не делала, предварительно не посоветовавшись с Парижем и особенно с Лондоном. Видимо, там заверили поляков, что они могут рассчитывать на защиту своих союзников, и посоветовали продолжить торговаться с Гитлером. На самом деле ни Франция, ни Англия за Польшу воевать не собирались. Они сознательно провоцировали конфликт между Польшей и Германией, исход которого был заранее очевиден. Такой исход отвечал замыслам англо-французов, стремившихся всячески ускорить момент столкновения Советского Союза с Гитлером.

В эти дни Гитлер и решил предложить пакт о ненападении Сталину, отлично понимая, что позиция СССР приобретает решающее значение для развития событий в Европе. При этом он хотел одним выстрелом убить сразу трех зайцев: ликвидировать Польшу; показать Западу, что если тот будет и дальше проявлять несговорчивость и неготовность поделиться с ним своими колониями, то вполне возможен союз Германии с Россией; вбить клин между Россией и западными демократиями. Последнее было особенно важно, поскольку Гитлер полагал, что Запад не простит Сталину сговора с ним, и позже, после начала войны с СССР, останется нейтральным.

Каково было положение СССР на тот момент? Оно было крайне тяжелым. Мюнхенский сговор продемонстрировал международную изоляцию СССР,

нежелание Запада предпринимать совместные с нами шаги против продолжающейся агрессии Германии, явное стремление толкать Гитлера на Восток в условиях, когда СССР не был готов к ведению войны. Нам надо было попробовать выиграть время и расколоть фактическую коалицию Гитлера и его западных пособников — «умиротворителей». Такая возможность внезапно открылась в 1939 г.

Сталин, однако, медлил несколько месяцев. Но человек он был жесткий, реалистичный и решительный. Его выбор был совершенно естественным. То, что Германия нападет рано или поздно на Польшу, было очевидно. Очевидно было и то, что поляки будут разбиты. То, что военный союз СССР с западными державами вряд ли удержит Гитлера от нападения на Польшу, было очевидно тоже. Французы только что предали Чехословакию и, скорее всего, поступили бы точно так же по отношению к Польше. Но у французов была хотя бы армия. Англичане тоже предали бы Польшу, как до этого Чемберлен предал Чехословакию, но в отличие от французов и армии-то у них не было. Последующие события подтвердили справедливость этих соображений.

Если бы Сталин выбрал союз с англо-французами, то воевать пришлось бы одной России, причем все еще не готовой к войне. Воевать пришлось бы на своей собственной территории, так как поляки наотрез отказывались допускать Красную армию в свою страну. Французы сидели бы сложа руки за своей «линией Мажино», а англичане рассказывали бы нам о трудностях высадки на континент.

«Сколько дивизий в случае начала войны вы сможете развернуть на континенте?» — спрашивал англичан Сталин. «Две немедленно, и еще две несколько позже», — отвечали те. «Вот как! — иронизировал Сталин, — две немедленно, и две

несколько позже. А знаете ли вы, сколько дивизий у немцев?»

А что предлагала нам Германия? Она предлагала главное — мир еще на некоторое время. Но это было не все. За воздержание от военных действий Советский Союз получал крупные территориальные приращения на Западе — Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, украинские и белорусские земли Польши, Бессарабию. Все это были территории, которые оттяпали у России немцы по похабному миру в Брест-Литовске. Конечно, Гитлер был так щедр, поскольку собирался в самое ближайшее время отобрать у нас все это назад, но для нас создавалась стратегически очень важное предполье, прикрывавшее центральные районы СССР на случай возникновения войны.

Играло роль и еще одно соображение. Конечно, Запад не хотел воевать с Гитлером и с затаенным дыханием ждал его нападения на СССР, чтобы Германия и Россия вконец обескровили друг друга, а Запад затем выступил бы арбитром. Но это был всего лишь один из возможных вариантов развития событий. Если, однако, Запад все же выступил бы в поддержку Польши и хотя бы формально объявил войну Гитлеру, это сразу отвлекло бы внимание Германии по крайней мере на некоторое время от России. Открывался бы реальный шанс, что война Германии с западными державами затянется. Ведь Франция была крупнейшей континентальной державой, и никто в тот момент не предполагал, что она в течение нескольких недель рассыплется, как карточный домик. Англичане на своих островах были отгорожены от Германии морем, имели сильный флот и могли довольно долго продержаться. Значит, Гитлер мог серьезно завязнуть, а мы выигрывали время и могли рассчитывать на серьезное укрепление своих внешнеполитических возможностей

перед лицом конфликта ведущих империалистических держав между собой.

Ситуацию в тот момент можно было бы сравнить с положением на футбольном поле, на которое Гитлер внезапно вбросил польский мяч. «Остановите его! — говорили нам западники». «Нет, вы останавливайте его», — отвечал им Сталин. В этом, собственно, и заключался весь дипломатический диалог, пока Сталин решительно не забил мяч в ворота англо-французов к их крайнему неудовольствию. Это был мастерский удар.

Дальнейшее известно. Англия и Франция для формы объявили войну Гитлеру, но не воевали, спокойно наблюдая за разгромом и оккупацией немцами Польши. СССР в ответ продвинул свои рубежи на Запад до линии Керзона, восстановив былые границы России. Казалось, все шло по плану. Но обстановка резко изменилась уже через 9 месяцев. Гитлер разбил французов и англичан и оккупировал всю западную часть европейского континента, прихватив еще Балканы, Данию и Норвегию. Без Франции Англия перестала представлять собой серьезный военный фактор в Европе. Расчет Сталина на то, что Гитлер увязнет на Западе, не оправдался. Угроза войны для нас начала быстро нарастать.

Уже летом 1940 г. Гитлер вернулся к своему плану нападения на Советский Союз. 2 июня 1940 г. он говорил на встрече с офицерами штаба группы «А» сухопутных войск, что у него «вскоре, наконец, будут развязаны руки для великой и настоящей задачи борьбы с большевизмом». 30 июня он говорил начальнику генштаба Гальдеру, что нужна еще одна маленькая демонстрация по адресу Англии для того, чтобы «англичане не ударили нам в спину, когда мы двинемся на Восток». 21 июля он поручил генштабу «заняться русской проблемой», а 31 июля провел совещание с командующими родами и видами войск о

предстоящем походе на Россию. Главная цель похода — «уничтожение жизнеспособной России». Дата начала операции — 15 мая 1941 г. Зимой начинать войну Гитлер не решался. Подготовке войны с Россией фюрер уделял все свое время и энергию, хотя вроде бы должен был заниматься войной против Англии. Но она его уже мало интересовала, т. к. он был уверен, что Черчилль не будет ему помехой.

До весны 1941 г. немцы вели, однако, переговоры с нами. Написаны толстые книги о том, будто можно было избежать войны с Германией, если бы СССР занял в 1940 г. только Бессарабию и не трогал Северную Буковину, если бы Молотов во время визита в Берлин в ноябре 1940 г. поменьше говорил о Финляндии, Болгарии и черноморских проливах. Однако все это ерунда. Немцы просто водили нас за нос. В это время составлялся план «Барбаросса», окончательно утвержденный 18 декабря 1940 г. Для отвлечения внимания Сталина немцы предлагали нам заняться Индией, а когда тот ответил им, они замолчали и прекратили разговоры на эту тему.

В конце концов, Гитлер сам себя уговорил, что дальше тянуть с открытием войны против СССР не стоит. Во-первых, полагал он, разбив Россию, он лишит Англию последнего союзника на европейском континенте, и Лондон, наконец, примет его условия. Во-вторых, СССР будет разгромлен в течение нескольких недель или месяцев. В-третьих, замаячила опасность вовлечения в войну США на стороне англичан. Поэтому надо было постараться вывести из строя СССР еще до того, как в войну вступит Америка. Все эти три соображения, в конце концов, оказались ошибочными.

Гитлер после начала войны пытался представить свое нападение на СССР как превентивную войну. Ему сейчас вторят некоторые западные исследователи, прежде всего наш перебежчик Суворов (книга

«Ледокол»), которого подпитали соответствующими материалами западные разведки. Однако все факты говорят о том, что это была не спровоцированная Советским Союзом агрессия, а реализация главного преступного плана, который вынашивался нацистами в течение многих лет. Пакт о ненападении между СССР и Германией должен был неизбежно стать жертвой этого плана.

Это, видимо, было ясно советскому руководству, которое продолжало, несмотря на заключение пакта, форсированную подготовку страны к войне. Если Сталин в чем-то и ошибся, то только в оценке длительности мирной паузы, которую давало ему заключение пакта с Германией. Само же заключение пакта было, безусловно, правильным и наиболее целесообразным в тех условиях политическим и военным решением.

История в сослагательном наклонении, как известно, не пишется. Поэтому все рассуждения на тему, что было бы, если бы что-то было не так, а иначе, как правило, являются неблагодарным занятием. Тем не менее, попробуем представить себе, что было бы, если бы пакт о ненападении не был нарушен Гитлером.

Англия, разумеется, не смогла бы освободить Европу от фашизма даже в союзе с США. Лишь к 1944–1945 гг. они вместе смогли выставить на европейском фронте не более 86 дивизий. Германия, если бы она не воевала с Советским Союзом, без труда разделалась бы с ними. Правда, к 1945 г. у США появилась атомная бомба. Но такие работы велись и в Германии, и кто знает, чья взяла бы, в конце концов, верх в этой гонке. Тем более, если бы Германия не вела войны на истощение с нами. В этом случае англосаксы, наверняка, не решились бы показать и носа в Европе. Пришлось бы им идти на компромиссный мир с Германией, а Европа надолго превратилась бы в

эсэсовское государство. Без Советского Союза фашизм не был бы разбит, холокост был бы доведен до своего полного логического завершения, а Германия диктовала бы свои условия нынешним претендентам на лидерство в мире, которые охотно забывают о том, чем они обязаны нам и нашему народу.^[451]

И еще один весьма немаловажный момент. Поведение наших уважаемых союзников в этом случае было бы весьма непредсказуемым. Они ведь с самого начала войны подумывали не о разгроме нацизма, а о том, как по возможности затянуть конфликт между СССР и Германией, добиться их максимального ослабления, а затем продиктовать условия. Это было бы для них куда легче сделать, если бы им удалось втравить нас в войну с Гитлером, а самим остаться в стороне, соблюдая нейтралитет. Это не фантазия. Договор о ненападении с Германией у Франции уже был. Оставалось только прийти к такому же договору с Англией, куда перед самым нападением на СССР был направлен с секретной миссией ближайший соратник Гитлера рейхсфюрер Гесс.

Искусство советской дипломатии состояло в том, что она ушла в тот момент от конфликта с Гитлером и предоставила вступить в войну с ним сначала англичанам и французам (вопреки их планам и расчетам). Это было решающей предпосылкой для создания единого антифашистского фронта после совершения нападения Германии на Советский Союз. Разгром и оккупация Франции, бомбардировки Лондона и уничтожение Ковентри, огромные потери англичан и американцев от подводной войны в Атлантике не оставили западным лидерам иного выбора, как пойти на союз с ненавистной им Россией. Они в течение всей войны пытались вырваться из этого союза. Но сделать этого так и не смогли. И в этом — тоже огромная победа

сталинской дипломатии, начавшей разгром фашизма именно с заключения пакта Молотова-Риббентропа. Советский Союз не продал в 1939 г. душу дьяволу. Он сел играть с чертями в карты и обыграл их. Обыграл вчистую.

Черчилль по поводу пакта Молотова-Риббентропа признавался: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии... В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 г., когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и значительную часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была в тот момент также в высокой степени реалистичной».

Иначе говоря, окажись тогда наши западные союзники на месте СССР, они действовали бы точно также или еще более холодно и расчетливо.

Пакту о ненападении, подписанному Молотовым и Риббентропом в присутствии Сталина, не было суждено прожить и двух лет. Показательна принципиальная разница в подходе двух сторон, заключивших этот договор, к принятым на себя обязательствам.

Немецкая сторона тут же стала готовиться перечеркнуть его и нанести предательский удар своему партнеру. И говорить тут надо не о маньяке Гитлере, безродном ефрейторе, совратителе добропорядочных

немцев, а именно о германской стороне. Гитлер не был один, вокруг него услужливо толпились потомственные аристократы из командования вермахта и германского кабинета, ведущие немецкие ученые и деятели культуры. Все они, несмотря на только что подписанный дружественный договор с Россией, с энтузиазмом занимались подготовкой к ее уничтожению и разграблению. Они не видели ничего противоестественного или предосудительного в таком отношении к России и русским. Такова уж была традиция германской имперской политики, прочно угнездившаяся в головах немецкой элиты. В соответствии с ней в отношении России были вполне допустимы вероломство, неискренность, обман и даже преступления. Если раньше Германия ссылалась на необходимость борьбы с царизмом, то теперь — «с еврейским большевизмом». Суть дела от этого, однако, нисколько не менялась.

Российская (советская) сторона до конца, до самого момента немецкого нападения, а может быть, еще и много дней после него цеплялась за договор о ненападении, хотела верить, что вторжение в нашу страну может быть недоразумением, отдавала перед лицом устремившихся на нее танковых лавин странные приказы не поддаваться на провокации. В очередной раз Россию губила вера в немецких партнеров. Опыт прошлого не шел нам впрок. Похоже, однако, что наша политика никогда от этой веры и иллюзии так и не избавится. Во всяком случае, 22 июня 1941 г. мы поскользнулись на той же самой арбузной корке и на том же самом месте, что и во времена Бисмарков, кайзеров и прочих руководителей немецкой нации.

Предвидел ли Сталин неизбежность войны с Германией? Безусловно, да. Он не раз говорил об этом на политбюро и совещаниях с военными. Мог ли он питать иллюзии в отношении надежности немцев как

партнеров? Безусловно, нет, учитывая его личный опыт как члена большевистского руководства, издевавшего позор Брест-Литовского мира и все перипетии Гражданской войны, включая действия германских интервентов под Псковом, на Украине и на Дону. Готовился ли он к войне с Германией? Опять, безусловно, да. Хотел ли он выиграть эту войну и провести ее на чужой территории? Конечно, да. Если бы не хотел и не вел соответствующей подготовки, то был бы преступником перед собственной страной и народом.

Любой генштаб, а тем более генштаб великой державы, должен планировать в случае нападения на страну скорейший переход в наступление и перенос военных действий на территорию противника. Он должен планировать свои действия так, чтобы за родину героически умирали солдаты противника, а не свои собственные солдаты. Он должен вести свои действия так, чтобы лучше всего вообще не доводить дело до войны, а победить без единого выстрела умелым маневром, внесением разброда в ряды противника, чтобы враждебное государство сдалось без боя или рухнуло изнутри.

В этом и ответ всем, кто обвиняет во всех смертных грехах Советский Союз. Они перепевают, может быть, того не ведая по своей скудной грамотности, запущенные вскоре после начала войны тезисы гитлеровской пропаганды, будто Германия была вынуждена нанести упреждающий удар по России, которая изготавилась напасть на мирных и благопристойных немцев. То, что это утверждали немцы — не удивительно. Еще Бисмарк завещал, нападая на других, кричать, что только защищаешься. Так немцы всегда и делали.

Что до ошибок Сталина, то его подвела, прежде всего, вера в собственную непогрешимость и

убеждение в том, что у СССР все же хватит времени, чтобы завершить подготовку к войне. Ему так хотелось надеяться на это, что он отказывался воспринимать вещи вполне очевидные, делать единственно возможные выводы из поступавшей к нему агентурной и иной информации. Известна его резолюция на записке наркома госбезопасности Меркулова, которой тот препровождал сообщение агента из Берлина, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время». Рукой Сталина на этой записке начертано: «т. Меркулов. Можете послать ваш «источник» к е... матери. Это не источник, а дезинформатор».

Эта самоуверенность в оценке международной обстановки, возможностей и намерений противника, впрочем, не столь уж необычна для нашей истории. Так что ошибка Сталина в каком-то смысле типична для нашего руководства. Во всяком случае, в истории он отнюдь не одинок.

Удар немцев 22 июня 1941 г. был неожиданным и сокрушительным. Отрицать это не имеет смысла. Сталин его не ждал, войска приказа о приведении в боевую готовность не имели. На Россию ринулось сразу 152 немецких и 29 румынских и финских дивизий с 4950 самолетами, 2800 танками, 47 000 орудиями и минометами — всего 5,5 млн чел. За их спиной стояла экономическая и военная мощь всей Европы, покоренной Гитлером. Красная армия, насчитывавшая в тот момент 4,6 млн чел. стремительно покатила назад. Несмотря на отчаянный героизм наших солдат, над Советским Союзом уже через несколько месяцев нависла реальная угроза разгрома. Немецкие войска блокировали Ленинград, захватили огромные территории на западе страны и стояли всего в нескольких десятках километров от Москвы. Только

ценой чрезвычайного напряжения сил в конце 1941 г. немцев удалось отбросить от Москвы, а зимой 1942–1943 гг., пережив летнюю трагедию окружений и отступлений на юге, разгромить немецкие войска под Сталинградом, что стало коренным переломом в войне.

Война с германским агрессором способствовала сплочению народа после тяжелых 1920-х и 1930-х гг. и его примирению с властью. Русская армия после периода неудач 1941 и 1942 гг. не в пример 1914–1917 гг. сумела взять инициативу в свои руки и практически в одиночку сломить Германию, что не могло не вызвать прилива патриотизма, национальной гордости и уверенности в будущем. Третьему рейху, развязавшему против нас войну с откровенной целью покончить с российским государством и колонизовать его территорию, не удалось ни добиться этой стратегической цели, ни уйти от поражения с помощью тайных переговоров или организации внутреннего конфликта в Советском Союзе. В 1945 г. рейх был поставлен на колени, а правители Германии даже не были допущены к выработке условий дальнейшей жизни и существования немцев. Немецкое командование безоговорочно капитулировало и сдало всю верховную власть над Германией в руки СССР и его западных союзников. Фиаско германской имперской политики было полным.

У нас принято подчеркивать, что это было фиаско только нацистской политики, как будто бы нацистская политика в корне отличалась от той, которую Германия проводила по нарастающей линии после своего объединения в 1871 г. Да, важной составной частью нацистской политики был животный антисемитизм и антибольшевизм, теория расовой исключительности и линия на искоренение славянских народов. За минусом этих составляющих восточная политика гитлеровской Германии, однако, немногим отличалась от политики ее

предшественников. В Ялте, а затем в Потсдаме, как тогда казалось, этой политике был вынесен смертный приговор. Германия никогда больше не должна была угрожать своим соседям или сохранению мира во всем мире. Так постановили четыре великие державы.

Сегодня объединенная Германия не любит вспоминать ни об этих решениях, ни о своих обязательствах по договорам с СССР, которые привели к ее единству. Она явно хотела бы вести себя так, как будто не существует обязательства, что с ее территории впредь должен исходить только мир, что нет ограничений на размеры армии, нет запрета на оружие массового уничтожения и много другого, что запрещено Германии в сравнении с другими странами. Германия поддержала бомбардировки Югославии, активнейшим образом поддержала все решения о расширении НАТО и ЕС, цементируя тем самым результаты вытеснения России из Европы и распада Советского Союза и стремясь вернуться под флагом НАТО и ЕС в районы традиционного влияния рейха в Восточной и Юго-Восточной Европе. Она вместе с США и другими странами альянса ведет активнейшее проникновение в бывшие республики СССР, прежде всего в Прибалтику, на Украину и в Закавказье, поддерживает политику создания антироссийского «санитарного кордона» на наших бывших землях.

В этой политике Германии в отношении России, к сожалению, нет ничего нового, а следовательно, непредвиденного и, тем более, обнадеживающего. Все это мы видели и переживали много раз прежде, в том числе и в 30-е и 40-е гг. прошлого века. Поэтому и осмысление опыта того периода предельно актуально сегодня.

Вот и сейчас у России опять затевается на международной арене роман с Германией, порождающий у одних завышенные надежды, а у

других — чрезмерные страхи и опасения. Уверен, однако, что пока Россия слаба и пятится, пока пытается откупаться новыми политическими и экономическими уступками, Германия будет за то, чтобы Запад двигался дальше на Восток. Упрется это движение в стену сопротивления — немецкая точка зрения по этому вопросу может измениться. Изменится и отношение Германии к России, как уже не раз бывало в нашей истории. Другими словами, ключ к решению наших проблем на внешней арене, в первую очередь, в отношениях с Германией, лежит не где-нибудь, а внутри России, в ее быстрейшем восстановлении как великой державы в военном, политическом, экономическом и культурно-информационном плане.

С. И. Дрожжин

**Договор о ненападении между
Советским Союзом и
Германией и общественное
мнение современной Германии**

«Пакт Гитлера-Сталина» или «персонифицированное зло»?

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 г., оказался одним из немногих, если не единственным «персонифицированным» историческим документом из новейшей истории Европы, крепко связанным в сознании жителей большинства западных стран с именами Гитлера и Сталина, хотя их подписей на этих бумагах и нет, если не считать автографа советского руководителя на одной из карт.

В немецкой печати можно встретить самые разные оценки этого договора. Некоторые, например, считают, что пакт о ненападении свидетельствует о «дружбе» или «идейной близости» между Гитлером и Сталиным. Причем, книги с такого рода «научными» интерпретациями свободно печатаются в современной России без соответствующего критического комментария. Очень распространена точка зрения, в соответствии с которой подписание этого договора и стало причиной Второй мировой войны. Следует, правда, признать, что серьезные историки в Германии не позволяют таких упрощенных подходов, однако и «несерьезных» авторов также хватает.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом какое-то время на Западе, в том числе и в ФРГ, предпочитали называть пактом Молотова-Риббентропа, а теперь уже по большей части его упоминают как пакт Гитлера-Сталина. Современных читателей уводят от конкретного содержания этого договора и конкретных исторических условий, в которых он заключался. При этом акцент делается на

то, что это был пакт, заключенный «двумя диктаторами». Такой точки зрения придерживался, к примеру, популярный британский историк Алан Буллок, считавший, что подобного рода соглашение было возможно только между двумя правителями, которые ни перед кем не отчитывались при принятии важных решений. Не удивительно, что журнал «Der Spiegel» в нескольких своих номерах напечатал значительные выдержки из книги «Гитлер и Сталин» этого автора.

Такой же договор Германии с Польшей, заключенный в 1934 г., никому не приходит в голову называть «пактом Гитлера-Пилсудского», а Мюнхенский договор не содержит никаких ссылок на позорную роль Великобритании и Франции в этом деле. Кстати о диктатурах. Журнал «Der Spiegel» приводит данные проведенного Институтом Гэллапа накануне Второй мировой войны опроса общественного мнения Великобритании. По результатам исследования, 92 % граждан этой страны выступали за заключение военного союза с Советской Россией^[452], чего правительство консерваторов под руководством Невилла Чемберлена долгое время предпочитало не замечать.

Договор о ненападении между Германией и Советской Россией достаточно активно обсуждается не только историками и средствами массовой информации. Недавно депутаты Бундестага решили со своей стороны каким-то образом откликнуться на приближающийся 70-летний юбилей этого соглашения.

Не обошлось в Германии и без неприятного конфуза. Осенью прошлого года, когда конфликт на южном Кавказе достаточно неожиданно актуализировал весь корпус международно-правовых соглашений в новейшей истории Европы, во время одной из многочисленных дискуссий на телевидении по поводу

только что закончившегося военного конфликта член партии «зеленых» и эксперт по России Мариелуизе Бек перепутала в своем выступлении два договора — Брест-Литовский мирный договор и Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом.

В ходе этой дискуссии на втором канале германского телевидения фрау Бек не совсем поняла своего собеседника, говорившего как раз о Брест-Литовском договоре, по которому, напомним, под давлением Германии были отторгнуты от Советской России огромные территории. Судя по всему, депутату бундестага просто необходимо было как «эксперту по России» дать событиям соответствующую «политически корректную» оценку. Она намеревалась в привычном для многих немецких политиков и историков стиле привести «последний и неопровержимый» аргумент о империалистической направленности политики России. Для этого ей и нужно было упоминание пакта Гитлера-Сталина.

Ошибка депутата парламента и эксперта по России была бессознательной оговоркой «почти по Фрейду». Дело в том, что Брест-Литовский договор табуизирован в немецком общественном сознании. Договор был навязан кайзеровской Германией молодой Советской республике. Это был по-настоящему грабительский договор. Немцы цинично воспользовались слабостью России и вынудили ее согласиться на заведомо неприемлемые условия. Потери России в результате Первой мировой войны по условиям именно этого договора были чудовищны. При этом следует иметь в виду, что Германия и не думала предоставлять независимость отторгнутым у России обширным территориям. Берлин все хотел получить под свой контроль — и Финляндию, и Прибалтику, и Украину, и Белоруссию. Гитлеру, кстати, очень не нравился

Версальский договор, но он был в восторге от Брест-Литовского.

Гитлера, как известно, в Брест-Литовске не было. Это очень неприятный факт для тех немецких историков, которые занимаются «политкорректной» интерпретацией своей истории. Им неприятно вспоминать о том, что у императора Вильгельма II и его генштаба были в отношении России почти такие же планы, как и у Гитлера.

Журнал «Der Spiegel» сообщил своим читателям в конце прошлого года, что американский политолог Збигнев Бржезинский сравнил действия России на Южном Кавказе с нападением Советского Союза на Финляндию. «Таким образом, — продолжает немецкий журнал, — конфликт России с Грузией превратился в конфликт между Россией и Западом»^[453].

Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский намеренно сравнил планы строительства газопровода «Северный поток» с пактом Гитлера-Сталина. «Польша, — заявил Сикорский, — особенно чувствительна в отношении всякого рода коридоров и договоренностей, заключаемых через ее голову. Это традиция Локарно. Это традиция Молотова-Риббентропа»^[454]. Сикорский также добавил, что позиция канцлера Меркель, не желающей препятствовать строительству газопровода, подрывает основу «общеевропейской внутренней и внешней политики».

Договор о ненападении, или история как средство политической борьбы

Большая группа современных немецких историков пытается представить дело таким образом, что подписание договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г. и стало основной причиной Второй мировой войны, в результате которой погибли десятки миллионов людей. Этот тезис настойчиво и не безуспешно пытаются внедрить в сознание немцев в том числе даже самые независимые и бравирующие своим критическим отношением к власти средства массовой информации Германии.

Дело в том, что толкование истории затрагивает весьма чувствительную область современного общества, его так называемое «национальное самосознание», структурными элементами которого могут служить не только исторические факты, но и всякого рода мифы и «политически корректные» интерпретации событий прошлого.

Среди современных немецких историков широкое распространение получил термин «историческая политика» или «политика в области истории» («Geschichtspolitik»), который указывает на то, как государство, в том числе и самые хваленые демократии, заинтересованы в том, чтобы быть, по мере возможности, единственной высшей инстанцией при толковании исторических событий. При этом история используются как эффективное средство политической борьбы для легитимации или намеренного осуждения прошедших событий.

Немецкий историк Эдгар Вольфрум (Wolfrum), например, считает, что во время Веймарской республики шла настоящая «гражданская война за воспоминания», основными темами которой были такие термины как «удар кинжалом в спину», активно использовавшийся в том числе и Адольфом Гитлером для дискредитации Веймарской республики. По мнению того же Вольфрума, немецкие историки во время Третьего рейха активно поддерживали власть и, по сути дела, являлись поставщиками «духовных боеприпасов» для национал-социалистов. Следует добавить, что все историки времен Третьего рейха сохранили свои места и в ФРГ.

Многим в Германии не нравится тот факт, что Советский Союз оказался победителем в борьбе против нацистской Германии. Так, например, газета «Die Welt» сокрушается по поводу того, что в 2005 г. тогдашний канцлер Германии отмечал в Москве «окончание Второй мировой войны» и «ни словом не обмолвился о пакте Гитлера-Сталина». «Этот пакт, — возмущенно продолжает газета, — не только закрепил раздел Польши между двумя тоталитарными державами XX века, но и вообще открыл национал-социалистической Германии путь к проведению войны на уничтожение»^[455].

Так называемый «спор историков», начавшийся в Германии более двадцати лет назад, продолжается и по сей день. По сути дела, этот спор не является собственно спором историков — это жесткая политическая полемика по поводу недавней немецкой истории и ее последствий для национального самосознания современных немцев. Положивший начало этой полемике немецкий историк Эрнст Нольте продолжает отстаивать тезис о том, что «изначальное» зло — это большевистский режим в России, а национал-

социализм был якобы только вынужденным ответом на этот исторический вызов.

Важно помнить, что полемика по поводу новейшей германской истории началась 8 июня 1986 г. с публикации статьи Нольте под названием «Прошлое, которое не проходит» в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Все эти жаркие споры проходят преимущественно на страницах газет и журналов, а также на телевидении. Таким образом, это не академическая дискуссия, а целенаправленная обработка общественного мнения страны с определенных политических позиций.

Сам инициатор «спора историков» Эрнст Нольте (Nolte) очень часто прибегает к отнюдь не научным аргументам, он намеренно пытается воздействовать на эмоции своих читателей, а не на их разум. Нольте полагает, что Гитлер был напуган пытками с использованием голодных крыс, которые, как он считает, применялись на Лубянке в годы Гражданской войны в России, и вообще он очень боялся какого-то «китайского ЧК». Именно поэтому он якобы и начал войну на уничтожение против Советской России. Действительно, Гитлер, узнав о капитуляции под Сталинградом командующего 6-й армией фон Паулюса, упоминает «клетку с крысами». Он сказал тогда, что фон Паулюса теперь повезут на Лубянку, испугают его голодными крысами и он «все подпишет». Однако из всего этого вовсе не следует, что Гитлер «испугался» и только поэтому напал на Советский Союз.

До сих пор многие исследователи ломают голову над тем, почему Нольте постоянно ссылается на какое-то мифическое «китайское ЧК». Некоторые историки даже проводили специальные исследования и пытались выяснить, сколько же этнических китайцев работало в Чрезвычайной комиссии. Однако, эта загадка не является такой уж неразрешимой, если вспомнить, к

примеру, что Томас Манн умышленно называл евреев «киргизами», чтобы не прослыть антисемитом.

Анализируя причины и последствия договора о ненападении между Германией и Советским Союзом Нольте отмечает, что Гитлер, по его мнению, был больше «реалполитиком», нежели антикоммунистом. Действительно, завоевание «жизненного пространства» в России стало для фюрера германской нации в какой-то момент более важной задачей, чем физическое истребление евреев. Не случайно 22 августа 1939 г., то есть за день до подписания пакта о ненападении, Гитлер пригласил к себе в альпийскую резиденцию руководство вооруженных сил. Глядя на гору Унтерсберг, где по легенде ждал своего часа и великой битвы призрак Фридриха I Барбаросса, фюрер призвал своих офицеров «закрыть сердца для сострадания» и подготовиться к «жесточайшим действиям».

Готовя нападение на Польшу, Гитлер все время не терял из виду предстоящую войну с Советской Россией. Как справедливо замечает наиболее авторитетный немецкий историк Себастьян Хаффнер, Гитлер после окончания Первой мировой войны пришел к выводу, что Россия показала себя слабой в военном отношении и была побеждена. То есть она, как полагал фюрер немецкой нации, может быть побеждена также и в будущем. Именно поэтому Гитлер и говорит в «Майн кампф» об «указующем персте» в сторону России — этого «колосса на глиняных ногах», готового «рассыпаться в прах». «Конец еврейского владычества в России, — поучал Гитлер, — будет также концом России как государства». Таковы были последствия в том числе политического и дипломатического поражения Советской России, зафиксированные в статьях Брест-Литовского договора.

Нольте, как и многие другие немецкие историки ревизионистского направления, считает, что Советский

Союз «открыл путь Германии к началу войны против Польши». «Это был, — продолжает Нольте, — пакт войны». Распространенность подобной точки зрения на Западе не делает, однако, этот тезис более убедительным. Но германский историк на этом не останавливается. «Это был пакт раздела, — продолжает он. — Это был пакт уничтожения». Нольте характеризует этот договор — пакт войны, пакт раздела и пакт уничтожения — как не имеющий параллелей в истории XIX и XX веков.

Здесь уместно было бы вспомнить, что Советский Союз не был приглашен в Мюнхен, где Великобритания и Франция заключили одностороннюю сделку с Гитлером. Черчилль справедливо заметил, что тогда все сделали вид, что Советский Союз вообще не существует, и за это пришлось тому же Западу заплатить дорогую цену. Нольте умышленно замалчивает тот факт, что 17 апреля 1939 г. Советский Союз еще раз выступил с предложением в адрес Великобритании и Франции о создании большой антигитлеровской коалиции. Даже консервативные британские военные круги поддержали эту идею.

Конечно, и Германия, и Советский Союз считали Версальский договор несправедливым, но это вовсе не означает, что эти две страны были друг на друга похожи. Гитлер, кстати, был далек от этого мнения, хотя и отмечал, что с приходом к власти Сталина Советская Россия становится «менее интернациональной» более «национальной», то есть больше думает об укреплении собственного государства, чем о мировой революции.

Советский Союз, конечно же, не планировал никакой войны на уничтожение, тогда как для Гитлера это было главной целью его жизни. При этом нельзя не заметить, что формулировка: «...в случае территориально-политического переустройства»,

содержащаяся в секретном протоколе, не предполагает, что именно Советский Союз начнет эти военные действия. Скорее советское руководство так интерпретировало это положение — если дело дойдет до военного конфликта в Европе, то в таком случае Москва будет претендовать на присоединение тех территорий, которые были отторгнуты у России в результате Первой мировой войны и будет вынуждена сделать это в интересах обеспечения своей собственной безопасности. Кстати говоря, Прибалтийскими государствами в это время были заключены с Советским Союзом военные соглашения.

Известно, что Гитлер сразу после нападения на Советский Союз признался итальянскому дуче, что сотрудничество с Россией очень удручало его, а после разрыва договора о ненападении он испытал огромную радость и «испустил вздох облегчения». «Я счастлив, что теперь эти душевные страдания закончились»^[456]. Гитлер был в восторге от того, как англичане и французы, пытаясь натравить Германию на Россию, откровенно саботировали заключение договора о европейской безопасности, и это обстоятельство фюрер немецкого народа успешно использовал в своих интересах.

Великобритания и Соединенные Штаты по праву считали себя в этой ситуации третьей радующейся стороной. В Лондоне были хорошо информированы о ведущихся с начала 1939 г. переговорах между Германией и Советским Союзом. Германский атташе в Москве Ханс Херварт фон Биттенфельд (Bittenfeld) своевременно проинформировал об этом как англичан, так и французов. Самую подробную информацию о переговорах в Кремле он сразу же передал сотруднику MI6 Фитцрою Макклину (MacClean). Сам бывший атташе долго не признавался в совершении этого, с точки

зрения многих своих коллег, «предательства». Только когда американский дипломат и бывший посол в Москве Чарльз Болен (Bohlen) издал в 1980 г. свои мемуары, в которых он упомянул о том, что молодой немец «Джонни» регулярно сообщал ему о переговорах между Германией и Советской Россией, об этом стало известно. По словам Херварта, американцы серьезно восприняли его предупреждения, и он надеялся на то, что они смогут повлиять на англичан и убедить их в большой опасности и пагубности проводимой по отношению к гитлеровской Германии политики «умиротворения». В министерстве иностранных дел Германии быстро вычислили, кем же был на самом деле этот «Джонни». Сделать это было не трудно, так как многие коллеги его так и называли. Однако, вопреки традиции этого ведомства, Херварта не заклеямили как предателя. В определенной мере это объяснялось тем, что он был достаточно тесно связан с графом фон дер Штауфенбергом — организатором покушения на Гитлера, совершенного 20 июля 1944 г. Кроме того, американцы очень активно позаботились о том, чтобы у их доверенного лица не возникли дополнительные проблемы.

Польский синдром и «польская истерика»

Говоря о пакте о ненападении между Германией и Советским Союзом, следует иметь в виду, что Польша еще в самом начале 1934 г., то есть почти сразу после прихода нацистов к власти, заключила договор о ненападении с Германией. Но почему-то никто его не называет «пактом Гитлера-Пилсудского», хотя оснований для этого более чем достаточно. Помимо этого, Польша также подписала отдельное соглашение с министерством пропаганды Геббельса об отказе от враждебных по содержанию публикаций в печати, а также программ на радио и кинофильмов. Вообще можно говорить о том, что у Польши с гитлеровской Германией с 1934 по 1938 г. существовали очень тесные «партнерские отношения».

Было бы сильным преувеличением считать довоенную Польшу Пилсудского и «полковников-кавалеристов», пришедших ему на смену, демократическим государством. Но не это главное. Польша, как и Германия, ощущала себя в то время «государством без пространства», то есть ее внешняя политика была ориентирована на расширение своей территории в первую очередь на востоке, то есть за счет Советской России. Польша, получив по Версальскому договору территории императорской Германии и Российской империи, стала очень серьезно ставить вопрос о предоставлении ей именно на этом основании бывших колониальных владений Германии. Кроме того, поляки хотели полностью избавиться от своих сограждан еврейской национальности и переселить их, к примеру, на Мадагаскар,

предварительно их в буквальном смысле ограбив. Как это ни странно, все эти предложения находили поддержку у покровителей Польши на международной арене. Сейчас трудно поверить в то, что колониальные державы, в первую очередь Англия, признавали — по крайней мере на словах — «обоснованность» польских требований и их колониальные претензии. Но это, конечно же, совсем не означало, что они были готовы выполнить все требования Польши.

Полковник Бек и другие члены польской военной хунты мало чем отличались от Пилсудского, а Бека вообще в Европе считали алкоголиком и хвастуном. Более того, полковника Бека недолюбливали и французы, заставившие его покинуть Францию, где он работал в качестве военного атташе, но имел слишком тесные отношения с блондинкой, работавшей на немецкую разведку.

Однако у полковника Бека было весьма сильное преимущество перед своими коллегами внутри страны. Перед своей смертью Пилсудский принял только Бека, и тем самым в определенной мере сделал его хранителем своего политического завещания.

Журнал «Der Spiegel» называет Польшу того времени «банановой республикой». Эта «банановая республика» по-своему пыталась решить и «еврейскую проблему» в своем государстве. Так, в декабре 1938 г. 117 депутатов сейма, то есть больше четверти от общего числа парламентариев, подписали заявление о необходимости скорейшего решения еврейского вопроса. По сообщениям газет того времени, депутаты сейма требовали радикального сокращения количества евреев в Польше. В Польше в это время проживали 3 миллиона евреев, что составляло около 10 % от общего населения этой страны. Польское правительство также последовательно проводило в это время политику,

направленную на ущемление прав евреев в экономической, социальной и культурной областях.

В 1937 г. польская делегация, посетила Мадагаскар, который тогда находился под управлением Франции. Главная задача этой поездки состояла в том, чтобы посмотреть, насколько этот остров подходит для принудительной эвакуации туда польских евреев. В декабре того же года министр иностранных дел Польши полковник Йозеф Бек обсуждал этот вопрос со своим французским коллегой Ивоном Дельбосом. Французская сторона проявила на переговорах сдержанное понимание данного вопроса. Вопрос о Мадагаскаре полковник Бек обсуждал также и с министром иностранных дел Италии Чиано, который недвусмысленно поддерживал претензии Польши на колониальные владения в Африке за счет уступок Франции.

Англичане также готовы были выполнить большое количество требований поляков. Они согласились ежегодно разрешать эвакуацию в Палестину 50 тысяч евреев. Поляки выторговали для себя еще одно преимущество — богатые евреи, покидающие Польшу, должны были оставлять 80 % стоимости своего имущества в специально созданной для этой цели компании. Оставшиеся 20 % рассматривались как своего рода плата за возможность выехать из Польши. Размещенную в специальном фонде сумму можно было получить только в случае погашения «долга» перед польским правительством. Для этого надо было направлять в Польшу природные ископаемые из колониальных стран, а также другие ценные товары. По иронии судьбы Польша вскоре после нападения германских войск сама станет резервацией для евреев и других представителей «низших рас», в том числе и самих поляков.

В 1936 г. при поддержке правительства и католической церкви поляки успешно провели экономический бойкот, направленный против еврейского населения страны. Общественное мнение и правая пресса сурово осуждали тех поляков, которые не принимали участие в этих мероприятиях.

Центрами антисемитизма стали к середине 30-х гг. польские университеты. Студенческие организации выступали за введение принципа *numerus clausus* — то есть за количественное ограничение еврейских студентов. В результате этой борьбы аудитории в польских университетах были разделены на христианские и иудейские. За несколько лет польским властям удалось сократить процент еврейских студентов с 20 до 9,9. Отмечались также случаи еврейских погромов, в которых активно участвовала польская католическая молодежь. По данным польских газет того времени, в период с 1935 по 1936 г. еврейские погромы были отмечены в 150 польских городах. Их жертвами, по официальным данным, стали сотни евреев.

Однако, всех этих достаточно упрямых фактов недостаточно для бывшего министра иностранных дел Польши и к тому же историка Владислава Бартошевского. Корреспондент журнала «Der Spiegel» спросил его о том, не было ли в Польше накануне Второй мировой войны сторонников «этнических чисток». Очевидно, что речь в данном случае идет о гражданах Польши еврейской национальности. Ничтоже сумняшеся, Бартошевский заявляет, что это были только члены «фашистской партии», которая была в Польше запрещена. Для бывшего министра такое заявление еще простительно, но он представляет себя еще и историком. Или он просто защищает честь мундира полковника Бека?

Кстати, уже после окончания Второй мировой войны антисемитские настроения в Польше только усилились. Даже примас польской католической церкви Стефан Вышинский недвусмысленно посоветовал тогда польским евреям перебраться в Палестину, о чем и сообщила своим читателям немецкая «Frankfurter Allgemeine Zeitung»^[457].

Этническую «зачистку территории» (Flurreinigung) Польши после ее оккупации проводили подразделения СС. Рейхсфюрер СС Гиммлер специально информировал по этому вопросу генерал-квартирмейстера Вагнера. Зачистка должна была начаться сразу после вывода регулярных войск и после передачи властных полномочий новым немецким гражданским институтам. Единственное, что останавливало немцев от самого радикального решения этнического вопроса — это возможная реакция на такого рода события со стороны мировой и в первую очередь британской общественности.

Пилсудский, заключая с Гитлером договор о ненападении, с усмешкой заявил, что теперь Польша будет «не закуской в меню Германии, а десертом», то есть последним блюдом. Пилсудский, отмечает журнал «Der Spiegel», был старым рубакой и искренне ненавидел Россию. Но он также ненавидел и демократию, а разогнанный им парламент (сейм) он просто назвал «борделем» (Hurenhaus).

Гитлер: «Всё, что я делаю, я делаю против России»

Вообще заключение договора о ненападении с Советской Россией было для Гитлера исключительно неприятной необходимостью. Он даже не скрывал своих чувств от тех людей, с которыми встречался в те дни. Так, в беседе с известным швейцарским дипломатом, историком и комиссаром Лиги Наций в Данциге Карлом Буркхардтом (Burckhardt) фюрер, в частности, отметил: «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад слишком глуп или слишком слеп для того, чтобы это понять, то я буду вынужден заключить соглашение с русскими, развернуться и нанести удар по Западу, а после его поражения развернуться и, объединив мои возможности, напасть на Россию. Мне нужна также Украина, и тогда никто не сможет заставить нас голодать, как это было во время последней войны».

В августе того же года Гитлер еще раз встретился в своей альпийской резиденции с Буркхардтом и еще раз подчеркнул в разговоре с ним: «Мне ничего не нужно от Запада, ни сегодня, ни завтра... Но я должен иметь свободу рук на Востоке».

Хорошо известно, сообщает журнал «Der Spiegel», что полковник Бек в начале 1939 г. посетил Гитлера в Оберзальцберге, который предложил тогда Польше вместе напасть на Советский Союз, захватить Украину и поделить ее между собой. Условием для этого фюрер назвал передачу Данцига под полную юрисдикцию Германии. Второе условие — это решение вопроса с так называемым «польским коридором». Гитлер сказал Беку: «Германии нужен коридор через коридор», то есть Германии нужна экстерриториальная

автомобильная и железная дорога, которая бы связала Берлин и Восточную Пруссию. 26 марта 1939 г., сразу после захвата немцами Мемеля (Клайпеды) полковник Бек заявил германскому послу Гансу-Адольфу фон Мольтке: «Если Гитлер прикоснется к Данцигу, то это будет война». И добавил: «Мы не чехи».

Когда фюреру сообщили о реакции поляков, у него случился приступ бешенства, он был вне себя от ярости. В этот момент его увидел адмирал Канарис, который еще долго после этого не мог прийти в себя и все время повторял, обращаясь к своему подчиненному: «Он сумасшедший, он сумасшедший, ты понимаешь это...».

В самый разгар «спора историков» в Германии журнал «Der Spiegel»^[458] посвятил довольно большую статью В. Молотову. Естественно, автор не мог обойти вниманием и Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. «Его подпись, — подчеркивает автор, — стоит под печально известным альянсом с Гитлером, открывшем дорогу ко Второй мировой войне и разделу Польши». Получается, что именно подписание этого документа и стало причиной начала боевых действий в Европе. Автор статьи почти слово в слово повторяет оценку этого договора Нольте, хотя, вроде бы, журнал «Der Spiegel» и не должен представлять это политическое направление. При этом можно не упоминать, что Гитлер задолго до этого принял решение о захвате обширных территорий на востоке «для германского плуга» при помощи, разумеется, «германского штыка».

Журнал приводит высказывание Молотова о главе внешнеполитического ведомства Третьего рейха того времени фон Риббентропе: «Мы были весьма довольны, когда на основании его болтовни мы поняли, что это не очень умный человек». Это, конечно же, забавно, так как хорошо известно, что немцы во время посещения

Молотовым Берлина в ноябре 1940 г. почти открыто потешались над неуклюжестью и отсутствием светских манер у некоторых членов советской делегации.

Во время этого визита Молотов встречался также с государственным секретарем министерства иностранных дел Германии фон Вайцзеккером, отцом будущего президента ФРГ. Молотов произвел на фон Вайцзеккера хорошее впечатление. «Для нас также необходимо успокоение на востоке, поскольку летом здесь стало модным желать войны с русскими и рассматривать ее как необходимость». Это означает, что даже в руководстве внешнеполитического ведомства в 1940 г. еще не были известны планы фюрера относительно нападения на Советский Союз, однако сама идея нападения на Советский Союз стала уже популярной в обществе. Можно напомнить, что, в отличие от агрессии против Польши, военные действия против Советской России были начаты без специальной пропагандистской подготовки.

«Der Spiegel» обращает внимание своих читателей, что фон Вайцзеккер тогда же пришел к выводу о том, что Советскую Россию следует еще менее опасаться, чем это было в случае с Российской империей. Это также интересное замечание. Не следует ли из этого, что государственному секретарю и одному из самых информированных людей в стране совершенно ничего не было известно о подготовке Россией так называемой «превентивной войны» против Германии?

В начале 2005 г. журнал «Der Spiegel» посвящает серию статей так называемым «молниеносным войнам» Германии. Иначе военные операции Третьего рейха против Польши и Франции и назвать нельзя. Напомним, что Польша была завоевана за 37 дней, а Франция с ее хваленной армией — за 42 дня.

Говоря об оккупированной немцами части Польши, журнал «Der Spiegel» замечает, что эта часть страны

была низведена «до уровня генерал-губернаторства». Некоторые немецкие авторы еще при этом добавляют — «как это было при царской России». На первый взгляд, все это соответствует историческим фактам. Но автор не говорит, для чего было создано это «генерал-губернаторство». А создано оно было как резервация для «расово-неполноценного» населения, то есть для славян, евреев, цыган и т. д. Немцы тщательно планировали физическое уничтожение людей на оккупированных ими территориях. Одних людей при этом убивали, других же обрекали на смерть в ближайшем будущем, то есть лишали медицинского обслуживания и полноценного питания. В этом была суть «негативной демографической политики», как ее достаточно точно назвала Ханна Арендт. Позднее все «неполноценные» в расовом отношении люди, включая всех поляков, подлежали уничтожению. Уже в 1942 г. Гиммлер издал распоряжение о «полной германизации» территории генерал-губернаторства. Это означало физическое истребление всего населения Польши, за исключением, конечно же, так называемых «фолькс-дойче», то есть тех, кто мог доказать свое «арийское» происхождение.

Недремлющее око немецких историков

Несколько лет назад между Италией и ФРГ произошел скандал, вызванный отказом немецкого издательства «С. Н. Веск» напечатать книгу известного итальянского медиевиста Луччьяно Канфоры (Canfora) под названием «Краткая история демократии», посвященную актуальным вопросам современного государственного устройства. Главный редактор объяснил отказ напечатать книгу итальянского историка своим собственным «ответственным отношением к историческим фактам».

Главный редактор издательства Детлиф Фелькен (Felken) привлек для рецензирования рукописи немецкого историка Ганса Ульриха Велера (Wehler). Велеру больше всего не понравилось то, как Канфора представил договор о ненападении между Германией и Советской Россией. Аргументов немецкий историк, правда, не привел — он просто назвал позицию Канфоры по этому вопросу «возмутительной». Велеру, кроме того, не понравилось, как Канфора пытается «обелить» Сталина. Историк из Билефельда особо подчеркнул, что подход Канфоры представляет собой «не только крайне догматичное представление событий истории, но еще и настолько глупое, что оно вообще не может претендовать на то, чтобы иметь место в западной исторической науке». Велер, как сообщает мюнхенская газета «Sueddeutsche Zeitung», назвал книгу итальянского историка «коммунистическим памфлетом»^[459].

Велер сам является автором четырехтомной «Истории германского общества». При чтении его книги

иногда создается впечатление, что он достаточно избирательно подходит к фактам истории своей страны, а некоторые предпочитает просто обходить стороной.

К этому времени книга Канфоры уже была издана в Италии, Франции и Испании. В Италии, как и во многих других странах, мало кто сомневается в компетентности Канфоры как историка. Не всем немцам, конечно же, нравится, когда итальянский историк говорит о том, что система власти в Федеративной Республике Германии при Аденауэре была основана «на духе реваншизма, если не неприкрытого нацизма». Газета «Sueddeutsche Zeitung», конечно же поддерживает и Велера и Фелькена и настаивает на том, что такая книга не может быть издана в серии «Построение Европы». Однако автор этого проекта Жак Легофф (Le Goff) придерживался на этот счет совершенно иной точки зрения и настаивал на публикации этой книги в Германии.

Реакция Канфоры не заставила себя долго ждать. Он просто назвал вещи своими именами. По его мнению, позиция издательства «С. Н. Веск» — это чистой воды цензура, а такого рода запреты явно не способствуют укреплению культурных связей между Италией и Германией. Итальянский историк высказал предположение, что отклонившее его книгу издательство получило на этот счет указание свыше. «Я не знаю, есть ли у издательства «Веск» контакты с политиками — однако я думаю, что это очень возможно».

«Мы знаем, — пишет итальянский историк, — что русские чувствовали себя обманутыми перед лицом того, как умышленно непоследовательно англичане и французы вели переговоры. Они повторили решение Брест-Литовска, так сказать, в совершенно иной политической ситуации, выведя себя из надвигающейся войны, как они раньше вышли из

антиимпериалистической войны. С течением времени, — продолжает автор, распространился миф о «разделе» Польши между Гитлером и Сталиным, как о еще одном эпизоде в длинной череде разделов. Однако правда состоит в том, что Польша в 1938–1939 гг. была истерически антисоветской, но сговорчивой в отношении гитлеровской Германии, ориентируясь на которую министр иностранных дел Польши Бек определял свое поведение (включая выход 11 августа 1939 г. из Лиги Наций). После Мюнхенского соглашения, заключенного в сентябре 1938 г., Польша приняла участие в разделе аннексированной Чехословакии и получила свою долю добычи в виде района Тешин».

Политику Польши накануне подписания германо-советского договора следующим образом описал авторитетный западный специалист по восточной Европе Хью Сетон-Уотсон в своей книге «Восточная Европа между войнами, 1918–1941» (1945). «Уверенные в своем контроле над армией и полицией, «тонко» натравливая друг на друга различные оппозиционные группировки, главари режима молились и желали того, чтобы этот кризис продлился как можно дольше, и в это время они понемногу готовились как внутри страны, так и вдоль своих границ». «Со своей стороны, — продолжает автор, — Советский Союз за счет этого договора вновь получил те территории, которые потерял по условиям того мира, который был ему навязан в 1918 г. Германией (эти потери не были исправлены Версальским договором)».

Главный редактор польского журнала «Политика» Адам Кржеминский (Krzeminski) был срочно призван для полного развенчания позиции Канфора, и его статью напечатали многие немецкие издания. Больше всего польского журналиста возмущает то, что итальянский историк не упоминает так называемого «секретного протокола». Однако это не совсем точно. Канфора как

раз и говорит о том, что Советский Союз вернул себе те территории, которые у него были отторгнуты после окончания Первой мировой войны. Показательно, что сам Кржеминский обходит стороной вопрос о договоре о ненападении между Германией и Польшей. «Фелькен, — заявляет польский журналист, — абсолютно прав, называя приведенный выше пассаж из книги Канфоры «скандальным»». Конечно, здесь и речи быть не может о какой бы то ни было научной дискуссии. По сути, это попытка дискредитировать итальянского автора в назидание другим.

Некоторые немецкие историки также упрекают Канфору в том, что он ничего не сказал в своей книге о Катыни. Но можно было бы задать им самим вопрос, а почему они так мало пишут о трагедии в Быдгоще. В немецкой традиции эти события принято называть бромбергским «Кровавым воскресеньем», когда поляки жестоко расправились со своими соседями-немцами. Все это произошло 3 сентября 1939 г. Число жертв среди немецкого населения этого города по разным данным доходило до 5 тысяч человек. И это были не военные, как в Катыни, а простые немцы, в том числе женщины и дети. Ответные действия зондеркоманд и вермахта были не менее жестокими, а число казненных поляков составило несколько тысяч. О точных данных говорить сложно, так как у немцев и у поляков совершенно разный взгляд на это «кровавое воскресенье».

Поляки в настоящее время активно продвигают тезис о том, что события в Бромберге были спровоцированы германскими диверсионными отрядами. Однако немецкий историк и уроженец Бромберга Хуго Расмус (Rasmus) уверен в том, что попытка представить то, что произошло в этом городе как «диверсию» вермахта не выдерживает никакой критики и представляет собой нечто похожее на

немецкую легенду об «ударе ножом в спину» времен Первой мировой войны. Кстати, в польских учебниках действия «групп обороны» города Быдгощ представлены как «замечательный» пример проявления любви к своему отечеству.

Еврейский погром в Едбавне — польский след

Еще один пример селективного отношения к историческим событиям — освещение историками и журналистами массового убийства поляками евреев в Едбавне. Этот город был расположен в той части Польши, куда 17 сентября 1939 г. вошли советские войска. Исследователи говорят о том, что некоторые евреи из числа жителей города активно сотрудничали с советскими властями, что вызывало ненависть среди польского населения. Охота поляков за евреями велась уже с июля 1939 г. Однако ситуация обострилась, после нападения Германии на Советский Союз.

Сначала поляки убивали евреев в Едбавне и его окрестностях по одиночке — били палками, забивали камнями, отрубали головы, оскверняли трупы. 10 июля 1941 г. поляки собрали около 40 человек из числа оставшихся в живых евреев на центральной площади города. Им было приказано разбить установленный там памятник В. И. Ленину. Затем евреев заставили под пение советских песен вынести за город обломки этого памятника, которые были затем захоронены на еврейском кладбище. Во главе этой траурной колонны шел местный раввин. После этого всех этих евреев, в том числе женщин и детей, завели в пустой амбар, хладнокровно расстреляли, а тела закопали там же. Однако этим дело не ограничилось. К вечеру в этот амбар согнали остальных евреев из числа жителей Едбавне, включая женщин и детей, и сожгли их заживо. Общее количество жертв составило не менее 1600 человек.

Вообще консервативные круги в Польше делают немало усилий для того, чтобы представить Польшу в глазах мирового общественного мнения как страну «героев и жертв». События в Быдгоще и Едбавне плохо вписываются в эту искусственно создаваемую конструкцию.

В Катыни жертвами стали преимущественно военнопленные и приказ о их уничтожении был отдан сверху, это не была инициатива рядовых красноармейцев. Впрочем, и в отношении событий в Катыни еще немало вопросов. Не совсем ясно, почему там использовались немецкие боеприпасы. Кстати, данные о количестве жертв в немецких средствах массовой информации и книгах историков приводятся самые разные. Так, по мнению авторитетной газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» речь идет о 4500 убитых польских военнослужащих. В других изданиях упоминается цифра 20, а бывший президент Польши Квасневский говорил о 22 тысячах.

Американский исследователь польского происхождения Ян Томаш Гросс, написавший книгу о событиях в Едбавне, подвергся яростным нападкам со стороны польских правых разного политического спектра. По слухам, уважаемый профессор после публикации книги предпочитает не появляться в Польше и предпочитает жить и работать в США. Кстати, книга Гросса «Соседи. Уничтожение еврейской общины в Едбавне, Польша» была опубликована в Польше только в 2000 г.

10 июля 2001 г. польские власти попытались провести траурную церемонию у нового памятника жертвам погромов в Едбавне. Местное население бойкотировало это мероприятие, на котором с покаянной речью выступил тогдашний президент Польши Квасневский. Оригинальным образом протестовали против этой церемонии и представители

польского духовенства — они приказали звонить во все церковные колокола, чтобы таким образом помешать выступавшим. Католические священники в Едбавне, как указывает газета «Die Welt» настоятельно рекомендовали своей пастве не отвечать на вопросы журналистов, так как, по их мнению, «это может навредить Польше»^[460].

Новый памятник жертвам погрома в Едбавне стыдливо умалчивает о преступниках. Официальная позиция польских властей состоит в том, что комиссия Национального института памяти проводит соответствующее расследование и еще не сделала на этот счет своего окончательного заключения.

Немцы прямо не участвовали в погроме в Едбавне. Но на месте преступления работало несколько немецких съемочных групп. Это наводит на мысль, что погром в этом городе был еще и скоординированной акцией, в которой сочетались плановые и спонтанные элементы. По мнению Гросса, поляки быстро поняли, что можно делать, наблюдая за действиями немцев на их территории. Они были уверены, что им за убийство евреев ничего не будет.

Немцы внимательно следят за тем, как поляки теперь вынуждены менять свои представления о самих себе, поскольку их национальное самосознание построено на том, что они только жертвы.

Газета «Die Welt» обращает внимание на то, что в Польше продается много других книг на эту тему, однако содержание их вызывает много вопросов. В одной из них говорится о том, что евреи в Едбавне умышленно покончили жизнь самоубийством, чтобы только навредить полякам^[461].

Погром в Едбавне был далеко не единичным явлением. Уже после войны аналогичные события произошли в Кракове и Кельне. Жертвами этих расправ

были в том числе и те евреи, которые активно сотрудничали с советской властью. Для некоторых групп польского населения одного этого факта было достаточно, чтобы лишить людей жизни, причем часто самым зверским и иезуитским способом.

Польское население Едбавне приветствовало наступающих солдат вермахта. Они наивно полагали, что немецкая оккупация принесет им свободу и достаток. Эта наивность была характерна в предвоенный период и для некоторых руководителей Польши того времени. Это, конечно, не означает, что представители правящей военной хунты были независимы в своих действиях. Однако деструктивная политика «отставных кавалеристов» не способствовала заключению договора о европейской безопасности.

Совсем уже неожиданно выступил на эту тему примас польской католической церкви архиепископ Иозеф Глемп. Как сообщает немецкий журнал «Focus», примас предложил и самим польским евреям покаяться за то, что они сотрудничали с советской властью^[462]. «В конфликтах между евреями и поляками, — добавил Глемп, — не было речи об антисемитизме. Их (то есть евреев. — С. Д.) не любили (то есть поляки) за их странный фольклор». «Поляки, возможно, не такие антисемиты, как думают евреи, — заметил на этот счет варшавский раввин Микаэль Шудрих. — Но они значительно большие антисемиты, чем они сами думают» («Focus», 28/2001).

Бывший министр иностранных дел Польши Бартошевский, который в настоящее время является уполномоченным правительства Туска по отношениям с Германией и Израилем, подвергается у себя в стране, как сообщает мюнхенская газета «Sueddeutsche Zeitung», настоящей обструкции. Ему ставят в вину, что он в 2001 г., будучи министром иностранных дел,

согласился с той точкой зрения, что поляки также участвовали в холокосте, то есть в физическом уничтожении евреев. Это, по мнению польских нацисталистов, непростительно. Поляки, по их мнению, должны быть только жертвами или героями.

Президент польского Института национальной памяти Януш Суртыка (Kurtyka) называет историка Гросса «вампиром от историографии». Большое раздражение в Польше вызвала вторая книга этого автора под названием «Страх», в которой также повествуется об антисемитизме в Польше уже после Второй мировой войны, Гросс рассказывает своим читателям в том числе и о «систематическом» антисемитизме в Польше в предвоенные годы, что достаточно неуклюже пытается отрицать Бартошевский. Все это явно противоречит той «политике в области истории», которую проводит в последнее время президент Польши Лех Качиньский.

Французские и британские историки наносят фланговые удары

Конечно, усилия многочисленных историков ревизионистского направления в Германии направлены преимущественно на граждан своей страны. Однако им не удастся полностью контролировать все информационное пространство.

Недавно в немецком издании авторитетного французского еженедельника «Le monde diplomatique» была опубликована статья известного французского историка Анни Лакруа-Риц, посвященная договору о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Профессор Сорбонского университета Лакруа-Риц обращает внимание на то, что сразу после войны под давлением американцев Советский Союз стали рассматривать на Западе как угрозу для Запада. Только в 1990-х гг. несколько британских историков, а также журналист Александр Верт (Werth) попытались переосмыслить международное положение Советского Союза перед началом Второй мировой войны. Все они, по мнению Лакруа-Риц, отмечают, что в результате британской политики «умиротворения», Мюнхенского договора и оккупации «остатков Чехословакии» Москва почувствовала себя в изоляции.

Французский историк напоминает, что 29 августа 1939 г. военно-воздушный атташе Франции старший лейтенант Люге (Luguet) сообщил в Париж о заключенном между Германией и Советским Союзом договоре и о секретном протоколе. По мнению будущего члена эскадрильи «Нормадия-Неман», Советский Союз надеялся создать таким образом «буферную зону». То есть для Люге военная

целесообразность такого рода действий не вызвала сомнений.

После нападения Советского Союза на Финляндию — союзника Германии, французский генерал-коллаборационист Вейган (Weugand) и премьер-министр Даладье вообще призвали к военной операции против Советской России на севере, а затем и на Кавказе. Это говорит о том, что к началу реализации плана «Барбаросса» у Москвы не было никаких союзников, так как в Европе и в Америке больше всего боялись призрака коммунизма. Лакруа-Риц также указывает на то, что в Лондоне с удовлетворением встретили известие о заключении 12 марта 1940 г. мирного соглашения с Финляндией. Кроме того, в Москву был направлен Стеффорд Криппс (Cripps) — один из немногих в то время британских дипломатов, не без симпатии относившихся к Советской России, а Лондон в это время «благоклонно» относился к советской оккупации прибалтийских государств.

Что касается событий в Катыни, то Лакруа-Риц считает, что там были расстреляны 5 тысяч польских солдат и офицеров. «Вместе с тем, — продолжает автор, — Советы спасли от смерти более одного миллиона евреев, проживавших на оккупированных польских территориях, и не в последнюю очередь еще и потому, что успели заблаговременно эвакуировать их в 1941 г.».

Лакруа-Риц напоминает своим читателям о том, что так называемая «Восточная Галиция» была оккупирована поляками при помощи французов в 1920–1921 гг. Легитимность этого территориального захвата со стороны Польши вызывает, конечно же, большие сомнения. Французский историк категорически не согласна с тезисами Нольте и подчеркивает, что действия Москвы перед началом Второй мировой войны

были направлены на то, чтобы не оказаться один на один с Германией.

В свою очередь журнал «Der Spiegel» опубликовал интервью с британским историком и профессором университета Кингз Колледж Ричардом Овери (Overy), которого по праву можно считать одним из наиболее квалифицированных специалистом по истории Второй мировой войны. Интересно, что журналисты этого издания попытались сразу подвести британского историка к мысли о том, что якобы Ленин оказал определяющее влияние на Гитлера. Овери согласился с тем, что Гитлер был знаком с некоторыми работами Ленина, некоторые из них были прочитаны им в Ландсбергской тюрьме (можно предположить, что их принес «отец» германской геополитики Хаусхофер. — С. Д.). Однако профессор Кингз Колледж категорически отказался поддержать сомнительный тезис историка Нольте о «русском» влиянии на Гитлера и о том, что ГУЛАГ был якобы более «изначальным», чем Аушвиц и послужил некоторым примером для фюрера. «Гитлер был продуктом германских обстоятельств», — подчеркнул Овери («Der Spiegel», 26.02.2006).

Заметим, кстати, что Овери и в этом интервью подтвердил, что он является противником тезиса о «превентивной» войне Германии против Советского Союза. Однако характерно, что журналисты из этого издания задали ему и этот вопрос. Тезис о «превентивной» войне очень выгоден некоторым германским политикам и обслуживающим их историкам. Однако иностранные историки не готовы жертвовать своей научной репутацией для того, чтобы поддерживать сомнительные конструкции некоторых германских коллег.

Что касается позиции журнала «Der Spiegel», то в самих вопросах уже прослеживается определенная политическая тенденция. Настойчиво британскому

историку пытаются подбросить тезис о «двух диктаторах» и т. п. И вроде бы основания для этого есть. Овери сам назвал одну из своих последних книг «Два диктатора». Но ответы Овери явно разочаровали даже представителей этого «либерального» издания («либерального», если сравнивать с праворадикальными газетами и журналами. — С. Д.).

Сотрудники журнала «Der Spiegel» хорошо владеют приемами релятивации преступлений, совершенных немцами во время правления национал-социалистов, в том числе и так называемой «банализацией через сравнение». Уже в самом начале интервью с Овери ему навязывается тезис о том, что «две диктатуры» вели против друг друга кровопролитную войну. Но это совершенно не соответствует действительности. Это Германия вела против Советского Союза войну на уничтожение, а никакой идеологической близости между двумя странами не было.

На Западе часто звучат обвинения в адрес России в связи с тем, что долго не публиковались некоторые документы, в том числе и так называемые секретные протоколы. В определенной мере эти упреки можно признать справедливыми. Все эти «секретные приложения» уже давно можно было спокойно опубликовать. Там не содержится ничего, что могло бы хоть в какой-то мере скомпрометировать советское руководство. Германия, например, заключила договоры с Италией и Японией, и там тоже были секретные статьи. Главное, конечно же, не в самом факте существования секретных статей, а в том, как эти положения интерпретируются.

В последнее время произошло резкое ухудшение отношений между Германией и Польшей, причиной которого стало различное отношение в этих двух странах к событиям недавней истории. Немцы стали более критично относиться к своим восточным соседям,

что заставило их также обратиться к переоценке роли Польши в сложном комплексе международных отношений перед Второй мировой войной.

До сих пор многие на Западе не замечают или не хотят замечать гуманитарный аспект при обсуждении последствий заключения пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом. Большое количество евреев, например, были эвакуированы из занятых Красной армией территорий Польши, и это спасло им жизнь. Даже журнал «Der Spiegel» обращает внимание своих читателей на то, что Чемберлену и другим европейским политикам нужно было в 1939 г. думать в первую очередь не о правах небольших государств, а о жизни миллионов людей. Но это не было сделано в тот момент. Не сделали в первую очередь из-за Польши, которую упрямо поддерживали, несмотря на ее, мягко говоря, неадекватную самооценку и поведение. Польша заняла деструктивную позицию, но ей не был предъявлен ультиматум, как это было с чехами после Мюнхена. Вместо этого Великобритания и Франция дали ей какие-то призрачные и ничем не обеспеченные гарантии безопасности. «Почему, — спрашивает своих читателей журнал, — Польшу не принудили к военному сотрудничеству с Советским Союзом?» Это можно было сделать, но этого в первую очередь Чемберлен предпочел не делать. Именно поэтому Черчилль и назвал Вторую мировую войну «необязательной».

Немецкий журнал также справедливо замечает, что поездка на корабле «City of Exeter» из Лондона в Ленинград членов британской и французской делегации, которая больше походила на увеселительное путешествие по Балтийскому морю, вызвала явное раздражение в советском руководстве. Скорость этой прогулочной лодки составляла всего 13 узлов, и само путешествие, начавшееся 5 августа, заняло почти пять дней. После этого члены делегаций

уже поездом добирались до Москвы. Не внушал особого оптимизма и ранг направленной в советскую столицу миссии. Так, например, британскую делегацию возглавил адмирал Реджинал Дрэкс (Drax), больше занимавшийся протоколом при дворе английского короля Георга VI.

Не скрывая своего возмущения, журнал спрашивает, а могло ли советское руководство серьезно думать о заключении военного союза с Великобританией или Францией на фоне подобного «фарса»? Причем и политикам в Лондоне и Париже скорее всего было известно, что Гитлер готовит нападение на Польшу примерно на начало сентября. Можно согласиться с немецким журналом, который считает, что советское руководство справедливо считало «City of Exeter» «кораблем дураков».

На переговорах в Москве, как сообщает «Der Spiegel» Ворошилов сразу спросил адмирала Дрэкса о том, готовы ли Польша и Румыния разрешить проход советских войск по их территории. Дрэкс в ответ заявил, что поляки сами «будут умолять русских о помощи», как только немцы на них нападут. Это было очень сомнительное заявление британского церемониймейстера. Он скорее всего сам был уверен в том, что поляки скорее готовы будут подчиниться немцам, чем вступить в союзнические отношения с русскими. Интересно также, что точка зрения британского генштаба полностью совпадала с мнением российского руководства. Британские военные также считали, что Советская Россия может оказать эффективную поддержку только в том случае, если ее войска будут находиться на территории Польши и Румынии.

Автор публикации, намекая на преклонный возраст Чемберлена, напоминает своим читателям, что тот сильно ошибался в оценке военных потенциалов

Польши и России и считал польскую армию более дееспособной, нежели советскую. Чемберлен был уверен, что Сталин «поставил к стенке своих лучших офицеров» и от советской армии можно в лучшем случае ожидать, что в случае войны ее солдаты будут «подносить полякам патроны».

Журнал обращает внимание своих читателей на то, что «кавалеристы» в польском руководстве продолжали настаивать на своем. Их умоляли англичане и французы разрешить в случае военного конфликта пройти по своей территории советским войскам. Полковник Бек был непреклонен. Он заявил, что у него нет ни малейшего желания «позволить ступить на священную польскую землю хотя бы одному русскому солдату, что бы ни произошло». Премьер-министр Франции Эдуард Даладье уже не мог всего этого вынести и поручил генералу Думенку договориться с русскими через голову поляков.

Еще один польский кавалерист маршал Рыдз-Смиглы добавил, что он предпочитает покориться немцам, но не русским. «С немцами для нас существует опасность потерять нашу свободу. А с русскими мы потеряем нашу душу». Маршал ошибался. Если бы не русские солдаты, освободившие Восточную Европу от гитлеровской оккупации, то поляков скорее всего вообще бы не было.

Факты говорят о том, что польское руководство было плохо информировано о планах Гитлера в отношении Польши. Конечно, многое до поры до времени держалось в секрете. Но не все. В то время даже в академической среде Германии, которая, по идее, должна была бы быть более гуманной, господствовали не менее кровожадные настроения. Вот один лишь пример — профессор Лейпцигского университета Отто Рехе (Reche) накануне нападения на Польшу откровенно заявил: «Нам нужны польские

территории, но нам не нужны польские вши на нашей шкуре».

В Лондоне о деталях плана «Вейс», то есть плана нападения на Польшу, узнали 18 августа 1939 г. Об этом было проинформировано и польское руководство. Но и это не произвело на «необычного», как он сам себя называл, полковника Бека никакого впечатления. Журнал «Der Spiegel» приводит весьма уместное, как представляется, высказывание на этот счет маршала Ворошилова, сделанное им на переговорах в Москве с представителями Великобритании и Франции 14 августа: «Мы что должны сначала завоевать Польшу, чтобы затем предложить польскому народу свою помощь?». 21 августа эти переговоры были прерваны, но британская и французская делегации еще находились в Москве, когда в столицу Советского Союза прилетел министр иностранных дел Германии фон Риббентроп.

Хорошо известно, что полковник Бек был против любого союза с Советской Россией. Это возмущало, как отмечается в журнале, Черчилля. Британский политик тогда заявил: «Польша должна не только согласиться с союзом с Россией. Но также и три прибалтийских государства должны быть включены в этот союз» («Der Spiegel», 35/1989).

В заключение автор статьи подчеркивает, что Советский Союз в результате «четвертого раздела Польши» получил под свой контроль земли, населенные преимущественно украинцами и белорусами. Он также отодвинул свои границы на 300 километров на запад, и, может быть, именно эти дополнительные 300 километров и не позволили Гитлеру одержать запланированную молниеносную победу.

М.В. Демурин

Советско-германские документы августа — сентября 1939 года в контексте современной политики

Советско-германским документам августа — сентября 1939 г. была уготована особая судьба и в 40-х гг. XX века, и в десятилетия на переходе от прошлого века к веку нынешнему.

Сами по себе договор о ненападении и договор о дружбе и границе между СССР и Германией и секретные приложения к ним сыграли важнейшую роль в политико-дипломатическом противостоянии Советского Союза и Запада в условиях сползания мира во Вторую мировую войну. Поставив точку в развитии иллюзий относительно возможности удержать Гитлера в рамках восточного направления экспансии Третьего рейха, стимулированных Мюнхенским сговором 1938 г. о разделе Чехословакии, они стали хотя и горьким, но спасительным стимулом в осознании Великобританией и США неизбежности союза с СССР для избавления мира от опасности нацистского господства. Велико было их значение и для обеспечения Советскому Союзу дополнительной передышки с целью подготовки к участию в новой мировой войне, которая фактически уже началась, но Советский Союз затрагивала незначительно. Благодаря в том числе и этому политико-дипломатическому маневру наша страна смогла победить в Великой Отечественной войне и

стать одной из держав-победительниц во Второй мировой войне.

В конце века XX эти документы оказались востребованными вновь, но уже в другом качестве. Их политические интерпретации, идеологически «заточенные» сначала против СССР, а потом против России, были использованы и продолжают использоваться для разрушения нашей страны. 70-летие их подписания оппоненты России в США и Европе намерены максимально раскрутить как повод для выдвижения новых «исторических», политических и материальных претензий к нам, продолжения кампании дискредитации внешней политики Союза ССР, подрыва основанных на ее достижениях международных позиций современной России.

Именно поэтому новое осмысление внешней политики СССР 1939–1940 гг. выходит далеко за рамки воссоздания корректного исторического полотна соответствующего периода, заключая в себе серьезнейшее предупреждение для сегодняшних политиков — тех, кто сооружает новый «санитарный кордон» вокруг нашей страны и стимулирует разного рода агрессивные выпады вскармливаемых ими режимов, типа режимов прибалтийских этнократов, Саакашвили в Грузии или Ющенко на Украине, в отношении России и ее друзей. Есть в нем важный урок и для российского руководства и общества. Урок, призванный помочь быстрее восстанавливать иммунитет против политико-идеологических вирусов, которые мешают правильно воспринимать такую политику.

В 1988 г., когда известный латвийский депутат и публицист М. Вульфсон «открыл правду» о секретном приложении к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., один его коллега по политической площадке сказал ему: «Сегодня ты

уничтожил Латвийскую ССР». «Уничтожил» он ее не потому, что открыл правду, а потому, что открыл не всю правду. Установка на то, чтобы открывать не всю правду, а чаще — прятать правду за потоками сомнительных фактов, цифр, цитат и т. д. или вообще вольно искажать ее, стала активно применяемым инструментом внешней политика Запада на пространстве бывшего СССР. В качестве же отправной точки этого направления идеологического и политического воздействия на Россию выступили фальсификации именно вокруг пакта Молотова-Риббентропа. Они были положены в основу политической, социально-экономической и культурной дискриминации нетитульного населения Латвии, Литвы и Эстонии, попыток пересмотра итогов и смысла Второй мировой войны, усилий по политической реабилитации нацистских преступных организаций и пособников нацизма в Прибалтике, а потом и на Украине, выдвижения в адрес России требований «компенсаций за оккупацию».

Принятие Польши и Прибалтийских стран в НАТО и ЕС, несмотря на дававшиеся российской стороне заверения в обратном — мол, они себя почувствуют в безопасности и исторические фобии отомрут, — лишь вывело политизацию истории на новый виток. Чего стоит хотя бы принятие в 2008 г. Европарламентом антиисторической политической декларации (не требующей, правда, обязательного исполнения) об объявлении 23 августа «днем памяти жертв сталинизма и нацизма»! Причем, вот что интересно: адептов такого подхода история мало чему учит. «Ну не получилась один раз какая-то схема, а вот сейчас, может быть, получится, потому что обстоятельства изменились», — рассуждают они. Не получилось, например, у Польши «выдавить» Советский Союз, а фактически — Россию из европейской политики в 1920 — 1930-е гг., а такая

генеральная задача у нее, как мы помним, была. Более того, на ее решении Варшава «сломалась». Тем не менее, сегодня в Польше весьма и весьма влиятельны силы, которые хотели бы действовать в таком же точно ключе, пытаясь добиться тех же самых целей, а историческую вину на свое фиаско 70-летней давности возложить на Москву. Не удалось в 1930 — 1940-е гг. Западу извлечь выгоду из вскармливания антисоветских режимов на окраинах СССР — того же польского режима, тех же прибалтов, — он пробует еще раз, давая этому «соответствующее» историческое обоснование: авось, как с Саакашвили, получится и все будет нормально. Не удалось благополучно для себя взрастить «супер-врага» СССР — нацизм, Запад пестует новую версию национал-шовинизма прибалтийского и украинского «разлива», стимулирует этнический и религиозный радикализм и терроризм на границах России и внутри нее.

Прежде чем перейти к анализу в этом контексте советско-германских документов от августа — сентября 1939 г. и их современных трактовок, уместно задаться вопросом: а вообще договоренности о разделе сфер интересов и влияния — это распространенный, общепринятый или исключительный инструмент мировой политики? Другими словами, действовал ли Советский Союз, пойдя на эти договоренности, вразрез с существовавшей и предшествовавшей международной практикой или следуя ей? Для чистоты эксперимента оставим в стороне упоминавшееся выше соглашение Берлина, Лондона, Парижа и Рима о разделе Чехословакии (в дележе чехословацкой территории потом поучаствовали еще и Польша с Венгрией) и обратим наш взгляд на преддверие Первой мировой войны.

В августе 1907 г. Россия и Великобритания заключили Конвенцию по делам Персии, Афганистана и

Тибета. Подписывая этот документ, Петербург рассчитывал прекратить становившееся все более обременительным для России соперничество с Великобританией в Персии и, войдя в Антанту, укрепить свое пошатнувшееся после Русско-японской войны положение в мире. Суть соглашения сводилась к разделу Афганистана, Персии и Тибета на английскую и русскую зоны влияния. Это был вполне обычный договор двух крупных империалистических государств, желавших получить гарантии для своих действий в третьей, менее развитой, стране. Кроме того, он давал возможность ограничить доступ в Персию других держав, прежде всего Германии. К 1911 г., однако, Россия в полной мере почувствовала двойную игру со стороны Лондона, а к началу 1914 г. Великобритания стала нарушать это соглашение открыто. Свои действия в зоне российских интересов Лондон не стеснялся объяснять следующим образом: «Английские интересы там столь значительны, что соперничество и соревнование с Россией неизбежны»^[463]. Такое положение стало логическим следствием планомерно осуществлявшейся Лондоном экономической и политической экспансии как в Центральной Азии, так и во всем мире, и договоренность с Петербургом по Ирану была, совершенно очевидно, всего лишь ее инструментом. Благодаря соглашению Лондон смог ограничить участие Российской империи в персидских делах, затруднить проникновение германского и американского капиталов, в целом существенно укрепить свое положение в Персии^[464].

Понятно, что в рассмотренном историко-дипломатическом сюжете есть немало зацепок для реалистичной оценки не только советско-германских договоренностей о разделе сфер интересов от августа — сентября 1939 г., но и многих сегодняшних реалий

международной политики в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в других регионах. Взят же именно он с прицелом в том числе и на современных российских критиков договоров 1939 г. и приложений к ним как чего-то принципиально выходящего за рамки «приличной» внешней политики: чаще всего они бывают либо поклонниками того, как вела себя в мировых делах Российская империя, либо симпатизантами британской дипломатии. Если же говорить вообще о прецедентах разделов сфер интересов и влияния в международной практике, включая и тайные договоренности на этот счет, то это — и перекройка карты Центральной и Восточной Европы в преддверии Парижской конференции 1918–1919 гг., которая подвела черту под Первой мировой войной, и серия договоренностей, приведших к развалу СЭВ, Варшавского договора и Советского Союза, и Дейтонские соглашения по бывшей Югославии, и договоренности 1990 — 2000-х гг. об экспансии ЕС и НАТО на новые территории в ЦВЕ и Прибалтике.

Кстати сказать, в части подобных действий последнего времени вместе с США и НАТО самое активное участие приняли правительства Прибалтийских стран, выступающие, как мы знаем, активными обличителями вмешательства Советского Союза в дела других государств. Возьмем только один случай — с Ираком. Там, как всем хорошо известно, Латвия, Литва и Эстония поддержали поправшее международное право вооруженное вторжение США, сами приняли участие в оккупации этой страны (оккупации реальной, а не надуманной), а затем признали легитимными результаты выборов, состоявшихся в условиях присутствия иностранных войск, партизанской войны с ними и очевидного для всех вмешательства внешних сил в избирательный процесс.

В этом двуличии, впрочем, нет ничего странного. Его объясняют цели прибалтийских элит при апелляции к этому сюжету во второй половине 1980-х гг. и в последующий период. Как и цели их «сподвижников» в СССР и России. Эти цели были весьма далеки от желания «открыть историческую правду» и сводились к тому, чтобы вбить дополнительные клинья в щели ослабленной кремлевской геронтократией и поколебленной «перестройкой» великой страны, создать основу для кардинального передела власти и собственности в Латвии, Литве и Эстонии после их отрыва от СССР.

Перебросить мостик от советско-германских договоренностей от августа-сентября 1939 г. к использованию по отношению к событиям июня 1940 г. в Прибалтике и последующего периода некорректных с международно-правовой точки зрения терминов «агрессия» и «оккупация» помогли мы сами — постановлением Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», принятым, как известно, в декабре 1989 г. Наряду с исторически неадекватной и политически ангажированной оценкой договора и приложений как шага, повлекшего за собой так называемые просчеты, которые якобы усугубили последствия нацистской агрессии 1941 г., и осуждением самого факта достижения негласных договоренностей между Москвой и Берлином, в постановлении голословно утверждается, что протоколы были использованы для «предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств».

Впрочем, политическим противникам России этого мало и они настойчиво сетуют по поводу того, что одновременно с секретным протоколом к советско-

германскому договору о ненападении от 1939 г. Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. не осудил и «советскую аннексию Прибалтийских государств в 1940 г.»^[465]. Но почему съезд должен был это сделать? Советско-германские договоры 1939 г. не повлияли на легитимность договоров, заключенных впоследствии СССР с Прибалтийскими странами в условиях начавшейся мировой войны и позволявших на согласованной с этими государствами основе размещать на их территории советские военные объекты и контингенты войск. Что же касается определения сфер интересов Советского Союза и Германии, то инструменты обеспечения этих интересов в протоколе определены не были. Поскольку же для обеспечения своих интересов в Прибалтике Советский Союз к ведению военных действий не прибегал, поскольку дополнительные контингенты его вооруженных сил вводились в Латвию, Литву и Эстонию с согласия их высшего государственного руководства, а в самих этих республиках на протяжении всего периода с июня 1940 г. и до их выхода из состава СССР действовали национальные органы власти, то и говорить об их оккупации нет оснований^[466].

Давая в своих воспоминаниях оценку политики, проводившейся в тот период самими Ригой и Таллином, Уинстон Черчилль писал: «В тот же день, 31 мая (на самом деле, 7 июня 1939 г. — М. Д.), Эстония и Латвия подписали с Германией пакты о ненападении. Таким образом, Гитлеру удалось без труда проникнуть в глубь слабой обороны запоздалой и нерешительной коалиции, направленной против него»^[467]. И еще одна цитата У. Черчилля, на этот раз из выступления британского премьера 1 октября 1939 г.: «Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для

защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...»^[468].

А вот что вспоминал эстонский ветеран-антифашист, Герой Советского Союза Арнольд Мери: «22-й территориальный корпус эстонской армии был преобразован в корпус Красной армии и вплоть до зимы 1941 г. воевал в прежней, «буржуазной» форме. Бои начались 6 июля и продолжались до 4 октября — наш корпус отступил на 120 километров... Из 6–7 тысяч человек нашего корпуса после двухмесячных боев осталось в живых 640 человек... Вы можете назвать второй подобный пример в истории, когда армия «оккупированной территории» так ожесточенно сражалась бы за дело «оккупантов»?»^[469]. Так что если бы в 1940 г. имела место действительно агрессия против Эстонии со стороны СССР с целью ее оккупации и у эстонской армии был бы приказ отражать вторжение, она это, видимо, с честью бы сделала.

Обратимся теперь к часто упоминаемому в данном контексте термину «аннексия». В преамбуле договора между РСФСР и Литвой «Об основах межгосударственных отношений» от 27 июля 1991 г. (его оценка на предмет соответствия законодательству тогда еще общего союзного государства СССР — предмет отдельного исследования), действительно, содержится ссылка на важность «устранения Союзом ССР нарушающих суверенитет Литвы последствий аннексии 1940 г.». Этот термин — «аннексия» — появился в данном документе сугубо в результате волюнтаристского решения политиков, его подписавших, поскольку общепринятой или хотя бы устоявшейся международно-правовой квалификации на

данный счет не существовало и не существует. Речь, в любом случае, идет в договоре о политической констатации присоединения без его квалификации как незаконного действия. Присоединение стран Прибалтики к СССР в 1940 г. не было односторонним актом, осуществлялось на основании соответствующих обращений их высших органов государственной власти и, таким образом, не противоречило международному праву того времени. Как не противоречило ему и присоединение к территориям стран Антанты отошедших им в результате итогов Первой мировой войны территорий Германии и ее союзников, которое также было осуществлено с согласия присоединяемого государства. Кстати, одним из последствий вхождения Литвы в СССР стало закрепление за ней территорий, обретенных при прямой поддержке Москвы в октябре 1939 г. (Вильнюс, Вильнюсский край, присоединенные в октябре 1920 г. к Польше) или возвращенных в 1945 г. (Клайпеда, Клайпедский край, оккупированные нацистской Германией 23 марта 1939 г.).

Итак, события июня 1940 г. в Прибалтике согласно хорошо известным историческим фактам и действовавшим в тот период нормам международного права (пусть и весьма зыбким) под определение оккупации не подпадали. В качестве недопустимого метода международных отношений угроза применения силы была приравнена к ее фактическому применению лишь в Уставе ООН и других документах этой организации^[470]. На рубеже 1930-1940-х гг. Советский Союз действовал в русле тех «правил игры», которые в то время практиковали Великие державы^[471].

Можно критиковать методы советских представителей в этих странах в переходный (июнь — август 1940 г.) период и обсуждать степень легитимности проведенных там выборов, однако делать

это надо на основе единых подходов. Позиция сил, находящихся сегодня у власти в Латвии, Литве и Эстонии (выборы 1940 г. нелегитимны, так как предвыборная кампания и сами выборы происходили в условиях присутствия иностранных войск и вмешательства иностранных представителей во внутренние дела страны), не соотносится ни с трактовкой их собственного обретения независимости, которая, как известно, провозглашалась именно в условиях иностранной оккупации и отнюдь не демократически избранными органами, ни с их же позицией по Ираку, о которой говорилось выше. Если, конечно, не следовать принципу «цель оправдывает средства».

Осуждение же сталинских массовых репрессий, прокатившихся по всему Советскому Союзу и затронувших Прибалтику в 1940–1941 и 1949 гг., было осуществлено еще во времена СССР, и возвращаться сегодня в России на официальном уровне к переоценкам этих страниц истории нет никакого смысла.

Не вызывает сомнений, что исследование международно-правовых и исторических обстоятельств событий 1939–1940 гг. в Прибалтике, как и в Европе в целом, будет продолжаться. Ясно и другое: подходы России, с одной стороны, и официальных властей Латвии, Литвы и Эстонии, с другой, если, конечно, в этих странах не произойдет демократических изменений, вряд ли существенно сблизятся. Дело в том, что, как становится все более очевидно, речь в данном случае идет не о научном, а о политическом споре. Взятой ими на вооружение концепцией «оккупации» прибалтийские политики и официозные историки не просто стремятся «защититься» от давящего груза собственной истории, не просто пытаются оправдать усилия по развалу СССР, не просто стимулируют

поддержку Запада в становлении своих государств. Главное, чему служит концепция «оккупации», — это оправдание дискриминации нетитульного населения, лишения политических и социально-экономических прав значительной части постоянных жителей Латвии и Эстонии с целью закрепления власти и собственности в этих странах за определенными этнократическими элитами. Таким образом, содержащаяся в упомянутом постановлении Съезда народных депутатов СССР установка на то, что «осознание сложного и противоречивого прошлого» призвано «обеспечить каждому народу Советского Союза возможности свободного и равноправного развития», сработала с точностью до наоборот. Впрочем, иначе, с учетом политической позиции тех, кто инициировал это постановление, и быть не могло.

Значительная доля ответственности за обоснование и реализацию этой дискриминационной политики лежит на западноевропейских и американских патронах и консультантах Риги и Таллина. Именно в результате их советов латышские и эстонские «демократы» предали тех своих сограждан, которые вместе с ними выступили за независимость, и отказались от данного им и России обещания обеспечить получение гражданства в порядке регистрации всеми постоянными жителями этих стран. Так в Европе появились беспрецедентный и абсурдный феномен лиц с «неопределенным гражданством» (апатридов) Эстонии и «неграждан» Латвии (именно «неграждан», имеющих юридическую связь с данной конкретной страной, а не лиц без гражданства вообще) и проводимая властями этих стран политика их дискриминации, с которым теперь Европейский союз, если называть вещи своими именами, не знает, что делать. Пример Литвы, где был применен регистрационный принцип предоставления гражданства, лишь подтверждает, что соображения

«исторической справедливости», «преемственности по отношению к довоенным государствам» и т. п. были в случае с Латвией и Эстонией только поводом для того, чтобы создать политические и экономические преференции для одной части общества за счет другой.

Отказ признать советский период неотъемлемой частью своей истории лишает Латвию, Литву и Эстонию преемственности в собственном историческом развитии. А между тем нормальная логическая конструкция могла бы выглядеть следующим образом: довоенные Латвия, Литва и Эстония приняли в 1940 г. решение о вхождении в СССР, а в 1991 г. вышли из него, вновь трансформируясь в самостоятельные государства. Это позволило бы и России с полным основанием считать эти страны правопреемниками Латвийской, Литовской и Эстонской республик, существовавших до 1940 г. Надежды же на то, что, квалифицируя советский период как оккупацию, удастся снять с поддерживавших и осуществлявших советскую власть латышей, литовцев и эстонцев ответственность за происходившее (если вообще уместно говорить об ответственности) и к тому же оправдать дискриминацию потомков «оккупантов», бесперспективны. Первое противоречило бы исторической правде. Второе — международным документам, запрещающим дискриминацию по всем и всяким основаниям.

Исторические фальсификации вокруг советско-германских договоренностей 1939 г. послужили основой еще для одного позорнейшего явления в современной Европе — пересмотра властями Латвии и Эстонии решений Международного военного трибунала в Нюрнберге в отношении преступной нацистской организации «Ваффен СС», попыток политической реабилитации и даже прославления пособников нацистов. Латвийских и эстонских политиков мало

заботит, что подразделения и части, вошедшие в 1943–1944 гг. в латышский и эстонский легионы СС, а потом и сами легионы, участвовали в совершении массовых военных преступлений и преступлений против человечности^[472].

Судя по всему, это мало заботит и руководство НАТО и ЕС, спокойно наблюдающее за тем, как организации бывших легионеров СС привлекаются к воспитательной работе в воинских частях латвийской и эстонской армий, в латвийских и эстонских школах и вузах.

Надо сказать, что, действуя таким образом, те силы, которые стоят сегодня у власти в Латвии и Эстонии, предают историческую память самих латышей и эстонцев. Не фашистские коллаборационисты, а солдаты Латышского и Эстонского корпусов и Литовской дивизии Красной армии спасали честь своих народов в годы величайшей трагедии XX века. Немалый вклад в это внесли участники партизанского сопротивления, выходцы из Прибалтики, воевавшие против Третьего рейха в других воинских частях и на других фронтах. Между тем, историю боевого пути этих соединений Красной армии молодежь в Латвии, Литве и Эстонии в большинстве своем не знает. А ведь даже пунктирные его вехи не могут не внушать уважения^[473]. Этими чувствами, кстати, проникнуто совсем не мало людей в Прибалтике, причем далеко не только русских. Закрывая для сегодняшней молодежи в Латвии, Литве и Эстонии эту важную страницу истории, националистические правительства по сути дела пытаются лишить латышей, литовцев, эстонцев, русских, евреев, людей других национальностей, проживающих в Прибалтийских странах, их истинной национальной самобытности.

Наиболее характерно данная линия на прославление нацистских пособников и оскорбление

исторической памяти тех, кто сражался с нацистами, проявилась в истории с демонтажем монумента Воину-освободителю в Таллине и силовым подавлением протеста защитников памятника, сопровождавшимся массовыми нарушениями прав человека. Примечательно, что незадолго до апрельских событий 2007 г. Центром имени Симона Визенталя был опубликован очередной доклад о состоянии дел с изобличением нацистских преступников в мире, в котором Эстония была отнесена к низшей категории стран, действия которых в данной области «полностью провалились»^[474] (не многим лучше, надо сказать, обстоят дела в Латвии и Литве^[475]). Директор этого Центра Эфраим Зурофф по поводу действий эстонских властей в отношении монумента в Таллине заявил: «Перемещение памятника принижает жестокость холокоста в Эстонии, оскорбляет память жертв нацизма в этой стране... отражает отсутствие у эстонского правительства понимания глубины преступлений нацизма... Ни в коем случае нельзя забывать, что именно Красная армия остановила массовые убийства, проводившиеся нацистами и их приспешниками из числа местных граждан вплоть до освобождения Эстонии от оккупации нацистской Германией»^[476].

Перед лицом этих и других осуждающих заявлений официальные власти Латвии, Литвы и Эстонии в последнее время стали декларировать намерение предпринимать шаги, «направленные на признание правды о пособничестве нацистам в истреблении еврейского населения». Степень их искренности, однако, вызывает серьезные сомнения, тем более что речь идет не только о пособничестве, но и об активной самостоятельной роли прибалтов в холокосте. Кроме того, разве не взывает к справедливости память не только о истребленных евреях, но и о сотнях тысяч

замученных при участии прибалтийских эсэсовцев военнопленных, о массовом уничтожении собственных мирных жителей самых различных национальностей только за то, что они были признаны «сочувствовавшими советской власти», наконец, память о жертвах чудовищных карательных акций латышских и эстонских эсэсовских и полицейских частей на Псковщине, Новгородчине, в Ленинградской области, в Белоруссии, других местах?

Проводя уже не первый год линию на пересмотр смысла и итогов Второй мировой войны и заявляя, что латвийские и эстонские части «Ваффен-СС» в годы войны вели «справедливую борьбу» с режимом СССР в интересах латвийской и эстонской независимости^[477], правительства сегодняшних Латвии и Эстонии фактически переводят свои страны в категорию «вражеского государства» в соответствии со статьей 107 Устава ООН, которая гласит: «Настоящий Устав ни в коей мере не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате Второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами в отношении любого государства, которое в течение Второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям». При этом «принудительные действия» в отношении такого «вражеского государства», согласно статье 53 Устава, можно предпринять и без получения полномочий от Совета Безопасности ООН.

Что же этому «наступлению на историческом поприще» противопоставляет Россия? Надо сказать, пока немного. Государственная поддержка фондов и исследовательских центров, которые последовательно раскрывают смысловые исторические диверсии и занимаются актуальными для современной

политической повестки дня историческими исследованиями, могла бы быть гораздо более существенной. Если же посмотреть на реакцию на этот серьезный вызов на официальном уровне, то мы увидим, что она пока не в полной мере соответствует той опасности, которая в нем содержится. В условиях, когда в Латвии, Литве и Эстонии, на Украине, в Грузии, Молдавии, в некоторых других странах оскорбление русской истории и национальных чувств русского и других населяющих нашу страну народов возведено в ранг государственной политики и оформлено в соответствующих официальных документах, одних осуждающих заявлений недостаточно. Необходима выработка комплекса мер, направленных на борьбу с историческими фальсификациями и, в первую очередь, на противодействие политической реабилитации на пространстве бывшего СССР нацизма, нацистских преступников и их пособников. Будем надеяться, что начатая в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации работа над соответствующим законопроектом завершится в краткие сроки и наша страна получит законный инструментарий для этой борьбы.

Видимо, возросшим пониманием, что защищать свою историю и национальные чувства своих граждан — это прямая обязанность государства, было мотивировано принятое 19 мая 2009 г. Президентом России Д. А. Медведевым решение о создании Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Действительно, странно было бы, если бы в тех обстоятельствах, о которых речь шла выше, государственные органы России продолжали отгораживаться от исторических проблем и внешних претензий, «оставляя историю историкам»^[478].

Государство обязано формировать свою ясную и четкую политическую позицию по важнейшим историческим вопросам и доводить ее как до российской общественности, так и до партнеров за рубежом. Это же, кстати, относится и к российским политическим партиям.

Если мы хотим идти по пути действительно суверенного развития, мы должны, среди прочего, научиться последовательно и системно парировать применение против нас оружия исторической лжи. В этом контексте важно продолжить исправление тех искажений в политико-юридических и исторических квалификациях военной, политической, правовой ситуации вокруг подписания советско-германских договоров о ненападении и о дружбе и границе от августа — сентября 1939 г. и секретных протоколов к ним, которые навязываются гражданам нашей страны начиная с середины 1980-х гг. Известное Постановление Съезда народных депутатов СССР от 1989 г. дает этой абсолютно логичной внешнеполитической мере обеспечения безопасности, предпринятой руководством СССР в условиях нависшей над страной смертельной угрозы, явно необъективную оценку. Без изменения этой оценки российское руководство не сможет занять действительно последовательную и прочную позицию в отношении политических и финансовых претензий, предъявляемых государствами Прибалтики по поводу так называемой «оккупации», как и в отношении претензий и фальсификаций более широкого плана, нацеленных на дискредитацию победы СССР во Второй мировой войне, на подрыв созидательного внутреннего развития и внешнеполитических позиций современной России.

Приложение

1

**Письмо народного комиссара
иностранных дел СССР М. М.
Литвинова Полномочному
представителю СССР в
Великобритании И. М. Майскому**

19 марта 1939 г. Секретно

Чехословацкие события, по-видимому, встряхнули общественное мнение, как Англии, так и Франции и других стран. Тем не менее, если в ближайшее время Гитлер не предпримет какой-либо новой экспансионистской акции и, может быть, даже сделает новый миролюбивый жест, Чемберлен и Даладье начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии. Они отнюдь еще не сдались. Нельзя поэтому считать прочным созданное в правительственных кругах настроение в пользу сотрудничества с СССР. Чехословацкие события и ультиматум Румынии если несколько и обеспокоили Чемберлена и Даладье в качестве гарантов честных слов и клятвенных заверений Гитлера, то в то же время полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток:

Многое будет зависеть, конечно, от настроений, с которыми вернется отсюда Хадсон. Я отнюдь не убежден, что ему удастся рассеять существующие здесь подозрения и недоверие. Вопрос о разговорах с ним в политической плоскости еще не обсуждался и будет мною поставлен по окончании съезда. Из всех

Ваших сообщений, однако, видно, что Хадсон не уполномочен и не намерен делать какие-либо конкретные предложения, а хочет выслушивать предложения с нашей стороны. Я думаю, что таких предложений ему сделано не будет. Мы пять лет на внешнеполитическом поле деятельности занимались тем, что делали указания и предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им. Если Англия и Франция действительно меняют свою линию, то пусть они либо высказываются по поводу ранее делавшихся нами предложений, либо делают свои предложения. Надо инициативу предоставить им. Впрочем, в данном мною вчера Сидсу ответе заключается конкретное предложение, которое с некоторыми изменениями может применяться и в других случаях. Переговоры, таким образом, вероятно, ограничатся обменом взаимными заверениями в готовности к сотрудничеству без того, чтобы сотрудничество сдвинулось с места.

Что касается экономических предложений, то также не приходится ожидать значительного удовлетворения английских пожеланий, если они будут настаивать на расширении наших закупок на область потребительских товаров, сельди и т. п. Если Англия будет настаивать на изменении соотношения между импортом и экспортом, то мы скорее пойдем на сокращение нашего экспорта, что вряд ли удовлетворит Хадсона. Все это, конечно, лишь мои личные предположения. Постараюсь, во всяком случае, обставить пребывание делегации в бытовом отношении как следует. Хадсон будет принят в первый же день как мною, так и т. Микояном.

Из поступившей за последнее время информации могу сообщить Вам следующее:

1. Итальянцы, по-видимому, не были заранее осведомлены о действиях Германии в Чехословакии и о

них узнали чуть ли не постфактум. Слухи о предстоящем свидании Гитлера с Муссолини Чиано в разговоре с т. Гельфандом опровергал. Он считает весьма вероятным приезд в ближайшее время в Рим Риббентропа или свою поездку в Берлин. Он давал понять, что предстоят серьезные итало-германские переговоры, исход которых предопределил дальнейшее направление политики Муссолини в отношении Франции.

2. Можно считать установленным, что Чиано действительно остался недоволен своим варшавским визитом. Уже первый его разговор с Бекком убедил его в бесполезности каких-либо предложений Польше о присоединении к антикоминтерновскому пакту, и он таких предложений не делал. Бек ему подтвердил, что Польша не намерена участвовать в комбинациях, направленных против Германии или против СССР. При этих обстоятельствах Чиано приходилось говорить т. Гельфанду, что он не добивался в Варшаве никаких конкретных целей.

3. Чиано говорил недавно некоторым римским дипломатам, что Италия не предполагает в ближайшем будущем заключать военный союз с Германией и Японией. По-видимому, со стороны Японии действительно встретились серьезные затруднения. Циркулируют слухи, которые проверить невозможно, будто Германия и Италия рекомендовали Японии принять советские условия по рыболовным вопросам и улучшить свои отношения с СССР. Если верить этим слухам, то Берлин и Рим, очевидно, стремятся направить сейчас весь нажим треугольника против Франции и Англии.

4. Результатом переговоров Гафенку с поляками в Варшаве было согласие Румынии на установление общей польско-венгерской границы, т. е. на захват Венгрией Карпатской Руси. Знал ли тогда уже Бек о

предстоящих германских действиях в Чехословакии? На этот вопрос ответить трудно. Гжибовский меня заверил, что события застали Польшу врасплох. Хотя Польша готова, по-видимому, примириться с поглощением Германией Чехии, чего она, пожалуй, даже желала, она все же сильно встревожена подчинением Германией и Словакии, статус которой еще недостаточно выяснен. По-видимому, Польша еще не отказалась от собственных видов на Словакию.

Мне самому не совсем понятно, почему Германия установила разные формы подчинения для Чехии и Словакии, оставив за последней, если верить газетным сообщениям, хотя бы формальную независимость. Мне приходит в голову мысль, не предполагает ли Гитлер сделать Словакию предметом торга с Польшей, обменивая ее на «коридор» и Данциг. Окончательное включение Словакии, по примеру Богемии, в состав германской империи создало бы некоторое техническое затруднение для отдачи Словакии Польше. Надо поэтому оставить за Словакией видимость независимости, которая позволила бы ей в нужный момент объявить о своем присоединении к Польше.

Гафенку и Бек вновь подтвердили решимость обоих государств не присоединяться к «антикоминтерновскому пакту». Посредничество Польши между Румынией и Венгрией Гафенку отклонил, высказавшись за непосредственные переговоры с Венгрией. Решено совместно работать по разрешению еврейской проблемы в обеих странах, т. е. совместно добиваться от Англии допущения переселения евреев в какую-либо английскую или иную колонию. Говорилось также об устройстве магистрали Варшава — Бухарест — Салоники и о балтийско-черноморском канале.

5. Литовское правительство имеет сведения о предстоящем присоединении Германией Мемеля и даже обратилось к нам со специальным запросом о нашей

позиции. Я ответил Балтрушайтису, что Литве следует раньше всего обратиться к участникам Мемельской конвенции. Имеются у нас непроверенные сведения о каких-то польско-литовских переговорах, в которых затронут проект возвращения Литве Вильно при условии заключения польско-литовского военного союза. Предложение как будто исходит от Польши, но Литва колеблется, опасаясь связать свою судьбу с неясной политикой Бека и боясь также вызвать недовольство Германии.

Литвинов^[479]

2

**Запись беседы наркома
иностранных дел СССР М. М.
Литвинова с послом
Великобритании в СССР У. Сидсом**

21 марта 1939 г.

Английский посол потребовал сегодня срочного приема, и я его вызвал к себе в 2 часа 30 минут.

Он раньше всего сообщил мне, что перед своим уходом из дому он получил телеграмму от английского посланника в Бухаресте, который сообщает, что, ввиду известных недоразумений с демаршем румынского посланника в Лондоне, он, по поручению Форин-офиса, обратился лично к румынскому королю за разъяснениями. Тот ему подтвердил, что ультиматума, собственно, не было, но что Германия выдвинула совершенно недопустимые требования. Король сказал, что Румыния оказывает сопротивление германскому нажиму, но она не будет в состоянии это делать бесконечно, если не получит обещания посторонней помощи.

Далее Сидс сообщил, что по поводу создавшегося положения английское правительство держится такого мнения: «Хотя точность слухов касательно германского ультиматума Румынии вызывает сомнения, но для британского правительства, однако, ясно, что поглощение Чехословакии Германией свидетельствует о том, что германское правительство полно решимости выходить за рамки той цели, которую оно как будто до сих пор себе ставило, то есть консолидации германской расы. Теперь, когда германское правительство

распространило свои завоевания на другую нацию, никакое европейское государство не может не считать себя непосредственно или в конечном счете угрожаяемым, если недавняя акция Германии окажется частью определенной политики государства. В этих обстоятельствах британское правительство считает необходимым приступить немедленно к организации взаимной поддержки со стороны тех держав, которые признают необходимость защиты международного общества против дальнейшего нарушения основных законов, на которых оно покоится» (мною записано со слов посла текстуально).

Сославшись на заявление Галифакса т. Майскому, посол вручил мне проект декларации, которую британское правительство предлагает подписать от имени четырех государств: Великобритании, СССР, Франции и Польши (проект декларации прилагается).

Посол пояснил, что это не является контрпредложением, взамен нашего предложения, которое отнюдь не отвергается и осуществление которого, по-видимому, откладывается на некоторое время после подписания декларации. По мнению Галифакса, такая декларация произведет отрезвляющее действие на Германию.

Я сказал, что, конечно, не замедлю передать английское предложение своему правительству, но, что мне кажется, что даже для декларации весьма желательны предварительные консультации, когда сразу может быть установлен приемлемый для всех участников текст и когда сразу могли бы быть приняты решения в случае, если бы то или иное государство отказалось примкнуть к декларации.

Сидс ответил, что декларация составлена в таких необязывающих выражениях и так лаконично, что вряд ли могут быть серьезные возражения. Конечно, возможны поправки, против которых британское

правительство не будет возражать, если они не противоречат основной цели декларации. Сидс не ожидает возражения со стороны Франции или нашей, но если бы отказалась подписать декларацию Польша, то он лично не видит препятствий к тому, чтобы декларация исходила от трех Великих держав. Сидс подтвердил сообщенное уже т. Майскому, что Галифакс немедленно после подписания декларации четырьмя державами намерен предложить другим заинтересованным более мелким государствам присоединиться к этой декларации. Следующим этапом было бы общее совещание подписавших декларацию и присоединившихся к ней. Он выразил надежду, что, по крайней мере, с нашей стороны не будет возражений, ибо и там, мол, наша позиция подвергается резким кривотолкам. Например, заявление товарища Сталина на съезде о нашей готовности помогать жертвам агрессии толкуется в том смысле, что мы не хотим предупреждать войну, и говорим о помощи лишь после возникновения войны.

Я выразил крайнее удивление такому неправильному толкованию заявления т. Сталина, напомнив послу о наших многочисленных заявлениях о созыве совещаний и конференций, причем мы всегда подчеркивали необходимость профилактических мер, чтобы предотвратить войну. Посол стал извиняться, что он отнюдь не солидаризуется с упомянутым толкованием и просил дать ему ответ возможно скорее.

Литвинов^[480]

3

Из дневника наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова. Перевод проекта декларации, предложенной английским правительством СССР в марте 1939 года

«Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть принимаемы для общего сопротивления таким действиям». [\[481\]](#)

4

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

22 марта 1939 г. Секретно

Сидс явился ко мне в 20 час. вечера по моему вызову в очень мрачном настроении, которое он сразу объяснил полученным им сообщением из Румынии о концентрации войск болгарских, венгерских и о частичной мобилизации в Румынии. К тому же он получил телеграмму из Варшавы, что жена Хадсона заболела и по приезде в Москву должна слечь в постель.

Я сообщил послу наш ответ относительно декларации, изложив ему письменно по-английски. Сидс очень обрадовался нашему ответу, сказав, что это подымает немножко его дух, сильно упавший после нашего вчерашнего опровержения, от которого у него остался очень неприятный осадок. Ему сообщили, что «наши друзья немцы» якобы торжествовали по поводу этого опровержения. Сидс сказал, что вчера он расспрашивал Фирлингера о нашей роли во время сентябрьских событий, и тот ему сказал, что мы лояльно выполняли свои обязательства и обещания и что если кто-либо в то время и оказывал материальную и моральную помощь Чехословакии, то это был Советский Союз. Посол говорил, что он был очень рад этому сообщению. Он придает очень большое значение финансовым мерам, принятым его правительством в отношении чешских ценностей и платежей, что должно

больно ударить по Германии. Он мне также сообщил, что чехам будто бы удалось сплавить за границу часть своего золотого запаса. По-видимому, золото попало в Англию.

Никаких вопросов о нашей позиции в случае отказа Польши или Франции подписать декларацию посол мне не задавал.

Прощаясь, я сказал послу, что ввиду диких слухов, циркулирующих во всей прессе в связи с событиями, мы сочтем нужным завтра, после того как наш ответ будет в руках английского правительства, дать об этом сообщение в печать. Посол сделал гримасу недовольства, но ничего не сказал.

Литвинов^[482]

5

Запись беседы наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова с главой торговой делегации Великобритании Р. Хадсоном

23 марта 1939 г.

Хадсон пришел в сопровождении посла...

Деловой разговор он начал с того, что Англия значительно укрепилась и даже в большей мере, чем она сама ожидала. В сентябре она воевать не могла, теперь же она воевать готова. Об Италии Хадсон говорил в пренебрежительном тоне, что это, мол, какая-то шутка. Английские морские круги уверены, что они справятся на море с Германией и Италией. Довооружение также идет чрезвычайно быстрым темпом. Военные поставки заводов, которые ожидалось в июне, поступают уже теперь. Английское правительство думало, что оно будет готово к войне только в 1941 году, оказывается, однако, что эта готовность будет уже к концу лета этого года, общественном мнении Англии тоже огромные сдвиги... Идея сотрудничества с другими странами разделяется почти всеми. Никакое правительство не могло бы держаться у власти, если бы оно стало проводить другую политику. Второго Мюнхена не будет. Хадсон полагает, что через год удастся даже ввести обязательную воинскую повинность. Он лично хотел бы провести на этой платформе выборы в парламент. Сюда он приехал с открытой душой и готов выслушать нас,

как мы мыслим себе сотрудничество и какие пути для этого мы предлагаем.

Я изложил ему нашу позицию в духе своей записки от 20-го. Я говорил также о том, что мюнхенская политика уничтожила международное доверие, а также авторитет Великих держав среди малых государств. После пятилетнего периода инициативы, всякого рода предложений с нашей стороны и безуспешных усилий осуществления международного сотрудничества, мы вправе занять выжидательную позицию в ожидании инициативы и предложений со стороны других. Вряд ли могут быть достигнуты какие-либо серьезные результаты, если сотрудничество сведется к тому, что одна сторона будет вопрошать, а другая должна отвечать. Нам также интересно знать, что в уме у англичан. Мы с достаточной полнотой и ясностью излагали наши международные концепции...

Хадсон ответил, что он согласен со мной в изложении хода событий за последние годы, а также ошибок западных государств, но должен возразить лишь против наших подозрений, будто Чемберлен и в сентябре хотел направить Германию на нас (В этом месте рукой Литвинова прописано в скобках (Я ему этого не говорил)). Никаких таких намерений у Англии не было, и нет. Из того, что я сказал ему, однако, ясно, что открывается новая страница в отношениях между нашими странами. Он хочет поразмыслить над сказанным мною и вновь поговорить перед отъездом...

О своем варшавском визите Хадсон говорил, что он улаживал главным образом некоторые конфликты торгового характера. Он вынес впечатление, что Польша будет драться, только если нападут на ее территорию или даже на коридор, хотя Данциг она, вероятно, сдала бы без боя. Бек говорил ему, что союз с Румынией предусматривает лишь нападение с нашей

стороны. Ответа на английское предложение Польша к моменту его отъезда ему не дала.

Литвинов^[483]

6

**Запись беседы полномочного
представителя СССР в
Великобритании И. М. Майского с
постоянным заместителем министра
иностраннных дел Великобритании
А. Кадоганом**

29 марта 1939 г. Секретно

1. Я пришел к Кадогану по поручению т. Литвинова выяснить подоплеку инцидента с опубликованием англо-советского коммюнике в Москве в связи с визитом Хадсона. Я изложил вкратце Кадогану, что именно произошло, и спросил, что это значит. Кадоган ответил, что не произошло ничего ужасного, ничего такого, что должно было бы нас волновать, ибо основные факты сводятся к следующему.

27 марта около 7 час. 30 мин. вечера по лондонскому времени т. е. около 10 час. 30 мин. по московскому) в ф(орин) о(фисе) была получена телеграмма из Москвы, сообщавшая, что в результате происходивших там переговоров будет выпущено коммюнике, в котором будут затронуты не только торговые, но и политические вопросы. Проекта коммюнике, однако, к телеграмме приложено не было. Это сообщение Кадогана несколько обеспокоило, так как: а) Хадсон — не работник ф(орин) о(фиса), а секретарь департамента заморской торговли и б) хотя Хадсону и не было запрещено кабинетом разговаривать на политические темы, но все-таки его основной задачей являлись разговоры на торговые темы. О

политических разговорах в Москве Хадсон сообщал в Лондон очень мало, и ясного представления о них у Кадогана не было. Услышав поэтому, что в коммюнике вносится какая-то «политика», Кадоган прежде всего захотел посмотреть текст коммюнике. Взглянув на часы, он понял, однако, что теперь уже слишком поздно для необходимых сношений с Москвой.

Тогда во избежание каких-либо неприятных сюрпризов он решил поступить более радикально и дал в Москву инструкцию вообще выбросить из коммюнике всякое упоминание о «политике». Инструкция Кадогана, однако, опоздала, и коммюнике появилось в своем первоначальном виде. Беды в этом нет никакой, ибо, ознакомившись из газет с текстом коммюнике, Кадоган находит его вполне хорошим. Мне бросилось в глаза, что Кадоган говорил о данном инциденте с несколько необычным для него волнением и что имя Хадсона он произносил с явным раздражением. По-видимому, Кадогана возмущало, что человек торгового ведомства, да еще «выдвиженец» Ванситтарта (с которым у него не очень хорошие отношения), тоже хочет «лезть в политику». Я заметил, что инцидент с коммюнике произвел в Москве неприятное впечатление — не потому, что мы склонны переоценивать его значение, и не потому, что мы непременно хотели внести в коммюнике «политику», а потому, что не только английская пресса, но и такие люди, как Галифакс, Ванситтарт и сам Хадсон, все время подчеркивали политическое значение миссии последнего. Инструкция Кадогана при таких условиях прозвучала каким-то диссонансом. Кадоган был явно смущен, извинялся и заверял, что никакого злого умысла у него не было. В виде компенсации он несколько раз повторил, что придает большое значение визиту Хадсона, доволен его результатами и надеется на хорошие последствия визита.

2. Когда исчерпан был первый вопрос, начался обычный в нынешних условиях обмен текущими новостями в международной области. Кадоган, между прочим, спросил меня, читал ли я вчерашнее заявление премьера в палате общин. Я ответил, что не только читал, но даже пришел в немалое удивление. В своем заявлении премьер, между прочим, говорит о том, что намерения брит(анского) пра(вительства) «идут значительно дальше простой консультации» и что «держavam, с которыми мы находимся в консультации, мы дали ясно понять, к каким действиям мы готовы в определенных обстоятельствах». Все это звучит довольно серьезно, а между тем я не имею никакого представления, что именно премьер имеет в виду, несмотря на то, что СССР как будто бы является одной из тех держав, с которыми брит(анское) пра(вительство) находится «в консультации». Говоря так, я сознательно несколько преувеличивал: кое-что о новых планах премьера я слышал из разных источников, но официально из ф(орин) о(фиса) мне о них не было сказано ни слова. Кадоган слегка смешался и как бы в оправдание стал излагать мне сущность того, что занимает сейчас брит(анское) пра(вительство).

Оказывается, поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР. Кроме того, они дали ясно понять, что «консультация» их никак не устраивает и что они могут войти в мирный блок только при условии твердых военных обязательств со стороны Англии и Франции. В течение последних дней между Лондоном и Парижем шли усиленные консультации, к которым сейчас привлекается также Варшава, и в английских правительственных кругах создалось настроение, что в качестве первого этапа необходимо организовать блок

четырех держав — Англии, Франции, Польши и Румынии, причем Англия и Франция принимают на себя твердые обязательства силою оружия прийти на помощь Польше или Румынии в случае нападения на них Германии. СССР пока остается в стороне, но на следующем этапе он тоже привлекается, причем о формах и характере его сотрудничества брит(анское) пра(вительство) собирается с нами вести специальные разговоры.

3. Я слушал Кадогана с большим недоверием. Зная вековую нелюбовь Англии к «твердым обязательствам» вообще, а на континенте Европы в особенности, зная традиционное пристрастие Англии к игре на противоречиях между третьими державами со свободными руками, зная, наконец, как уже на моих глазах брит(анское) пра(вительство) никогда даже и слышать не хотело о гарантии границ в Центральной и Восточной Европе, я с трудом мог себе представить, чтобы Чемберлен согласился дать твердые обязательства Польше и Румынии. Желая уточнить положение, я поставил Кадогану прямой вопрос: «Допустим, Германия завтра нападает на Польшу, — объявит ли Англия в этом случае войну Германии? Станет ли блокировать берега Германии и бомбардировать с воздуха ее укрепления?» На это, к моему удивлению, Кадоган прямо же ответил: «Да, объявит, если, конечно, кабинет примет весь план». Посмотрев на часы, которые показывали час дня, Кадоган прибавил: «Может быть, план уже принят, — сейчас как раз проходит заседание правительства» (план в этот раз, однако, принят не был). Я продолжал проявлять скептицизм, которому, как я заметил, не чужд был и сам Кадоган. Наконец, он спросил: Почему Вы так усмехаетесь? Почему Вам кажется подобное решение кабинета невероятным?» Я возразил: «Потому что ваш новый план, если он только вообще будет

реализован, в чем я далеко не уверен, представлял бы что-то похожее на революцию в традиционной внешней политике Великобритании, а здесь революций, как известно, не любят». Кадоган пожал плечами и сказал: «Да, конечно, это было бы революцией в нашей внешней политике, — оттого-то мы так долго не можем принять окончательного решения. Я не думаю, примет ли такое решение и сегодняшний кабинет. Но имейте все-таки в виду: настроения сейчас таковы, что твердые гарантии Польше и Румынии могут быть даны».

Полпред СССР в Великобритании И. Майский^[484]

7

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Польши в СССР В. Гжибовским

31 марта 1939 г. Секретно

Гжибовскому, явившемуся ко мне по моему приглашению, я сообщил следующее:

1. Правительство СССР выражает свое согласие на установление воздушной линии Москва — Варшава;

2. Вопрос о передаче польскому правительству некоторых архивных документов, находящихся в СССР, передан на рассмотрение компетентных учреждений;

3. Что касается арестованных польских граждан, о высылке которых из СССР в Польшу ходатайствовал посол, то этот вопрос обсуждается с участием органов, высказавшихся ранее за применение к упомянутым польским гражданам мер репрессий на основании определенных обвинительных данных;

4. Для подыскания ксендза, могущего обслужить польский костел в Москве, советскими властями принимаются надлежащие меры.

Гжибовский выразил свою радость по поводу положительного разрешения вопроса об установлении воздушной линии между Москвой и Варшавой. Он заявил, что, не дожидаясь своего выезда в Варшаву, сообщит Министерству иностранных дел эту приятную новость. Посол надеется, что и остальные вопросы, поставленные им перед НКВД, будут разрешены в ближайшее время в благоприятном смысле.

Я осведомился у посла, когда собирается он выехать в Варшаву? Гжибовский ответил, что решил выждать несколько дней. Во-первых, Бек в первых числах апреля должен отправиться в Лондон. Посол не застал бы его в Варшаве, если бы немедленно выехал из Москвы. Во-вторых, Гжибовскому желательно быть в Варшаве тогда, когда общее положение станет более ясным. Он имеет в виду, прежде всего, результат той акции, которая начата Англией и Францией в плане обеспечения мира в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Я спросил Гжибовского, верны ли сообщения прессы, что польское правительство уклоняется от участия в предлагаемой Англией декларации держав, если таковая будет подписана правительством СССР, Гжибовский ответил, что это представляется ему правдоподобным. Польское правительство неоднократно заявляло, что, находясь между СССР и Германией и стараясь в этом положении поддерживать известное политическое равновесие, оно не может примкнуть ни к одной акции, в которой одно из упомянутых государств выступало бы против другого. С этой точки зрения, по-видимому, рассматривает польское правительство и предложение, сделанное ему Англией. Дальнейшая позиция Польши будет зависеть от Гитлера. Если его отношения к Польше примут явно агрессивный характер, колебаниям польского правительства будет положен конец, и оно силою вещей вынуждено будет, при помощи Великих держав, отстаивать независимость своего государства.

В. Потемкин^[485]

8

**Запись беседы наркома
иностранных дел СССР М. М.
Литвинова с послом
Великобритании в СССР У. Сидсом**

01 апреля 1939 г.

Сидс, не объявляя цели своего визита, начал с разговора о коммюнике Хадсона, причем, выражая сожаление, что последние моменты частей, да и его самого, были испорчены, в чем он винит, конечно, Форин-офис. Я ему сказал, что нам коммюнике не нужно, что мы могли бы обойтись без него, но поскольку английская печать столько на шумела по поводу якобы политической миссии Хадсона, трудно было совершенно умолчать о политических разговорах, которые он все же вел с нами по поручению своего правительства.

С(идс) затем спросил, что я думаю о заявлении Чемберлена. Он полагает, что мы должны приветствовать это заявление, как и проявление новой английской политики по пути коллективной безопасности. Он ожидает поэтому, что мы выразим свое понимание и силу заявления.

Я выразил сперва недоумение, что после того, как Англия, по своей инициативе, обратилась к нам с предложением о совместной декларации и мы дали свой положительный ответ, мы ничего больше не знаем официально о судьбе этого начинания. Как-то попутно только Кардоган говорил т. Майскому об отрицательной позиции Польши, но мы не знаем, надо ли считать эту затею окончательно провалившейся, или же заявление

Чемберлена считается условием согласия Польши на декларацию. С(идс) ответил, что насколько ему известно, Кардоган и сам Галифакс познакомили Майского с предложением и что он, Сидс, считает вопрос о декларации окончательно отпавшим. Он опять стал спрашивать о моем впечатлении от заявления Чемберлена. Я ответил, что нам не совсем понятен смысл этого заявления. Действительно ли Англия решила встать на пути борьбы с агрессией вообще, где бы она не возникала, или же мы имеем дело с соглашением между Англией, Францией и Польшей, или даже Румынией, вызванным особыми соображениями и интересами. Во всяком случае мы на все официальные предложения Англии дали свои ответы, затея Англии провалилась и мы считаем себя свободными от всяких обязательств.

— Значит ли это, что вы впредь не намерены помогать жертве агрессии, — спросил Сидс.

Я ответил, что может быть помогать будем, в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам.

С(идс) начал вздыхать по поводу того, что шаги Англии всегда находят где-либо своих критиков, и что бы Англия не делала, всегда кто-либо недоволен. Ему, Сидсу, очень неприятно встречать с моей стороны такое холодное отношение к заявлению Чемберлена, которое, по мнению посла, заслуживает лучшей оценки.

Я, действительно, принял посла очень холодно, выражая это не столько словами, сколько поведением, и от продолжения разговора уклонился.

Литвинов^[486]

9

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

11 апреля 1939 г.

Пайяр начал с вопроса, нахожусь ли я в курсе тех разговоров, которые в последние дни имели место между Боннэ и т. Сурицем в Париже. На мой утвердительный ответ П. заявил, что ему поручено просить НКВД, если возможно, ускорить ответ на некоторые конкретные вопросы, поставленные Министерством иностранных дел, Боннэ перед правительством СССР. Я сообщил Пайяру, что ожидаемый Боннэ ответ он, по-видимому, уже получил через т. Сурица, которому уже даны надлежащие указания. На просьбу Пайяра, если возможно, ознакомить его с содержанием нашего ответа, я вкратце передал ему то, что было сообщено т. Сурицу в телеграмме т. Литвинова от 10 апреля.

П. поставил новый вопрос — именно: в чем конкретно могла бы выразиться помощь Советского Союза Польше, если бы последняя подверглась нападению Германии. Я заявил, что не могу дать никакого ответа на этот вопрос, ибо, во-первых, он не был еще конкретно поставлен перед правительством СССР, и, во-вторых, представляется неясным, какую роль в деле защиты Польши взяли бы на себя Франция и Великобритания. Пайяру пришлось, поневоле,

удовлетвориться этим ответом. Тогда, по своему обыкновению, он перешел к ряду других вопросов — именно: куда, по моему мнению, должна в ближайшее время направляться германская экспансия, будет ли Польша активно сопротивляться нападению Германии, как относится Турция к положению, создавшемуся на Балканах после оккупации итальянцами Албании, хороши ли наши отношения с турками и греками, верно ли, что Франко присоединился к антикоминтерновскому пакту. На все эти вопросы я дал Пайяру весьма скупые, и когда нужно, уклончивые ответы. [\[487\]](#)

10

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

14 апреля 1939 г.

Пайяр, попросивший у меня немедленного свидания «на пять минут», сообщил мне следующее. Вчера, на приеме у афганцев, он узнал от т. Литвинова, что Суриц в Париже ожидает от Боннэ некоторых конкретных предложений по вопросу о помощи Польше в случае нападения на нее Германии. Два дня тому назад военному атташе французского посольства Паласу было поручено по телеграфу военным министерством переговорить с советским Генеральным штабом относительно некоторых конкретных вопросов. Сегодня, на свое обращение в Наркомат обороны, Палас получил ответ, что порученные ему переговоры должны идти по линии МИД и НКВД. У Пайяра возникает вопрос, — не решило ли французское правительство поручить Паласу сделать нам те же самые конкретные предложения, которых Суриц ожидает от Боннэ?

Я ответил Пайяру, что разговор т. Сурица с Боннэ касательно некоторых предложений французского правительства имел место 11-го, Боннэ обещал нашему послу, быть может, уже на другой день, ознакомить его с упомянутыми предложениями. Я не думаю, чтобы, вместо обращения к т. Сурицу, Боннэ предпочел поручить Паласу продолжать в Москве разговор,

начатый министром в Париже с нашим послом. Если даже и допустить такую возможность, осталось бы непонятным, как мог Боннэ не информировать т. Сурица о том, что ожидаемые последние конкретные предложения французского правительства будут переданы нам через военного атташе французского посольства в Москве.

Пайяр согласился с моими доводами. Он заявил, однако, что по телеграфу попросит Боннэ разъяснить, не поручалось ли Паласу говорить с нашим генеральным штабом о том же самом, что Боннэ должен был сообщить т. Сурицу.

Перед уходом Пайяр осведомился у меня, по своей ли инициативе, или по поручению правительства т. Майский два дня тому назад высказывал в разговоре с Галифаксом некоторые соображения о возможных гарантиях Польше со стороны Великих держав в случае нападения на нее Германии. Я ответил Пайяру, что в сообщениях от т. Майского за последние два дня никаких указаний на такой разговор его с Галифаксом нет, и что с нашей стороны т. Майскому за те же дни не давалось никаких директив по упомянутому Пайяром вопросу. [\[488\]](#)

11

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

15 апреля 1939 г.

После некоторого предисловия, в котором он повторял прежние заявления о решительном и бесповоротном изменении английской политики, о затруднениях, которые встречаются со стороны некоторых государств, Сидс, сославшись на вчерашний разговор Галифакса с т. Майским, сформулировал следующим образом вопрос, с которым английское правительство обращается к советскому:

«Согласно ли советское правительство сделать публично заявление (повторяя, может быть, недавнее заявление т. Сталина о поддержке Советского Союза народам — жертвам агрессии и ссылаясь на недавние заявления британского и французского правительств), что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным».

(Формулировка приведена мною текстуально).

С(идс) упомянул, что наибольшая опасность, по его мнению, теперь грозит Румынии, а не Польше, ввиду стремления Гитлера к румынской нефти, и что Англия, вероятно, включит в число гарантируемых государств также Турцию.

Я обещал довести предложение до сведения моего правительства, ограничившись замечанием, что я в нем не нахожу ответа на поставленный нами Галифаксу через т. Майского вопрос о том, как английское правительство мыслит себе помощь свою собственную и нашу и что английское правительство, по-видимому, предпочитает общие принципиальные декларации более точным обязательствам о заранее согласованных формах помощи.

Литвинов^[489]

12

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

16 апреля 1939 г.

Я напомнил Сидсу, что я еще вчера указал ему на отсутствие в его сообщении ответа на вопрос, поставленный нами Галифаксу через т. Майского, а именно, как мыслит себе английское правительство помощь Румынии со стороны Англии, Франции, СССР и других заинтересованных государств. Мое правительство тоже обратило внимание на отсутствие такого ответа и поручило мне напомнить об этом послу. В ожидании этого ответа мы вынуждены пока воздержаться от дальнейших решений.

С(идс) возражал, указывая на праздность наших вопросов, ибо английское правительство заявило уже в парламенте, что оно придет на помощь Румынии всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. Поскольку мы уже заявили Галифаксу о готовности помогать Румынии, С(идс) не понимает, почему мы не можем сделать об этом публичную декларацию, которая оказала бы соответственное впечатление на Германию и успокоила бы общественное мнение. Дело срочное и не терпит отлагательств.

Я указал, что заявление английского правительства в парламенте носило общий характер и не дает представления о тех мерах, которые Англия сочтет возможным применить к Германии. Если Греции может быть оказана помощь британским флотом, то этого

нельзя сказать про Румынию, которая не может подвергнуться нападению со стороны моря. Вряд ли Англия сможет послать контингенты войск в Румынию. Конечно, Англия может объявить войну Германии, в случае ее нападения на Румынию, порвать с нею всякие отношения, объявить блокаду. Имеется ли это в виду английским заявлением? Что сделает Франция? Что сделает Польша? Какая помощь ожидается от нас, особенно, ввиду сделанных нам сообщений о нежелании Румынии иметь нашу помощь? Мы, правда, сказали в принципе, что не отвергаем помощи Румынии, но прежде чем принять на себя формальные обязательства и заявить об этом публично, мы хотели бы знать, о чем идет речь. Мы не знаем также, что происходит между Германией и Румынией, между Германией и Польшей, зачем Гафенку едет в Берлин, не поступит ли он там подобно Гахе и Урбшису, капитулировав и оставив всех гарантов в дураках. Англия, может быть, об этом что-нибудь знает, а мы ничего не знаем об этом. Может быть, т. Майский, который ожидается на днях в Москве, кое-что сообщит нам на основании своих разговоров с английскими министрами. Наконец, мы не обязаны принять английское предложение в том виде, как оно сделано, и мы можем выдвинуть свои контрпредложения. Во всяком случае, мы хотели бы раньше всего знать все элементы создавшегося положения.

С(идс) продолжал настаивать на том, что заявление британского правительства включает всякую помощь, а что касается нашей помощи, то мы сами должны определить ее и что, во всяком случае, об этом могут быть разговоры между военными впоследствии. Он опасается, что мы продолжаем питать недоверие к английской политике, несмотря на то, что она в корне изменилась и что о капитулянтстве не может быть и речи. С(идс) также боится, что наш сегодняшний ответ

вызовет сомнения в нашей готовности прийти на помощь жертвам агрессии и даже предположении о нашем капитулянтстве.

С(идс) ясно выражал свое недовольство по поводу нашего ответа, но на прощание сказал, что для него, однако, важно то, что мы уже обещали Англии помогать Румынии.

Литвинов^[490]

13

**Запись беседы заместителя
народного комиссара иностранных
дел СССР В. П. Потемкина с
временным поверенным в делах
Франции в СССР Ж. Пайяром**

16 апреля 1939 г.

Пайяр сообщил мне следующее:

1. Вчера английский посол в Москве Сидс, явившись к народному комиссару иностранных дел Литвинову, поставил по поручению своего правительства вопрос, не пожелает ли правительство СССР выступить с публичным заявлением о своей готовности оказать помощь любому из своих европейских соседей, который, подвергшись агрессии, окажет ей сопротивление и признает помощь СССР для себя желательной. Французское правительство было своевременно информировано о демарше английского посла. Оно поручило Пайяру заявить НКВД, что, со своей стороны, присоединится к вчерашней акции английского правительства. При этом Пайяру предложено было пояснить, что поддержка французским правительством английского демарша не должна быть истолкована, как снятие с очереди тех предложений, которые уже переданы Сурицем в Москву от имени Боннэ. Указанные предложения продолжают живейшим образом интересовать французское правительство и сохраняют свою силу.

2. 13 апреля, по поручению своего министерства, французский военный атташе Палас явился в Наркомат

обороны и просил приема у маршала т. Ворошилова, чтобы поставить перед ним некоторые конкретные вопросы, относящиеся к возможностям сотрудничества французского и советского генштабов в случае военного конфликта с Германией. Тов. Осетров, принявший Паласа, заявил ему, что, во-первых, маршал Ворошилов отсутствует, и что, во-вторых, вопросы, с которыми Палас явился, подлежат обсуждению в порядке дипломатическом.

Палас ознакомил Пайяра с вопросами, которые должен был поставить перед т. Ворошиловым. Первый из них сводится к тому, какую помощь СССР мог бы оказать Франции, если бы последняя из-за Польши вынуждена была воевать с Германией. Второй вопрос имеет более конкретный характер. Паласу поручено выяснить, не может ли СССР снабдить французскую армию известным количеством противовоздушных орудий и прожекторов. Пайяр не ставит этих вопросов перед НКВД в дипломатическом порядке. Он лишь информирует нас о том, что было поручено Паласу, и чего последний до сих пор не мог выполнить вследствие невозможности получить прием у т. Ворошилова.

3. Пайяр зачитал мне полученную им сегодня телеграмму Боннэ, в которой сообщается о том, что английский посол в Париже Фиппс уведомил Боннэ об официальном согласии советского правительства оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии. Боннэ добавляет, что об этом сообщении Фиппса он информировал вчера т. Сурица.

Пайяр осведомился у меня — соответствует ли действительности сообщение Фиппса.

Я дал Пайяру отрицательный ответ. [\[491\]](#)

14

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

17 апреля 1939 г.

Сидс пришел ко мне в 22 часа и не скрывал своего недовольства, что я вызвал его из театра и не дал ему досмотреть пьесу. Он поэтому вначале сухо отнесся к моему предложению, но по мере слушания он заметно оживлялся и к концу сказал, что находит предложение очень интересным и немедленно передаст его в Лондон. По поводу французского предложения С(идс) сказал, что, как Пайяр ему сообщил, французы поддерживали английское предложение. Я уточнил, что тот же Пайяр нам заявил, в связи с английским предложением, что его правительство, однако, не снимает своего собственного предложения. По поводу отдельных пунктов нашего предложения я, в ответ на вопросы С(идса), дал ему следующие разъяснения:

1. Пункт 2. Боннэ сам предлагал нам обязательство о взаимной помощи. В английском же предложении говорилось о гарантиях для всех наших западных соседей. Кроме того, мы при этом учитывали заявление, сделанное в парламенте сэром Джоном Саймоном, в ответ на вопрос члена палаты, что английское правительство не отвергало бы предложения о военном союзе с СССР?

Пункт 3. Опыт показал, что пакты о взаимной помощи, не подкрепленные соответственными уточнениями военных обязательств, дают часто отказы.

Отсутствие таких уточнений в пактах между СССР, Францией и Чехословакией несомненно сыграло отрицательную роль в судьбе Чехословакии.

Пункт 4. Заявление Чемберлена в парламенте о помощи Польше несомненно было вызвано надвинувшейся на Польшу угрозой со стороны Германии. Заявление же, однако, было сделано об агрессии вообще и поляки могли это понять, как обещание помощи и против СССР. Хотя мы и не собираемся нападать на Польшу, но мы все же считали бы соглашение между Англией и Польшей против нас несовместимыми с отношениями, которые предлагаются ныне установить между нами и Англией.

Пункт 8. Мы считаем крайне желательным соглашение с Турцией. Мы не включаем ее в число участников предлагаемого нами общего соглашения, так как Турция вряд ли согласилась бы и имела бы возможность оказать какую-либо помощь нашим соседям, исключая Румынию. Необходимо поэтому особое соглашение с Турцией. Кроме того, сам английский посол говорил мне, что между Англией и Турцией уже ведутся переговоры о каком-то соглашении.

С(идс) торопился, очевидно, обратно в театр, где он оставил свою жену, и поэтому не проявлял склонности к длительным разговорам.

Литвинов^[492]

15

Предложения, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г-на Боннэ, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §§ 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи. [\[493\]](#)

16

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

3 мая 1939 г.

Сидс пришел сказать, что получил от Галифакса поручение еще пару дней назад, но не считал это дело достаточно важным, чтобы «тревожить меня в праздничные дни». Поручение состоит в том, чтобы заверить нас, в порядке вежливости, что британское правительство изучает наше предложение и ответ задерживается лишь вследствие занятости правительства вопросом конскрипции и другими.

Сидсу поручено Галифаксом разъяснить также следующее недоразумение. Майский нам сообщил, будто в беседе от 11 апреля Галифакс поставил ему вопрос, в каких формах мы могли бы оказать помощь Румынии. Вслед за тем Майский, по нашему поручению, ответил ему контрвопросом, какую помощь Англия и Франция могут оказать Румынии, добавив при этом, что СССР, со своей стороны, готов такую помощь оказать. Галифакс тогда не обратил внимания на то, что это является как будто ответом на вопрос Галифакса, ибо он уже протелеграфировал Сидсу свое предложение о нашей односторонней декларации. Галифакс, однако, не может вспомнить, чтобы он вообще ставил Майскому вопрос о нашей помощи. Не находит он следов этого также и в своих записях.

Я зачитал Сидсу соответственно место из телеграммы Майского, где совершенно определенно

говорится, что Галифакс не только спрашивал о нашей помощи, а повторял уже ранее поставленный Майскому вопрос. К тому же, передавая наш ответ, Майский совершенно честно сказал, что это является ответом на вопрос Галифакса. Почему же ему тогда не было заявлено, что никакого вопроса не было. Сидс в недоумении развел руками.

На мой вопрос об англо-турецких переговорах Сидс сказал, что касательно помощи против Италии соглашение достигнуто, но в остальном турецкий ответ обусловлен переговорами с СССР.

Литвинов^[494]

17

**Телеграмма полномочного
представителя СССР в
Великобритании И. М. Майского в
Народный комиссариат
иностраннных дел СССР**

6 мая 1939 г. Немедленно. Сов. секретно

Галифакс пригласил меня к себе и сообщил, что британское правительство подготовило ответ на наше предложение от 17 апреля и собирается отправить в Москву сегодня или завтра. Однако, прежде чем сделать это, он, Галифакс, считал нужным повидать меня и выяснить, остается ли в силе, ввиду ухода Литвинова, наша внешняя политика, как она была до сих пор, и в частности наши предложения, сделанные Англии и Франции около трех недель назад. Я ответил, что нет оснований для каких-либо сомнений в этом отношении: и политика, и предложения остаются в силе.

Тогда Галифакс, встретивший это заявление с видимым облегчением, заговорил о характере предстоящего ответа британского правительства. Из его объяснений было ясно, что британское правительство будет настаивать на своем первоначальном предложении о нашей односторонней гарантии для Польши и Румынии, оно делает к нему, однако, то добавление, что ожидает нашего участия в помощи названным странам только в том случае, если Англия и Франция сами также оказывают им поддержку. Галифакс особенно подчеркивал важность

указанного добавления, которое, по его мнению, должно рассеять возможные опасения с нашей стороны, что в результате данной им гарантии СССР окажется вовлеченным в войну в одиночку при пассивном отношении Англии и Франции. Далее Галифакс заявил, что британское правительство будто бы имеет в виду те же цели, что и советское правительство, но что предложенная нами форма сотрудничества (военный союз трех держав) может оттолкнуть государства, которые должны быть гарантированы от агрессии. При этом Галифакс стал опять ссылаться на «оппозицию» Польши и Румынии к концепциям, которые заключаются в наших предложениях.

О предоставлении англо-французской гарантии балтийским государствам Галифакс заметил, что, во-первых, сами эти государства будто бы высказываются против такой гарантии из опасения «спровоцировать» Гитлера и что, во-вторых, распространение англо-французской гарантии на Балтику дало бы Гитлеру лишний аргумент для вбивания в голову германского населения мысли о политике «окружения», проводимой Англией и Францией. Галифакс просил верить «искренности» британского правительства в стремлении построить крепкий барьер против дальнейшего разлива агрессии в Европе. Галифакс доволен вчерашней речью Бека («твердая, но не провокационная») и не ожидает немедленного «удара» со стороны Гитлера против Польши. По его словам, Муссолини будто бы старается удержать Гитлера от развязывания войны из-за Данцига. Галифакс спрашивал, приедет ли Молотов в Женеву, на что я ответил, что мне это неизвестно.

Полпред^[495]

18

**Телеграмма полномочного
представителя СССР в
Великобритании И. М. Майского в
Народный комиссариат
иностраннных дел СССР**

9 мая 1939 г. Вне очереди. Сов. секретно

1. В соответствии с Вашей директивой я видел сегодня Галифакса и спросил его, как объяснить расхождение между тем, что он мне говорил 6 мая, и той формулой, которую Сидс вчера вручил в Москве. Не отрицая наличия такого расхождения, Галифакс ответил, что во время его разговора со мной формула еще не была окончательно отработана, причем из слов его можно было заключить, что после нашего с ним свидания в формулу были внесены изменения. В связи с этим я припоминаю, что, когда я уходил от Галифакса 6-го, в кабинет последнего зашел секретарь и попросил его сразу же зайти к премьеру.

2. В порядке иллюстрации расхождения я указал Галифаксу на то, что предложенная английская формула лишена характера взаимности: мы обязаны помогать англо-французам, если они вовлечены в войну из-за Польши и Румынии, а они не обязаны нам помогать в аналогичном случае. Сначала Галифакс пытался отвести мои аргументы тем соображением, что Англия и Франция уже дали Польше и Румынии формальные обязательства, вынуждающие их к вооруженной поддержке названных стран, а СССР таких формальных обязательств не дал и потому свободен в

своих отношениях к факту возможной агрессии Германии против Польши или Румынии. Отсюда Галифакс делал тот вывод, что СССР ни при каких условиях не может быть вовлечен в войну из-за Польши и Румынии ранее Англии и Франции.

3. Далее Галифакс стал доказывать, что цель, которую британское правительство преследовало внесением слов, обративших на себя наше внимание, — это дать СССР полную гарантию, что он не будет вовлечен в войну из-за Польши и Румынии и брошен Англией и Францией на произвол судьбы. Если, однако, нам эта формула не нравится, он просит нас предложить другую формулу, которая гарантировала бы, с одной стороны, невовлечение СССР в войну без Англии и Франции, а, с другой стороны, обеспечивала бы эквивалентную помощь Англии и Франции Советскому Союзу, если последний оказался бы вовлеченным в войну из-за тех же стран. Галифакс считает, однако, необходимым указать, что британское правительство дало гарантии Польше и Румынии на условиях, что: а) имеется прямая или косвенная угроза их независимости и б) они сами оказывают сопротивление агрессору. С этой оговоркой Галифакс готов принять формулу, которая удовлетворила бы нас.

Далее, разъясняя детали английской формулы, Галифакс, между прочим, сказал, что слова «оказать немедленное содействие» первоначально имели продолжение «Польше и Румынии», ибо формула имеет в виду как раз нашу помощь Польше и Румынии, а не Англии и Франции, но по просьбе поляков и румын это продолжение было вычеркнуто (они не хотят быть прямо названными в документе). Наконец, слова «род и условия, в которых представлялось бы это содействие» и прочее, расшифровываются, по Галифаксу, в том смысле, что тут можно было бы договориться, например, не заключать сепаратного мира и т. п.

Однако из разъяснений Галифакса было ясно, что все такого рода разговоры мыслятся уже после того, как началась война.

4. Галифакс раза два в ходе разговоров подчеркивал, что британское правительство очень хотело бы договориться с советским правительством и притом возможно скорее. В этой связи он слегка смущенно упомянул о том, что т. Молотов во вчерашнем разговоре с Сидсом упрекнул британское правительство в затяжке ответа на советское предложение почти на три недели, в то время как Советское правительство обычно отвечало на запросы, обращенные к нему со стороны британского правительства, в течение двух-трех дней. Я, со своей стороны, дал Галифаксу ясно понять, что я пришел сегодня к нему не для того, чтобы вести переговоры о британском предложении, а лишь для того, чтобы «выяснить» некоторые непонятные для меня пункты и моменты.

5. Нынешнее предложение англичан, которое, по существу, является воспроизведением предложения британского правительства от 15 апреля, объясняется тем, что за последние дни десять после речи Гитлера здесь вновь подняли головы «умиротворители», о чем свидетельствует, между прочим, ведущаяся в «Таймс» большая кампания за то, чтобы сделать «еще одну попытку» договориться с Германией и Италией. В правительственных кругах явно чувствуется рецидив мюнхенской политики. Лично я считаю, что предложение, вчера сделанное Вам Сидсом, неприемлемо, но думаю, что это не последнее слово англичан.

Полпред^[496]

19

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с посланником Литвы в СССР Л. Наткявичюсом

10 мая 1939 г.

Литовский посланник Наткявичюс пришел представиться по случаю назначения его в Москву. В беседе посланник сказал, что взаимоотношения с Польшей несколько улучшаются, хотя между Литвой и Польшей граница еще не установлена и пакта о ненападении еще не заключено. В отношении Германии посланник отметил большой нажим на экономической линии, особенно после захвата Клайпеды. Посланник подчеркнул, что если и будет некоторое дальнейшее усиление экономических связей между Литвой и Германией, то, во всяком случае, Литва не пойдет на серьезное ослабление экономических связей с Англией и СССР, которыми она весьма дорожит. На мой вопрос, дает ли что-либо Литве Балтийская антанта (Литва, Латвия, Эстония), посланник ответил, что Балтийская антанта укрепляет международное положение Литвы и пользуется большим сочувствием Англии и Франции. Посланник, кроме того, сказал, что Литва относится положительно к даче со стороны СССР гарантий одностороннего характера, но ничего не мог сказать о том, как к вопросу о гарантиях относятся Латвия и Эстония. Посланник выражал надежду, что и в дальнейшем СССР будет дружественно относиться к Литве.

Беседа продолжалась 15 минут.[\[497\]](#)

20

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с временным
поверенным в делах Франции в
СССР Ж. Пайяром**

11 мая 1939 г.

1. После взаимных приветствий Пайяр заявил, что он пришел не для того, чтобы вести переговоры. Переговоры ведутся в Париже. Его визит носит информационный характер и может быть полезным в том отношении, что он помешает возникновению каких-либо недоразумений.

4. Пайяр спросил, в связи с уходом т. Литвинова из НКВД будет ли советская политика такой, как она изложена в советских предложениях от 18 апреля.

Я ответил на этот вопрос утвердительно и добавил, что Пайяру должно быть хорошо известно, что во французском и английском правительствах чаще происходит смена министров, не вызывая особых осложнений.

5. Пайяр спросил, можно ли считать, что опубликованная сегодня в «Известиях» статья «К международному положению» выражает мнение правительства. Я ответил, что это мнение газеты.

Далее Пайяр говорил, что у него создалось впечатление, что в статье главное ударение поставлено на вопрос о взаимности. Так ли это? Я ответил на это утвердительно.

Затем Пайяр просил объяснения по той фразе статьи, в которой говорится: «Не имея пакта взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей и т. д.». Пайяр спросил, почему здесь сказано, что СССР не имеет договора о взаимопомощи с Францией, в то время как такой договор существует. Не означает ли фраза, в которой говорится, что СССР не имеет договора с Англией и Францией, что в СССР рассматривают политику Англии и Франции, как одну общую англо-французскую политику? Я ответил, что было бы неправильным делать такое обобщение, Англия есть Англия, Франция есть Франция.

Что же касается фразы, о которой говорит Пайяр, то она является формально неточной. У СССР нет договора о взаимной помощи с Англией. У СССР есть такой договор с Францией. Более существенным является вопрос о том, что эффективен ли советско-французский договор о взаимной помощи. Эффективность договора более важна, чем его формальное существование.

6. Я сказал также, что мы считаем английские контрпредложения согласованными с французским правительством. Пайяр ответил, что он запросит об этом свое правительство. Что же касается его лично, то ему кажется, что здесь есть какое-то недоразумение и он приложит все усилия к тому, чтобы выяснить истинное положение вещей.

Вместе с тем Пайяр удивился, что в коммюнике не упомянуто о французских контрпредложениях, которые идут значительно дальше английских. Английское правительство об этих контрпредложениях знает, но это не означает, что английское правительство с ними согласно.

7. Пайяр говорит, что английский посол Сидс, рассказывая Пайяру о своей беседе со мной, сказал ему, что он говорил мне о колебаниях Польши по вопросу о

согласии на союз с СССР, а я будто бы сказал Сидсу, что мнение Польши за последнее время изменилось.

Я ответил Пайяру, что в связи с заявлением Сидса, будто бы Польша отрицательно относится к предложениям СССР, мною было сказано Сидсу, что у нас имеются другие сведения по этому вопросу. [\[498\]](#)

21

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с послом Польши в
СССР В. Гжибовским**

11 мая 1939 г.

Я принял посла по его просьбе. Гжибовский начал разговор с извинений, что неточно информировал меня в предыдущей беседе о позиции польского правительства в отношении сделанных со стороны советского правительства предложений Англии и Франции. Высказывая в прошлый раз свое в общем положительное отношение к этим предложениям, он неточно изложил позицию польского правительства. Посол прочитал по записке инструкции, полученные им из Варшавы. В этих инструкциях обращают на себя внимание два пункта. Во-первых, Польша заявляет, что инициатива Франции в переговорах о гарантировании Польши не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало. Во-вторых, Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР, ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности. Вместе с тем, посол, отвечая на мой вопрос, сказал, что Польша не может быть против заключения пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, считая, что это дело самих этих государств.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в таком пакте, посол отвечал уклончиво, перечитывая полученные инструкции.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в гарантировании граничащих с СССР европейских государств, посол отвечал, что это не должно относиться к Польше. Он пояснил, что он говорит это в отношении данного момента, но что в дальнейшем вопрос может встать и иначе.

Вся беседа свидетельствовала о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя какими-либо соглашениями с СССР или согласием на участие СССР в гарантировании Польши, но не исключает последнего на будущее.

Беседа продолжалась час с четвертью. [\[499\]](#)

22

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с послом
Великобритании в СССР У. Сидсом**

14 мая 1939 г. Секретно

Сидс вызван был мною для передачи ответа советского правительства на предложения английского правительства от 8 мая. Ознакомившись с текстом нашего ответа, Сидс сказал, что, по его мнению, нападение Германии на СССР через Прибалтийские страны невозможно, так как Германия должна для этого пройти через Литву, а этому будто бы препятствует заключенный Германией с Литвой договор о ненападении. Особенно Сидс указывал на то, что упоминание Финляндии в нашем ответе осложняет весь вопрос. При этом Сидс говорил, что Англия хорошо осведомлена о настроении Финляндии и считает, что общественное мнение Финляндии настроено в отношении СССР отрицательно.

Сидс взял наш ответ для передачи английскому правительству.

Беседа продолжалась полчаса.

Молотов^[500]

23

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Турции в СССР З. Алайдыном

24 мая 1939 г.

Посол, которого я принял по его просьбе, вручил мне памятную записку... по вопросам, которые он затем затронул в беседе.

На его просьбу высказать мнение о современном международном положении я кратко изложил основные пункты сделанного нами предложения Англии и Франции, сказав, что мы ждем ответа англичан предположительно числа 25-го.

Алайдын изложил дальше содержание своего недавнего разговора с Сидсом, в котором он защищал правильность позиции СССР, и сказал, что хотел бы быть полезным в продвижении этого вопроса в желательном для СССР смысле.

Затем я поставил два вопроса послу. Во-первых, означает ли подписанное Турцией и Англией соглашение, что договор о взаимопомощи уже существует между Англией и Турцией, хотя полного соглашения о взаимопомощи, охватывающего все вопросы, интересующие обе эти страны, еще не заключено? Во-вторых, в одном из последних выступлений Чемберлен сказал, что переговоры с турками развивались весьма успешно и быстро, противопоставляя этому медленность переговоров Англии и СССР. Означает ли это заявление Чемберлена, что между Турцией и Англией уже достигнуто

соглашение о конкретном характере и размерах взаимопомощи по военной линии? Посол ответил, что, по его мнению, договор с Англией еще не заключен, что еще не решен вопрос о Балканах, не решены и все вопросы, касающиеся Средиземного моря, и не установлено с какого момента вступает в силу обязательство. В связи с моими вопросами посол обещал запросить об этом свое правительство.[\[501\]](#)

24

Из дневника заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина. Перевод ответа правительства Великобритании, переданного послом У. Сидсом

25 мая 1939 г.

Правительство Его Величества расположено согласиться с тем, что эффективное сотрудничество между англичанами, советским и французским правительствами против агрессии в Европе смогло бы основываться на системе взаимных гарантий, соответствующих, в общем, принципам Лиги Наций. Эта система распространялась бы равным образом и на случай прямой агрессии, направленной со стороны какого-либо европейского государства против одного из трех правительств, а также на случай, когда одно из этих правительств оказалось бы вовлеченным в столкновение с такими государствами в результате агрессии со стороны последнего, направленной против другой европейской страны. Условия этой последней эвентуальности должны быть тщательно разработаны.

[\[502\]](#)

25

**Из комментария к англо-
французскому предложению от 26
мая 1939 года правительству СССР**

Англо-французский проект трехстороннего пакта.
Первые пять параграфов:

1. Односторонне обязывают СССР защищать интересы 5 гарантированных Англией и Францией государств — Польшу, Румынию, Турцию, Грецию и Бельгию.

2. Взамен немедленной и автоматической помощи предлагают ст. 16 §§ 1 и 2 пакта Лиги Наций со всей сложностью процедуры Лиги, и, кроме того, предлагают в случае возникновения угрожающих обстоятельств консультации с последующей дискуссией. [\[503\]](#)

26

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом и временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

27 мая 1939 г. Секретно

Сидс заявил, что ему поручено передать советскому правительству новый проект соглашения между СССР, Англией и Францией об оказании совместного противодействия агрессии в Европе. Проект этот разработан английским министерством иностранных дел со всей тщательностью и с учетом всех пожеланий, сформулированных в последнем ответе советского правительства на английские предложения. Посол выражает надежду, что правительство СССР оценит значительный шаг, сделанный правительством Англии навстречу пожеланиям СССР, и само пойдет на скорейшее завершение переговоров, в которых британское правительство живейшим образом заинтересовано.

Пайяр заявил, что от имени французского правительства вручает т. Молотову идентичный с английским проект тройственного соглашения между Францией, СССР и Англией. Пайяр присоединяется к оценке этого проекта, данной Сидсом, и, подобно английскому послу, высказывает надежду на удовлетворение советским правительством нынешними англо-французскими предложениями и на скорое и

благополучное окончание переговоров по этому вопросу между тремя странами.

Отвечая Сидсу и Пайяру, т. Молотов начал с заявления, что, ознакомившись с англо-французским проектом, он вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительства в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести и с более подходящими, чем СССР, партнерами. Может быть, оба правительства, уже заключившие пакты о взаимопомощи между собой, с Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Поэтому, возможно, они и не заинтересованы в заключении эффективного пакта с Советским Союзом. К такому заключению приводит англо-французский проект, не содержащий предложений о заключении действенного пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией и сводящий данный вопрос исключительно к разговорам о пакте.

Перейдя к отдельным предложениям, содержащимся в англо-французском проекте, т. Молотов отмечает: механизм оказания тремя государствами взаимной помощи англо-французский проект подчиняет сложной и длительной процедуре, установленной Лигой Наций. Советское правительство не против Лиги Наций. Наоборот, на сентябрьской сессии Ассамблеи представитель СССР активно выступал в защиту Лиги и, в частности, статьи 16 ее Устава против других делегатов, в том числе и английского, которые в конце концов высказались за признание необязательности упомянутой статьи для членов Лиги Наций. Однако процедуру, установленную пактом Лиги Наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи. Для оказания последней статья 16 Устава Лиги Наций считает необходимым рекомендации Совета Лиги. Может получиться такое положение: в Совете будет поставлен вопрос об агрессии против СССР со стороны какого-либо участника «оси».

Представитель какой-нибудь Боливии будет рассуждать в Совете, имеется ли наличие акта агрессии против СССР, нужно ли оказать СССР помощь, а в это время агрессор будет поливать советскую территорию артиллерийским огнем. Советское правительство не может признать приемлемой подмену эффективной помощи жертве агрессии одними разговорами по данному вопросу. Кстати, в договорах о взаимной помощи, заключенных между Англией и Францией, а также обоими государствами с Польшей, английским правительством с турецким, нет обязательства подчинить эту помощь лигонациональной процедуре, установленной статьей 16 пакта Лиги. Почему же такое подчинение предусматривается в англо-французском

проекте договора с СССР? Непонятно также, что означает обязательство, изложенное в § 5 англо-французского проекта: чтобы поддержка и помощь, оказываемые Советским Союзом, Англией и Францией в случаях, предусмотренных §§ 1 и 2 проекта, не наносили ущерба «правам и позиции других держав». Как можно действовать против агрессора, не нанося ему ущерба? Наконец, в § 4 указывается, что в случае возникновения угрозы агрессии три договаривающихся государства не действуют, а только прибегают к взаимной консультации. Это вновь подтверждает догадку, что англо-французские предложения эффективному противодействию агрессору предпочитают лишь разговоры на эту тему. Тов. Молотов вновь заявляет, что позиция советского правительства прямо противоположна. СССР хочет соглашения об эффективной обороне против агрессора. Одни разговоры об этом его не интересуют и не удовлетворяют. Если правительства Франции и Англии видят в таких разговорах какой-либо интерес для себя, то они могут вести их с другими партнерами. Тов. Молотов оговаривается, что высказывает пока свое личное мнение. Он представит врученный ему англо-французский проект на рассмотрение правительства. После этого он сможет дать окончательный ответ об этом документе.

Сидс и Пайяр, изображая крайнее изумление, пытались доказывать, что оценка англо-французского документа, данная т. Молотовым, основывается на явном недоразумении. Верно, что в англо-французском предложении упоминается о Лиге Наций и даже о статье 16 ее Устава. Но это сделано лишь для того, чтобы удовлетворить общественное мнение, в особенности в Англии, где всякую международную акцию привыкли связывать с Лигой Наций. И Сидс, и Пайяр заявляют, что их правительства отнюдь не имеют

в виду подчинять механизм взаимной помощи СССР, Франции и Англии лигонационной процедуре. Оба правительства признают необходимость немедленной и автоматической взаимной помощи трех договаривающихся государств против агрессии. Об этом-де и Сидс, и Пайяр заявляют вполне официально, англо-французский проект предусматривает только то, чтобы тройственное соглашение между Англией, Советским Союзом и Францией заключено было «согласно принципам и в духе Лиги Наций».

В этой формуле не может быть ничего неприемлемого для СССР. И Сидс, и Пайяр заверяют, что она отнюдь не ограничивает автоматизма в осуществлении взаимной помощи, в котором английское и французское правительства столь же заинтересованы, как и СССР. Недоразумением считают Сидс и Пайяр также указание на то, что в § 5 англо-французского проекта обязательство «не наносить ущерба правам и позиции других держав» имеет в виду оградить агрессора. Упомянутый параграф стремится лишь сберечь суверенные права слабейших государств, которым Англия, Франция и СССР договариваются оказывать помощь. Возможен случай, когда в интересах защиты такого государства против агрессии одно из трех договаривающихся правительств признает необходимым, например разрушить город, находящийся на территории обороняемого государства. Если правительство последнего запротестует, очевидно, придется считаться с его суверенитетом в данном вопросе. И Сидса, и Пайяра удивляет предположение, будто бы правительства Англии и Франции несерьезно относятся к вопросу о пакте с СССР и предпочитают конкретным решениям одни разговоры по данному вопросу. Сидс считает, что его правительство сделало решительный шаг навстречу советскому правительству и что предлагаемый им договор с СССР представляет

собою радикальный поворот в английской внешней политике. Оба правительства заинтересованы в скорейшем завершении переговоров с СССР. Оба хотят действовать, а не медлить. Необходимо не тратя времени устранить недоразумения, возникшие у т. Молотова при первом ознакомлении с англо-французским документом. Сидс немедленно сообщит об этих недоразумениях своему правительству и предложит их рассеять. Он надеется, что в ближайшие дни получит вполне удовлетворительный ответ из Лондона. Этот ответ будет им немедленно сообщен т. Молотову. Посол надеется, что и советское правительство со своей стороны постарается не задержать своего окончательного заключения относительно англо-французского проекта.

Записал В. Потемкин [\[504\]](#)

27

**Проект соглашения
Великобритании, Франции и СССР,
врученный народным комиссаром
иностраннных дел СССР В. М.
Молотовым послу Великобритании в
СССР У. Сидсу и временному
поверенному в делах Франции в
СССР Ж. Пайяру**

2 июня 1939 г. Секретно

Правительства Великобритании, Франции и СССР, стремясь придать эффективность принятым Лигой Наций принципам взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

1

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено

между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо

3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

2

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

3

В случае если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге Наций.

4

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств,

предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

5

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению.

6

Настоящий договор вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2.

7

Настоящий договор будет в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три государства обсудят, желательно ли его возобновить с изменениями или без изменений.[\[505\]](#)

28

**Памятная записка, врученная
народным комиссаром иностранных
дел СССР В. М. Молотовым послам
Великобритании и Франции в СССР
У. Сидсу и П. Наджиару**

16 июня 1939 г. Секретно

Ознакомившись с англо-французскими формулировками, врученными Молотову 15 июня с. г., правительство Советского Союза пришло к следующему заключению:

1) по § 1 статьи первой (проект советского правительства) позиция советского правительства совпадает с позицией английского и французского правительств;

2) по § 2 статьи первой (проект советского правительства) позиция советского правительства отвергается английским и французским правительствами.

Последние считают, что Советский Союз должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как Англия и Франция не берут на себя обязательств по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию.

Советское правительство никак не может согласиться с этим, так как оно не может примириться с унижительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает.

Отказ от гарантирования Эстонии, Латвии и Финляндии англо-французские предложения мотивируют нежеланием этих стран принять такую гарантию. Если этот мотив является непреодолимым, а советское правительство, как уже сказано выше, не может принять участие в помощи Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции без получения эквивалентной помощи в деле защиты Эстонии, Латвии, Финляндии от агрессора, то советское правительство вынуждено признать, что весь вопрос о тройственной гарантии всех перечисленных выше восьми государств, равно как вопрос, служащий предметом § 3 статьи первой, должны быть отложены как не назревшие, а § 2 и § 3 статьи первой должны быть исключены из соглашения.

В этом случае статья первая включала бы в себя только § 1, причем обязательства Англии, Франции и СССР по взаимопомощи имели бы силу лишь в случае прямого нападения агрессора на территорию любой из договаривающихся сторон, но они не имели бы распространения на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон могла быть вовлечена в войну в связи с помощью, оказанной ею какому-либо третьему, не участвующему в настоящем соглашении государству, подвергшемуся нападению агрессора. Понятно, что в связи с этим обстоятельством формулировка § 1 статьи первой должна была бы подвергнуться соответствующему изменению;

3) по вопросу об одновременности вступления в силу общего соглашения и соглашения военного предстоит дальнейшая дискуссия ввиду наличия разногласий;

4) по вопросу о том, чтобы не заключать перемирия или мира иначе как с общего согласия, советское правительство настаивает на своей позиции, так как оно не может представить, чтобы какая-либо из договаривающихся сторон в разгаре оборонительных военных действий против агрессора могла иметь право заключать сепаратное соглашение с агрессором за спиной и против своих союзников;

5) ссылку на статью 16, §§ 1-2, Устава Лиги Наций советское правительство считает излишней. [\[506\]](#)

29

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с послом Латвии в
СССР Ф. Коциньшем**

05 июня 1939 г.

Коциньш обратился ко мне за разъяснением по вопросу о гарантиях для прибалтов, о чем ведутся переговоры между СССР, Англией и Францией. Его, в особенности интересовал вопрос, идет ли речь на этих переговорах о гарантировании нейтралитета Латвии, а также вопрос, почему эти переговоры ведутся помимо самой Латвии. Я разъяснил, что в наших переговорах с Англией и Францией идет речь именно о гарантировании нейтралитета Латвии. По поводу же второго вопроса сказал, что на данной стадии переговоры идут только между СССР, Англией и Францией, но что в дальнейшем, когда по вопросу о гарантировании прибалтов мы договоримся с Англией и Францией, мы запросим Латвию и других прибалтов об их отношении к этим гарантиям. Коциньш выразил удовлетворение моими разъяснениями, а также сказал, что Латвия положительно относится к гарантированию ее нейтралитета, если это будут общие гарантии (то есть не только гарантии со стороны СССР).

На замечания Коциньша, что, по газетным сведениям, у него такое представление, что сейчас вопрос о гарантиях, выдвинутый СССР, является камнем преткновения в переговорах с Англией и Францией, я ответил, что дело обстоит не так. Я разъяснил, что мы получили предложение Англии и Франции о даче наших

гарантий в отношении Польши и Румынии, и поставили со своей стороны перед Англией и Францией вопрос о том, что гарантии должны охватывать и все другие пограничные с СССР европейские страны. В наших переговорах с Англией и Францией положительно решен главный вопрос, а именно вопрос о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией на условиях взаимности. Теперь же обсуждается, в числе прочих, вопрос о гарантировании прибалтов. По этому последнему вопросу Англия и Франция не дали еще никакого ответа, а значит, не дали отрицательного ответа на наше предложение о гарантировании прибалтов, что этот вопрос находится в стадии обсуждения.

Беседа продолжалась полчаса. [\[507\]](#)

30

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с посланником Эстонии
в СССР А. Реем**

05 июня 1939 г.

Рей начал с разъяснения причин и характера пакта о ненападении, который должен быть подписан в ближайшее время между Эстонией и Германией. Рей сказал, что между Эстонией и Германией пакт о ненападении будет такого же характера, как только что подписанный пакт о ненападении между Германией и Данией. Я подчеркнул, что бросается в глаза тот факт, что Финляндия отказалась заключить пакт о ненападении с Германией, а Эстония и Латвия пошли на этот пакт. Я сказал также, что об этом пакте мы будем судить на основании того, какое значение он приобретет на деле.

Затем Рей поставил тот же вопрос, что и Коциньш, еще более подчеркивая, что переговоры о гарантировании прибалтов идут помимо самих прибалтов. Я дал ему те же разъяснения, что и Коциньшу. Я указал также на то, что о позиции Эстонии в вопросе о нейтралитете мы будем судить по тому, как Эстония отнесется к предложению о тройственном гарантировании нейтралитета Эстонии. Я сказал, что у нас есть сомнения в том, насколько Эстония действительно придерживается политики нейтралитета, потому что нельзя представить себе малую страну, как Эстония, которая бы, желая сохранить нейтралитет, относилась одинаково как к

странам неагрессивным — СССР, Англии, Франции, — так и к странам агрессивным, как Германия. Рей ответил на это, что Эстония только формально относится одинаково как к первой группе стран, так и ко второй, но что, по существу, в случае нападения агрессора они рассчитывают на помощь неагрессивных стран и в первую очередь на помощь со стороны СССР. На это мною было указано, что Эстония не может рассчитывать на то, что кто-нибудь ей будет оказывать помощь против агрессии по первому ее желанию и в том размере, как она этого захочет, если Эстония не предпримет заблаговременно соответствующих шагов.

Беседа продолжалась минут сорок. [\[508\]](#)

31

**Запись беседы народного
комиссара иностранных дел СССР В.
М. Молотова с послом Польши в
СССР В. Гжибовским**

05 июня 1939 г.

В начале Гжибовский сказал несколько почтительных фраз в отношении моего доклада на сессии Верховного Совета, при этом он указал, что считает доклад высоко дипломатическим, пояснив это замечание, что в моем докладе карты остались не раскрытыми. На это я ответил, что доклад ясно излагает точку зрения советского правительства, но что, конечно, в нем не могла быть изложена точка зрения других стран. Что касается замечания Гжибовского, что в докладе, будто бы, не ясно изложено мнение советского правительства о том, обязательным ли является наше требование о гарантировании прибалтов, я ответил, что об этом в докладе сказано ясно, что это требование является обязательным и что эта наша позиция соответствует тому, что мы с самого начала заявили Англии и Франции.

После этого посол просил ответа на поставленные им перед тов. Микояном вопросы о транзите через СССР, исключая вопрос о транзите в восточные страны. Посол также просил ответа по вопросу о начале переговоров по организации воздушной линии между Польшей и СССР. По обоим этим вопросам я ответил, что они находятся в стадии изучения.

Беседа продолжалась минут двадцать. [\[509\]](#)

32

Соображения советской стороны по переговорам с военными миссиями Великобритании и Франции

4 августа 1939 г.

При переговорах с Англией и Францией могут возникнуть несколько ВАРИАНТОВ, когда возможно вооруженное выступление наших сил.

I вариант — это когда нападение агрессоров будет непосредственно направлено против ФРАНЦИИ и АНГЛИИ.

В этом случае Франция и Англия должны развернуть немедленно большую часть своих вооруженных сил на восточных границах Франции и Бельгии и с 16-го дня мобилизации начать решительные действия против главного из агрессоров.

Главным противником считается главный из агрессоров, против которого и должны быть направлены главные силы Франции и Англии.

Действия против второстепенного из агрессоров должны носить и второстепенный характер. Теория о разгроме сначала слабого противника — второстепенного агрессора — нами не разделяется. Разгром главного из агрессоров выведет из войны и второстепенного из агрессоров, и, наоборот, главный первоначальный удар по второстепенному агрессору может повести к решительному наступлению главного агрессора на Париж и к захвату Бельгии и Голландии, чем создается кризис на западном театре военных

действий с первых же дней войны, давая превосходство главному агрессору.

Исходя из этого положения, Франция и Англия должны к 15-му дню мобилизации на восточных границах Франции и Бельгии развернуть и выставить на фронт против главного агрессора не менее:

**80 пехотных дивизий,
14 000-14 500 средних и тяжелых орудий,
3500-4000 танков,
5000-5500 самолетов.**

Оставив на линии «Мажино» от Бельфора до Меца из указанных сил до 10 пехотных дивизий, Франция, Англия и Бельгия должны с 70 пехотными дивизиями, 13 000 средними и тяжелыми орудиями, 3500 танками, 5000 самолетами повести решительное наступление к северу от Меца и из Бельгии против Рура и Кельнской промышленной области в общем направлении на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны ударить по важнейшим промышленным районам главного агрессора на западе, по базам его морского флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и другим крупным административным пунктам главного агрессора.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью: 1) закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов; 2) добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами, портов Ганге, Пернова, Гапсаля, Гайнаша и Либавы в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии; 3) перерыв подвоза по Балтике из Швеции руды и другого сырья; 4) блокада берегов главного агрессора в

Северном море; 5) господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл; 6) крейсерские операции у берегов Норвегии, Финляндии, вне их территориальных вод, Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессора у этих берегов. При обязательном участии в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, силами не менее 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании Польша должна взять на себя обязательства пропустить наши сухопутные вооруженные силы к северу от Минска через Виленский коридор и по возможности через Литву к границам Восточной Пруссии. Нужно добиться того, чтобы Литва оказала помощь блоку миролюбивых держав.

Наше содействие Франции и Англии может выразиться в совместном действии наших сухопутных, воздушных сил, Балтийского и Северного флотов против главного из агрессоров.

В этом случае нами против Восточной Пруссии, к северу от Минска, было бы направлено 70 % от выделенных Англией и Францией против главного из агрессоров пехотных сил, а также сверх того кавалерии, а именно:

**56 пехотных дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
8500-9000 средних и тяжелых орудий,
3300 танков,
3000 самолетов,
а всего 2 053 000 людей.**

Наши воздушные силы предпринимают операции против Восточной Пруссии и сосредоточенных здесь воздушных и сухопутных сил главного агрессора, против его флота и баз в Балтике и действуют с нашими сухопутными частями.

Наш Северный военно-морской флот ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии вне их территориальных вод совместно с англо-французскими эскадрами.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он в случае благоприятного разрешения вопроса будет базироваться совместно с объединенным флотом Франции и Англии на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Пернове, Гапсале, Гайнаше и Либаве в целях охраны независимости Балтийских стран.

При этих условиях Балтийский флот может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и постановку мин у берегов Восточной Пруссии, Данцига и Померании. Подводные лодки Балтийского флота мешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

Командование всеми нашими вооруженными силами остается за нами, и координация военных действий с Англией и Францией достигается особым соглашением во время войны.

Наши силы действуют компактно и никаких частей в другие армии не выделяют.

II вариант возможного возникновения военных действий — это когда объектом нападения явится ПОЛЬША.

Если Франция и Англия также объявят войну агрессорам в силу договора их с Польшей и немедленно выступят против них, то СССР должен будет выступить против агрессоров в силу его договора с Англией и Францией.

Польша может быть атакована не одним только главным агрессором, но, по всей вероятности, и Венгрия примет участие в войне против Польши.

Надо полагать, что в этом случае Румыния вступит в войну на стороне Польши. Правда, помощь ее будет

ограничена, так как сама Румыния будет скована Болгарией и Венгрией, но все же Румынию следовало бы обязать выставить на фронт не менее 20 пехотных дивизий, 3 кавалерийских дивизий, 2276 средних и тяжелых орудий, 240 танков, 440 самолетов.

Франция и Англия должны выступить известными своими вооруженными силами, как указано в I варианте, и наносить главный удар против главного из агрессоров.

Развитие операций вооруженных сил Франции и Англии должно проводиться, как указано в I варианте.

Наше участие в войне может быть только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и по возможности также с Литвой о пропуске наших войск к северу от Минска через Виленский коридор и о предоставлении нашему Балтийскому флоту совместного базирования с объединенным англо-французским флотом, как указано в I варианте.

В этом случае мы выделяем силы, как указано в I варианте, и направляем их против Восточной Пруссии.

Франция и Англия должны потребовать от Польши развертывания и выставления на фронт не менее 40 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией против Восточной Пруссии и в Познани для удара по Восточной Пруссии и Померании. В то же время Польша обязана обеспечить маневр наших войск на территории северо-востока Польши предоставлением нам железных дорог и подвижного состава для подвоза боевого снабжения и продовольствия.

Одновременное вторжение агрессоров в южную часть Польши (Галиция) со стороны Словакии и Венгрии потребует от нас развертывания на границах с Польшей и Румынией дополнительных сил, но в общей совокупности с выделяемыми для действий против Восточной Пруссии в равном числе с выставляемыми

силами Англией и Францией против главного агрессора, т. е.

**80 пехотных дивизий,
12 кавалерийских дивизий,
9500-10 000 средних и тяжелых орудий,
3500-4000 танков,
3000-3500 самолетов.**

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий с Англией и Францией достигается особой договоренностью во время войны.

III возможный вариант развертывания военных действий — когда Венгрия, Болгария при помощи главного агрессора нападают на РУМЫНИЮ.

Если Англия и Франция объявят в этом случае войну агрессорам и выставят на фронт вместе против главного агрессора к 15-му дню мобилизации, как указано в I варианте,

**80 пехотных дивизий,
14 000-14 500 средних и тяжелых орудий,
3500-4000 танков,
5000-5500 самолетов**

и перейдут на 16-й день мобилизации в решительное наступление против главного агрессора как главного противника, то они могут обратиться к нам за военным сотрудничеством.

Наши предложения Франции и Англии в этом варианте должны сводиться: 1) в обязательном участии в войне ПОЛЬШИ; 2) в пропуске наших сил, как указано в I варианте, через Виленский коридор и Литву, а также совместном с англо-французами базировании нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3) в обязательстве Польши развернуть и выставить на фронт 40 пехотных дивизий против Восточной Пруссии и Померании и 4) в

обязательстве Польши пропустить наши войска через Галицию к югу от Львова.

В этом случае нами также выставляется 70 % от направленных Францией, Англией пехотных сил против главного агрессора, не считая 12 кавалерийских дивизий, а именно:

**56 пехотных дивизий,
12 кавалерийских дивизий,
8500-9000 средних и тяжелых орудий,
3300 танков,
3000 самолетов,
а всего 2 075 000 людей.**

Причем к северу от Минска для действий против Восточной Пруссии направляется:

**26 стрелковых дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
4000 средних и тяжелых орудий,
1300 танков,
1500 самолетов,
а всего 926 000 людей.**

Для действий к югу от Полесья, для непосредственной поддержки Румынии, причем Франция и Англия должны добиться пропуска наших войск через румынскую территорию и южную часть Галиции, будет направлено нами:

**30 стрелковых дивизий,
6 кавалерийских дивизий,
5000 средних и тяжелых орудий,
2000 танков,
1500 самолетов,
а всего 1 149 000 людей.**

Эти наши силы развертываются на границе СССР с Румынией и в южной части Галиции и действуют к югу от Карпат, получая самостоятельный участок фронта.

Командование нашими войсками остается за нами.

В этом варианте действия наших Северного и Балтийского флотов проводятся, как изложено это в I варианте, поэтому и задачи для объединенного англо-французского флота остаются те же, что указаны в I варианте.

В нападении на Румынию, возможно, примет участие Болгария, поэтому Франция и Англия должны принять на себя обязательство добиться участия в войне Турции и Греции.

Если эти оба государства примут участие в войне, то в таком случае наш Черноморский флот, заградив устье Дуная от проникновения по нему в Черное море подводных лодок агрессоров и блокируя Варну (болгарский военный порт), совместно с турецким флотом предпринимают крейсерские операции и операции подводными лодками в восточной части Средиземного моря. Однако при всяких обстоятельствах Дарданеллы и Босфор должны быть прочно закрыты от проникновения в Мраморное и Черное моря надводных эскадр противников и их подводных лодок.

IV возможный вариант возникновения военных действий, когда агрессия будет направлена против ТУРЦИИ, причем, возможно, в этом случае к войне на стороне агрессоров примкнет Болгария.

Франция и Англия в силу договора с Турцией объявляют войну агрессорам.

Если Франция и Англия обратятся к нам за военным сотрудничеством, это сотрудничество может быть оказано при условии: 1) участия Польши в войне против главного агрессора и пропуска наших войск через Виленский коридор и по договоренности с Литвой через ее территорию для действий против Восточной Пруссии; 2) совместного с объединенным англо-французским флотом базирования нашего Балтийского флота в восточной части Балтики, как указано в I варианте; 3)

участия Румынии в войне и пропуске наших войск через Румынию для действий на юге Румынии.

В этом случае нами выставляются и разворачиваются силы так, как указано это в III варианте.

Задачи нашего Черноморского флота будут те же, что указаны в предыдущем варианте (III).

Действия армий Франции и Англии должны свестись к атаке главного агрессора как главного противника так, как изложено в I варианте.

В действия объединенного англо-французского флота должны быть внесены изменения против того, что изложено в I варианте — это нанесение решительного поражения объединенному флоту агрессоров в Средиземном море, в особенности в восточной его части.

V возможный вариант военных действий — это когда агрессия главного агрессора, используя территории Финляндии, Эстонии и Латвии, будет направлена против СССР.

В этом случае Франция и Англия, согласно договору, должны немедленно вступить в войну с агрессорами. Польша, связанная договором с Англией и Францией и имеющая нашу гарантию, должна выступить по варианту I.

Наше требование в отношении развертывания 40 польских пехотных дивизий против Восточной Пруссии и в Познани остается в полной силе. Если в первом варианте мы одни развертывали 70 % тех вооруженных сил, которые могли бы быть Англией и Францией направлены против главного из агрессоров при нападении на одну из этих держав, то в случае нападения на нас главного агрессора мы должны потребовать от Франции и Англии выставления и развертывания на 15-й день мобилизации против главного агрессора, считающегося нами главным

противником, 70 % того, что мы одни выставаем и разворачиваем против главного агрессора по этому варианту.

Мы можем выставить 120 пехотных дивизий. Поэтому мы должны потребовать развертывания и выставления на фронт против главного агрессора Англией и Францией к северу от Бельфора и до Бельгии включительно 84 пехотные дивизии, от 13 000 до 13 500 средних и тяжелых орудий, от 3000 до 3500 танков, от 5000 до 5500 самолетов.

Эти силы с 16-го дня мобилизации должны повести решительное наступление против главного агрессора к северу от Меца и из Бельгии с общим направлением главного удара на Магдебург.

Воздушные силы Франции и Англии должны нанести мощный удар по промышленным районам главного агрессора, по базам его военного флота, по железным дорогам, автострадам, а также по столице и крупным административным пунктам.

Действия англо-французского военно-морского флота должны происходить по варианту I.

Командование нашими вооруженными силами остается за нами. Координация военных действий достигается особым соглашением во время войны.

Трудно предполагать, чтобы главный агрессор бросил часть своих сил против нас через Румынию. Однако такой вариант не исключен, а поэтому в этом случае для оказания содействия Румынии Англией и Францией должны быть привлечены Польша, Турция и Греция, а часть наших войск обеспечена пропуском через Галицию и Румынию.

Действия нашего Черноморского флота должны быть увязаны с действиями турецкого флота, как изложено в IV варианте.

При нападении главного агрессора на нас мы должны требовать выставления указанных выше сил

Францией, Англией и Бельгией, решительного их наступления с 16-го дня мобилизации против главного агрессора и самого активного участия в войне Польши, а равно беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава.

Вышеизложенное является предпосылкой для переговоров, в ходе которых будут выясняться позиции Франции и Англии в искреннем стремлении заключить договор.

Б. Шапошников^[510]

33

Инструкция народному комиссару обороны СССР К. Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции

7 августа 1939 г. Секретно

1. Секретность переговоров с согласия сторон.
2. Прежде всего выложить свои полномочия о ведении переговоров с англо-французской военной делегацией о подписании военной конвенции, а потом спросить руководителей английской и французской делегаций, есть ли у них также полномочия от своих правительств на подписание военной конвенции с СССР.
3. Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР.
4. Если они ответят, что они направлены для переговоров и для подготовки дела подписания военной конвенции, то спросить их, есть ли у них какой-либо план обороны будущих союзников, т. е. Франции, Англии, СССР и т. д. против агрессии со стороны блока агрессоров в Европе.
5. Если у них не окажется конкретного плана обороны против агрессии в тех или иных вариантах, что маловероятно, то спросить их, на базе каких вопросов, какого плана обороны думают англичане и французы вести переговоры с военной делегацией СССР.

6. Если французы и англичане все же будут настаивать на переговорах, то переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

7. Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключенным, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно, так как без свободного пропуска советских войск через указанные территории оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал, что мы не считаем возможным участвовать в предприятии, заранее обреченном на провал.

8. На просьбы о показе французской и английской делегациям оборонных заводов, институтов, воинских частей и военно-учебных заведений сказать, что после посещения летчиком Линдбергом СССР в 1938 г. советское правительство запретило показ оборонных предприятий и воинских частей иностранцам, за исключением наших союзников, когда они появятся. [\[511\]](#)

34

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом

23 августа 1939 г.

Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока,

срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратифицированию в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию За Правительство СССР В. Молотов

За Правительства Германии И. Риббентроп^[512]

35

Секретный дополнительный протокол

23 августа 1939 г.

При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию За Правительство

Правительства СССР Германии

В. Молотов И. Риббентроп [\[513\]](#)

Сведения об авторах

М. В. Демурин, д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посланник II класса, директор программ Института динамического консерватизма, член Попечительского совета Фонда исторической перспективы, советник Фонда «Историческая память».

С. Н. Дрожжин, к.ф.н., политолог, эксперт в области российско-германских отношений.

А. Г. Дульян, к.и.н., заместитель директора историко-документального департамента МИД РФ.

Ю. А. Квицинский, д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, депутат ГД РФ.

В.С. Макарчук, д.ю.н., профессор Львовского института МВД Украины.

В. В. Марьина, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

М. И. Мельтюхов, д.и.н., ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела.

Н. А. Нарочницкая, д.и.н., президент Фонда исторической перспективы, руководитель Института демократии и сотрудничества в Париже.

Ю. В. Рубцов, д.и.н., профессор Академии военных наук РФ.

В. В. Симиндей, руководитель исследовательских программ Фонда «Историческая память», в 2001–2005 гг. — атташе, третий секретарь Посольства России в Латвии.

В. М. Фалин, д.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол.

А. В. Шубин, д.и.н., руководитель Центра России, Украины, Белоруссии Института всеобщей истории РАН.

notes

Примечания

1

Rzeczpospolita. 2005. 28 wrz.

2

Документ рассекречен в Архиве внешней разведки
РФ

Фалин В. М. Второй фронт: Антигитлеровская коалиция. Конфликт интересов. М.: Центрполиграф, 2000. С. 39

Очерки истории Российской внешней разведки: В 6 т. Т. 3: 1933–1944 гг. М.: Междунар. отношения, 1997. Прил. С. 463–464, 467

Случ С. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Сталиным и Гитлером, 1939–1941. М.: Индрик, 1999. С. 91

Очерки истории Российской внешней разведки.
С. 289-290

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 4. Д. 34. Л. 42-46

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 79-81.
Опубликовано в сб.: Документы внешней политики,
1939. М., 1992. Кн. I. С. 238-240

Из текста советского предложения от 17 апреля 1939 г.

АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 300. Д. 2076. Л. 183–186.
Опубликовано в сб.: Документы внешней политики. Кн.
1. С. 348–349

Документ рассекречен в Архиве внешней разведки
РФ

АВП РФ. Ф. С-т Молотова. Оп. 1(б). Пор. № 2. П. 27. Л.
16-17

Die geheime Papiere F. von Holsteins. 3 Ausgabe. B.3
Briefwechsel. Goettingen: Musterschmidt-Verlag, 1961. S.
213-216

Посол Гжибовский — Литвинову // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Сентябрь 1938 г. — август 1939 г. М.: Политиздат, 1971. С. 265

Документ из Секретного Бюллетеня ТАСС от 23 марта 1939 г. рассекречен в Архиве внешней разведки РФ

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. С. 39

The Charge in Lithuania (Guffler) — to the Secretary of State // Foreign Relations of the United States: The Soviet Union, 1933-1939. Wash., D.C.: The GPO, 1952. P. 936

Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg, 1917-1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. B.: Propyläen, 1997. S. 310-311

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 298, 302

АВП РФ. Ф. 7. Оп. 4. инд. № 19. П. 27. Л. 25

Coquin F-X. «Europe». Jan-Fev. 2006; Narotchnitskaia N. Que reste-t-il de notre victoire? Russie-Occident: le malentendu. P.: Editions des Syrtes, 2008

К. Хэлл, госсекретарь США с 1933 по 1944 г., оставил потомкам наизидание: «Мы всегда должны помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, очевидно, спасли союзников от сепаратного мира. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны». Хэлл не привязывает эту констатацию к конкретному событию или дате. Все говорит за то, что идея сепаратной сделки долго висела в воздухе, и камнем преткновения оказались устойчивость нацистского «нового порядка» и неудачи с покушениями на фюрера

К. Вебер, немецкий философ и писатель, 1767–1832 гг.

Стариков Н. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. Питер. 2008. С. 235-236

Сведения, которые Э. Ганфштенгль воспроизвел в своих книгах «Мой друг Адольф, мой враг Гитлер» и «Гитлер. Потерянные годы», подтверждаются другими источниками.

В сентябре 1930 г. группа японских военных создала тайное «общество цветения вишни». Его участники и покровители нацеливались на установление в стране военной диктатуры и развертывание во вне агрессии первоначально против Китая (захват Маньчжурии) и Монголии. Намеченный на 12 марта 1931 г. мятеж оказался излишним ввиду прихода к власти нового правительства, в котором ключевые посты оказались у генерала Минами и его сторонников, связанных с экстремистами

Договор, подписанный 06.02.1922 г. представителями США, Англии, Японии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая, обязывал его участников не нарушить суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Поднебесной при соблюдении «равенства открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций» (принцип «открытых дверей»)

Г. Малкин. Максимы и минимы. М., 1990. С.29

Подробнее см.: Морозов С. В. К вопросу о роли Японии в восточных планах Гитлера и Пилсудского. Сокращенный вариант исследования опубликован в «Международной жизни» № 1-2, 2007

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициативы германской дипломатии 1938–1939. М, 1991. С. 23

T. 1. C. 603

Celowski B. Das Muenchener Abkommen. Stuttgart.
1958. S. 32

Знаковые подробности польской позиции сообщает С. В. Морозов в своем исследовании «Польско-чехословацкие отношения 1933–1939». М.: Издательство МГУ, 2004

Приведенные выше сведения о подходе Лондона к переговорам с СССР почерпнуты из рассекреченных протоколов заседаний британского кабинета и документов, добытых советской разведкой

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива
германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 422

Стариков Н. Указ. соч. С. 294–295

Одна из редакций такой мотивировки гласила: «Дальнейшее продвижение германских войск побуждает заявить — Польша разваливается, СССР ввиду этого вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожают немцы». Сия редакция вызвала возмущение у Риббентропа.

Накануне. 1931-1939. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М.: Политиздат, 1991. С. 178-179

По данным, приводимым в фундаментальном издании «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.» М., 1974. Т. 2. С. 106

Мировые войны XX века. В 4-х кн. М., 2002. Кн. 4
«Вторая мировая война. Документы и материалы». С. 66

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн.1. М.:
Воениздат, 1991. С. 170

Очерки истории Министерства иностранных дел
России. Т. 2. М.: Олма-пресс. 2002. С. 249

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М.: Наука, 2008. С. 28

Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 279-280

«Известия», 25 декабря 1989 г

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М.: Наука, 2008. С. 33

Очерки истории Министерства иностранных дел
России. Т. 2. М.: Олма-пресс, 2002. С. 256

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М.:
Воениздат, 1991. С. 180

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М.: Наука, 2008. С. 34

Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: Роспэн, 1999. С. 355-356

Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 564

Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977.
С. 658

Впрочем, в среде украинской эмиграции при объяснении этого поражения всплывала и «немецкая тема». Командовавший сечевиками бывший австрийский офицер Ярый считался «слепым орудием немцев», а сама Карпатская Сечь создавалась при содействии немцев, и затем ее кадры были трудоустроены на оккупированной немцами территории. (ЦА ФСБ, Ф.100, Оп. 11, Д.7. Л. 10, 16). Однако нет данных о прямой команде немцев своим подопечным командирам проиграть сражение с венграми.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
1939–1941 гг. М., 1999. С. 115

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива
германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 92

Проектор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.,
1989. С. 206

Мельтюхов М. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 192

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991.
С. 494

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 109

Там же. С. 111

61

Там же

1939. Предвоенный кризис в документах. М., 1992.
С. 76

Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 112

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1946. С. 569

Там же. С. 570

Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. М., 1990. С. 201

Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 64

Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения
«Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С, 346

Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 60

Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941. М., 1991. С. 46–47

1939. Предвоенный кризис в документах. С. 125

СССР-Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. С. 11

Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 64

Фляйшхауэр И. Указ соч. С. 125

Там же. С. 127

Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1. С.
283

Шейнис З. Максим Максимович Литвинов:
революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 363

Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С.
166

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 13

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 142

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 192

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 14

Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 66

Фляйшхауэр И. С. 163

Там же. С. 220

Там же. С. 162

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 19

Мельтюхов М. Советско-польские войны. С. 189

1939. Предвоенный кризис в документах. С. 77

Там же. С. 111, 105

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 160

1939. Предвоенный кризис в документах. С. 87

Там же. С. 13

Ширер У. Указ. соч. С. 537

Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 73

Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 28

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 133

1939. Предвоенный кризис в документах. С. 83

Там же. С. 17

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 202

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 140

Ширер У. Указ соч. С. 538

Ширер У. Указ. соч. С. 538

Сиполс В. Указ. соч. С. 58-59; Розанов Г. Указ соч.
С. 56-57

Сиполс В. Указ соч. С. 61

Сиполс В. Указ соч. С. 61

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 21

Там же. С. 22, 24

Там же. С. 22

Год кризиса. Т. 2. С. 139-140

Там же. С. 145

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 27

Там же. С. 28

114

Там же

Мельтюхов М. Советско-польские войны. С. 194

Черчилль У. Указ. соч. С. 177

Там же. С. 163

Там же. С. 19

Сиполс В. Указ соч. С. 79

Черчилль У. Указ. соч. С. 177–178

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 29

Там же. С. 37

123

Там же. С. 40-41

Там же. С. 44

Там же. С. 46-17

См. Бушуева Т.»... Проклиная, попробуйте понять» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232–233; Другая война. 1939–1945 (Сб. статей (Составитель и автор предисловия В. Г. Бушуев). М.: РГГУ.1996) С. 73–75

Черчилль У. Указ соч. С. 178

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 262

СССР — Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 48

Мельтюхов М. Советско-польские войны. С. 195

131

Там же

Фляйшхауэр И. С. 37

Там же. С. 43

Черчилль У. Указ. соч. С. 178

«Правда». 24 августа 1939 г.

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 280

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях... С. 62

Там же. С. 63-64

Там же. С. 64

Там же. С. 67

Там же. С. 68

Там же. С. 69

143

Там же

«Правда». 1 сентября 1939 г.

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 315

Сиполс В. Указ. соч. С. 105

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
1939-1941 гг. С. 167

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 27

Мельтюхов М. Указ. соч. С. 398–399

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 57

151

Там же

Подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941. М., 2004

Сиполс В. Указ. соч. С. 103

Мельтюхов М. Советско-польские войны. С. 193

Сиполс В. Указ. соч. С. 108

Суворов В. «Ледокол». М., 1992

Гольянов В. Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49-65

Наджафов Д. Г. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова-Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 89–90

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 258–264

Там же. С. 272-274, 289-291; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 160-196; Севастьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США, 1938-1939. М., 1992. С. 177-178

Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 7. М., 1973. С. 57–64, 66, 68, 69;

Год кризиса. Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339;

Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 216;

Иванов А. Г. Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158–160;

Карлей М. Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005. С. 143–159

Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd.5. Baden-Baden. 1953. S. 435-441; Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. Пер. с нем. М., 1990. С. 109-112

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 200–201; Чемпалов И. Н. К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 года // Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 147–149; Язькова А. А. Румыния накануне Второй мировой войны 1934–1939 гг. М., 1963. С. 263

ДМИСПО. Т. 7. С. 29-30; Год кризиса. Т. 1. С. 75-77, 79-80, 85-86, 93-94, 117, 118, 130-137, 163-164, 168-177, 191-192, 194-196, 200-201, 210, 288, 293-294, 295, 296-297, 308-310, 341-342, 350-351;

Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955. С. 289-303;

Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933-1939. М., 1963. С. 560-566, 571-575;

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 112-118, 120-122, 125;

Мосли Л. Указ. соч. С. 201-218;

Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 42-46;

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 85-89, 109-112;

Иванов А. Г. Указ. соч. С. 153-154, 163-164;

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939-1941. М., 1997. С. 43;

Случ С. З. Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия-Польша-Германия в европейской и мировой политике XVI-XX вв. М., 2002. С. 326;

Карлей М. Д. Указ. соч. С. 132-135

Год кризиса. Т. 1. С. 355

ДМИСПО. Т. 7. С. 71-75, 78-80;

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937-1939. В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 62-64

Известия. 1939. 4 апреля; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246

Год кризиса. Т. 1. С. 357–359

Там же. С. 361

Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 219-230

Год кризиса. Т. 1. С. 370-372, 373-378

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 69–72;

Год кризиса. Т. 1. С. 379–383, 384–387, 389;
Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55

ДМИСПО. Т. 7. С. 88–89; Год кризиса. Т. 1. С. 389–390;
Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 74;

Год кризиса. Т. 1. С. 399, 413-414;

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 119-127;

Карлей М. Д. Указ. соч. С. 167-183

Вишлев О. В. «Большая политика»: март-май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении)//Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 222

Год кризиса. Т. 1. С. 378–379; Мосли Л. Указ. соч. С. 218–221; Фомин В. Т. Указ. соч. С. 567–571

Год кризиса. Т. 1. С. 314–315; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320–321; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 57

- Некрич А.М. Указ. соч. С. 322–401;
Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989;
Волков СВ., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1989;
Альтернативы 1939 г. М., 1989;
Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989;
1939 год. Уроки истории. М., 1990;
Фляйшхауэр И. Указ. соч.;
Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 136–374;
Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992;
Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. С. 17–114;
Карлей М. Д. Указ. соч. и др.

Год кризиса. Т. 1. С. 424; Фляйшхауэр И. Указ. соч.
С. 129-139

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 107–109;

Гришин Я. Я. Диктатор внешней политики. Казань. 2001. С. 238–241

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против Польши... С. 109–110; Год кризиса. Т. 1. С. 498–500

Год кризиса. Т. 1. С. 435-436, 437-439, 441-442, 444, 448-449, 465-466; Т. 2. С. 394, прим. 111;

Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа-Молотова 1938-1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 79-80

Год кризиса. Т. 1. С. 451-454

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 396–398; Год кризиса. Т. 1. С. 461–463

РГВА. Ф.9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145-154, 159, 178-179;

Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216-219;

Военная разведка информирует. Документы
Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь
1941 г. М., 2008. С. 81-84

ДМИСПО. Т. 7. С. 111-112, 115-116; ДВП. Т. 22. Кн. 1.
С. 393, 418

Год кризиса. Т. 1. С. 496–497, 498; Т. 2. С. 112–113;
Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 160–
161

История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353;

Мосли Л. Указ. соч. С. 246–248;

Кимхе Д. Указ. соч. С. 55–67;

Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933–1939. С. 595–596;

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 95–100

История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. М., 1962. С. 17

Некрич А.М. Указ. соч. С. 310–311;
Дембски С. Указ. соч. С. 78;
ДМИСПО. Т. 7. С. 112–114

Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 132-137;

Год кризиса. Т. 1. С. 493-495;

Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161-164

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 94-95;

Год кризиса. Т. 1. С. 482-484, 508-513, 518-522;

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 155-156;

Фалин В. М. Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 102-103

Год кризиса. Т. 1. С. 523-527

Там же. С. 40;
ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450-151;
Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
С. 162-163

Год кризиса. Т. 2. С. 5-6, 15-17, 27-28, 31-36;
Фалин В. М. Указ. соч. С. 103

Год кризиса. Т. 2. С. 29-30, 38-40, 45-18, 61-62, 64-67

Там же. С. 71-73

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 378

ДВП. Т. 22. Кн.1. С. 516;
Год кризиса. Т. 2. С. 75-80

Год кризиса. Т. 2. С. 80–82, 84–85, 400, прим. 135;
Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 207

Год кризиса. Т. 2. С. 88-94, 102-105;
Фалин В. М. Указ. соч. С. 103-104

Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. С. 28–29

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 193–198

Год кризиса. Т. 2. С. 117, 122–125, 134

Там же. С. 95-97, 127-134, 135, 147-152; Мосли Л. Указ. соч. С. 248-253; Кимхе Д. Указ. соч. С. 94-97; Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 272-276; Карлей М. Д. Указ. соч. С. 236-240

Правда. 1939. 2 августа; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 390;

Год кризиса. Т. 2. С. 153-154, 136-139, 141-142, 145

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 168

Год кризиса. Т. 2. С. 192–193;
Карлей М. Д. Указ. соч. С. 241–247

Там же. С. 169;

Челышев И. А. СССР-Франция: трудные годы 1938–1941. М., 1999. С. 131–133

Год кризиса. Т. 2. С. 153–163, 175, 177, 178–180, 182–183, 184–188, 209;

Европа в международных отношениях 1917–1939. М., 1979. С. 393–395;

Челышев И. А. Указ. соч. С. 134–141

Год кризиса. Т. 2. С. 163–168

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 318–321

Там же. С. 205–211;

Безыменский Л. А. «Второй Мюнхен»: замысел и результаты (из архивов Форин-офиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 93–110; №. 5. С. 143–160

Мосли Л. Указ. соч. С. 258–259, 278–282;

Некрич А.М. Указ. соч. С. 405;

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против
Польши в 1939 г. С. 129–131

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 201-204

Безыменский Л. А. Августовское предложение Гитлера Лондону// Международная жизнь. 1989. № 8. С. 40-50

Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945
// Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 174;

Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. 1937–
1945. Пер. с нем. Смоленск. 2003. С. 222–223

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 248-249;

Год кризиса. Т. 2. С. 248-250

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 1. Пер. с нем. М., 1968. С. 33–40

Год кризиса. Т. 2. С. 250-252

- ДМИСПО. Т. 7. С. 144–146, 160–165, 166, 176;
Год кризиса. Т. 2. С. 191–208, 210–229, 235–246, 255–269, 292–293, 294–301, 305–311, 316–318;
Мосли Л. Указ. соч. С. 299–302;
Гришин Я. Я. Указ. соч. С. 257–261;
Карлей М. Д. Указ. соч. С. 260–261;
Фомин В. Т. Указ. соч. С. 86;
Малафеев К. А. Позиция французских правящих кругов на англо-франко-советских военных переговорах 1939 года // Из истории классовой борьбы и международных отношений Новейшего времени. Рязань. 1974. С. 26–53;
Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 76–77

Парсаданова В.С. Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 15–16

Год кризиса. Т. 2. С. 229–233, 269–273, 274–278, 280–291, 302–303, 304–305;

Мосли Л. Указ. соч. С. 298–302

Дашичев В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 138–140, 384–385;
Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 89–

Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 177;
Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 294

Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 59–61

Год кризиса. Т. 2. С. 313–314

Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 319–321

- Год кризиса. Т. 2. С. 323–326;
Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. С. 336–338;
Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 316;
Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 64–66;
Мосли Л. Указ. соч. С. 315–321;
Некрич А.М. Указ. соч. С. 412–428;
Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Пер. с нем. Т. 1. М., 1956. С. 81–86; Т.2. М., 1958. С. 10–13, 20

ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 669;

Год кризиса. Т. 2. С. 327–328;

Сиполс В. Я. Указ. соч. С. 112–113

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против
Польши... С. 141–148;

Мосли Л. Указ. соч. С. 329;

Кимхе Д. Указ. соч. С. 117–128

Мосли Л. Указ. соч. С. 329

Фомин В. Т. Империалистическая агрессия против
Польши... С. 135

Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 79

Год кризиса. Т. 2. С. 338;
Мосли Л. Указ. соч. С. 322–347;
Кимхе Д. Указ. соч. С. 129–140

Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 83–84

Год кризиса. Т. 2. С. 339-344, 354-355;
Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 84-86;
Фомин В. Т. Указ. соч. С. 148-152, 154-155;
Гришин Я. Я. Указ. соч. С. 264

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В
2 т. Т. 1. М., 1990. С. 36

1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 557

246

1939 год: уроки истории. М, 1990. С. 300

Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2002. С. 59

Год кризиса. 1938-1939. Т. 1. С. 386-387

Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 73

Год кризиса. 1938-1939. Т. 2. С. 145

Советская внешняя политика 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 177

Панкратова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну: Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года (Документальный обзор). М., 1970. С. 93

255

1939 год: уроки истории. С. 314

Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 164

Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1969. С. 247

258

1939 год: уроки истории. С. 310

259

Там же. С. 315

Кузнецов Н. Г. Указ. соч. С. 249

Там же. С. 250

Захаров М. В. Указ. соч. С. 168

См.: П. 2 — в ст. 62 Венской конференции о праве договоров 1969 г.

Аречага Э. Х. Современное международное право /
Пер. с испан. М.: Прогресс, 1983. С. 123

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 20

Ленин В. И. О международной политике и международном праве: Сборник. М.: Изд-во ИМО, 1959. С. 15

советско-нацистский пакт 1939 г. — Примеч. авт.

Trial of the Major War Criminals. The International Military Tribunal, Nuremberg 14 November 1945 — 1 October 1946. Nuremberg, Germany. Vol. X. P. 313-314

Европа XX века: Проблемы мира и безопасности /
Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Международные
отношения, 1985. С. 46

Україна в ХХ столітті (1900–2000): Збірник документів і матеріалів / Упоряд.: А. Г. Слюсаренко, В. І. Гусев, В. Ю. Король та ін. К.: Вища школа, 2000. С. 123

Тункин Г. И. Вопросы теории международного права.
М.: Госюриздат, 1962. С. 279–280

Мосли Л. Утраченное время: Как начиналась Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1972. С. 306;

Молчанов Н. Н. СССР-Франция: полувековой путь. М.: Международные отношения, 1974. С. 58

Mc Cagg William O. Stalin Embattled 1943-1948. —
Detroit: Wayne State University Press, 1978. P. 55

Прокоп М. Українська політика III Райху в Другій світовій війні // В боротьбі за Українську державу. Есеї, спогади, свідчення, літописання, документа Другої світової війні. Вінніпег, 1990. С. 100

Косик В. «Український історик» про ОУН і УПА // Український історик. 1994. № 1-4. С. 88

Варлимонт В. В гитлеровских высших штабах // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Пер. с англ.; Сост. Е. Я. Трояновская. М.: Политиздат, 1992. С. 127-128

Воззвание фюрера к германскому народу и нота Министерства иностранных дел Германии советскому правительству с приложениями. — Берлин, б. г. (1941 —?): Buch und Tiefdruck GmbH. S. 22

Weitz J. Hitler Diplomat: The Life and Times of Joachim von Ribbentrop. New York: Ticknor and Fields, 1992. P. 211

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. Л.: Госполитиздат, 1953. С. 472

280

Д. 50.17.56 — Гай

Д. 50.17.9 — Ульпиан

Перетерский И. С. Толкование международных договоров. М.: Госюриздат, 1959. С. 163

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 7

Debicki R. Foreign Policy of Poland. From Rebirth of Polish Republic to World War II. New York: Frederick A. Praeger, 1962. P. 163-164

Bonusiak W. Jozef Stalin (biografia). Krakow: Malopolska
Oficyna Wydawnicza, 1992. S. 130

Внешняя политика СССР: Сб. документов. Для служебного пользования. Том IV (1935 — июнь 1941 гг.) / Отв. ред. С. А. Лозовский. М.: Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б), 1946. С. 446

Seaton A. The Russo-German War 1941–1945. New York-Washington: Praeger Publishers, 1970. P. 10

Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Series D (1937–1945). Vol. VIII. The War Years. September 4, 1939 — March 18, 1940. Washington: United States Government Printing Office, 1954. P. 4

Ibid. P. 44. 27 Ibid. P. 60-61

Ibid. P. 69

Ibid.

Ibid.

Ibid. P. 76-77

Ibid. P. 79-80

Як це було: Епізоди героїчного визволення народу
Західної Україні. К.: Держполітвидав УРСР, 1939. С. 10

Shirer W. The Rise and fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. New York: Simon & Schuster, 1960. P. 629

Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939-1943.
London; Melbourne; Toronto: Heinemann, 1961. P. 47

Внешняя политика СССР: Сб. документов. Том IV.
С. 448-449

Станевич М. Сентябрьская катастрофа / Пер. с польск. П. Зяблова и В. Павловича. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 235

300

Там же

Овчаренко О. І. Польша в політиці СРСР (вересень 1939 р.) // Сторінки воєнної історії України: 36. наукових статей / НАН України. Ін-т історії України. К., 2002. Вип. 6. С. 299

International Law. Cases and Materials. Second ed. / Louis Henkin, Richard C. Pugh, Oskar Schlachter, Hans Smith. — St Paul, Minnesota: West Publishing Co., 1987. P. 669

Eberhardt P. Polska granica wshodnia 1939-1945.
Warszawa, (s. a): Editions spotkania. S. 13

Чубарьян А. О., Белоусова З. С. и др. Европа XX века: проблемы мира и безопасности. М.: Международные отношения, 1985. С. 60

Jasudowicz T. Wpływ zmiany okolicznosci na obowiazywanie umow miedzynarodowych. Norma rebus sic stantibus. Torun: Uniwersytet Mikolaja Kopernika, 1977. S. 114

Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1942. С. 4, 15

Михутина И. В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1974. С. 53

Macartney C. A., Palmer A.W. Independent Eastern Europe. A History. — London: Macmillan & Co, Ltd, 1962. P. 412

Аптон Э. «Зимняя война» // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны / Пер. с англ.; Сост. Е. Я. Трояновская. М.: Политиздат, 1992. С. 119

История дипломатии. Изд. второе. Том IV.
Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.:
Издательство политической литературы, 1975. С. 89

Cases and Other Materials on International Law / Ed. by
Manley O. Hudson. Third ed. — St Paul, Minn.: West
Publishing Co., 1951. P. 226

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М.: Воениздат, 1960. Т. 1. С. 247

Воззеднання українського народу в єдиній
Українській Радянській державі 1939–1949 рр.: 36. док. і
матеріалів. К.: Держполітвидав, 1949. С. 66–67

Литвин М. Р., Луцький О.І., Науменко К. С. 1939.
Західні землі України. Львів: Інститут українознавства ім.
І. Крип'якевича НАН України, 1999. С. 45

Rawski T., Stapor Z., Zamojski J. Wojna wyzwolencza narodu polskiego w latach 1939–1945. Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1968. T. 1. S. 168

Коваль В. Друга світова війна і доля України: причини і наслідки (Фрагмента історичного досвіду) // Сучасність. 1999. С. 73

Documents on Polish-Soviet Relations. Vol. I. 1939-1943.
London — Melbourne — Toronto: Heinemann, 1961. S. 47

Зашкільняк Л. О., Крикун М. Г. Історія Полыщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2002. С. 509

Україна-Польща: важкі питання. Т. 4: Матеріали IV міжнародного семінару істориків «Українсько-польські відносини під час Другої світової війни» (Варшава, 8-10 жовтня 1998 р.). Варшава: Tyrsa, 1999. С. 34

Корчак-Городицький О. Замість вигадок: Українська проблематика в західних політико-дипломатичних джерелах. Документи, рецензії, спогади. Івано-Франківськ: Перевал, 1994. С. 118

Kulski W. Pamiętnik byłego polskiego dyplomaty //
Zeszyty Historyczne. 1976. № 42. S. 159-160

Фердросс А. Международное право / Пер. с немец.
М.: Иностранная литература, 1959. С. 232–233

Суд истории. Репортажи с Нюрнбергского процесса.
М.: Политиздат, 1966. С. 26

Анцилотти Д. Курс международного права / Пер. с итал. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. Т. 1. С. 441

Purkl A. Die Lettlandpolitik der Weimarer Republik. Studien zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit. Muenster, 1996. S. 256

327

Socialdemokrats. 1933. 8 marta

Kangeris K. Latviesu un ebreju attiecības Tresa reiha skatījumā. 1933–1939 gads // Holokausta izpetes jautājumi Latvija (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 54 lpp

Feldmanis I., Stranga A., Virsis M. Latvijas ārpolitika un starptautiskais stavoklis (30. gadu otra puse). Rīga, 1993. 21 lpp

Zunda A. Latvijas un Lielbritanijas attiecibas 1930-1940.
Realitate un iluzijas. Riga, 1998. 9, 10 1pp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 580, 581 lpp

Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 108, 109, 110 lpp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 586 lpp

Aizsargs. 1934. Nr. 6

Perna V. Italija un Latvija. Diplomatisko attiecību
vesture. Rīga, 2002. 14 lpp

336

Там же, 85, 86 lpp

Rislaki J. Kur beidzas varaviksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Riga, 2004. 113 lpp

Silde A. Latvijas vesture. 1914–1940. Stokholma, 1976.
596 lpp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 582 lpp

Kangeris K. Latviesu un ebreju attiecības Tresa reiha skatījumā. 1933–1939 gads // Holokausta izpetes jautājumi Latvija (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sej.). Rīga, 2003. 56 lpp

341

Там же, 56 1pp

Прибалтика и геополитика. Сборник документов
(1935–1945) / Сост. Соцков Л. Ф. М., 2006. С. 54–58

Rislaki J. Kur beidzas varaviksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Riga, 2004. 116 lpp

Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 231

Perna V. Italija un Latvija. Diplomatisko attiecību
vesture. Rīga, 2002

Rislaki J. Kur beidzas varavīksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Rīga, 2004. 155, 156, 157 lpp

Dauksts B.V. Muntera oficiala un neoficiala vizite
Padomju Savieniba (1937. gada junijs) // Latvijas vesture.
1992. Nr. 5. 30 lpp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 689 lpp

Kangeris K. Latviesu un ebreju attiecības Tresa reiha skatījumā. 1933–1939 gads // Holokausta izpetes jautājumi Latvija (Latvijas vēsturnieku komisijas raksti, 8. sēj.). Rīga, 2003. 55, 57 lpp

Ilmjarv M. Haaletu alistumine. Eesti, Lati ja Leedu valispoliitilise orientatsioni kujunemine ja iseseisvuse kaotus 1920. aastate keskpaigast anneksioonini. Tallinn: Argo, 2004. lk. 558; Ahmann R. Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922-1939. Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg. Baden-Baden, 1988. S. 651

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 700 lpp

Кабанов Н. Рукопожатие с Гитлером. Латвийско-германский пакт о ненападении: забытая страница истории // Вести сегодня. 2009. 28 мая

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 706 lpp

Вульфсон М. 100 дней, который разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 64

355

Там же, с. 71

Прибалтика и геополитика. Сборник документов
(1935–1945) / Сост. Соцков Л. Ф. М., 2006. С. 59

De Boss Z. Francu diplomata piezimes Latvija. 1939-1940. Riga, 1997. 15, 16, 19 lpp

358

Там же, 54 lpp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 606 lpp

360

Там же, 607 lpp

Вульфсон М. 100 дней, который разрушили мир: Из истории тайной дипломатии. 1939–1940. Рига, 2001. С. 69

Grinvalds D. «Ka es redzeju tas lietas»: Mana teva Jana Grinvalda dienasgramata. 1940–1945. Rīga, 2002. 54 lpp

Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.
Latvija Otraja pasaules kara (1939–1945). Riga, 2008. 134
lpp

364

Там же, 136 lpp

365

Jaunakas Zinas. 1939. 13 okt

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 626 lpp

Silde A. Latvijas vesture. 1914–1940. Stokholma, 1976.
679 lpp

Rislaki J. Kur beidzas varaviksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Riga, 2004. 138 lpp

Latvijas arhivi. 1999. Nr. 1. 121, 122 lpp

Rislaki J. Kur beidzas varaviksne. Krisjanis Berkis un Hilma Lehtonena. Riga, 2004. 129, 131 lpp.

371

Briva Zeme. 1940. 12 febr

De Boss Z. Francu diplomata piezimes Latvija. 1939-1940. Riga, 1997. 17,18,43 lpp

373

Ошкая И. Скелеты из шкафа Карлиса Улманиса //

Час. 2009. 15 мая

Балтийские попытки ревизии истории. Россия и Прибалтика: компетентные ответы на исторические претензии лимитрофов / Звенья. Москва: ФИП, 2008. № 1 (9). С. 16

<http://www.mfa.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects>

Bleiere D., Butulis I., Feldmanis I., Stranga A., Zunda A.
Latvija Otraja pasaules kara (1939–1945). Riga, 2008. 114,
115 lpp

20 gadsimta Latvijas vesture / II. Neatkarīga valsts.
1918–1940. Rīga, 2003. 706 lpp

Симиндей В. Латышские счетоводы сыграют ва-банк. «Прагматизм» в отношениях с Москвой официальная Рига подкрепит историко-финансовыми претензиями // Российские вести. 2008. 30 апреля — 7 мая

Комментарий Департамента информации и печати
МИД России в отношении «непризнания» вступления
прибалтийских республик в состав СССР от 7 мая 2005
года (www.mid.ru)

Горохов В. Н. История международных отношений. 1918–1939: курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 229, 230

Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М.,
1990. Т. 1. С. 67

Кейтель Вильгельм. 12 ступенек на эшафот... Ростов
н/Д, 2000. С. 130, 132-133.
(http://militera.lib.ru/memo/german/keytel_v/index.html)

383

Кейтель Вильгельм. 12 ступенек... С. 190

384

<http://wartime.narod.ru/Czeh.html/>

Bystricka V., Deak L. Od Mnichova k rozbitiu Česko-Slovenska // Slovensko v Československu (1918–1939). Bratislava, 2004. S. 211

Черчилль Уинстон. Вторая мировая война
(Сокращенный перевод с английского). М, 1990. Кн. 1. С.
147, 156
(<http://militera.lib.ru/memo/english/churchill/index.html>)

Гришин Я. Л. Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1939 гг. Казань, 1999. С. 150

Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich. Studia i materialy. W-wa, 1968. T. III. S. 262, 287

390

Там же. Т. 1. С. 195

Б. Муссолини презрительно называл Чехословакию «это многоязычное государство Чехо-германо-польско-мадяро-словакия»
(<http://www.ua-reporter.com/novosti/38583>)

Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1. С. 185

О потерях Чехословакии после Мюнхена см. подробнее: Марьина В. В. Советский Союз и чехословацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 12

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978. Т. 3. С. 564 (далее: ДМИСЧО).

В документах этого и более позднего времени в зависимости от их происхождения встречается как новое название Чехо-Словакия, так и прежнее Чехословакия

Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород,
2001. С. 197

Пьемонт — область на северо-западе Италии, в середине XIX века центр национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 265; Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 111 (далее: АВП РФ)

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
1939–1941 гг. М., 1999. С. 24, 31, 39

402

Там же. Т. 1. С. 80

Klimko J. Tretia risa a ľudacky režim na Slovensku.
Bratislava, 1986. S. 53-54

Klimko J. Tretia risa a ľudacky rezim na Slovensku. S. 53

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 77–78

Там же. Т. 1. С. 136-137

Там же. Т. 1. С. 132-134

Там же. Т. 1. С. 147-148

Там же. Т. 1. С. 90

Там же. Т. 1. С. 201-204, 207-208, 226-227

411

Там же. Т. 1. С. 115

Там же. Т. 1. С. 161

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
С. 41-42;

Марьина В. В. Путь к независимости? Создание
Словацкой республики 14 марта 1939 г. //
Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и
настоящее. М., 1995. С. 206-207

Smetana V. Zatracene zavazky. Britove, Francouzi a problem garance pomnichovskeho Ceskoslovenska// Soudobe dejiny. 2004. N 1-2. S. 88-109

415

ДМИСЧО. Т. 3. С. 576

Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий
вопрос... С. 12-47

Там же. Т. 1. С. 110

Bystricky V. Rozbitie CSR a jeho odraz v informaciach diplomatov a spravodajcov // Slovensko a drama svetova vojna. Bratislava, 2000. S. 34

О германо-польских отношениях осенью-зимой 1938-1939 гг. см. подробнее: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 110-128

421

АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 52

422

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 13-14, 15-17

423

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 36-39

А. Глинка — основатель словацкой народной партии, сторонник автономии Словакии в рамках Чехословакии

Klimko J. Tretia risa a ľudacky rezim na Slovensku. S. 57

Кейтель Вильгельм. 12 ступенек на эшафот... С. 209

427

Там же. С. 210

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 256–257. Телеграмма была составлена еще до того, как стало известно об обострении внутреннего кризиса в Чехо-Словакии, и с этого момента, по оценке Гендерсона, представляла лишь академический интерес

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 247

430

Там же. Т. 1. С. 272

О провозглашении независимости Словакии см. подробнее: Kamenec I. Slovensky stat. Praha, 1992. S. 18; Bystricky V., Dedk L. Od Mnichova k rozbitiu Cesko-Slovenska. S. 230-239

432

Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 494. Оп. 13. Д. 55. Коллекция: Ceskoslovenske zpravy. 4.XI.1939

Krai V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S. 170

Dejiny Slovenskeho narodneho povstania. Dokumenty.
Bratislava, 1986. Zv. 3. S. 16-17

Bystricky V. Slovensko a tretia rise // Historicke revue.
1990. N. 2. S. 15

436

РГАСПИ. Ф. 494. Оп. 13. Д. 55. Коллекция:
Ceskoslovenske zpravy. 4.XI.1939

Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 280–281

Там же. Т. 1. С. 286

См. подробнее: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 198–240; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В двух книгах. М., 2005. Кн. 1. С. 390–391

Lukes F. Podivny mir. Praha, 1968. S. 245

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 3. Часть 13. Чехословакия перестает существовать (http://wunderwaffe.narod.ru/HistoryBook/Rise_Fall/Cheh.htm)

Марьина Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М, 2003. С. 8–22

Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий
вопрос... С. 49-52

Protokol o schuzi ministerske rady 15.03.1939 o 3 hodin
ranni // Dejiny a soucasnost. 1969. N 3. S. 1-2

445

АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 161

446

Правда. 15 марта 1939 г.; ДМИСЧО. С. 607-608

Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. С. 154–155

Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Кн. 3. Часть 13. Чехословакия перестает существовать (http://wunderwaffe.narod.ru/HistoryBook/Rise_Fall/Cheh.htm)

Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий
вопрос... С. 55-58

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным.
С. 42-44

Но если мы взялись рассуждать в сослагательном наклонении, то уместно рассмотреть и вопрос о том, что было бы, если бы пакт Молотова-Риббентропа не состоялся и Сталин предпочел внять советам англичан. Война началась бы значительно раньше. Мы были бы вынуждены сражаться на своей территории и в одиночку. Война началась бы с рубежей, лежащих на многие сотни километров ближе к Москве и Ленинграду. Москва могла бы пасть. Потери нашего гражданского населения в результате осуществления людоедского генерального плана «Ост» возросли бы в разы, разрушения промышленного и культурного потенциала страны приняли бы угрожающие для нашего национального существования размеры. Война затянулась бы еще на много лет.

«Der Spiegel», 35/1989

«Der Spiegel», 34/2008

«Focus», 30.04.2006

455

«Die Welt», 25.03. 2007

456

«Der Spiegel», 07/1974

457

FAZ, 17.06.2008

458

№ 47/1986

459

«SZ», 17.11.2005

460

«Die Welt», 08.07.2001

461

«Die Welt», 08.07.2001

«Focus», 28/2001

463

АВПРИ, ф. 144, «Персидский стол», оп. 489, д. 5996,
лл. 9-9 об

Д. Демури́н. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны. Русский сборник. Исследования по истории России. Т. V. М., 2008. С. 93-124

Ларс Фреден. Тени прошлого над Россией и Балтией.
«Россия в глобальной политике» № 3, 2005.
<http://www.globalaffairs.ru/numbers/14/4159.html>

Подробный критический разбор концепции «оккупации» см.: С. Черниченко. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения. «Международная жизнь» № 7-8, 2004

У. Черчилль. Вторая мировая война. Т. I.
Надвигающаяся буря. М., 1997. С. 181

У. Черчилль. Мускулы мира. М., 2004. С. 142

469

<http://www.regnum.ru/news/453322.html>

Международное право. Отв. ред. Ю. М. Колосов и В. И. Кузнецов. М., 1994. С. 33

471

http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/547AEF71875A8D58C3256E3900223E2F?OpenDocument

472

http://www.mid.ru/Brp_4.nsf/arh//547AEF71875A8D58C3256E3900223E2F?OpenDocument

А. И. Петренко. Прибалтика против фашизма. М.;
Европа, 2005

<http://www.regnum.ru/news/632204.html>

475

<http://www.regnum.ru/news/1155674.html>

<http://www.grani.ru/Politics/World/m.121588.html>

См., в частности,
<http://rus.delfi.ee/daily/estonia/rossiya-osvoboditelnaya-vojna-mif.d?id=8327717> или декларацию сейма Латвии от 29 октября 1998 года «О латышских легионерах во Второй мировой войне».

http://www.ng.ru/world/2007-12-19/1_latvia.html

АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 4, д. 34, л. 42–46.

Опубл. в сб.: Документы внешней политики. 1939 г. М., 1992. Кн. I (Далее — ДВП... Кн. I). С. 206–208.

480

АВП РФ, ф. Об, оп. 1а, п. 7, д. 2, л. 1-3.

481

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 27, д. 2, л. 4.

АВП РФ, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 4, л. 94. Оpubл. в сб.:
ДВП... Кн. I. С. 216.

483

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 27, д. 2, л. 6-8.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 5, д. 35, л. 79-81.
Опубл. в Сб.: ДВП... Кн. I. С. 258-240.

АВП РФ, ф. 011, оп. 4, п. 24, д. 6, л. 161-162. Оpubл. в
сб.: ДВП... Кн. I. С. 242-243.

486

АВП РФ, ф. 06, оп.16, п. 27, д. 2, л. 16-17.

487

АВП РФ, ф. Об, оп. 1а, п. 4, д. 25, л. 27-28.

488

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 14-15.

489

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 18-19.

490

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 22-24.

491

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 24-25.

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 25-26.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 4, л. 27-28. Оpubл. в сб. Год кризиса... Т. 1. С. 386-387.

494

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 30-31.

АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 177-179.
Опубл. в сб.: ДВП... Кн. I. С. 338-339.

АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 300, д. 2076, л. 183-186.
Опубл. в сб.: ДВП... Кн. I. С. 348-349.

497

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 13.

498

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 2, л. 22-24.

499

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 20-21.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 23. Оpubл. в сб.
Год кризиса... Т. 1. С. 460.

501

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 25-26.

502

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 27.

503

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 8, л. 28.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 41-47.
Опубл. в сб. Год кризиса... Т. 1. С. 508-511.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 26, д. 18, л. 146–147.
Опубл. в Сб. Год кризиса... Т. 2. С. 5–6.

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 10, л. 14-15. Оpubл. в
Сб. Год кризиса... Т. 2. С. 33-34.

507

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 9, л. 9-10.

508

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 9, л. 12-13.

509

АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, д. 9, л. 7.

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 22-32. Оpubл. в сб. Год кризиса... Т. 2. С. 168-174; ДВП... Кн. I. С. 573-578.

АВП РФ, ф. 06, оп. 16, п. 27, д. 5, л. 38.
Опубл. в Сб.: ДВП... Кн. I. С. 584.

АВП РФ, ф. 3а, д. 243 — Германия.

Опубл. «Известия», 1939, 24 августа. ДВП... Кн. I.
С. 630-632.

Печат. по сохранившейся машинописной копии. АВП
РФ, ф. 06, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1-2. Оpubл. в сб. Год
кризиса... Т. 2. С. 321.